Марина Логунова

ПЕЧАЛЬНЫЕ РИТУАЛЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В государственной культуре символы и церемониалы всегда играют важную роль. За деталями этикета встают вопросы политики государства, его идеологии и престижа верховной власти…

Сегодня наблюдается закономерный процесс возвращения интереса к вопросам этикета, подготовки и проведения различных церемоний в Российской империи, и связано это с необходимостью возвращения к традиционным для нашей страны ценностям, нашедшим отражение в менталитете русского народа. Только опираясь на глубокие знания, можно создавать новые традиции и ритуалы, вбирая опыт предков и привнося в них реалии своего времени, поэтому изучение отработанного строя проведения государственных мероприятий, к которым в первую очередь относятся императорские похороны, настоятельно продиктовано современностью.

Траурный ритуал является отражением культурных, религиозных, политических, эстетических и этических норм, принятых конкретным обществом в определенную историческую эпоху.

До настоящего времени не было предпринято комплексного анализа похорон членов императорской семьи в России в XVIII–XIX вв. Впервые подробно и на протяжении продолжительного периода истории изучены и проанализированы все элементы государственного мероприятия такой значимости, как траурный ритуал в Российской империи. Уникальная книга Марины Логуновой позволяет заполнить существующий в исторической науке пробел и способствует отработке современных государственных мероприятий высокого уровня.

- Марина Логунова
  -
  - ВВЕДЕНИЕ
  - ТРАУРНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ В РОССИИ В ДОПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД
    -
    - Термины
    - Принятие монашеского пострига
    - Духовные завещания
    - Время захоронения
    - Плач и причитания
    - Помещение тела в гроб

- Траурный ритуал XVI в.
- Цвет траура и похоронных одежд
- Траурный церемониал XVII в.
- Ритуальная еда
- Похороны царя Алексея Михайловича
- Похороны царя Федора Алексеевича
- Церемониал похорон членов царской семьи
- Панафидный приказ
- Похороны патриарха
- Похороны простолюдинов

○ ГЛАВНЫЕ ПОХОРОННЫЕ ЦЕНТРЫ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

-
- Собор Святого Архистратига Михаила (Архангельский собор)[142]
- Вознесенский монастырь[153]
- Новоспасский монастырь[172]
- Успенский собор Московского Кремля
- Новодевичий монастырь
- Успенский монастырь Александровской Слободы

○ ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЦЕРЕМОНИАЛА ПОХОРОН ПРИ ЖИЗНИ ПЕТРА I

-
- Похороны сподвижников
- Разные похороны
- Похороны членов семьи
- Ритуальный плач и праздники поминовения

○ ПОХОРОНЫ ПЕТРА I

-
- Материалы для декораций печальной залы
- Траур и траурные мероприятия

○ РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ИМПЕРАТОРСКОГО ТРАУРНОГО РИТУАЛА

-
- Действия при кончине монарха
- Амнистия
- Печальная комиссия
- Оплата императорского погребения
- Прощание с телом
- Наложение траура
- Церемониалы
- Подготовка тела монарха
- Подготовка убранства Траурной Залы
- Подготовка печального шествия

        - Подготовка Петропавловского собора
        - Маршрут следования печального шествия
        - Погребение царских внутренностей
        - Печальное шествие
        - Погребение
        - Траур
        - Мемориальные издания
    - ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ СОБОР[640]
        -
        - Иконостас
        - Первые захоронения в соборе
        - Петропавловский собор – усыпальница представителей династии Романовых
    - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
    - Глоссарий
    - Для справки
    - Список источников и литературы
        - Архивные документы и материалы
        - Опубликованные источники
        - Литература, диссертационные исследования, научные статьи
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22

- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66

- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110

- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154

- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198

- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242

- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286

- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330

- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374

- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418

- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462

- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506

- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550

- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594

- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638

- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679

Марина Логунова
Печальные ритуалы императорской России

ВВЕДЕНИЕ

В условиях серьезных преобразований, затрагивающих все стороны общественной жизни сегодняшней России, наблюдается вполне закономерный процесс возрастания интереса к вопросам этикета, подготовки и проведения различных церемоний в Российской империи, особенно при дворе. Сильному государству необходим достойный театр власти, имеющий в основе грамотно выстроенный церемониал. Огромный опыт Российской империи, а более всего Императорского двора, в проведении государственных действ с вовлечением большого количества участников может стать примером для современной власти при организации общественных мероприятий государственного уровня.

Знание методов организации и проведения государственных мероприятий вообще и официального похоронного ритуала в частности имеет огромное значение в общеполитическом и прагматическом смыслах. Подбор участников, использование символики, построение шествия, включение звукового сопровождения, сочетание светского и духовного начал, проработанность мельчайших деталей, прозрачность материальных затрат и освещение торжества в средствах массовой информации – ни один из этих аспектов не является второстепенным и требует профессиональных знаний и навыков.

Траурный ритуал относится к числу самых консервативных традиций. Он наименее подвержен различным нововведениям, но в то же время является отражением культурных, религиозных, политических, эстетических и этических норм, принятых конкретным обществом в определенную историческую эпоху. Ритуал, сформировавшийся в XVII в., претерпел большие изменения в эпоху новаций Петра I. Реформа траурной императорской церемонии отражала главные тенденции общественно-политической жизни страны. Государственный церемониал должен был служить целям презентационным – показать всему миру и собственным подданным достижения монарха и всей страны при абсолютизме, где правитель, собственно, и представляет свою страну. Из многообразия государственных церемоний в Российской империи две претендуют на роль наиважнейших: коронационные торжества и похороны правителя. Причем вторые даже более значимы, ибо являлись окончанием определенной исторической эпохи, возможностью демонстрации завоеваний страны за прошедший период, проявлением лояльности собственных граждан, оценкой

государства мировым содружеством и, наконец, заявкой на преемственность власти и декларацией намерений нового правителя.

Долгие годы после крушения Российской империи особенности идеологии не позволяли оценить традиции власти с объективной точки зрения. В переломные моменты исторического развития общества происходит уничтожение традиций, создание новых ритуалов и церемоний. Опыт исторического развития показал необходимость возвращения к традиционным для нашей страны ценностям, нашедшим свое отражение в менталитете русского народа. Только опираясь на глубокие знания, можно создавать новые традиции и ритуалы, вбирая опыт предков и привнося в них отражение реалий своего времени, поэтому изучение отработанного строя проведения государственных мероприятий, к которым в первую очередь относятся императорские похороны, настоятельно продиктовано современностью.

До настоящего времени не было предпринято комплексного анализа похорон членов императорской семьи в России в XVIII–XIX вв. Впервые подробно и на протяжении продолжительного периода истории изучены и проанализированы все элементы государственного мероприятия такой значимости, как траурный церемониал в Российской империи. Наша книга позволяет заполнить существующую в исторической науке лакуну и способствует отработке современных государственных мероприятий высокого уровня.

Историография, посвященная траурному церемониалу Российской империи, крайне скудна, тема не становилась объектом специальных исследований в дореволюционной и советской науке, и только в последние два десятилетия церемониалы стали чаще выступать в качестве самостоятельного объекта изучения.

В отечественной дореволюционной историографии смерть и похороны монархов затрагивались главным образом в рамках общих исследований, посвященных их жизни и деятельности в произведениях таких известных историков, как С. М. Соловьев,[1] С. Ф. Платонов,[2] В. О. Ключевский,[3] М. И. Семевский.[4] Все, касающееся траурных мероприятий, рассматривалось ими в основном с точки зрения констатации факта, без исследования многозначности эстетических, этических, политических и социальных позиций, составляющих этот церемониальный феномен. Описанием траурного царского церемониала русских царей в XIX в. занимался Н. И. Костомаров,[5] однако следует отметить, что на него произвело сильное впечатление

произведение Г. К. Котошихина «О России, в царствование Алексея Михайловича»,[6] и это послужило причиной рождения ряда легенд, перешедших впоследствии в произведения других авторов. Одной из немногих работ, посвященных изучению траурного ритуала в России в период до реформ Петра I, является книга Д. Н. Анучина «Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда».[7] Достоинство этого труда заключается не только в сборе материала по рассматриваемой теме, но также в изучении и анализе полученных сведений, позволивших установить элементы ритуала на протяжении многих веков. Одним из первых историков, описавших новшества, введенные в траурный ритуал при Петре I, стал Н. Г. Устрялов, достаточно подробно остановившийся на обстоятельствах похорон Ф. Я. Лефорта.[8]

В связи с особенностями идеологических установок советского периода организация и символическое значение элементов, задействованных при царских и императорских похоронах, в работах советских историков не исследовались, хотя пройти мимо темы смерти, похорон, организации захоронений, говоря о жизни и деятельности правителей России, было невозможно, поэтому к этой теме в той или иной мере обращались Н. И. Павленко,[9] Ю. М. Лотман,[10] Н. Я. Эйдельман,[11] А. С. Мыльников[12] и другие историки.

Характерной особенностью этого времени стал тот факт, что разработкой темы царских похорон и захоронений занимались в основном научные сотрудники музеев, в состав которых входили царские усыпальницы, и искусствоведы, работавшие в сфере истории изобразительного искусства: В. И. Пилявский,[13] Е. Н. Элькин,[14] В. Б. Гендриков,[15] Н. А. Нарышкина,[16] чьи работы часто публиковались значительно позднее времени их написания. Изучением средневековых царских захоронений на территории Московского Кремля занимается Т. Д. Панова, защищенная ею в 1990 г. диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук посвящена теме погребального обряда средневековой Руси, так же как и книга, выпущенная по теме диссертации.[17]

Изучение похоронного действа с точки зрения художественного убранства траурных зал, церковных и светских помещений, написания посмертных портретов и т. п. продолжалось историками-музейщиками и в постсоветское время.[18] Московский некрополь стал темой диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук С. Ю. Шокарева,[19] продолжает изучение Московского Кремля Т. Д. Панова.[20] Вместе с тем надо заметить, что такие ученые, как С. Ю. Шокарев

и Т. Д. Панова, занимаются в основном периодом Средневековья на примере захоронений, находящихся на территории города Москвы, и в силу своего научного интереса к изучению императорского некрополя Санкт-Петербурга не подступают.

Современные историки стали по-новому подходить к сценариям власти и государственным церемониалам. Это нашло отражение в работах таких исследователей, как Е. В. Анисимов,[21] Л. В. Выскочков,[22] Е. В. Пчелов,[23] Ю. А. Молин.[24] Сделан акцент на этой теме и в цикле книг из серии «Роковые годы России: документальная хроника»,[25] посвященных переломным периодам русской истории, особенно затрагивающим XVIII в. Хотя церемониал не являлся предметом специального исследования авторов, но в силу их научного интереса тема императорских похорон была раскрыта достаточно серьезно.

Положительной тенденцией исторической науки последнего времени становится все увеличивающаяся заинтересованность исследователей в познании именно церемониалов русского Императорского двора как языка символов, отражающих и определяющих социальные, культурные и политические особенности Российской империи. Среди исследователей, занимающихся разработкой темы императорского церемониала, можно назвать О. Ю. Захарову,[26] чья книга посвящена императорским выходам, конным каруселям, придворным балам, дипломатическим приемам, однако не касается темы траурного действа. О. Г. Агеева в своих работах обращается к изучению светских праздников и государственных церемоний, в частности траурных церемониалов петровского времени.[27] Американский историк Р. С. Уортман[28] исследует символику придворных церемониалов при дворе русских императоров от Петра I до Николая II, рассматривая сложную систему знаков, использовавшуюся для создания и сохранения мифов, определяющих образ царя/императора в ту или иную эпоху. Обращая внимание на траурную церемонию, тем не менее исследователь не придает ей того значения, которого она заслуживает. Переведены на русский язык работы ведущих зарубежных историков-русистов в серии «Йельский университет: опыт объективного исследования»,[29] в них была рассмотрена тема траурных мероприятий российских монархов.

В целом история формирования государственного траурного церемониала затрагивалась отечественной и мировой историографией, однако возникновение и реформирование траурного государственного церемониала как феномена исследователями не изучались. Выбор в качестве конкретного объекта исследования императорского траурного церемониала

позволил по-новому подойти к анализу культурно-политической обстановки в русском обществе. Траурный церемониал, будучи одним из наиболее значимых государственных действ, сохраняя традиционные черты, вбирал в себя основные новшества в идеологической программе власти и отражал самое существенное значение изменений, происходивших в осмыслении фигуры конкретного правителя и всего государственного строя в целом. Отсутствие специального исследования, посвященного траурному церемониалу, явно оставляло в исторической науке лакуну, которую должно заполнить данное издание.

При работе над темой был задействован широкий круг источников. Комплекс использованных источников может быть разделен на следующие группы: 1) нормативные и правовые акты; 2) источники личного происхождения; 3) изобразительные источники; 4) периодическая печать и книжные издания; 5) делопроизводственная документация. Отдельно следует указать, что почти во всех группах есть опубликованные и неопубликованные источники. В связи с малой изученностью темы опубликованные источники чаще всего относятся к раритетам.

Среди источников нормативного характера находятся указы царские и императорские, официальные акты и манифесты, издаваемые правящими монархами в отношении смерти членов императорской семьи и церемониалов, связанных с траурными мероприятиями, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи»,[30] являвшиеся приложениями к некоторым изданиям мемуарного характера[31] или дипломатическим отчетам представителей различных правительств в России. Для изучения данной темы потребовалось привлечение источников нормативного характера, относящихся не только к светскому обществу, но и военной области. Так, действие «Инструкций и артикулов военных»[32] распространялось на регламентацию вскрытия мертвых тел не только военных, но даже членов царской семьи. В траурной процессии были задействованы войска, все действия которых регулировались «Сводами правил войск на погребение»,[33] которые подвергались постоянному исправлению.

Особую важность приобретает пласт источников личного происхождения, представленный дневниками, письмами и воспоминаниями, отечественными и иностранными. К отечественным источникам относятся документы и дневники членов императорской семьи, свидетельства лиц из их непосредственного окружения и людей, связанных своей деятельностью с двором, например сочинения Феофана

Прокоповича,[34] Б. И. Куракина,[35] А. К. Нартова,[36] Н. П. Вильбуа,[37] заметки П. Н. Трубецкого,[38] воспоминания В. Н. Головиной,[39] А. Ф. Тютчевой[40] и др. Иностранные авторы, оставившие свои свидетельства в виде воспоминаний, писем-отчетов своим монархам и т. д., – это в основном дипломаты и путешественники, такие как датский посланник Ю. Юль,[41] брауншвейг-люнебургский резидент Х.-Ф. Вебер,[42] голштинский дипломат Ф.-В. Берхгольц,[43] граф Г.-Ф. Бассевич,[44] прусский посланник Г. Мардефельд,[45] французы Ж. де Кампредон,[46] М.-Д. де Корберон,[47] граф Л.-Ф. Сегюр,[48] М. Палеолог[49] и др. Этот вид источников требует осторожного отношения в плане понимания объективности трактовки события. Иностранные дипломаты в своих отчетах могли либо опустить важные обстоятельства, либо приукрасить детали происходившего, выдавая желаемое за действительное в угоду своему правительству или в попытке преувеличить свою собственную роль в чужой стране из карьерных или иных соображений. Достоинством и в то же время недостатком этого вида источников является их субъективность.

Особую группу составляют изобразительные источники. В связи с тем, что при подготовке и проведении государственного ритуала большое внимание уделялось аудиовизуализации действа, для работы в Печальной комиссии приглашались лучшие специалисты в соответствующих областях. На художников и архитекторов возлагалась обязанность создания декораций в помещениях в императорских дворцах, в Петропавловском соборе и других храмах (если таковые существовали), где проходило прощание с телом монарха. Особое внимание художников уделялось оформлению Печальной процессии: утверждались костюмы участников, проектировалась и делалась траурная колесница, готовились знамена, гербы и прочие атрибуты, несомые в шествии. Композиторы сочиняли музыку, сопровождавшую траурный кортеж и т. д.

После окончания траурных мероприятий обычно иллюстративный материал в качестве приложения добавлялся к изданию, выпускавшемуся по данной теме. Наряду с публикацией коронационных альбомов предпринимались попытки создания погребальных церемониальных альбомов, однако издания такого рода не стали традиционными. Все церемониальные альбомы выходили малым тиражом: под малым тиражом подразумевается, что далеко не всякое событие подобного рода сопровождал выпуск специального парадного траурного издания,[50] первое из которых было составлено Я. В. Брюсом.[51] Посмертные портреты,[52] посмертные маски, графический материал, изображающий

оформление Траурной залы, картины и фотографии, находящиеся в разных собраниях и архивах, являются ценнейшим источником для изучения данной темы и представлены в различных изданиях и музеях.

Такое важное событие, как смерть и похороны членов императорской семьи, находило свое отражение в газетах, журналах, бюллетенях и пр. В периодической печати появлялись официальные сообщения и документы, законодательные акты, письма, хроника, всевозможная информация (заметки – отчеты, репортажи, интервью и пр.), объявления, некрологи и т. д. Официальные сообщения о смерти и похоронах членов правящих семей появились в России в печатных изданиях уже XVIII в., например, газете «Санкт-Петербургские ведомости»,[53] впоследствии освещение этой темы стало обязательным.

Наряду с церемониальными погребальными альбомами в XIX в. с Высочайшего соизволения выпускались специальные брошюры, выполнявшие роль репортажа с места событий, которые послужили важной источниковой базой для исследования.[54] Брошюры, посвященные похоронам членов императорской семьи и родственников (герцогов Лейхтенбергских, Мекленбург – Шверинских, Ольденбургских) собраны в единую коллекцию в РГИА.[55]

Особое значение имеет изучение неопубликованных источников, которые относятся в первую очередь к делопроизводственной документации. Это различные документы, связанные с деятельностью Придворного ведомства и Императорского двора. В контексте разработки темы в основном оказались востребованы материалы из Российского государственного исторического архива, располагающего несколькими фондами, в которых представлены документы, интересные с точки зрения изучения жизни двора. Фонд 469 (Придворная контора МИДв) располагает сведениями о парадных спектаклях, концертах, маскарадах и балах; рождении, бракосочетании, смерти и других событиях в императорской семье. Фонд 816 (Придворный Петропавловский собор) содержит указы Петербургской духовной консистории; описи церковного имущества; исповедные ведомости; ноты и тексты церковного пения. В Фонде 1280, оп. 2 (Управление коменданта Петропавловской крепости Департамента государственной полиции МВД) представляют интерес журналы входящих и исходящих бумаг. Все события, происходившие при Российском императорском дворе, регистрировались в гоф-фурьерских и камер-фурьерских церемониальных журналах. Изучение документации, связанной с этой регистрацией, позволяет

развенчать некоторые из мифов, связанных с определенными событиями или историческими личностями. Наиболее важными для данного исследования, являются документы, собранные в фондах 472, 473 и 516. В фонде 472 (Канцелярия Министерства императорского двора) особый интерес представляет опись 8, в которой представлены дела Печальных комиссий по погребению Александра I, Николая I и других членов императорской семьи. Создаваемая после смерти монарха Печальная комиссия, возглавляемая обычно министром Императорского двора, осуществляла подготовку и проведение всех мероприятий, связанных с государственными похоронами, составляла манифесты, обеспечивала все необходимое для царского погребения от регалий, привозимых из Москвы или создававшихся для конкретного случая, до построения траурного шествия и прокладывания маршрута следования Печального кортежа. В Фонде 473 (Церемониальная часть МИДв[56]) хранятся манифесты,[57] указы, церемониалы, дела о крещении, бракосочетании и погребении членов императорской фамилии.[58] Церемониал императорских похорон утверждался следующим монархом и представлял большую ценность в качестве документа эпохи и образца для последующего мероприятия подобного рода. В этом фонде представлены «экстракты» из донесений русских дипломатов, работавших в других странах о правилах проведения различных мероприятий за границей.[59] Большой интерес представляют протоколы о смерти правителей, справки о назначении дежурств при теле усопшего монарха, правила погребения членов императорской семьи и изучение Печального российского обряда чиновниками церемониального ведомства с целью отработки теоретических знаний на практике в момент составления новых сценариев подобных мероприятий.[60] Особую ценность имеет документ, составленный при церемониальной части МИДв в 1847 г., в котором был собран фактический материал, посвященный теме императорского похоронного церемониала и принципам работы Печальной комиссии.[61] В связи с установлением траура требовалось издание указов, устанавливающих время ограничения увеселительных мероприятий, деталей и цвета одежды. В особую группу дел фонда 473 можно выделить журналы трауров, наложенных при Высочайшем дворе по усопшим членам других монарших семей, правила ношения траура, объявления о снятии или смягчении траура в связи с каким-либо событием оптимистического характера.[62] Фонд 516 (Камер-фурьерские журналы) содержит поденные записи о событиях придворной жизни, являющиеся богатым материалом, позволяющим узнать подробности не

только радостных событий в диапазоне от балов, маскарадов, свадеб, спектаклей, торжеств по случаю коронования императоров до описаний обстоятельств смерти и похорон членов императорской фамилии. Утвержденные церемониалы являются основным источником информации о последовательности действий в ритуалах, носящих политический и символический характер, а также дают возможность очертить круг лиц, имевших особую близость к правящей семье в определенные временные рамки. Этот вид источников оказался почти не востребован исследователями.

Критический подход к анализу различных групп источников позволяет представить и изучить официальные траурные церемонии во всей многогранности события и сделать убедительные выводы о том, как готовилось, создавалось, отрабатывалось государственное мероприятие огромной важности.

ТРАУРНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ В РОССИИ В ДОПЕТРОВСКИЙ ПЕРИОД

С момента появления на земле человека разумного отношение к смерти и траурным мероприятиям определяло уровень его цивилизованности и являлось отражением всего окружающего его в повседневной жизни. Смерть, будучи подведением итогов жизни, с одной стороны, пугала своей неизвестностью, с другой стороны, в связи с непознанностью того, что случится после окончания бытия, создавала благодатную почву для создания различных мифов, верований и ритуалов. К сожалению, все смертны. Если бы существовало бессмертие, можно было бы не задумываться над смыслом жизни. Но мы рождаемся и входим в земную жизнь на условиях обязательного ухода из нее. И так как возврата нет, то смерть окружена ореолом тайны, которая позволяет додумывать, домысливать скрытое от нашего знания. Для одних культур и религий уход из земного существования представляется переходом в другие миры, инобытием, для других окончание земного пути – это конец всего, ничто. Как бы человек ни отталкивал от себя мысль о смерти, но об обязательности ухода из этого мира у нас есть совершенно достоверное знание. Заведомая ограниченность жизни всегда побуждала людей серьезно задумываться о ее смысле и заниматься подготовкой к уходу заранее. Это самая естественная позиция, поскольку она вытекает непосредственно из условий человеческого существования. В истории человечества нет такой цивилизации или культуры, которую не интересовал бы вопрос о том, что произойдет с умершими. Именно в сопоставлении со смертью человек осознает самого себя и смысл жизни. В зависимости от того, как он видит противостояние жизнь – смерть, развиваются мифология, религия, философия, архитектура, все области культуры, которые, на первый взгляд, никак не связаны с уходом из земного существования. Многие фундаментальные понятия, относящиеся к смерти, оказываются общими в культурах разных народов: рождение и смерть, жизнь до рождения и после смерти, за которой последует новая жизнь, словом, большинство идей о цикличности, двойственности, о конфликте, заложенном в мире, и о примирении противоположностей. Но не следует думать, что у смерти есть некий универсальный язык, отношение к смерти различно, и лучшим свидетельством этого является многообразие похоронных обрядов, в которых сконцентрированы представления разных

народов.

Ни одна обрядность не знает такого разнообразия традиций, как похороны. Более того, это единственный современный обряд, до сих пор не утративший своего сакрального смысла. Формирование траурного ритуала стало квинтэссенцией культуры жизни народа. Все, связанное со смертью, манипуляциями с телом покойного, подготовкой к переходу в иную реальность, окружение покойного, собственно похороны и траурные мероприятия, отрабатывалось в традиции любого народа и цивилизации на протяжении многих лет и становилось одним из самых консервативных, не подвергающихся нововведениям обрядов. По тому, как относились к телу умершего, и тому, что сопровождало покойного в иной мир, ученые сегодня судят об уровне жизни и культурных приоритетах ушедших цивилизаций. Раскрытие могильников – один из важнейших аспектов исторического знания, не менее важным является изучение ритуалов, связанных с уходом из жизни и проводами усопших.

Естественно, что по извечно существующей иерархии смерть обычного человека и его похороны значительно отличались от смерти и похорон элиты общества, особенно если речь шла о руководителе некоего сообщества: вождя, правителя, как бы он ни назывался, и членов правящей семьи. Наряду с государственными праздниками подобные события становились едва ли не более важными, чем все победы и завоевания, сделанные при жизни. К этому торжественному действу готовились задолго до смерти, строились специальные погребальные сооружения, отводилось место, где бы хотелось остаться навсегда. И до сего дня эта извечная тяга человечества не теряет своего актуального значения. Но в эпоху перемен, во время смены исторических формаций, изменения политических и культурных ориентиров общества реформированию подлежит и траурный ритуал. И, естественно, наиболее ярко смена культурных пристрастий находит воплощение в траурных мероприятиях представителей верхушки общества, особенно первых лиц государства.

Термины

Для того чтобы пользоваться терминологией по теме, следует определиться с понятиями. Термины «траур», «ритуал», «церемониал» в основном вошли в употребление в начале XVIII в. как заимствования из других языков.[63] Понятие «траур» включает в себя несколько значений: 1) скорбь, печаль, причиненная каким-либо бедствием, смертью близкого человека или общественного деятеля; 2) ограничение в проведении различных мероприятий общественной или личной жизни, в основном связанное с прекращением разного рода увеселений; 3) использование внешних знаков скорби (например, одежды, флагов и т. д.); 4) время ограничений, налагаемых на общественную или личную жизнь.

Под «ритуалом» понимают совокупность и установленный порядок обрядовых действий при совершении какого-либо акта. В применении к теме данного исследования вначале возник именно ритуал. Человечество в целом, каждый народ, группа или общность в составе какого-либо народа в отдельности вырабатывали комплекс действий, связанных с прощанием с умершими, учитывая наиболее важные и значимые характеристики жизни и ценностей данного человеческого объединения или сообщества. Необходимость что-то сделать с телом умершего – будь то каннибализм, перенос в другое место, сожжение, закапывание – определило уровень цивилизации и культурных особенностей определенного социума. Манипуляции с телом покойного постепенно выработали устойчивый набор ассоциаций, связанных с каждым действием в отдельности и совокупностью действий в целом, что способствовало постепенному переходу ритуала на более высокую ступень церемониала.

Ритуал несколько отличается от понятий «церемониал» и «церемония». Церемония – это внешние условности, принужденность в поведении. Если в ритуале находят отражение обычаи и представления народа, то церемонии – это понятие более искусственное. Отрабатываясь на протяжении определенного времени и подвергаясь оценке с точки зрения главенствующих представлений о нравственных, культурных и религиозных ценностях, ритуал обрастает условностями, зачастую надуманными, но представляющимися необходимыми для поднятия его над уровнем обыденности. Постепенно церемонии переходят к более высокой степени церемониала. Церемониал – официально принятый распорядок церемонии

(торжественного приема, шествия и т. п.).

Говоря о смерти и похоронах, следует разграничивать похоронный ритуал людей обычных, т. е. церемонии, коими человек окружает проводы близких ему людей, и более высокое понятие государственного церемониала погребения представителей верхушки общества, особенно первых лиц государства, коими являются члены правящей группы.

Переходя от одной исторической формации к другой, человек не только привносил новые обрядовые элементы, но и сохранял привычные, выработанные ранее. Взаимодействие с другими народами и их культурой также не проходило бесследно. Безусловно, для нашей страны основополагающим фактором явилось крещение Руси в 988 г.[64] и введение христианского мировоззрения. Языческие обряды и русские национальные особенности слились с христианскими ритуалами, создав особый строй церемониала смерти и похорон. Смерть и похороны представителей княжеской верхушки имели особое значение в жизни русского общества Средневековья, в русских летописях им уделяется значительное место. Постепенно начали складываться погребальные центры и особые ритуалы, с большей или меньшей точностью соблюдавшиеся при каждых следующих похоронах. Естественно, одни похороны не могли в точности походить на предыдущие, как жизнь одного человека непохожа на жизнь других людей, но, несмотря на различия, с течением времени вырабатывались определенная последовательность и набор действий, сопровождавших как уход человека в мир иной, так и его проводы. В связи с таинственностью события – неизвестностью того, что же будет после, и страхом перед неминуемостью конца – этим действиям придавалось мистико-символическое значение.

Принятие монашеского пострига

Русские правители были людьми светскими. В некоторых исследованиях указывается на традиционное принятие ими монашеского пострига или даже схимы перед смертью,[65] однако фактами это не подтверждается. Ни один царь из династии Романовых не только схиму, но и постриг монашеский не принимал. Несколько иная ситуация складывалась в средневековый период. При более подробном рассмотрении данного вопроса выясняется, что, чувствуя приближение смерти, добровольно постриглись в монашество несколько князей. Насильственный постриг в данном контексте рассматриваться не может. Б. А. Селий, составивший описание русских правителей от легендарного Рюрика до первой трети XVIII в.,[66] отделяет добровольно принявших постриг князей от насильственно постриженных. Так, насильно был пострижен в монахи и убит Игорь Ольгович Черниговский, княживший в 1146 г. По своей воле одним из первых принял постриг князь Александр Ярославич, вошедший в историю как Невский, впоследствии приобщенный к лику святых. Вероятно, факт принятия им схимы сыграл не последнюю роль в его канонизации. Кроме Александра Невского Селий упоминает его сына князя Андрея Александровича Городецкого (княжил в 1294–1304 гг.): «Постригшись в схимники, пойде в оно царство».[67]

Смерть для наших предков не представлялась событием, полным глубокой печали, а воспринималась светло. Обычно о ней говорится в оптимистических, радостных тонах, подтверждающих христианскую идею о смерти как переходе из жизни земной в жизнь вечную: «Василий Иоаннович (1479–1533) напоследок радостно в горняя преходит».[68] Другой источник – «Постниковский летописец» – свидетельствует о принятии схимы Василием Иоанновичем: «Преставижеся князь великий Василей Иванович всеа Русии, в иноческом чину наречен бысть Варлам, в лета 7042-го месяца дек[абря] в 3 день, с среды на четверг, 12 час нощи противу Варварина дни».[69] В данном случае соотнесение с христианским праздником (Варвариным днем) имеет огромное значение для преобразования даты в соответствии с современным календарем.

Пострижение в иноки умирающего Василия II Темного. Миниатюра из летописного свода. XVI в.

Следует признать, что не всегда исследователи обладают полным знанием, опираясь только на свидетельства современников события, ведь зачастую они бывают неточны. Иногда археологические изыскания позволяют пролить свет на существо вопроса. Так, реконструкция остатков монашеского одеяния Ивана IV Грозного – куколи и аналава, обнаруженных при вскрытии его захоронения, проведенная Т. Н. Кошляковой,[70] показала, что царь мог быть также пострижен в чин великосхимника. Одежда монашеских погребений соответствует

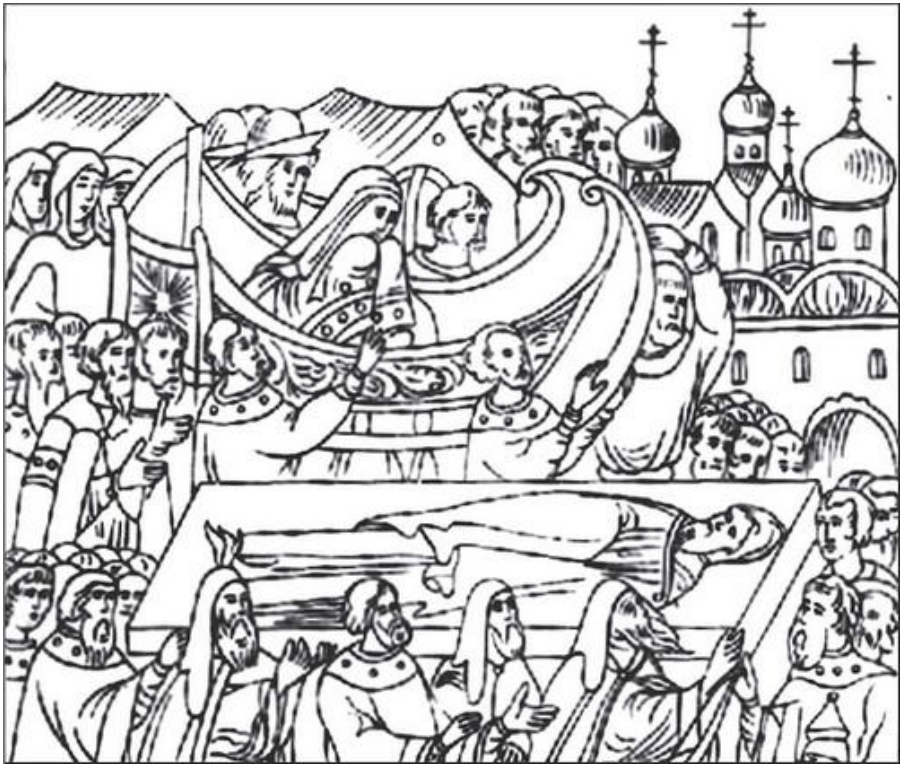
облачению трех монашеских чинов: новоначального инока, малосхимника и великосхимника. Другие находки монашеских облачений и атрибутов в погребениях XIV–XVII вв. немногочисленны, например кожаный пояс с тисненым изображением двенадцати праздников из погребения княгини Евдокии Дмитриевны, вдовы Дмитрия Донского.

Из представителей династии Романовых добровольно приняла схиму перед смертью дочь царя Михаила Федоровича царевна Анна Михайловна, постригшись в монахини Вознесенского монастыря с именем Анфисы 18-го, приняла схиму 24-го, скончалась 27-го октября 1671 г.[71]

Б. Чориков. Александр Невский принимает схиму

Во время правления Петра I положение его единокровных сестер (братьев уже не было) стало неоднозначным, некоторые из них принимали монашество, как по своей воле, так и против нее. Такова судьба царевны Марфы Алексеевны, обвиненной во время стрелецкого бунта 1698 г. в том, что она получает от стрельцов челобитные и является связующим звеном между ними и опальной сестрой царевной Софьей. После подавления бунта Марфу Алексеевну отправили в Успенский монастырь Александровской слободы и вынудили постричься в монахини с именем Маргарита 29 мая 1699 г.

Соправительница братьев Иоанна и Петра царевна София Алексеевна была пострижена в монахини с именем Сусанны 21 октября 1698 г. в московском Новодевичьем монастыре, где находилась в заключении. Перед смертью она стала схимонахиней и вернула себе свое первоначальное имя София, скончавшись в том же монастыре 3 июля 1704 г., где и была похоронена.[72]



Похоронная процессия великого князя Василия Ивановича. Копия с миниатюры из Царственной книги. (Анучин Д. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда. М.,

1890. C. 22)

Духовные завещания

Начиная с глубокой древности, наши правители оставляли завещания – духовные грамоты, которые составляли при жизни, определяя, кто из наследников сможет претендовать на большие права, кто на меньшие. Эти духовные грамоты сохранялись как документ государственной важности и впоследствии былиопубликованы исследователями. Н. И. Новиков собрал в своей «Древней российской вивлиофике» многие завещания известных русских князей, в их числе «Список с духовной грамоты великого князя Василия Васильевича»,[73] который преставился в 1462 г.: «Во имя святой Троицы и по благословению митрополита всея Руси Феодосия, завещал детям жить как один и почитать мать, которая им вместо отца. Старшему сыну Ивану Васильевичу завещал Великое княжение», ему же завещал и главную святыню – крест Петра чудотворца, всем выделил уделы, распределил богатства. Подпись на подлиннике «Смиренный Феодосий, Архиепископ всей Руссии» говорит о том, что церковные иерархи скрепляли завещания, подтверждая их подлинность своей подписью и печатью: к грамоте привешены две печати: одна – великого князя, другая – митрополичья.

Подписи и печати свидетельствовали об особенностях конкретной исторической эпохи. Так, к духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты, содержание которой соответствует ее назначению – разделить по своей воле все движимое и недвижимое имущество между родственниками, помимо его личной печати «привешена» еще одна свинцовая, вероятно, татарская печать, что говорит о политическом положении страны.[74]

В «Древней вивлиофике» Н. И. Новикова представлены духовные грамоты великого князя Семена Ивановича, в иночества Созонта,[75] великого князя Дмитрия Ивановича Донского – первая, которую он впоследствии изменил, и его вторая духовная грамота.[76] Традиция духовных завещаний была продолжена и в последующие времена.

Б. Чориков. Завещание Владимира Мономаха

Время захоронения

Особенностью траурного ритуала допетровского времени является быстрое захоронение тел, на что указывают многие источники. В XIV–XVII вв. сохранялось правило погребения на следующий день после смерти. Умершие ночью погребались на следующий день. Исключения незначительны и обусловлены конкретными причинами, когда скорое погребение было невозможно. Так, например, в связи с тем, что на похороны князя Юрия Васильевича Дмитровского, умершего в 1472 г., дожидались приезда Ивана III из Ростова, в нарушение традиции тело было на следующий после смерти день до погребения поставлено в церкви.[77]

На скорое захоронение указывает историк Н. И. Костомаров: «Летом русские хоронили очень скоро – обыкновенно в течение 24 часов. Если ждали родных, то тело вносили в ледник, во избежание зловония. Зимой не спешили с похоронами. Тело богатого человека ставили в холодную церковь, иногда дней на восемь».[78] В данном случае Н. И. Костомаров, говоря о восьми днях, очевидно, опирался на свидетельство Петра Петрея: «Если покойник был человек знатный, гроб его сторожат днем и ночью, зажигают свечи, священники и монахи поют, окуривают гроб ладаном и миррой и окропляют раз в день святою водою, пока не исполнится восемь дней».[79] Вряд ли это замечание правдиво, иностранцы часто ошибались, не вполне понимая суть происходящего. Скорее всего, сообщение П. Петрея вызвано бытованием традиции «дневания и ночевания» при могиле.

На обычай устраивать дежурства у захоронения обращали внимание многие иностранцы, путая их с дежурством у тела, вошедшим в обиход правящей элиты только с начала XVIII в. Так, Д. Горсей писал, что Иван Грозный «был пышно захоронен в церкви архангела Михаила; охраняемый там днем и ночью».[80] Действительно, обряд «дневания и ночевания» у царского гроба существовал уже при погребении Ивана Грозного, впоследствии в императорской России традиция дневания была распространена и на дежурство у тела еще не погребенных представителей правящего дома.

С. Ю. Шокарев приводит в своей работе канонические ответы новгородского епископа Нифонта (XII в.) на «Вопрошания» Кирика, которые предписывали погребать мертвых до захода солнца: «Тако погрести, яко еще высоко (солнце), то бо последнее видит солнце до общего воскресения». Пересказ этой статьи С. Герберштейном показывает, что правило скорого захоронения

соблюдалось и в XIV–XVII вв.[81] В петровское время эта традиция претерпела существенные изменения.

Теме ухода из жизни как совокупности ритуальных действий историки всегда уделяли внимание. Н. И. Костомаров в «Очерке домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях»[82] говорит, что смерть сопровождалась заветными событиями. По понятию русских, умирать среди семейства в полной памяти считалось благодатью небесною для человека. Чувствуя приближение смерти, русский составляет завещание, распределив свое состояние, и назначает меры для успокоения своей души, ими считались милостыня, наделение монастырей, освобождение рабов. Богоугодным делом считалось платить и прощать долги. Около умирающего собиралась семья, слуги и знакомые, ему подносили образа, и он благословлял каждого. Рядом находился и его духовный отец, читавший на момент отхода души «Отходную». «Многие для большей верности спасения души облекались перед смертью в монашескую одежду, а иные принимали и схиму, как это делали цари».[83] Из этого заявления можно сделать вывод, что монашеская одежда не всегда соответствовала реальному принятию пострига.

Плач и причитания

Особым ритуалом считались плач и причитания, начинавшиеся женой усопшего, которая должна была «вопить» до конца траурных мероприятий. Во время похорон нанимались профессиональные плакальщицы, кривлявшиеся и вопившие «точно какие волки или собаки».[84] Обычай чрезмерной демонстрации горя, скорее всего, пришел на Русь вместе с христианством, на что указывали иностранцы: «…всему этому они (русские) научились у греков, которые исполняли такой же обряд над покойниками, именно: на другой день по смерти кого-нибудь собирались на самом рассвете к умершему женщины, начинали плакать и вопить, бить себя в грудь, царапать себе лицо, рвать у себя волосы, так что жалко было смотреть. Исполнив это как следует, добросовестным образом, те, у кого здоровое горло и грубый голос, первые начинали вопить, стонать, плакать, рыдать: то заведут на самый высокий лад, то что-то залепечут ртом, то остановятся и замолкнут, а потом начнут пересказывать добрые дела покойника от самого его рождения до смерти».[85]

У постели умирающего Василия IV. Миниатюра из лицевого летописного свода XVI в.

Смерть представителей правящей семьи также сопровождалась плачем и воплями. В свидетельстве о смерти Василия III летописец указывает, что из-за крика и плача не было слышно речи митрополита Даниила и бояр, успокаивавших рыдавших: «И бысть плачь и рыдание во всех людех велий».[86]

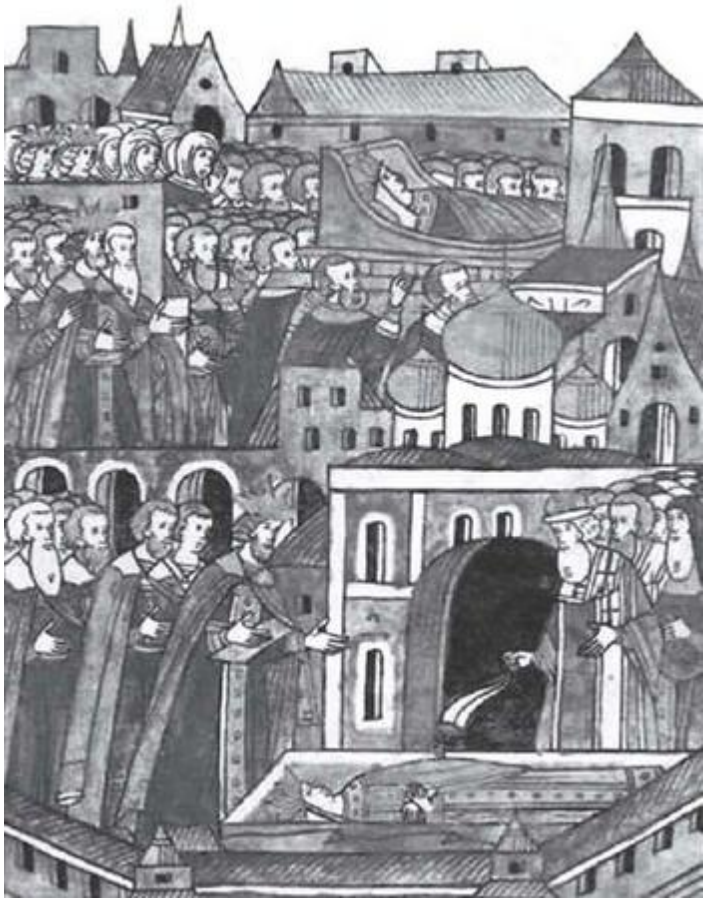
Помещение тела в гроб

К глубокой древности восходит и традиция помещения тела в гроб перед похоронами. Пока делали деревянный гроб, тело лежало на столе. У богатых людей гроб был обит разной материей: например, внутри – червчатым, снаружи – вишневым бархатом.

Мертвеца из дома выносили в закрытом гробу, укрывали покровом или шубой. Гроб несли на руках обычно шесть человек. Если покойник принимал монашество, то несли монахи или монахини и хоронили в монастырях. Перед опусканием тела в могилу крышку гроба поднимали и все целовали покойного или гроб. Священник давал в руки мертвецу отпустительную грамоту, которую иностранцы считали рекомендательным письмом Св. Петру или Св. Николаю.

После опускания гроба в могилу все целовали образа, ели кутью три раза. После похорон собирались на поминки с ритуальной едой по особым дням, обычай поминальных обедов восходит к временам язычества, и связано это было с изменением тела усопшего. На протяжении многих веков существования человека было замечено, что образ человека после смерти менялся. Это нашло отражение в появлении традиции трех поминовений, в христианской мифологии она трансформировалась в верование о путешествии души и наполнилась идейным и ритуальным смыслом. По христианским понятиям, в третий день ангел приводит душу на поклонение Богу. Отсюда следует необходимость поминовения в церкви в этот день, так как душа получает утешение от расставания с плотью. С этого времени начинается путешествие души с ангелом, он показывает ей блаженство рая и муки ада, а девятый день – отдых. Так как душа слетает то к дому, то ко гробу, ей нужна для поддержки молитва, отсюда возникла традиция поминовения на девятый день. Следующий сокровенный день – сороковой, когда ангел приводит душу к Богу и тот назначает ей место по заслугам, считается, что это расставание с душой усопшего, отсюда сороковины – традиция последнего прощания, которое обставлялось особо: поминальный стол, дежурства у гроба (потом – у тела покойного правителя), строгий траур в одежде и мероприятиях.

Особого почитания заслуживали места захоронения родственников. Могилы родителей почитались святыней – русские князья на них произносили договоры.



Похороны первой жены Ивана IV (Грозного) – царицы Анастасии Романовны. Миниатюра из Лицевого летописного свода

Преставление великого князя Димитрия Иоанновича (Донского). Миниатюра из Лицевого летописного свода. 70-е гг. XVI в. (БАН. 31.7.30–2. Л. 335 об.)

Траурный ритуал XVI в.

Безусловно, смерть и похороны правителей были более торжественны, чем у их подданных. О том, какой траурный ритуал сформировался к XVI в., можно судить по описанию погребения великого князя Василия Иоанновича III.[87] Первым делом решили вопрос о преемнике, им стал его сын Иоанн. По малолетству Иоанна Васильевича была проведена присяга окружения в виде крестного целования на верность ему и его матери великой княгине Елене. После обретения государственной властью нового главы приступили к похоронам. Игумен Иасаф Троицкий и старец Мисайло Сукин омыли тело, расчесали бороду, одели царя в монашеское одеяние и положили его на одр, укрытый черной тафтой, после чего для прощания с телом был допущен народ: «…боярские дети, и княжата, и гости, и вси людие, которые не быша у него». Князь скончался после полуночи, в час пополудни наступившего дня 4 декабря 1533 г. митрополит Даниил повелел звонить в большой колокол. Бояре после совещания с митрополитом определили место захоронения и приказали рыть могилу в Архангельском соборе подле отца усопшего, великого князя Ивана Васильевича, и, поговорив с митрополитом, послали «шатернечего Русина Иванова сына Семенова, снем с него меру, и повеле ему гроб привести камен». Очевидно, у каменотесов имелся определенный запас готовых «каменных гробов» на случай Высочайших похорон (указание на привезенный каменный гроб и приобретенную на торгах дубовую колоду для несения тела к месту захоронения есть и в «Повести о житии и преставлении князя М. В. Скопина-Шуйского»[88]). К телу усопшего правителя собралось духовенство, бывшее в Москве: митрополиты Даниил, Васьян Коломенский, Дософей Крутицкий и другие, родственники: князья Юрий и Андрей Ивановичи, а также бояре и «весь народ», плачущие и рыдающие. Под пение «Святый Боже» монахи понесли на головах тело великого князя инока Варлама в переднюю избу, потом – на крыльцо, а далее – на площадь. Стенания присутствующих заглушали колокольный звон, сопровождавший шествие. Великую княгиню Елену бояре несли на санях, вдову сопровождали родственники и особо приближенные бояре, среди них были князья Василий и Иван Васильевичи Шуйские, Михайло Семенович Воронцов, князь Михайло Львович Глинский. Ассистенткой великой княгини Елены была жена князя Федора Мстиславского боярыня Настасья. Одновременно шли приготовления к похоронам, в Архангельском соборе готовилась могильная яма.

Вынос тела великого князя Василия III. Миниатюра из летописного свода. XVI в.

Цвет траура и похоронных одежд

В связи с уже упоминавшимся христианским представлением о смерти как переходе в жизнь вечную складывалась и определенная гамма цветов, используемых в траурных мероприятиях. Сам покойник рассматривался как главный герой своеобразного спектакля, которым являются похороны, и всегда был одет в праздничное платье. Традиционные цвета одежды усопшего в России, как и любой праздничной, – белый, красный, зеленый. Отличием похоронной одежды членов правящей семьи являлось использование более дорогих материалов и определенных «торжественных» цветов; кроме традиционных белого и красного активно применялись цвета власти – пурпур, золото и серебро.

Если на покойника надевали специальную похоронную одежду – саван, то для савана использовался белый цвет. По поводу использования термина «саван» у специалистов нет полного взаимопонимания, и разные словари дают разные толкования.[89] Иногда под саваном понимается само одеяние, т. е. платье (как, например, у В. И. Даля), либо подобие мантии или покрова, надеваемого сверху. Саван и сегодня воспринимается как длинная, закрывающая ноги рубашка из белой ткани, собранная под шею, с длинными рукавами, оставляющими только кисти рук открытыми. Судя по находкам специалистов, проводивших исследования в захоронениях Вознесенского монастыря, под саваном в данном случае следует понимать не платье покойника, а подобие мантии, надеваемой на платье. Впоследствии от подобного одеяния при похоронах членов правящего дома отказались. Единственное, что соединяет различную интерпретацию понятия «саван», это белый цвет.

Сходное похоронное одеяние описано иностранцами в XVII в.: на тело надевают «чистую сорочку, полотняные штаны, новые красные сапоги и обвивают в белое полотно, покрывающее все тело и сделанное вроде рубашки с рукавами, складывают ему крестообразно руки на груди, сшивают полотно у изголовья, также на руках и ногах, и кладут в гроб».[90]

Когда хоронили представителей правящей семьи, то обычно под саваном подразумевалось подобие накидки, а не само траурное одеяние. Тела усопших лиц из верхушки общества клали в могилу в дорогих парадных платьях. Так, при вскрытии могилы матери Петра I царицы Натальи Кирилловны оказалось, что она похоронена в платье зеленого цвета. Также в зеленом платье похоронили сестру царя Алексея Михайловича царевну Татьяну

Михайловну, скончавшуюся 24 августа 1706 г.

В царских похоронах для большей торжественности использовались дорогие ткани – серебряные и золотые. При похоронах царевича Алексея Алексеевича 18 января 1670 г. гроб и тело покрыли «объярью серебряною», «сани обиты бархатом червчатым», покров серебряный, «сверх того прежнего покрова, тело и гроб и сани покрыты оксамитом золотым».[91] Червчатые сани упомянуты и при похоронах четырехлетнего царевича Симеона Алексеевича, умершего в 1669 г.[92] При похоронах царя Алексея Михайловича 30 января 1676 г.[93] также использовались дорогие ткани: бархат, шелк, оксамит; цвета – золотой, зеленый, червчатый, алый, серебро. Эти же цвета ткани указаны при похоронах практически всех членов царской семьи.

Обувь для покойника также была особой. Свидетельства указывают на красные, черные, белые погребальные башмаки. О красных погребальных башмаках пишут К. Буссов[94] и П. Петрей,[95] о черных – С. Коллинс.[96] В настоящее время тема погребальной обуви служит предметом исследования археолога Д. О. Осипова.[97]

Скорбь по ушедшему человеку выражалась в использовании черного цвета траура, принятого в христианстве, в одежде окружения, иногда в обивке гроба. В выписке из расходных дворцовых книг под 18 августа 1644 г. говорится о присылке камки белой на саван усопшей царице Евдокии Лукьянишне и черного бархата на «выносные сани, на покрышку».[98] Для провожающих всегда использовался черный цвет одежды, так как, в отличие от главного героя своеобразного праздника, которым являлись похороны, окружение демонстрировало горе по покойному через ритуальные действа, такие, как плач и стенания, и ритуальные цвета одежды, такие, как «смирное» темное одеяние. В указанном сочинении Н. И. Костомарова говорится о том, что бояре думные и ближние люди, узнав о смерти правителя, являлись во дворец в черных платьях.[99] Семейные люди носили скорбное платье черного или синего цветов, «худое и изодранное». Опрятность воспринималась как неуважение к покойному, человек, оплакивавший близкого, не должен был показывать заботу о собственной одежде. При похоронах царевича Алексея Алексеевича его отец царь Алексей Михайлович шел в «печальном, смирном платье», остальные участники процессии – в черном.[100]

Иногда умершего одевали в черные одежды, но черная одежда для покойника всегда говорила о его собственном особом состоянии траура. Так, в черное платье были облачены при похоронах усопшие монахи и монахини, но это означало, что они

уже носили символический траур по своей земной жизни. В описании похорон великого князя Василия III, принявшего перед смертью схиму, указан черный цвет одеяния и покрова на одр, на котором лежало тело.[101] При вскрытии гроба его сына Ивана Грозного оказалось, что он также одет в черное одеяние схимника.[102] Черные одежды для покойников, бывших при жизни вдовами и вдовцами, символизировали их собственную скорбь по ушедшему прежде их самих супругу или супруге, т. е. сами покойные были в трауре на момент погребения. Например, при похоронах царицы Натальи Кирилловны, вдовы царя Алексея Михайловича, использовались черное сукно и черный бархат для обивки гроба, выносных саней, покровов и пр.[103]

Тема траурного одеяния не вполне разработана до настоящего времени. Некоторые исследователи и сегодня пишут о том, что черное платье впервые было введено в обиход во времена Петра I. В брошюре, посвященной Петропавловскому собору – усыпальнице российских императоров, сказано о похоронах самого Петра I: «…черный цвет как знак траура был употреблен в России впервые».[104] Данное утверждение не соответствует истине. Еще со времени крещения Руси в X в. сложилась традиция использования цвета в различных ритуалах в соответствии с христианской символикой, согласно которой черный цвет ассоциировался со скорбью и активно применялся во внешних признаках траура задолго до XVIII в. На похоронах, особенно людей из высшего эшелона власти, ничто не было случайным. Каждый элемент действа был знаковым. Цвета, используемые при этом мероприятии, входили в состав языка символов.

Траурный церемониал XVII в.

Для того чтобы определить, как реформировался траурный церемониал, нужно проанализировать его особенности в XVII в., когда на престол взошла новая династия – династия Романовых. Это поможет определить, какие элементы траурного действа были преобразованные позже, какие были сохранены впоследствии. Рассмотрим, как хоронили московских царей из Дома Романовых и членов их семей.

Уже говорилось о том, как скоро хоронили представителей правящего дома – в день смерти или на следующий день, не позже. Традиция очень скорого захоронения, возникшая в древности, сохранялась и у представителей новой династии Романовых на протяжении всего XVII в. Между смертью и похоронами временной промежуток практически отсутствовал. Так, вторая супруга царя Михаила Федоровича Евдокия Лукьяновна Стрешнева, умершая 18 августа 1645 г., была похоронена 19 августа того же года в Вознесенском монастыре. Царь Алексей Михайлович, скончавшийся в ночь с 29 на 30 января 1676 г., погребен 30 января. Его первая жена Мария Ильинична Милославская скончалась 3 марта 1669 г., погребена 4 марта. Вторая супруга Алексея Михайловича царица Наталья Кирилловна Нарышкина скончалась 25 января 1694 г., погребена 26 января. Сестра Алексея Михайловича царевна Анна Михайловна скончалась 27-го, похоронена 28 октября 1692 г. Первый наследник царя Алексея Михайловича царевич Алексей Алексеевич скончался 17-го, погребен 18 января 1670 г. Правительница София Алексеевна умерла 3-го, похоронена 4 июля 1704 г. Царь Федор Алексеевич скончался 27-го, погребен 28 февраля 1682 г. Царевна Мария Иоанновна (дочь царя Иоанна Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой) умерла 13-го, похоронена 14 февраля 1692 г. Одним из последних представителей династии, похороненным так скоро после смерти, стал соправитель и старший брат Петра I царь Иоанн Алексеевич, скончавшийся 29 января и погребенный на следующий день, 30 января 1696 г.[105]

Если смерть наступала до восхода солнца, захоронение могло производиться в тот же день: 8 февраля 1679 г. скончалась и в тот же день была похоронена в Новоспасском монастыре крестная мать Петра I, его тетка царевна Ирина Михайловна. Также была похоронена и ее сестра царевна Евдокия Михайловна, родившаяся, скончавшаяся и погребенная в один день, 10 февраля 1637 г.[106]

Однако в трудах историков часто возникают разночтения, вызванные тем обстоятельством, что разные источники дают противоречивые данные по каждому вопросу. Наиболее распространенная легенда, бытующая до сегодняшнего дня, связана со свидетельством Н. И. Костомарова: «Царское погребение совершалось через шесть недель после смерти. Тело государя шесть недель стояло в домовой церкви в гробу: крестовые дьяки денно и нощно читали над ним псалтырь, и попеременно дневали бояре, окольничие и стольники над усопшими. Между тем по всему государству посылались гонцы, которые во все монастыри и церкви возили деньги для служения панихид; в праздники при служении панихиды ставили кутью; эти панихиды по всем церквям и монастырям царства русского служились в течение 6 недель каждый день, исключая воскресенья. В сороковой день после кончины совершалось погребение царственной особы. Отовсюду стекались в Москву духовные власти, архимандриты и игумены. В погребальной процессии впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобы важнейшие особы, архиереи и патриарх шли сзади прочего духовенства, а за духовными следовали светские сановники, бояре и окольничие, за ними – царское семейство, а за ним – боярыни. Множество народа толпилось за гробом, без чинов и различия достоинства. Прощание с царственными особами не происходило при опущении гроба; с ними прощались ближние прежде, при вносе в домашнюю церковь после кончины. Опустив тело в могилу, не засыпали его землею, а закрывали каменною доскою».[107] Очевидно, ученый использовал в качестве источника произведение дьяка Григория Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича», где описывается легендарная, хотя и небезынтересная версия похорон русских царей XVII в.[108] В параграфе 31-й главы «О преставлении царей и цариц и царевичей и царевен, и о погребении их» даются интересные подробности, касающиеся темы царских похорон.

Безусловно, невозможно воспринимать этот памятник как достоверный исторический документ, определенным источником информации он может служить только с оговорками. В произведении говорится о том, что после смерти царя первым делом посылали к патриарху и боярам. Патриарх приказывал звонить в один колокол, чтобы сообщить печальную весть горожанам. После этого он отправлялся в церковь для чтения Великого Канона. Окружение царя в это время, переодевшись в черное платье, отправлялось на царский двор для прощания с телом. Тело государя омывали теплой водой, надевали на него нижнее белье и царское одеяние и клали в деревянный гроб, в

обивке которого как внутри, так и снаружи преобладал темно-малиновый цвет. До этого момента свидетельство дьяка не вызывает сомнения. Далее Котошихин указывает на странное, если сравнить с документами, долгое прощание с телом, выставленным в «царской» церкви, устроенной перед царскими покоями: «…и стоит его царское тело в его царской церкве, которая устроена пред покоями его, до тех мест как будет погребение; и до 6 недель у гроба его говорят церковные дьяки денно и ночно псалтырь с молитвами».

По сохранившимся документам можно судить о том, что временной промежуток между смертью и похоронами бывал ничтожно мал – до одного дня. Правда, караул у захоронения длился до шести недель, вероятно, требовалось некоторое время для приготовления склепа и собственно могилы. Но вероятность шестинедельного прощания с неподготовленным телом (данных о бальзамировании в допетровское время не имеется) представляется маловероятной. По утверждению Котошихина, в это время шла подготовка похорон, по всей стране рассылались гонцы с сообщением о печальном происшествии и с приглашением митрополитам, архиепископам, епископам и игуменам прибыть для участия в печальных торжествах, во всех церквях и монастырях шло поминовение усопшего. В данном случае свидетельство того, что похороны совершались на таком отдаленном временном промежутке от смерти правителя, не находит отражения в документах.

Полученное из неточного источника свидетельство Н. И. Костомарова, как уже говорилось выше, относится к легендарным, но оказавшим существенное влияние на следующие поколения исследователей. В данном контексте представляется интересной книга, изданная в 1856 г., – «Описание погребения. императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских и других европейских государей».[109] В этом труде, вполне соотносящемся с имеющимися историческими свидетельствами, говорится о том, что «смертные останки российских царей и царевичей, а равно цариц и царевен, были переносимы в самый день их кончины, или на другой день, из Московского Кремлевского Дворца: царей и царевичей – в Архангельский Собор, а цариц и царевен – в Вознесенский монастырь».[110]

Такая традиция строго соблюдалась со времен вступления на престол Дома Романовых (оговоримся, что Романовы унаследовали эту традицию от предшественников) до Петра Великого. После того как тело было установлено в церкви, начиналась панихида. Погребение происходило в день выноса, а

панихиды продолжались сорок дней, в продолжение которых двенадцать бояр, окольничих, думных дьяков и стольников дневали при могиле. Скорее всего, эти дневания, так же как и в предшествующие времена, в представлении иностранцев (о чем говорилось выше) и людей, не вовлеченных в непосредственное действо (случай с Г. Котошихиным), послужили причиной путаницы, давшей пищу для рождения свидетельств о более позднем, чем было в реальности, захоронении тела. Переходя из одного исследования в другое, не подвергаясь анализу и проверке, эта версия дошла до нашего времени. Однако при сопоставлении реальных фактов вопрос о сорокадневном прощании с телом непогребенного царя переходит в разряд преданий, не соответствующих реальному положению вещей.

Мнение о ложности мифа о сорокадневном непогребении тела поддерживает С. Ю. Шокарев, занимавшийся разработкой темы на примере некрополя города Москвы.[111] Он указывает на то, что детали описания похорон в различных источниках разнятся. Исследователь приводит в качестве примера свидетельство Г. К. Котошихина, неверно сообщавшего, что тело царя не погребалось до тех пор, пока «из городов власти съедутца все к Москве».[112] Безусловно, дьяк Котошихин, как человек явно не входивший в число особо приближенных к особе государя лиц, не мог быть досконально осведомленным о специфике траурного церемониала московских правителей. Следовательно, его свидетельство не может быть использовано как документ неоспоримой достоверности. Однако, как это часто бывает, однажды сказанное слово, переписанное многими авторами, в том числе и авторитетными специалистами, вошло в научный обиход без дополнительной проверки и осмысления. В результате постоянных повторений и компиляций родилась легенда, живущая до сего дня. Автор данной работы делает попытку развенчать несостоятельность легендарной версии и установить истину.

О смерти царя и восшествии на престол его преемника в XVII в. народу сообщали грамотами, одновременно они являлись требованием о скорейшем приведении подданных разных сословий к присяге. Так, 30 января 1676 г. грамоты «О кончине государя царя и великого князя Алексея Михайловича и о восшествии на престол сына его государя царя и великого князя Федора Алексеевича»[113] были посланы стольнику во Владимир, воеводе князю Хованскому, на Дон казацким атаманам и в другие города страны. 3 мая 1782 г. грамоты «О кончине царя Федора Алексеевича и о вступлении на всероссийский престол царя Петра Алексеевича и об учинении ему в верности присяги от

всего войска»[114] отправлены донским атаманам и казакам.

По поводу смерти и похорон представителей правящей семьи обязательно выпускался документ, сообщавший подробности дела. Некоторые из этих документов опубликованы Н. И. Новиковым в «Древней российской вивлиофике, или Собрании древностей российских». Например, церемониал похорон первого наследника царя Алексея Михайловича царевича Алексея Алексеевича, скончавшегося в возрасте 16 лет в «семь часов и две четверти» утра 17 января 1670 г.[115] Хоронили его на следующий день после смерти 18 января в четвертом часу дня в Архангельском соборе Московского Кремля. Комнатные стольники вынесли из хором тело царевича, покрытое серебряной объярью. У переградных дверей были установлены сани, обитые червчатым бархатом. Гроб с телом был поставлен на эти сани под тем же покрывалом. Сверх прежнего покрова тело и гроб были покрыты золотым аксамитом. От переградных дверей через постельное и красное крыльцо тело в соборную церковь Архангела Михаила стольники несли по очереди, из хором до церкви с иконами шли с пением надгробного.

В процессиях на государственных выходах, к которым относятся и похороны первых лиц, особое значение приобретает порядок следования участников. В России XVII в. все значимые события сопровождались духовенством, похороны представителей царской семьи проходили с непременным и важнейшим участием священнослужителей, построение в процессии осуществлялось по старшинству от менее важных персон к более важным. Группа духовных лиц предваряла несение тела, в данном случае сначала шли священники, дьяконы, певчие, дьяки государевы и патриаршие, следом митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, начиная с нижнего чина по возрастанию. За телом усопшего следовала группа, представлявшая семью, в данной процессии ее возглавлял отец царевича царь Алексей Михайлович, за ним следовали царевичи: Грузинский Николай Давыдович, Касимовский Василий Арасланович с сыном Федором Васильевичем, Сибирские Петр и Алексей Алексеевичи, за которыми строились бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники, стряпчие, дворяне, дьяки, жильцы – все в черном платье. Процессия четко разбивалась на две главные группы: духовных и светских лиц, они разделялись главным героем события – усопшим в гробе.

Если духовные лица следовали в порядке возрастания чина, то гражданские, наоборот, шли по убыванию степени важности – от царя Алексея Михайловича, не просто отца, но и первого лица в государстве, по нисходящей линии. «Черни», т. е. простого

народа, в процессии не было. Около церкви Архангела Михаила у церковных дверей тело царевича Алексея Алексеевича было принято из саней, внесено в церковь и установлено на приготовленном месте комнатными стольниками. Потом была отслужена литургия митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами, игуменами со всем преосвященным собором. Обычно в подобных службах принимал участие второй по значимости человек в государстве и первое лицо в духовной сфере – патриарх. Но в данном случае Святейший Иосаф, патриарх Московский и всея Руси, на выносе тела не был и литургию не служил по объективной причине – своей немощи.

По совершении литургии всем собором служили надгробное пение, после чего присутствующие светские люди: бояре, окольничие, думные и ближние люди, стольники, стряпчие, дворяне московские, полковники, головы и приказные – просили у царевича прощение и с плачем и воплями целовали его руку; когда прощание закончилось, тело царевича положили в церкви Михаила Архангела в правой стороне, слева от гроба его деда царя Михаила Федоровича. Просить у покойного прощение за все явные и нечаянные обиды, ему нанесенные, было обычным явлением в русской традиции, так же как и сопровождающие покойника плачи и вопли.

После похорон продолжилось традиционное сорокадневное дневание по приказу царя. Вместе с боярами, окольничими и думными людьми в церкви днем и ночью по очереди несли дежурство стольники. Участие в дневании являлось, с одной стороны, почетной, с другой стороны, достаточно обременительной обязанностью. Список дежуривших был важным показателем степени приближенности к правящему монарху. На 40-й день Алексей Михайлович в церкви слушал литургии и панихиды и приказал дневания прекратить.

В Архангельском соборе гроб с телом устанавливали в центре, но не в алтаре; после отпевания закладывали «в землю» и закрывали «цкою» (плитой). После отпевания патриарх ел сам и кормил царицу и ее окружение ритуальной едой – кутьей, после чего расходились восвояси.

Царские похороны сопровождались амнистиями[116] и богатыми раздачами милостыни, согласно Г. К. Котошихину.[117] Освобождение из мест заключения воров и убийц приводило к обострению криминальной обстановки в столице во время царских похорон, ибо освобожденные из городских тюрем преступники возвращались к своим привычным делам – начинали грабить и убивать мирных жителей без разбору.

Ритуальная еда

Особым элементом обряда был поминальный стол. На третий день после смерти члена семьи в Москве устраивался царской семьей поминальный обед, на который приглашали представителей как светской, так и духовной власти. На стол подавалась кутья – обрядовое поминальное блюдо, особая зерновая каша. На Руси кутья впервые упомянута в «Повести временных лет» за 997 г. Готовили ее из недробленой пшеницы, риса, овса или ячменя и сладкой добавки: меда, сахара, изюма, варенья, цукатов, сухофруктов. Зерно в кутье, используемой до настоящего времени, символизирует вечную жизнь и изобилие, а сладость – символ райского блаженства. В качестве напитка варили сыту – один из повседневных напитков Древней Руси и Московского государства допетровской эпохи. Готовили ее путем разведения водой натурального пчелиного меда, а также из патоки, получаемой упариванием солодового сусла (проращивали ячмень, сушили его, размалывали, заваривали горячей водой и сливали сусло). Эти блюда ели три недели.

40-й день после смерти, называемый сорочинами, отмечался поминальными службами с участием членов семьи, ритуальным обедом и раздачей милостыни, так что на царские похороны уходил годовой бюджет страны. Похороны царицы были не менее пышными, но народу съезжалось на них меньше, денег отпускалось в половину против царских похорон. На похороны царевичей и царевен денег тратилось еще меньше.[118]

Особой статьей расходов, связанной с поминальными мероприятиями, для представителей, а особенно для представительниц правящего дома было ритуальное кормление нищих. Придя к власти, царь Петр Алексеевич приводил в порядок расходы дворца и выяснил, что царица Марфа Матвеевна на поминовение покойного мужа царя Федора Алексеевича «кормила в 5 дней 300 нищих»,[119] столько же кормила царица Прасковья Федоровна в поминовение по своему мужу царю Ивану Алексеевичу. Не отставала тетка покойных царей царевна Татьяна Михайловна, кормившая в 9 дней 200 человек, и сестры покойных – царевна Евдокия Алексеевна и прочие, даже царевна Наталья Алексеевна. Всего в дни поминовений кормилось «у пяти комнат» 1371 человек на сумму в год 143 руб., 26 алтын, 3 денги. Петр I положил конец этой практике, наложив резолюцию на этой статье дворцового расхода: «…си денги раздать нищим по улицам, а в Верхах (т. е. во дворец. – М. Л.) их (нищих) не брать».[120]

Траур и ношение «печального, смирного» платья

продолжались до шести недель.

Сложившийся порядок траурных мероприятий соблюдался по кончине царевичей Иоанна и Василия Михайловичей, первый скончался 9 января, второй – 25 марта 1639 г.[121] Подобный церемониал указан при погребении царевича Симеона Алексеевича, скончавшегося 19 июня 1669 г.[122] Гроб, покрытый золотой объярью, к месту захоронения несли на санях. Русский обычай ставить тела усопших на сани очень стар. В своем исследовании, посвященном использованию в похоронном обряде специальных выносных саней, Д. Н. Анучин[123] приводит церемониалы захоронения многих членов царской семьи из династии Романовых в XVII в., которые в принципе сходятся к уже указанной схеме, и ссылается на упоминание о санях в сборниках XIII столетия: в рукописи Несторовой летописи, в свидетельствах о святых Борисе и Глебе и пр. Сани то везли, то несли на плечах участники траурного шествия, они могли быть покрыты красным сукном. Сани использовались не только для покойников, но и для сопровождающих, в частности, в санях несли жен, провожавших таким образом тела усопших мужей до места погребения.

Похороны царя Алексея Михайловича

Особое внимание, конечно, было привлечено к смерти самого монарха. Рассмотрим церемониал похорон царя Алексея Михайловича, его погребение проходило на следующий день после смерти, 30 января 1676 г.[124] В процессии участвовал его сын и наследник царь Федор Алексеевич в траурном платье, в ожерелье (подобие воротника) из вишневого бархата, в черной шапке и с черным посохом. Федора Алексеевича несли в «креслах» в связи с тем, что молодой царь «скорбел ножками». Платье покойного царя было парадным «печальным», но не черным: платно из бархата «виницейского золотного оксамичена» с узорами, вышитыми красным и зеленым шелком с жемчугом, покров золотого аксамита с серебром шитыми узорами, кровля гроба алая с узорами золотом и серебром. Маршрут следования: из деревянных хором – в Передние сени, затем – в Проходные сени, что перед Золотой палатой государыни царицы и на Постельное крыльцо. Там поставили тело на сани и так несли Постельным и Красным крыльцом в собор Архангела Михаила. Царицу Наталью Кирилловну за гробом мужа несли в санях.

Похороны царя Федора Алексеевича

По той же схеме происходили похороны царя Федора Алексеевича,[125] скончавшегося после исповеди и приобщения Святых Тайн к вечеру 27 апреля 1682 г. на 21-м году жизни. Так как он скончался в конце дня, то погребение, по обычаю, совершилось на следующий день, 28 апреля. По традиции царский гроб должны были провожать вдовствующая царица и наследник, следовательно, на погребении царя Федора следовало присутствовать его вдове царице Марфе Матвеевне и избранному в самый час его кончины десятилетнему царю Петру Алексеевичу, вследствие малолетства царя и его матери царице Наталье Кирилловне, мачехе царя Федора. Молодую вдову царицу Марфу Матвеевну несли до Красного крыльца на «черном сукне», далее – в «санях» сначала стольники, затем дворяне.

Во время данной церемонии произошла своеобразная «ритуальная революция»: в процессии Петра I сопровождала его мать, но, к всеобщему удивлению и соблазну, вышла и сестра усопшего царевна Софья. Таким образом обе заявляли свои права на представительство в государственной власти. Очевидно, Наталья Кирилловна не осмелилась оставить в подобной ситуации одного малолетнего нового царя, боясь за его безопасность. С другой стороны, ее шествие в траурной процессии служило демонстрацией ее собственных претензий на положение в обществе в сложный момент борьбы за власть. Тот факт, что она следовала за гробом пешком, ее не несли в санях, был новаторством в церемонии. Петр Алексеевич с матерью ограничились тем, что простились с почившим царем, когда гроб был поставлен в церкви на уготованном месте, затем ушли в свои покои. Еще большей смелостью было появление в шествии царевны Софьи, которая воспользовалась ситуацией, чтобы «сделать шаг из терема», по образному выражению историка И. Е. Забелина. Царевна Софья, вдовая царица Марфа Матвеевна и сестра царевна Софья остались до конца отпевания.

По поводу смерти молодого царя было создано произведение, впоследствии напечатанное в «Древней вивлиофике» Н. И. Новикова: «О преставлении от земного царства в небесное, блаженной памяти Божею милостью великого Государя царя и Великого Князя Федора Алексеевича, всея Великой и Малой и Белой России Самодержца».[126] Это литературное произведение, обращенное к читателю, очевидно, было выпущено в виде книги. После вступления с цитатами из Священного Писания идут главы стихов – плачи и утешения, озаглавленные «Плач и утешение

двудесятьма и двема виршами, по числу лет его Царского пресветлого Величества, яже поживе в мире описано». Произведение создано в виде лирического плача двуглавого «знаменного» Орла и утешения – возражения на плач, в котором проводилась главная идея о преемственности власти, прославлении достойных наследников престола. Символ России – Орел – плачет о том, как ему будет трудно жить после смерти Федора. На свой плач он получает утешение: Федор оставил вместо себя двух братьев Иоанна и Петра и сестру Софию «Мудрости тезоимениту», она и будет Орлу отрадой. Если воин, привыкший побеждать, скорбит о том, что он остался без руководства, то в утешение воину остаются на царстве два брата усопшего. Самым лирическим мотивом стал «Плач Благоверной Государыни, царицы и Великой княгини Марфы Матвеевны», которой «ничего ни мило, ни бисер, ни серебро» после смерти ее супруга. Она обращается с призывом ко всем женщинам разделить с ней скорбь. Утешением ей служит ответ от самого царя Федора, в нем он объясняет своей вдове, что ей все сочувствуют: и Синклит, и народ, а он сменил государство земное на царство вечное. Оптимистично звучит мысль о том, что и до него цари умирали, если бы он прожил больше, больше увидел бы скорби, а так, сколько ни живи, хоть тысячу лет, конец один. Бог, призвавший его, вручает ее своим братьям и сестре Софии, которые будут о ней заботиться. Мораль: «Не к тому же глаголи, Остах во печали, / Рех: радуйся о Бозе, живи его хвали»,[127] т. е. «хватит говорить о скорбном, оставь печаль, радуйся и живи, хваля Господа». Автор «Плача» – Сильвестр Медведев.

Далее идут плачи всех членов семьи: теток-царевен: Анны Михайловны и Татьяны Михайловны, скорбящих о смерти племянника, бывшего им вместо сына; плачи сестер-царевен, оплакивающих смерть брата: Евдокии, Марфы, Софьи, Екатерины, Марии, Натальи. Всем царевнам дает утешение сам царь Федор, сравнивающий девять скорбящих женщин с песнью девяти ангельских чинов, но у ангелов песнь радостная, а у сестер – скорбная, что не правильно, ведь осталось после него два брата, этому и надо радоваться и почитать их. После личных скорбей идет плач Великой России, в нем дается прославление великого царя, усопшего Федора Алексеевича и «Утешение России Великой»: славная Великая Россия будет жить вечно, Бог жив, и Федор будет у Него жить вечно. На плачи Малой и Белой России – утешение обеим. Апофеозом произведения служит глава «Надгробное блаженной памяти великому государю царю и великому князю, Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, по числу лет, колико царствова,

расположенное». Эта поэтическая ода с перечислением праздников, упоминанием о месяце апреле, когда все расцветает, а царь скончался; о дне, в который он ушел из жизни, завершается подведением итогов: «Надпись гробный: Здесь лежит Царь Феодор, в небе стоит цело / Стоит духом пред Богом, само лежит тело: / Аще лежит, своему лежит Царь Цареве, / Аще стоит, своему стоит Господеве».[128]

Впоследствии идея создания литературных произведений на смерть монарха получила свое развитие и в императорской России, как в виде лирических произведений, так и в виде различного рода изданий.

Церемониал похорон членов царской семьи

Отстраняясь от некоторых вариантов, можно выделить главные элементы церемониала похорон членов царской семьи, который сформировался и был неоднократно опробован в XVII в.: звон в колокол при сообщении о смерти монарха; «прощание» с телом царя бояр и двора; траурная процессия в Архангельский собор (для мужчин), Вознесенский монастырь (для женщин), во время которой тело несли в санях; отпевание и погребение; сорокадневное «дневание и ночевание» у могилы новопреставившегося придворных чинов. Печальным действом руководило высшее духовенство, оно отправлялось с иконами и крестами в царские хоромы (гробы царевен выносили сначала в церковь Рождества Богородицы на Сенях). Во время Печального шествия гроб и «гробовую кровлю» несли дворяне и стольники, иногда и окольничие; на Красном крыльце гроб ставили на заранее изготовленные «выносные сани», обитые обычно красным (для вдов и вдовцов – черным) сукном. Далее сани с гробом стольники несли до Архангельского собора или Вознесенского монастыря. Перед церковью гроб снимали с саней, вносили в церковь и ставили на приготовленное возвышение – стол. Процессия четко разбивалась на две части: впереди гроба шла группа духовных лиц, за гробом – светские: царь, царевичи, бояре, думные и ближние люди, дьяки, дворяне и т. д. Женщины (царица, царевны, боярыни) в похоронном шествии принимали участие не всегда. Обычно в печальном шествии участвовала вдова покойного, сестры и дочери не должны были покидать терем. Ближайших родственниц – вдову или мать – обыкновенно несли в специальных санях. Одной из первых осмелилась на шествие пешком за гробом царя Федора Алексеевича царица Наталья Кирилловна, впрочем, это было вызвано особыми обстоятельствами.

По указанной выше схеме проходили похороны царицы Агафьи Симеоновны Грушецкой (первой супруги царя Федора Алексеевича) 15 июля 1681 г.; царевны Марии Иоанновны (дочери царя Иоанна Алексеевича) 13 февраля 1692 г.; царевича Александра Петровича (сына царя Петра Алексеевича и Евдокии Федоровны) 14 мая 1692 г.; царицы Натальи Кирилловны 26 января 1694 г.,[129] старшего брата Петра царя Иоанна Алексеевича 30 января 1696 г.[130] В этих похоронах использовался обычный маршрут по Кремлю.

Когда хоронили царя Иоанна Алексеевича, царь Петр Алексеевич шел за гробом, вдова царица Прасковья Федоровна также шла за гробом пешком, в отличие от царицы Марфы Матвеевны, которую в подобных обстоятельствах несли в специальных санях, хотя в принципе ее участие в церемонии не являлось обязательным. В церемониале погребения Иоанна Алексеевича было подчеркнуто, что проходило оно по «обычному государскому чину».[131]

В некоторых процессиях царь Петр Алексеевич не принимал участия, например, его не было при похоронах сына Александра и матери царицы Натальи Кирилловны. Н. И. Павленко считает, что игнорирование похорон сына могло быть вызвано неприязнью к жене Евдокии Лопухиной, а отсутствие на погребении матери могло быть обусловлено нежеланием демонстрации горя по горячо любимой матери, т. е. человеческой слабости, своему окружению.[132]

Панафидный приказ

Делами поминовения великих князей, царей, цариц, царевичей и царевен российских занимался Панафидный приказ, одно из самых немногочисленных государственных подразделений. Название приказа «Панафидный» восходит к слову «панафида», т. е. «панихида». Дьяк Котошихин в главе седьмой «О приказех» Панафидной приказ указывает в самом конце: «…а в нем сидит дьяк. А ведомо в том Приказе поминание по мертвых прежних великих князех, и царех Росийских, и царицах, и царевичах и царевнах: и которого дни прилучитца по ком творити память, на Москве и в городех, и в монастырех по церквам, указы посылаются ис того Приказу».[133] В связи с тем, что приказ ограничивался только поминовением, увеличивать штат не было необходимости.

Похороны патриарха

Главой светской власти был царь, власть духовную представлял патриарх. Для соотнесения ритуала похорон первых лиц в государстве, как в духовной, так и в светской областях, интересно провести сравнение патриарших похорон с царскими.

7180 (1672) г. февраля в 17-м день в субботу сырной недели в начале второго часа дня преставился великий господин святейший Иосаф II патриарх Московский и всея Руси. При смерти его присутствовали наиболее важные церковные иерархи: Питирим митрополит Новгородский, Павел митрополит Крутицкий, Варсонофий архиепископ Смоленский, Иоаким архимандрит Чудовский. В момент исхода души от тела причащали Святых Тайн, по отшествии души от тела ударили в Успенской большой колокольне трижды. Традиция ударов в вестовой колокол по печальному поводу существовала, как мы видим, и для светских, и для духовных правителей. Тело сразу обмыли, и черное духовенство облачило его в святительские одежды. В келье положили тело в деревянный гроб, после чего архиереи пошли служить литургию по всем митрополитам Московским, умершим ранее. Отпев литургию и облачась, пришли в крестовую палату и ожидали прихода великого государя царя Алексея Михайловича. Если к выносу тела царя появлялся патриарх, то к выносу тела патриарха пришел царь со своим синклитом: боярами и окольничими и прочими чинами, прощался у гроба с телом и целовал в руку, подавая пример своим приближенным. Церковные иерархи роздали свечи присутствующим: царю, его приближенным (белым властям) и духовенству (черным властям). К выносу тела были допущены протопопы и соборные священники. Дьяконы несли впереди крышку деревянного гроба, покрытую бархатным покровом. Тело патриарха было покрыто с ног до груди бархатным покровом, который использовался в патриарших похоронах, так же как и в царских. Два священника несли впереди три иконы. Перед гробом шли патриаршие певчие, певшие вместе с дьяками и подьячими «трисвятое надгробное». Зажженная лампада патриарха и его посох, несомые перед гробом, исполняли роль инсигний, т. е. знаков власти, по аналогии со скипетром, державой и короной в похоронах светского правителя. Патриарший ризничий, дьяки и подьячие шли в облачении впереди, а «черные» (т. е. церковные) власти и архиереи за гробом, а не впереди, как бывает обычно на подобных похоронах. Тело патриарха поставили в церкви трех святителей Петра, Алексея и Ионы Московских, после чего

государь за вынос тела архиереям и всему церковному чину раздал милостыню и ушел вместе со своими приближенными.

Традиционная поминальная трапеза для властей белых и черных, а также соборян состоялась по обычаю в крестовой палате. После стола пели литию за упокой и разошлись по домам. Ритуал раздачи милостыни и поминального стола также был соблюден. У гроба остались протопопы, читавшие Евангелие по очереди. Черные власти и архимандриты сменялись по часам до заутрени, до переноса тела в соборную и Апостольскую церковь для погребения. 18 февраля, на следующий день, со всего города народ и священники со свечами собрались для похорон. Сигналом к началу церемонии служил благовест в большой Успенский и «валовые» колокола. Пришедший со своим окружением царь прощался с телом, целуя усопшего в руку, после чего дал команду к началу церемонии. Митрополиты и священники с крестами пошли за телом к церкви Трех святителей, где их государь встречал на паперти.

После прихода процессии все присутствующие прощались с телом патриарха, целуя его в руку и митру. После пения литии и вечной памяти тело из церкви в собор понесли на руках с одром. Впереди процессии несли животворящие кресты, зажженную лампаду, посох и иконы в киотах, которые еще при жизни указал патриарх. Под пение и звон колоколов принесли гроб в собор. Архиепископы и духовенство шли не перед гробом, как это бывало при других похоронах, а за ним. Звон отличался от подобного при царских похоронах. В соборе гроб поставили там, где патриарх облачался на службе, – против царских врат. Началась литургия, во время которой стояли к западу лицом. Позади гроба поставили стул, подушку патриарха и посох Петра Чудотворца. Новгородский митрополит находился на стуле лицом к востоку. После службы тело отнесли в алтарь и поставили рядом с престолом. Затем произнесли здравицу государю, царице, чадам и царевнам, а также вечную память усопшему, а боярам и всем христианам – многие лета. После этого тело перенесли за престол, к нему ногами, головой к горнему месту. Архиереи по чину располагались рядом. После службы целовали тело в руку и митру, потом целовались друг с другом, затем причащались и вынесли тело на амвон, головой к царским вратам. Царь сошел со своего царского места, и по его указу была прочитана духовная грамота усопшего, вслед за чем начали петь погребение иноческое. В половине погребения положили патриарху на грудь святое Евангелие. Питирим прочитал разрешительную грамоту вселенских патриархов Александрийского и Антиохийского, собственноручно врученную

ими Иосафу во время визита в Москву, и вложил эту грамоту покойному в правую руку. После этого Евангелие с груди сняли, царь пришел целовать его и прощался с покойным, поцеловав его в руку, то же делали и приближенные. После целования провожали тело до гроба (могилы) с честными крестами. Все это сопровождалось колокольным звоном. Тело в деревянном гробу положили в гроб каменный и при пении предали земле. Посох Петра чудотворца оставили в соборе. Иосафа похоронили у западных дверей в правой стороне рядом с Гермогеном. После похорон царь ушел к себе, архиереи – в патриаршую крестовую палату, где был устроен поминальный стол, после чего отслужили литию за упокой, провозгласили вечную память, заздравную чашу правящему государю и разошлись. Царь присутствовал на панихидах, поминальные столы были по обычаю.

Из подробного описания чина погребения патриарха Иосафа, которое приводит Н. И. Новиков,[134] можно сделать однозначный вывод, что, за исключением некоторых незначительных деталей, все элементы траурного ритуала первых лиц государства в духовной или гражданской сфере совпадают. В подробном соблюдении государственного ритуала проявился дуализм власти в России XVII в. На похоронах царя роль главного участника и руководителя действия отдавалась патриарху, на патриарших похоронах главным лицом был глава светской власти, т. е. царь. Алексей Михайлович своим появлением определял начало шествия и окончание действия, своим примером показывал окружающим порядок прощания с телом – целование в руку и митру. За гробом следовали высшие чины духовенства, в данном случае заменяя собой группу ближайших родственников. Погребение происходило в традиционном месте. Процессия, колокольный звон, время и принцип захоронения, раздача милостыни, ритуальная еда, наличие символов власти – лампады, посоха, митры – соответствовали набору ритуальных действий и элементов, ставших традиционными при траурных мероприятиях лица определенного статуса.

Как и при погребении членов правящей семьи, сформировавшийся ритуал сохранялся также при последующих похоронах высших духовных лиц. Как и при царском погребении, при свежей могиле духовного лидера, происходили дежурства – сорок дней «денно и нощно» читали псалтырь.

Похороны простолюдинов

Для того чтобы понять всю торжественность погребения первых лиц государства, следует сравнить их с похоронами простых людей. С простолюдинами не было никаких церемоний. Автор «Точного известия о. крепости и городе Санкт-Петербурге…»[135] приводит свидетельства о похоронах обычных людей уже в новой столице русского государства: «Завернув тело в рогожу, привязывают двумя веревками к жерди, и затем два человека его уносят или увозят в санях, как я видел своими глазами, совершенно нагим, и хоронят без песнопений, колокольного звона и провожающих».[136] Похороны простолюдинов составляли, как видно из этого описания, разительный контраст с церемониалами людей значимых.

Воспоминания о похоронах как об очень важном ритуале, существенно различающемся в разных странах и являющемся показателем общей культуры общества, оставили практически все иностранцы, посещавшие нашу страну. Конечно, крайняя бедность проводов обыкновенных людей, особенно в сравнении с пышностью похорон людей известных, не могла не найти отражения в этих произведениях. Иностранцам казалось странным такое зачастую непочтительное отношение к смерти, выказываемое русскими в случаях, когда дело не касалось похорон представителей высшего общества.

Брауншвейгский резидент Вебер так описал русские похороны: «В Петербурге в случае смерти простолюдина выставляют его прежде на улицу, зажигают перед ним восковую свечу и просят у прохожего подаяния на погребение умершего. Сердобольные прохожие люди кладут около свечи деньги, и если близкие покойника или те люди, которые хотят снести его в могилу, найдут, что собранным подаянием достаточно оплачивается их труд, то кладут покойника в рогожу, увязывают в ней, и повесив его вроде мешка на шесте, взваливают на плечи двум из среды своей носильщикам и таким образом несут на кладбище, уговорив еще нескольких приятелей покойного проводить его до могилы».[137]

При всей кажущейся невероятности действа и очевидной субъективности свидетельств, оба мемуариста пишут, по сути, об одном: о жердях и рогоже, используемых при погребении, отсутствии каких-либо ритуалов и непочтительном отношении к телу умершего бедного человека.

Многие иностранцы указывали на использование выдолбленных бревен в качестве гробов. Так, Вебер, рассказывая

о рынке в Москве, замечает: «На этом же рынке стоит и несколько тысяч гробов различной величины, это просто выдолбленные бревна в виде корыта, с крышею, несколько заостренною кверху. Как только умирает простолюдин, близкие его покупают подобный гроб и в нем несут его для погребения в могилу».[138] Это замечание подтверждает версию о существовании промысла изготовления гробов и похоронного инвентаря в стране. Необходимость приобретения всего нужного для погребения, особенно учитывая скорость в захоронении мертвых тел, существовала у всех сословий русского общества, вплоть до самой его верхушки. Это поддерживало деятельность ремесленников, вовлеченных в данное производство.

По воспоминаниям жившего в Петербурге с 1736 по 1737 г. датчанина Петера фон Хафена, приведенным в книге «Путешествие по России»,[139] обычно похороны и проводы умершего простолюдина не производили большого впечатления. «Однако я часто наблюдал, – пишет мемуарист, – как лишь два парня приходили с телом, неся его на доске почти совершенно нагое и на плечах примерно так же, как носят муку к пекарю. Либо же в лучшем случае в выдолбленном бревне, если покойный был сколько-нибудь благородным человеком. При этом не было никакого сопровождения или церемонии».[140]

Некоторые русские традиции были непонятны представителям иной культуры. Так, датский посланник Юст Юль[141] указывал на поражающую иностранцев русскую традицию закладывать покойнику в руку после отпевания записку, что вызывало недоумение и различные толкования. Иностранцы строили различные предположения, в частности, думали, что эти записки являются паспортами для пропуска усопшего в рай. Но на самом деле записка носила информацию об имени, возрасте, звании, дне смерти покойника и о том, что все грехи ему отпущены по власти, данной священнослужителям «разрешать и вязать». Юст Юль определил: данная записка кладется в гроб не в качестве паспорта для пропуска покойника в рай, как ошибочно утверждают в своих описаниях почти все путешественники по России, а для того, чтобы в случае, если какое-либо истлевшее тело откопают, то из этой записки можно будет узнать, что похоронен христианин и кто он такой.

ГЛАВНЫЕ ПОХОРОННЫЕ ЦЕНТРЫ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

Представителей высшей социальной группы общества хоронили в особых местах – похоронных центрах. Часто употребляемый в данном контексте термин «некрополь» кажется не вполне подходящим для православного государства. Более правильным является употребление русских слов «кладбище», «погост», «усыпальница» (высокий стиль) для определения места захоронения мертвых тел.

К XVII в. главными погребальными центрами в столице государства становятся находящиеся на территории Московского Кремля Архангельский собор (место захоронения мужчин) и Вознесенский монастырь (место упокоения женщин – представительниц правящего дома). По определенным причинам могли произвести захоронение и в другом месте.

Собор Святого Архистратига Михаила (Архангельский собор) [142]

Собор Святого Архистратига Михаила (Архангельский собор) в Кремле был усыпальницей великих князей и русских царей. В старину он назывался церковью Св. Михаила на Площади.

Ныне существующий собор возведен итальянским зодчим Алевизом Новым в 1505–1508 гг. на месте уже существовавшего храма. Первая деревянная церковь, освященная в честь предводителя небесного воинства и покровителя русских князей в ратных делах святого архистратига Михаила, построенная в XII в., постепенно ветшала и в 1333 г. была перестроена в камне по приказу великого князя московского Ивана Калиты.

По преданию, новый храм возводился в благодарность за избавление Руси от страшного голода 1332 г. и завершал ансамбль площади, где уже стояли храмы Спаса-на-Бору, Св. Иоанна Лествичника и Успенский собор. Со времени захоронения в нем Ивана Калиты Архангельский собор приобрел значение государственной усыпальницы мужчин – представителей правящего дома. Сведений об этом храме имеется немного, но, вероятно, в нем появились приделы во имя святых покровителей сыновей Калиты Симеона и Андрея, там погребенных. В 1505 г. по приказу великого князя Ивана Васильевича обветшавшую церковь разобрали, и началось строительство новой, закончившееся уже при его сыне великом князе Василии III. Церковь освятил митрополит Феогност. [143]

Росписи собора на протяжении веков менялись, поновлялись. Более ранние фрески сохранились в дьяконнике, где была устроена усыпальница царя Ивана Грозного. Сохранившаяся до сего времени роспись относится к середине XVII в. – времени правления царя Алексея Михайловича. Выполняли ее Степан Резанец, Симон Ушаков, Федор Зубов и др. Опытные мастера по традиции повторяли композицию и рисунок фресок своих предшественников XVI в. Вместе с тем в их работе присутствуют появившиеся в то время антропоидные элементы в формах надгробий, распространение покровов, парсун и, возможно, деревянных изображений погребенных, причисленных к лику святых. Специалисты сравнивали росписи Архангельского собора с историей в лицах, однако украшавшие стены собора изображения представляли собой не портреты, а, по словам летописца, «воображены подобия князей». [144]

Соборная площадь Московского Кремля

По замечанию исследователя Архангельского собора Е. С. Сизова, расположение изображений подчинено идее иерархической пирамиды, устремленной к небу.[145] Так, в нижнем ярусе северной, западной и южной стен находятся изображения московских великих и удельных князей, похороненных в соборе. На столбах храма в нижнем ярусе изображены наиболее прославленные князья Владимиро-Суздальской Руси, во втором ярусе – Киевской Руси. Изображение великого князя Василия III, донатора собора, представлено на самом почетном месте – на северо-западном столпе напротив главного входа. Все князья, вне зависимости от обстоятельств своей жизни и склада характера, даже опальные и те, кто боролся с установлением московского самодержавия, например Юрий Звенигородский и Василий Косой, показаны в нимбах. Это должно было продемонстрировать, что смерть примиряет всех Рюриковичей между собой – род московских князей должен представляться единой династией, находящейся под покровительством Господа.[146] «Портретная» галерея насчитывает более 60 персонажей, среди царских изображений: Федор Иоаннович, Михаил Федорович и Алексей Михайлович.

Архангельский собор. Фото 1883 г.

В соборе-усыпальнице стоят 46 княжеских гробниц московских князей и царей, начиная с Ивана Калиты и кончая Иоанном Алексеевичем, братом и соправителем Петра I. Исключение составляют святой благоверный князь Даниил Александрович, погребенный в Даниловом монастыре, и Юрий Данилович, брат Калиты, похороненный в Успенском соборе, а также Борис Годунов. Его останки были выброшены из Архангельского собора в 1606 г. Дмитрием Самозванцем и отвезены в Троице-Сергиеву лавру, где могила семейства Годуновых сохранилась до настоящего времени. В Архангельском соборе находится могила М. В. Скопина-Шуйского. Здесь же были упокоены мощи святых мучеников князей Михаила Всеволодовича Черниговского и его боярина Федора, погибших в

Орде в 1246 г.

Фрески с изображениями московских великих князей над их захоронениями

Из Дома Романовых в Архангельском соборе похоронены: первый царь династии Михаил Федорович (12.07.1596–12.07.1645), его сыновья – царь Алексей Михайлович (10.03.1629–30.01.1676), царевичи Иоанн (1.06.1633–10.01.1639) и Василий Михайловичи (14.03.1639–25.03.1639). Сыновья царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны Милославской царевичи Димитрий (22.10.1648–16.10.1649), наследник престола Алексей (05.02.1654–17.01.1670) и Симеон Алексеевичи (03.04.1665–18.06.1669); цари Федор (30.05.1661–27.04.1682) и Иоанн Алексеевичи (27.08.1666–29.01.1696). Там же был похоронен сын царя Федора Алексеевича и царицы Агафьи Семеновны Грушецкой царевич Илья (11.07.1681–21.07.1681). Из трех сыновей, рожденных царем Петром I и его первой женой Евдокией Лопухиной, в Архангельском соборе похоронен царевич Александр Петрович (23.10.1691–14.05.1692).[147] Единственным императором, похороненным в Архангельском соборе, стал Петр II Алексеевич (12.10.1715–18.01.1730), умерший в Москве от оспы.

Захоронения в Архангельском соборе

Убранство могил в соборе на протяжении лет менялось. В 1636–1637 гг. все древние надгробия заменили новыми, выложенными из кирпича, с резными белокаменными стенками. В начале XX в. надгробия покрыли остекленными бронзовыми футлярами.

К XVII в. складывается традиция закрывать надгробные памятники покровами, что, впрочем, характерно не только для захоронений светских, но и духовных деятелей. Самое раннее упоминание о покровах на гробницах великих князей и царей в Архангельском соборе принадлежит С. Маскевичу (1611 г.): «… здесь погребают царей, гробницы их не великолепны; при каждой из них находится изображение умершего, частию на стене, частию на самом гробе, вышитое по бархату…».[148]

В описании Архангельского собора, сделанном в 1789 г., указано 13 покровов на царских гробницах, самый ранний из них был положен на гробницу царя Федора Иоанновича. Стилистика надписи на нем говорит о его происхождении во второй половине XVII в. На гробнице князя М. В. Скопина-Шуйского лежал покров без надписи. Свидетельство С. Маскевича позволяет предположить, что покровы были положены на гробницы тех царей, чьи изображения отсутствуют на стенах собора, например Ивана Грозного, Федора Иоанновича и, возможно, царевича Иоанна Иоанновича. Во всяком случае мемориальные портреты –

парсуны – ставились при гробницах царей, не изображенных на стенах собора. Известны парсуны царя Федора Иоанновича, князя М. В. Скопина-Шуйского, царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, написанные в 1677 г., а также царя Федора Алексеевича. Тесная связь иконографии царских парсун с иконами, ставившимися при гробницах святых, очевидна.

Могилы царя Ивана Грозного, царевича Ивана Ивановича и царя Федора Иоанновича в Архангельском соборе

Перенесение из Углича в 1606 г. останков канонизированного царевича Димитрия стало важной политической акцией царя Василия Шуйского, направленной против постоянно возникавших под именем убиенного сына Ивана Грозного претендентов на русский престол. Над погребением святого царевича в Архангельском соборе была возведена белокаменная резная сень и красивая литая бронзовая решетка, на серебряной раке надгробия – чеканное изображение царевича.

Некрополь великих и удельных князей московского дома и царей в Архангельском соборе формировался по четкой топографической схеме, связанной с сакральной топографией храма и мира. В православной традиции стороной спасения считается восток, с чем связана ориентация и алтаря, и христианского погребения – покойник лежит ногами к алтарю, чтобы «смотреть» на восток. Сходное значение придавалось и югу. Вероятно, при перестройке Архангельского собора в 1507 г. была

заложена определенная схема расположения гробниц, выявленная Е. С. Сизовым:[149] захоронения великих князей совершались на южной стороне; удельных князей – на западной; опальных – на северной.

На это даются ссылки и в летописях. В «Постниковском летописце» говорится о событиях, последовавших за смертью Василия III: «Месяца декабря в 11 день, в четверг, после великого князя Васильевы смерти в осмы день поймали бояре великого князя Васильева брата князя Юрья Ивановича дмитровского на Москве и бояр его и диаков. И посадили князя Юрья в Набережную полату. И там и преставися, на мертвом и железа обтерли. И положиша его в Архангиле на площади на той стороне, где опальные князи кладутца».[150] Усыпальница Ивана Грозного и его сыновей, созданию которой сам царь уделял большое внимание, расположена в южном предалтарном пространстве собора, т. е. в юго-восточном углу.

Обретение мощей Св. царевича Димитрия. Миниатюра из Жития Св. царевича Димитрия. Кон. XVIII в. (РНБ. ОЛДП. Q. 543. Л. 12)

Рака с мощами Св. царевича Димитрия в Архангельском соборе Московского Кремля

Почитание предков становилось особенно важным культом в наследственных монархиях. Высокий статус Архангельского собора выражался и в возникновении особой архиепископии архангельской (1599–1765 гг.), ее архиереи совершали отпевания и панихиды по умершим царям, а также в обряде, существовавшем, по-видимому, в XVII в. – класть челобитные на имя царя на гробницы великих князей и царей. Таким образом, царственные предки, похороненные в соборе, признавались ходатаями за просителя перед царствующим государем. Этот обычай существовал до времен Петра I. Члены правящего дома считали долгом чести делать пожертвования в собор.

Посещали Архангельский собор и иностранцы, оставившие свои воспоминания о нем. Брауншвейгский резидент Вебер осматривал гробницы всех русских царей в церкви Михаила Архангела в марте 1716 г. Священник провел его в «отдаленную камеру», по выражению Вебера, к стороне позади алтаря, где

стояли три каменных «гроба». В первом из них покоился царь Иван Васильевич, а в остальных – оба сына его. «Истинный Димитрий, убитый в 1591 году своим главным гофмейстером Борисом Годуновым, лежит в особом месте в этой церкви, гробница его стоит в колоннаде против алтаря, под другим небольшим приделом или алтарем в честь его, и русские чтут этого Димитрия почти как святого. Отец ныне царствующего государя Алексей Михайлович с двумя сыновьями своими Федором и Иваном Алексеевичами, которые оба царствовали, лежат почти посреди церкви, близко друг от друга, и три медные гроба их одеты великолепнейшими покровами. Бирюзовый камень, который царь носил на себе и который вделан здесь в крышку его гробницы, ценится особенно дорого по необычайной величине».[151]

Св. царевич Димитрий. Шитый покров. Фотография С. Прокудина-Горского. Углич, 1910 г. (Библиотека Конгресса США)

По словам автора воспоминаний, остальные цари лежат длинным рядом вдоль стены, тесно один к одному, и гробы их также покрыты драгоценными покровами. Великие князья царской крови, не правившие царством, покоятся в особом месте, и гробы их – Вебер насчитал в церкви около 30 – менее великолепны. Все покровы на царских гробах раскладывались только в большие праздничные дни или для показа чужестранцам и никогда в другое время, «…работы они превосходной, по русскому образцу, самая основа их шелковая или бархатная, сверху на многих из них массивный золотой крест, а по краям каждого покрова обозначено имя покойника, вышитые или низанные русскими буквами из многих тысяч жемчужин и дорогих каменьев разного рода».[152]

В 1917 г. собор был поврежден при обстреле Кремля и в 1918 г. закрыт. В 1929 г. после сноса в Кремле Вознесенского монастыря, где находилась усыпальница цариц и великих княжон, в подклеть Архангельского собора перенесли их останки. С 1955 г. в Архангельском соборе работает музей. В 1970-х гг. проведена внешняя реставрация.

В 1988 г. Поместный собор Русской православной церкви причислил Дмитрия Донского к лику святых, а 28 мая 1991 г. патриарх Алексий II провел богослужение над мощами святого благоверного князя Димитрия.

Вознесенский монастырь [153]

Женский Вознесенский монастырь в Московском Кремле находился недалеко от Спасской башни. История этой государственной усыпальницы для русских великих княгинь и цариц насчитывает почти 300 лет и заканчивается в первой половине XVIII в., когда Петр I перенес столицу в Санкт-Петербург.

Основала монастырь вдова великого князя Дмитрия Донского великая княгиня Евдокия Дмитриевна, построившая деревянный храм Вознесения на месте княжеского терема, откуда она провожала мужа на Куликовскую битву.[154] Точная дата основания обители неизвестна, предположительно это 1386 г., однако свой 500-летний юбилей монастырь праздновал в 1889 г. [155] Строительство каменного монастырского храма, согласно летописному источнику, началось 20 мая 1407 г.,[156] а спустя несколько дней 7 июня того же года княгиня Евдокия, принявшая постриг с именем Евфросинья, была похоронена в строящемся соборе. Она открыла длинный список представительниц правящей семьи, нашедших упокоение в монастыре. Исследователь Т. Д. Панова, много лет занимающаяся исследованиями некрополя Московского Кремля, считает, что для захоронения княгини недостроенную церковь освятили, а иначе погребение было бы невозможно.[157] Преподобную Евфросинию Московскую стали почитать покровительницей Москвы.

Вознесенский монастырь в Московском Кремле. Екатерининский храм. Справа – церковь Михаила Малеина. Фото конца XIX в.

Строительство продолжила ее невестка великая княгиня Софья Витовтовна, мать Василия II Темного, но ее смерть в 1453 г. не позволила завершить работу. Строительство храма-усыпальницы великих и удельных княгинь растянулось на долгие 60 лет и завершилось в 1468 г. После постройки в 1520-е гг. Новодевичьего монастыря Вознесенский стали называть Стародевичьим, это название сохранялось до 1817 г.

В 1587–1588 гг. при царе Федоре Иоанновиче Вознесенский собор строился по подобию Архангельского собора – храма-усыпальницы мужчин из правящего дома. Обитель не раз горела и восстанавливалась.

В Вознесенском монастыре были не только похоронены, но и жили многие из представительниц правящих фамилий – вдовы или монахини, а также царские невесты до свадьбы. Здесь Мария Нагая, в постриге инокиня Марфа, приветствовала Марину Мнишек, проведшую в монастыре несколько дней до своей свадьбы с мнимым сыном Нагой Дмитрием. Мать первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича Ксения Ивановна Шестова, в иночестве Марфа, после приезда в Москву с новоизбранным царем своим сыном 2 мая 1613 г. «удалилась в Вознесенский девичий монастырь, коего она с 1619 г. была игуменьей до самой своей кончины 28 января 1631 г.».[158]

Вознесенский собор Вознесенского монастыря. Вид с северной стороны

Кроме главного Вознесенского собора в монастыре были еще две церкви: Михаила Малеина и святой великомученицы Екатерины. В 1634 г. по приказу царя Михаила Федоровича зодчий Бажен Огурцов построил новую церковь в монастыре в честь святого покровителя царя Михаила Малеина. Третью церковь начали возводить по проекту К. И. Росси в 1809 г. и освятили в 1817 г. во имя святой великомученицы Екатерины. Это единственное сооружение великого архитектора в Москве, дожившее до наших дней. Строительством церкви Росси занимался до 1812 г., заканчивал постройку архитектор А. Н. Бакарев. Грандиозное сооружение, по размерам не уступающее соборному храму, было выдержано в романтическом готическом стиле.

Интерьер церкви Св. Екатерины Вознесенского монастыря

Вознесенский собор являлся усыпальницей женщин царского рода, вдоль стен и столпов стояли 38 гробниц, всего 51 захоронение[159] – от основательницы обители Евдокии до сестры Петра II великой княжны Натальи Алексеевны (21.07.1714–

22.11.1728, похоронена спустя 2 месяца после своей смерти 22.01.1729). Среди погребенных в соборе: Софья Витовтовна (жена Василия I), София Палеолог (жена Ивана III), несколько жен Ивана Грозного, начиная с Анастасии Романовны и кончая Марией Федоровной Нагой, матерью царевича Дмитрия. В обители нашли упокоение представительницы царской династии Романовых: первая и вторая супруги царя Михаила Федоровича Мария Владимировна Долгорукая (умерла 06.01.1625) и Евдокия Лукьяновна Стрешнева (умерла 18.08.1645); дочери Михаила Федоровича и Евдокии Лукьяновны царевны Пелагея (20.04.1628–25.01.1629), Анна (14.07.1630–27.10.1692), Марфа (14.08.1631–21.09.1632), Софья (30.09.1634–23.06.1636), Татьяна (05.01.1636–24.08.1706), Евдокия (родилась и умерла 10.02.1637) Михайловны; первая и вторая супруги царя Алексея Михайловича Мария Ильинична Милославская (01.04.1626–03.03.1669) и Наталья Кирилловна Нарышкина (22.08.1651–25.01.1694); дочери царя Алексея Михайловича и Марии Милославской царевны Анна (23.01.1655–03.03.1670) и Евдокия (26.02–28.02.1669) Алексеевны; дочь царя Алексея Михайловича и Натальи Кирилловны царевна Феодора (04.09.1674–28.11.1677); первая супруга царя Федора Алексеевича Агафья Семеновна Грушецкая (умерла 14.07.1681). Из дочерей царя Иоанна Алексеевича упокоились царевны Мария (21.03.1689–12.02.1692), Феодосия (04.06.1690–12.05.1691) и Прасковья Иоанновны (24.09.1694–08.10.1731), последняя в замужестве за сенатором и генерал-аншефом Иваном Ильичом Дмитриевым-Мамоновым.[160]

На северной стене Вознесенского собора и в северо-восточном углу были погребены опальные княгини Елена Волошанка, Евфросинья Старицкая, Евдокия Романовна Старицкая и четыре княжны Старицкие.[161]

Ф.-Х. Вебер смог посетить Вознесенский монастырь в 1716 г., о чем упомянул в своем произведении, посвященном пребыванию в России. Получение разрешения для посещения монастыря оказалось делом сложным. В монастыре монахини после него кадили ладаном и «сделавши. легкое замечание, показали гробницы всех цариц и царевен, которые были украшены так же как и гробы царей, и вообще убраны очень хорошо. Царицы и царевны покоятся большей частью в каменных гробах, они положены в том последовательном порядке, в каком умирали одна за другою».[162] Характерно замечание мемуариста о том, что «кадили ладаном» после него. Очевидно, посещение православного женского монастыря иностранцем неправославного вероисповедания привело монахинь в некоторое замешательство, выразившееся в желание тут же за ним

«очистить» обитель с помощью ладана. Так как русские надгробия имеют либо антропоморфную форму, т. е. форму человеческого тела, либо форму гроба, иностранцы часто их принимали за саркофаги, в которых, по аналогии с Западной Европой, останки оставались над землей, однако такой способ погребения не был характерен для светских лиц в России. Надгробия в форме призмы, т. е. гроба, часто путали с раками, где хранили святые мощи – останки святых.

В конце XIX – начале XX вв. монастырь относился к I классу и по спискам считался первым женским монастырем в России.

С октября 1918 г. обитель закрыли, последний его час пробил в 1929 г. В апреле по инициативе коменданта Кремля Р. А. Петерсона правительственная комиссия в составе К. Е. Ворошилова, В. В. Шмита, А. Е. Енукидзе осмотрела здания Чудова и Вознесенского монастырей и постановила снести их, очистив место для строительства Военной школы ВЦИК. Комиссия, в которую входили представители разных музеев – Д. П. Сухов, В. К. Клейн, Н. Н. Померанцев и др., организовала архитектурные обмеры и фотофиксацию монастырских построек. Их стараниями беломраморные саркофаги с останками великих княгинь и цариц вывезли сначала в Архангельский собор, затем – в подземную палату южной пристройки Архангельского собора, где они пребывают и ныне, кроме мощей Евфросинии Московской, перенесенных 28 мая 2008 г. в придел мученика Уара Архангельского собора.

При переносе захоронений впервые произвели вскрытие некоторых саркофагов, оно, как нередко бывает при подобных обстоятельствах, обросло различными мифами и легендами, нашедшими свое отражение и в исторической литературе. Так, по преданию, когда поднимали саркофаг преподобной Евдокии, он раскололся. В 1970-х гг. в научно-популярной и популярной литературе стали встречаться сведения о биологическом феномене, его якобы наблюдали специалисты, открывшие захоронение Марфы Собакиной. Сняв крышку с ее каменного саркофага, музейные работники будто бы увидели совершенно не тронутое тлением тело царицы – она лежала бледная, прекрасная и как живая,[163] а потом на глазах рассыпалась в прах. Доктор исторических наук Т. Д. Панова, занимавшаяся разработкой данной темы и опубликовавшая ряд статей ей посвященной, развеивает легенду.[164] По ее утверждению, в документации того времени нет ничего, подтверждающего эту удивительную историю. В природных условиях средней полосы России случаи мумификации крайне редки, поэтому связанный с Собакиной биологический феномен невозможен. Скорее всего, красивым

вымыслом обросло другое явление, встречающееся в средневековых захоронениях, если саркофаг изготовлен из белого камня – известняка. Когда, например, вскрыли погребения сыновей Грозного – царевича Ивана и царя Федора, то увидели, что все ткани их одежды и саванов сохранили форму тел. Дело в том, что в процессе тления мышечной массы ткани заизвестковались и затвердели. Но стоило гробы вскрыть, как под воздействием свежего влажного воздуха саваны, быстро утратив жесткость, осели. Сохранившийся скелет царицы Марфы Собакиной по своему состоянию ничем не отличался от других из некрополя бывшего Вознесенского собора в Кремле. Лучше, чем в некоторых других захоронениях, сохранился до наших дней череп Марфы. В 2003 г. эксперт-криминалист и один из ведущих в России специалистов по реконструкции облика человека по его останкам С. А. Никитин из Бюро судебно-медицинской экспертизы при Комитете здравоохранения Москвы восстановил портрет царицы Марфы Васильевны в виде скульптурного бюста, выполненного в бронзе.

Перенесение останков великих княгинь и цариц перед разрушением Вознесенского монастыря. Фото 1929 г.

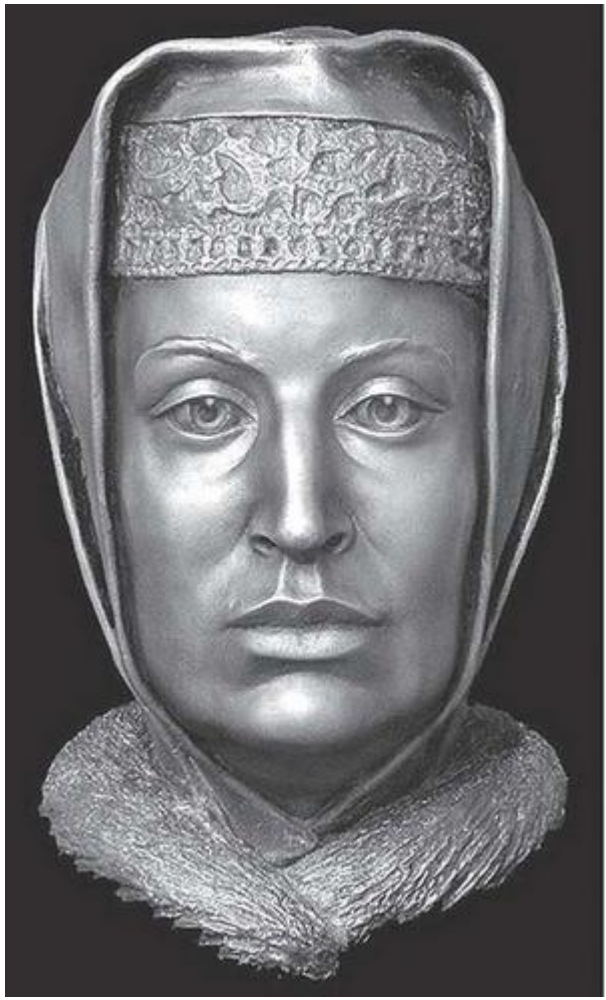
В 1929 г. Вознесенский монастырь взорвали. На его месте в 1932–1934 гг. по проекту архитектора И. Рерберга построено здание Военной школы им. ВЦИК, где впоследствии работал

Президиум Верховного Совета СССР.

Иконостас и древние иконы собора Вознесения Господня частично сохранились в соборе во имя Двенадцати Апостолов, а также в фондах музея.

Женские захоронения из Вознесенского монастыря, размещенные в музее-заповеднике «Московский Кремль», дают огромный материал для исследователей, они позволяют проследить обстоятельства жизни русских великих княгинь и цариц, бывших в средние века теремными затворницами, оставаясь в тени своих царственных отцов и мужей, а также выяснить судьбу некоторых из них. Активно изучать уникальный некрополь начали в середине 1980-х гг., наибольшего размаха работы достигли в 2001–2003 гг. В руках историков оказался интереснейший источник, исследование его раскрывает ценнейшие сведения о погребальном обряде и материальной стороне жизни средневекового общества.

Изучение некрополя Вознесенского собора дает такой богатый исторический материал, что возник даже особый научный проект.[165] В нем принимают участие антропологи, гистологи, геохимики, эксперты-криминалисты и специалисты других наук. Благодаря их трудам и нынешним возможностям науки удается полнее представить (а иногда и увидеть воочию) физический тип русских великих княгинь и цариц, понять, как они жили, и связать эти данные со сведениями о московском дворе, известными из письменных источников.

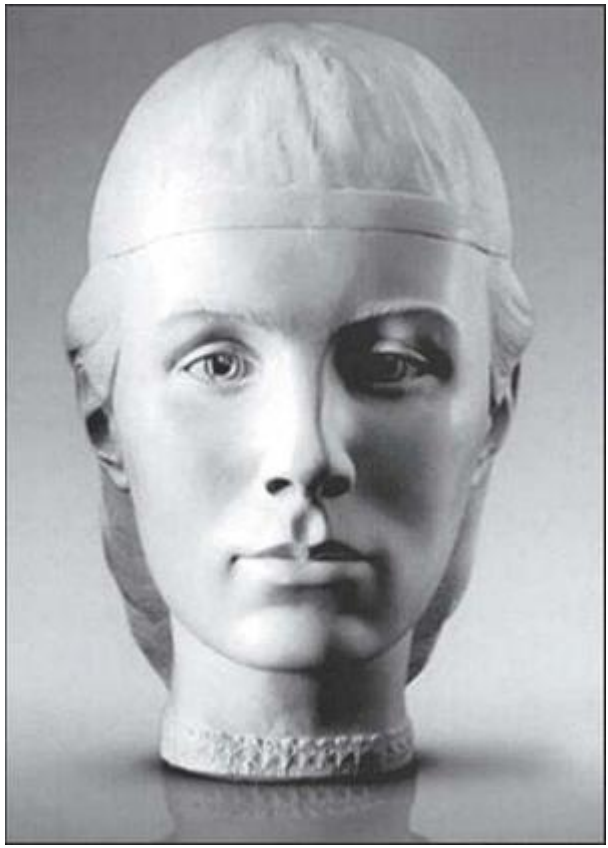


София Палеолог. Реконструкция по черепу С. Никитина

Единственной представительницей семейства Годуновых, похороненной и ныне на территории Московского Кремля, является царица Ирина Годунова, жена царя Федора Иоанновича. Над ее могилой размещался памятник, аналогичный тем, что и сегодня можно увидеть в мужском храме-усыпальнице Архангельского собора: белокаменный саркофаг антропоморфной формы без надписи-эпитафии на крышке. В 1580 г. Ирина стала женой царевича Федора. Год ее рождения неизвестен, хотя некоторые историки указывают на 1557-й, правда, без ссылок на источники. Исследование скелета царицы Ирины показало, что она прожила около 45 лет, не более, это позволило подтвердить дату ее рождения – 1557 г. После пострижения в монастыре

вдовствующая царица прожила пять лет и скончалась 29 октября 1603 г. Похоронили Ирину Годунову в усыпальнице русских цариц в Кремле. В отсутствии на ее саркофаге надписи, возможно, проявился акт смирения и уничижения, свойственный монашеству. Эту точку зрения подтверждают археологические раскопки в некоторых монастырских некрополях древнерусского времени. Но место погребения царицы в Вознесенском соборе зафиксировано документально, включая и записи, сделанные во время переноса всех саркофагов из некрополя в подземную палату возле Архангельского собора. Повторное вскрытие захоронения Ирины Годуновой проведено в 2001 г., в нем участвовала большая группа исследователей. С. Никитин восстановил внешний облик царицы по черепу, монашеский головной убор воспроизведен по миниатюрам Лицевого летописного свода XVI в. Остатки погребального инвентаря, изъятые из саркофага, подтвердили их принадлежность к монашескому облачению, как и фрагменты шерстяной схимы. Ее погребальная одежда черного цвета говорит о монашеском постриге. На головной убор царицы был нашит широкий равноконечный крест из тесьмы, он хорошо сохранился.[166]

При исследовании микроэлементного состава костной и иных тканей останков Ирины Годуновой удалось провести рентгено-флюоресцентный анализ кусочка ее мозга, обнаруженного в черепе при подготовке к реконструкции портрета, исследование проводила кандидат химических наук Е. И. Александровская. Анализ установил повышенное содержание в мозге царицы (по сравнению со средним, фоновым, наблюдаемым в наше время) железа, меди, свинца и минералов: ртути, мышьяка; выяснилось, что содержание свинца в тканях превышено в 80 раз, ртути – в 10 раз и мышьяка – в 4 раза.[167]



Елена Глинская. Реконструкция по черепу С. Никитина

В контексте разработки проекта изучения женских захоронений Вознесенского монастыря, осуществляемого в музее-заповеднике «Московский Кремль», вскрыто уже более 50 саркофагов. Похоронные принадлежности, одежда, собственно останки являются важнейшим материалом для исследования. При вскрытии в 1929 г. саркофага великой княгини Евдокии Донской (инокини Евфросинии), погребенной в 1407 г., выяснилось, что кроме обрывков кожаного монашеского пояса, украшенного тиснеными изображениями двунадесятых праздников и надписями к ним, на скелете уже ничего не сохранилось. От времени сильно пострадало погребение первой жены великого князя Ивана III великой княгини Марии Борисовны, скончавшейся, вероятно, от яда в возрасте около 23 лет в 1467 г. Химический анализ показал наличие в ее останках огромного количества цинка и множества других токсичных минералов.[168]

В саркофаге первой жены Ивана Грозного царицы Анастасии

Романовны хорошо сохранилась коса темно-русого цвета, при изучении микроэлементного состава волос, фрагмента ткани и тлена также было обнаружено большое количество солей ртути, другие же яды – сурьма, мышьяк, свинец в ее останках обнаружены не были. Скорее всего, причиной смерти царицы оказался один из «популярнейших» ядов Средневековья, так называемый «Венецианский яд», так что прав был ее супруг говоря: «… ядами царицу Анастасию изведоша». Другим способом, – принимая лекарство или пользуясь косметикой, несмотря на большое содержание в них вредных веществ, эта молодая женщина (на момент смерти ей было около 26 лет) не могла бы накопить в своем теле столько отравляющего вещества.

Ирина Годунова. Реконструкция по черепу С. Никитина

Выбор места для захоронения также не был случаен. Как говорилось выше, согласно традиции, восточная и южная части церквей считались более престижными. Среди погребений оказались и саркофаги с останками княгинь и княжон Старицких,

сведений об их посмертной судьбе в письменных источниках не сохранилось, а, может быть, и не было. Несмотря на то что представительницы этой опальной семьи удостоились погребения в родовой усыпальнице московских государынь, но то, как их захоронили, свидетельствует о том, что и после смерти мать и вторая жена Старицкого князя Владимира Андреевича должны были подвергаться унижению. Их похоронили на проходе, у северной двери храма-усыпальницы, без надгробных памятников над могилами, поэтому их могилы постоянно попирали ноги верующих, входящих в храм и выходящих из него. Очевидно, в этом сказалось желание царя предать забвению род своего двоюродного брата Владимира. Об этом же свидетельствуют и некоторые детали оформления захоронений Старицких княгинь – неаккуратно выполненные саркофаги, плохо вырезанные эпитафии.[169] Однако следует заметить, что вывод о своеобразном оскорблении памяти упокоенных в соборе представительниц семьи Старицких может быть и предположением Т. Пановой. Для сравнения: могилы родственников Петра I в Петропавловском соборе Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости лишились надгробий в 1732 г. по приказу Анны Иоанновны[170] и оказались потерянными. При нахождении захоронений во время подготовки новых склепов они не получили надгробных памятников. Посетители собора ходят по могилам, не подозревая об этом, но представляется невероятным, чтобы члены правящей семьи имели в виду унижение своих родственников. В том же Петропавловском соборе, явившемся официальной усыпальницей Императорского дома Романовых, внешний вид надгробий под покрывалами к 60-м гг. XIX в. явно не соответствовал статусу людей там погребенных, при том что подвергать унижению императорские могилы никому не пришло бы в голову.

Изучение позднейших захоронений из Вознесенского монастыря позволило судить о тех новациях, которые стали входить в жизнь, и, как следствие, в похоронный обряд русского общества второй половины XVII в. Так, при исследовании поздних саркофагов доставило неожиданность захоронение царицы Агафьи Семеновны Грушецкой, первой жены юного царя Федора Алексеевича. Их свадьба состоялась 18 июля 1680 г., а 14 июля 1681 г. царица умерла. На ее скелете, на груди под одеждой, лежал золотой наперсный крестик, украшенный цветной эмалью и надписями, в более ранних погребениях этой усыпальницы такие кресты не встречались. Прекрасно сохранился ее головной убор – волосник на подкладке. Тело царицы при захоронении было завернуто в шелковый саван, что соответствует

средневековой традиции. Символ христианства – крестик, сделанный из серебра и украшенный цветными эмалями, – присутствовал и на останках царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. В захоронении прекрасно сохранилось шелковое платье зеленого цвета с длинными рукавами и многочисленными пуговичками. Оказавшийся в хорошем состоянии череп царицы позволил воссоздать облик этой еще не старой женщины и сравнить его с известными парсунами конца XVII в., находящимися в некоторых музейных собраниях России.

В захоронении царевны Анны Михайловны, умершей 27 ноября 1692 г. в возрасте 62 лет, также найден крестик, но из дерева. Почти всю свою жизнь Анна Михайловна прожила в царском тереме, чувствуя приближение смерти, 18 октября 1692 г. она приняла постриг в Вознесенском монастыре под именем Анфиса,[171] в связи с этим похоронена инокиня Анфиса в черном монашеском облачении. Высокое происхождение усопшей нашло своеобразное отражение в выборе материала для одеяния: ее траурное платье сшито не из грубой ткани, а из тончайшей черной шерсти, огромная мантия, по подсчетам реставраторов, имела массу мелких складок на спине, их оказалось 42, что никак не говорит о монашеском смирении, а подчеркивает статус покойной царевны.

На заключительном этапе работ вскрыли погребение царицы Марии Милославской и царевны Татьяны Михайловны. В саркофаге царицы Марии (01.04.1624–03.03.1669) сохранились только небольшие кусочки шелковых савана и платья. В захоронении царевны Татьяны (05.01.1636–04.08.1706) исследователи увидели части савана и шелкового платья зеленого цвета, шелковые чулки и бархатные туфли. И у этой дочери царя Михаила Федоровича Романова на груди обнаружили небольшой резной деревянный крестик.

Иногда в царской усыпальнице находили последний приют представительницы знатных семей из окружения русских государей. В кремлевской обители закончила свои дни теща Ивана Грозного, мать первой русской царицы Анастасии Романовны боярыня Ульяна. Ее похоронили в стороне от царских могил, в северной части усыпальницы, наименее почетной по средневековым эсхатологическим представлениям. Если над могилами великих княгинь, цариц и царевен всегда сооружали высокий памятник с эпитафией (как в Архангельском соборе Кремля, что можно видеть и сегодня), то могилы менее почитаемых лиц обустраивали проще: в полу помещали горизонтально массивную плиту с надписью. На такие надгробия могли наступать ногами прихожане, что, естественно, не

говорило о желании унизить память упокоенного здесь человека, ведь сам факт выбора места для упокоения в правительственной усыпальнице являлся большой честью для усопшего. Так была похоронена и боярыня Ульяна, на ее плите полностью стерлись две верхние строки эпитафии, местами пострадала и остальная часть надписи. Однако сегодня на этом надгробии, случай редкий и весьма интересный, можно прочесть надпись: «… великомученика Федора Стратилата преставися раба божия Романова жена Юрьевича Ульяна в иноцех инока скимница Настясья в первый час нощи». Из этой эпитафии видно, что при постриге боярыня взяла себе имя своей рано умершей дочери, которую пережила на 17 лет.

В престижнейшем некрополе государства князю Ивану Бельскому удалось захоронить своих детей: малолетнюю дочь Анну (1561) и сына Федора (1568). Князь Иван Дмитриевич Бельский, потомок литовского князя Ольгерда, был первым по знатности в составе Боярской думы, поэтому он смог похоронить своих детей в главной усыпальнице Кремля. В Вознесенском соборе захоронили княжну Евдокию, дочь князя Федора Ивановича Мстиславского, умершую младенцем в 1600 г. Известного воеводу царь Иван Грозный включил в состав регентского совета на случай своей смерти, когда в 1561 г. заболел и составил завещание.

Родовой усыпальницей бояр Романовых стал московский Новоспасский монастырь.

Новоспасский монастырь [172]

Монастырь был основан в XIII в. святым благоверным князем Даниилом, сыном Александра Невского на месте, занимаемом теперь Даниловским монастырем. Сын князя Даниила Александровича Иван Калита, ставший великим князем в 1328 г., пожелал видеть вблизи своего дворца иноческую обитель и в 1330 г. перенес монастырь на Кремлевский Боровицкий холм к церкви Преображения Господня. Через год вместо деревянного был сооружен и торжественно освящен каменный храм Преображения Господня. В это же время сооружены и другие необходимые для монастыря здания. Спасский монастырь был местом постоянного богомолья великого князя и его семейства.

В правление Ивана III в связи с обширной постройкой великокняжеского дворца по инициативе Софии Палеолог Спасский монастырь оказался стесненным в плотном окружении появившихся дворцовых зданий, и великий князь решил перенести монастырь на другое место. По своему новому положению Спасский монастырь стал называться Новоспасским, или монастырем Спаса на Новом, несмотря на то, это одна из старейших иноческих обителей города. В 1491 г. Иван III заложил соборный храм в честь Преображения Господня, освященный в 1496 г.

Почти со времени основания Новоспасский монастырь становится местом погребения знатных боярских родов, преимущественно Романовых. В 1497 или 1498 г. здесь был похоронен один из предков Романовых Василий Юрьевич Захарьин. Новоспасский монастырь всегда находился под особым покровительством царей из рода Романовых. После погребения здесь любимой тетки царевны Ирины Михайловны царь Федор Алексеевич считал своим долгом постоянное посещение обители. Бывали в Новоспасском монастыре царевна София, Петр и Иоанн Алексеевичи. С конца правления Петра I начался постепенный упадок Новоспасского монастыря, только Елизавета Петровна посещала его часто. В 1764 г. при Екатерине II в процессе секуляризации церковного имущества монастырь лишился всех своих поместий, а значит и доходов.

В 1918 г. Новоспасский монастырь был закрыт. В первые послереволюционные годы здесь находилась женская тюрьма, затем – «исправительно-трудовой лагерь» для заключенных. В 1930-е гг. подвергся уничтожению знаменитый некогда монастырский некрополь, занимавший 2/3 территории обители, где покоились видные деятели Российского государства и церкви.

В 1935 г. территорию монастыря передали в ведение хозяйственного управления НКВД. В 1990 г. Новоспасский монастырь возвратили Московской патриархии. Постановлением Святейшего патриарха и Священного синода монастырю был присвоен статус Ставропигиального.

Так выглядел Новоспасский монастырь в начале XIX в.

На территории монастыря расположено несколько храмов.

Преображенский собор перестроили при царе Михаиле Федоровиче взамен первоначального с тем, чтобы усыпальница царских предков оказалась под сводами храма. 19 сентября 1647 г. Преображенский храм торжественно освящен патриархом Иоасафом в присутствии царя, при настоятеле архимандрите Никоне. Храм был расписан в 1680-е гг. Особый интерес по своей исключительности представляет изображение родословного дерева русских великих князей и царей рода Рюриковичей, находящееся на своде вблизи входа в собор. Все государи изображены во весь рост с нимбами вокруг головы. Первыми представлены святые равноапостольные великий князь Владимир и великая княгиня Ольга с кувшинами в руках, поливающими корень этого родословного древа. Все князья династии изображены по порядку престолонаследия. Завершают череду царь Федор Михайлович и святой царевич Димитрий – последние потомки дома Рюриковичей.

По историческим документам и описаниям в подклете Спасо-

Преображенского собора насчитывалось более 70 захоронений бояр Романовых и их близких родственников. Среди погребенных здесь – родоначальник рода Романовых Роман Юрьевич Захарьин (умер в 1543 г.), отец патриарха Филарета боярин Никита Романович Юрьев, в схиме Нифонт (умер в 1586 г.). К древней части усыпальницы относятся захоронения четырех родных братьев патриарха Филарета, трое из которых скончались в ссылках, пострадав во времена царя Бориса Годунова, а в 1607 г. были перезахоронены в Новоспасском монастыре. Один из них – боярин Михаил Никитич Романов, сын Никиты Романовича Юрьева, мученически скончавшийся в 1602 г. в Ныробской волости (Пермский край) после продолжительного содержания в яме в цепях, почитавшийся святым, к месту кончины которого совершались паломничества. Цепи боярина хранились как святыня, в настоящее время они находятся в экспозиции местного краеведческого музея.

Новоспасский монастырь в Москве. Фото С. Прокудина-Горского, 1911–1912 гг.

В 1631 г. здесь была похоронена мать первого царя из новой династии Романовых урожденная Ксения Ивановна Шестова, постриженная вместе с мужем в июне 1601 г. по приказу царя Бориса Годунова и получившая при пострижении имя Марфы. В Новоспасском монастыре были похоронены сестра царя Михаила Федоровича Татьяна Федоровна, супруга боярина князя Ивана

Михайловича Катырева-Ростовского, скончавшаяся 21.07.1611, братья царя: Борис (скончался 29.11.1592), Никита (скончался в 1592 г.), Лев (скончался 21.09.1597) и Иоанн Федоровичи (07.06.1599), дочь царя Михаила Федоровича царевна Ирина Михайловна, крестная мать Петра I, умершая 08.02.1679.

Помимо Романовых и их родственников в усыпальнице погребены представители древних российских фамилий – Черкасские, Васильцевы, Дашковы, Голицыны, Куракины, Новосильцовы, а также иерархи Русской православной церкви и настоятели монастыря. Среди них – исследователь и описатель христианского Востока епископ Порфирий (Успенский, умер в 1885 г.), писатель и настоятель Новоспасского монастыря епископ Петр (Екатериновский, умер в 1889 г.).

Новоспасский монастырь. Фото сер. XX в.

Усыпальница бояр Романовых в подклете Спасо-Преображенского собора

17 сентября 1995 г. в уже возрожденный монастырь из московского Кремля согласно решению, принятому на высшем государственном уровне, торжественно перенесен прах великого князя Сергея Александровича Романова (29.04.1857–04.02.1905). Останки, собранные после взрыва бомбы эсера И. П. Каляева, были захоронены в Алексеевском храме Чудова монастыря, разрушенного в 30-е гг. XX в. Могила считалась утраченной, но была обнаружена при производстве работ на территории Кремля. В 1998 г. в монастыре был установлен воссозданный крест-памятник – точная копия креста, выполненного по проекту русского живописца В. М. Васнецова и находившегося в Кремле на месте убийства великого князя, но уничтоженного в 1918 г.

В усыпальнице теперь находится захоронение известной московской инокини Досифеи, руководство монастыря ассоциирует ее с тайной дочерью императрицы Елизаветы Петровны. Проведя практически всю жизнь в монастыре, инокиня Досифея скончалась в 1810 г. и была по завещанию похоронена в Новоспасском монастыре.

Покровский храм, или Храм во имя Покрова Богоматери, примыкает своей северо-восточной стороной к Преображенскому, имея с ним общую паперть. Он был заложен царем Алексеем Михайловичем в 1673 г., возведен на его средства за два года и освящен 7 октября 1675 г. патриархом Иоакимом.

С северо-западной стороны Преображенского храма

находится церковь в честь Знамения Богоматери, или Знаменский храм. Икона Знамения Богоматери была родовой в семействе бояр Романовых. Первоначально храм был сооружен царем Михаилом Федоровичем над тем местом, где были погребены привезенные сюда тела бояр Романовых, дядей царя и родных братьев патриарха Филарета: Александра, Василия, Михаила и Ивана Никитичей. В 1791 г. взамен разобранного из-за ветхости храма около старого места граф Шереметьев возвел новый храм, также во имя Знамения Богоматери, освященный в 1795 г.

Знаменский храм – двухэтажный. Верхний этаж представляет хоры, где и устроен сам храм, а нижний – усыпальницу. Под алтарем храма помещена фамильная усыпальница графов Шереметьевых, родственников Романовых. Под Знаменским храмом погребены также князья Лобановы-Ростовские, Черкасские, Сицкие и Урусовы.

В северо-западном углу братских келий помещается Никольский храм, или церковь во имя святителя Николая, построенная в 1652 г. князем Яковом Черкасским при монастырской больнице. В подвальном этаже под Никольской церковью находились знаменитые застенки и каменные мешки, куда сажали присылаемых в монастырь преступников.

Настоятели Новоспасского монастыря носили сан архимандритов или пребывали в архиерейском сане и пользовались особым благоволением как светских, так и духовных властей, имея ряд привилегий. В разное время архимандритами Новоспасскими были выдающиеся иерархи. Среди них – первый патриарх Московский и всея Руси Иов, патриарх Никон, начавший свое восхождение к вершинам духовной власти в стенах данного монастыря, патриарх Питирим, святитель Филарет митрополит Московский и Коломенский.

Успенский собор Московского Кремля

Успенский собор Московского Кремля. Рис. сер. XIX в.

Некое отношение к погребальным центрам правящей семьи имеет Успенский собор Московского Кремля, где, согласно традиции, проходила церемония коронования русских царей, впоследствии императоров. В соборе был похоронен «великий государь» патриарх Филарет, отец и соправитель первого царя из династии Романовых Михаила Федоровича. Урожденный Федор Никитич Романов, лишенный боярства и имения в июне 1601 г., насильно постриженный в монахи с именем Филарета, сосланный царем Борисом Годуновым в Сийскую Антониеву обитель, скончался в Москве 1 октября 1633 г., «имея от роду 80 лет», но

на надгробном камне выставлен год 1634-й.[173]

Новодевичий монастырь

Новодевичий монастырь в Москве. Фото Анн-Лаур Перетти, 2007 г.

К погребальным центрам, где были похоронены члены династии Романовых, можно отнести московский православный женский Новодевичий монастырь, основанный великим князем Василием III в 1524 г. в честь Смоленской иконы Божией Матери «Одигитрия» в благодарность за овладение Смоленском. Здесь принимали постриг только знатные женщины и представительницы боярских родов и царской семьи. Сюда в 1689 г. по приказу Петра I была заточена царевна Софья, насильственно постриженная в монахини под именем инокини Сусанны после стрелецкого бунта. В 1698 г. опальная царевна Евдокия Федоровна Лопухина была пострижена в монахини и сослана в Суздальский Покровский монастырь. В 1727 г. император Петр II разрешил ей вернуться и поселиться в Новодевичьем монастыре в палатах, впоследствии получивших название Лопухинского корпуса.

В 1922 г. монастырь закрыли; на его территории устроили Музей раскрепощенной женщины, преобразованный в 1926 г. в историко-бытовой художественный музей, с 1934 г. – филиал Государственного исторического музея. С 1964 г. на территории монастыря находится резиденция митрополитов Крутицких и

Коломенских. В 1994 г. возобновили монашескую общину, находящуюся в ведении митрополита Крутицкого.

На территории монастыря устроен некрополь. Из дочерей царя Алексея Михайловича и Марии Ильиничны Милославской в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря были похоронены царевны Евдокия (07.02.1650–10.05.1712), правительница София (инокиня Сусанна, схимница София) (17.09.1657–03.03.1704) и Екатерина (крестная мать Марты Скавронской, будущей императрицы Екатерины I Алексеевны, 26.11.1658–01.05.1718), а также первая жена Петра I Евдокия Лопухина (30.07.1669–27.08.1731).

Новодевичий монастырь, включенный ЮНЕСКО в список всемирного наследия человечества, считается одним из старейших и красивейших монастырей России.

Свято-Успенский монастырь. Фото С. Прокудина-Горского, 1911 г. (Библитека Конгресса США)

Успенский монастырь Александровской Слободы

В Александровской слободе было похоронено несколько представителей рода Романовых. Царевна Марфа Алексеевна (26.08.1652–19.06.1707), о судьбе которой говорилось выше, умерла в монастыре и была похоронена по завещанию без церемоний в общей усыпальнице. Впоследствии в 1712 г. по распоряжению сестер Марии и Феодосии она была перезахоронена в особом склепе монастырской церкви Сретения Господня в Успенском монастыре Александровской слободы. Царевна Феодосия Алексеевна (28.05.1662–14.12.1713) просила похоронить ее рядом с Марфой в Сретенской церкви Успенского монастыря Александровской слободы, что и было сделано сестрой царевной Марией Алексеевной.

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ЦЕРЕМОНИАЛА ПОХОРОН ПРИ ЖИЗНИ ПЕТРА I

Петр I, проводя свою политику «европеизации» России, как он ее понимал, отводил особое внимание выработке новых ритуалов, церемоний, праздников. Он стремился дать своему народу новые ориентиры, новые символы и святыни. В контексте общей реформаторской деятельности Петра сказалось и его особое отношение к похоронам, выразившееся в усиленном интересе правителя к этому вопросу и его участии во всех похоронных мероприятиях родственников, друзей, особенно иностранцев, волею судеб оказавшихся в России. Петр I обязывал своих резидентов, проживающих в иностранных государствах, сообщать ему о наиболее серьезных событиях, там происходивших; за границей и в России он не пропускал ни одного значимого мероприятия. Если это касалось лиц, занимавших особое положение в окружении царя, то он принимал непосредственное участие в организации и проведении ритуальных торжеств, особенное внимание он уделял похоронам сподвижников.

Похороны сподвижников

Похороны Ф. Я. Лефорта

Один из первых новаторских церемониалов был опробован в 1699 г. при похоронах ближайшего друга и сподвижника царя Ф. Я. Лефорта,[174] организацией и проведением которых занимался непосредственно Петр I. Ф. Я. Лефорт скончался в ночь на 2 марта 1699 г. сорока трех лет от роду после непродолжительной болезни. Сразу после смерти Лефорта боярин Ф. А. Головин послал гонца к царю с печальным известием. Родные начали готовить похороны, но ждали распоряжений государя. Петр прибыл в Москву 8 марта. В связи с тем, что в семье Франца Яковлевича не оказалось денег на его погребение (у его племянника Петра Лефорта даже не нашлось средств на пошив траурного платья), царь взял все расходы на себя.

Торжественный обряд похорон проходил 11 марта 1699 г. Таких почестей, как Лефорт, не удостаивался никто из бояр, тем более иноземцев, но, как говорили современники, высшими почестями для усопшего были царские слезы. Перед выносом царь приказал открыть гроб и в присутствии двора, рыдая, долго лобызал холодное тело. Во время погребальной процессии к реформаторской церкви царь шел в глубоком трауре, с первой ротой Преображенского полка, перед ним несли государственное знамя. Далее следовали Семеновский и Лефортов полки. Перед каждым полком шли музыканты, исполнявшие печальные мелодии. Офицеры были в черных шарфах и лентах. Знамена с долгими черными кистями и барабаны были обиты черным сукном. За полками ехал черный рыцарь с обнаженным мечом острием вниз, за ним вели двух коней в богатом убранстве и одного коня под черной попоной. Затем генерал-майор нес на черной шитой серебром подушке знаки Ф. Лефорта (по другой версии, их несли пять человек) – знамя с золотым в красном поле гербом и с оранжевой длинной перевязью, золотые шпоры, перчатки с золотой бахромой, шпагу, полковой жезл, шлем. Меняясь каждые четверть часа, двадцать восемь полковников в сопровождении пяти протестантских священников несли гроб, обитый черным бархатом с позументом, золотой бахромой и серебряными бляхами с гербом Ф. Лефорта. По другой версии, тело Лефорта везли на одре. За гробом шли сын синдика Женевы Петр Лефорт, послы Австрии, Бранденбурга, Дании, Швеции, пажи, бояре, офицеры в траурных одеждах. Два генерала под руки

вели вдову Елизавету Францевну в окружении толпы плачущих женщин.

Ф. Лефорт (1655–1699). Гравюра Г. Афанасьева

В реформаторской церкви Немецкой слободы пастор Стумпфиус сказал прочувствованное надгробное слово на текст из книги Экклезиаста. Охарактеризовав Франца Лефорта как «верного раба и служителя» Петра, он закончил свою речь словами: «…Солнце жизни его померкло в самый полдень славы, лучи же царской милости провождают его и до могилы… Доступностию наверху почестей, готовностию к ходатайству, безмерною кротостию и постоянным дружелюбием он привлекал к себе сердца всех людей». Речь так понравилась Петру, что он приказал напечатать ее и позже передал на хранение в Академию наук. Некоторые характеристики, данные пастором, присутствующие восприняли как осуждение покойного за порочные наклонности. Но, скорее всего, священнослужитель воспользовался ситуацией, чтобы призвать паству к необходимости подготовить добродетельной жизнью блаженную кончину. По окончании службы процессия тронулась на Немецкое

кладбище. После выноса тела из церкви раздались троекратные залпы сорока орудий, установленных на площади рядом с собором. При переносе тела на кладбище установленный порядок шествия был нарушен: бояре посчитали ниже своего достоинства идти за иностранными послами и опередили их. Петр заметил это и позже в гневе сказал племяннику Лефорта: «Это собаки, а не мои бояре». Когда гроб при пушечной пальбе и беглом оружейном огне опускали в могилу, Петр, рыдая, упал на труп своего друга. Поминки проходили в Лефортовском дворце. Когда царь на короткое время вышел, многие бояре поспешили покинуть церемонию. Вернувшийся Петр встретил их на лестнице и был сильно разгневан. Всем участникам похорон были выданы золотые перстни с вырезанным днем кончины и «изображением смерти». Ходили слухи, что ночью могилу Ф. Лефорта хотели вскрыть грабители, чему помешали жители Немецкой слободы. Вопрос о месте захоронения Ф. Лефорта до сих пор остается открытым.

В этих похоронах были намечены те детали реформирования траурного ритуала, которые отрабатывались на протяжении всего царствования Петра I и нашли свое отражение при его собственном погребении. Так, на похоронах Лефорта впервые были задействованы полки, названные гвардейскими: Семеновский, Преображенский и «личный» Лефортов полк. В дальнейшем гвардейские полки и подразделения, имевшие особую связь с усопшим представителем императорской фамилии, обязательно входили в состав почетного караула, сопровождавшего траурную процессию. Впервые в похоронах Ф. Я. Лефорта зарегистрированы рыцарские мотивы в виде двух рыцарей, их присутствие в дальнейшем станет обязательным. Один рыцарь – в золотых доспехах с ярким плюмажем и поднятым мечом, едущий на лошади, другой – в черных доспехах и черным пучком страусовых перьев на шлеме, следующий пешком с опущенным мечом. Латник в золоченых доспехах символизировал жизнь, светлое начало. Черный рыцарь олицетворял окончание земного пути, смерть. Две противоположности, два древних философских символа: начало и конец, жизнь и смерть, положительное и отрицательное, этот список можно продолжить, воплощались в своеобразных «масках», ставших обязательными участниками траурных мероприятий в императорском доме. Впоследствии эти рыцари будут восприниматься в контексте преемственности власти: черный латник – скорбный рыцарь ушедшего монарха, яркий латник в золоченых доспехах с праздничным плюмажем без траура – рыцарь нового правителя. Последний раз рыцари

пройдут за гробом Александра III 7 ноября 1894 г. в день последних торжественных похорон императора России – апофеоза русского самодержавия, получившего свое выражение в государственном церемониале.

При проводах Ф. Я. Лефорта особое внимание было обращено на присутствие лошадей, что нашло свое отражение и в будущем. Лошадь как верный боевой товарищ, как символ воинской доблести, имеющий особое значение в жизни правителя-воителя, стала потом обязательным участником траурной процессии.

В данном случае офицеры, сопровождавшие тело, несли на бархатных подушках знаки воинского достоинства усопшего: золотые шпоры, пистолеты, шпагу, трость и шлем. Впоследствии при императорских похоронах, на церемониале более высокого ранга, были задействованы как государственные инсигнии – знамена, мечи, скипетр, держава, короны, так и знаки личного отличия покойного – кавалерии, т. е. ордена, носимые на специальных бархатных подушках (первое упоминание об их использовании в похоронных церемониях в России относится к ритуалу погребения Ф. Я. Лефорта).

Прохождение в процессии представителей дипломатического корпуса, так же как и свободный доступ лиц женского пола, едва ли не впервые зарегистрирован именно в этой траурной процессии. Абсолютно новым элементом всего траурного действия оказался оружейный салют в отличие от традиционного для России колокольного «печального» звона. Впоследствии и колокольный звон, и салютационная пальба стали звуковым сопровождением похорон представителей правящей фамилии и особо торжественных церемоний императорской России.

Еще одним нововведением, используемым в похоронах Ф. Я. Лефорта, стало прощальное напутственное слово, традиционное в протестантском траурном церемониале, но непривычное для России. Петру I в его желании привить западные культурные ценности своим подданным и внедрить образовательную функцию в русскую православную службу идея не могла не показаться привлекательной. В дальнейшем напутственные слова, а не только ритуальное пение и определенный вид службы, стали обязательным элементом траурного ритуала. Кроме восхваления усопшего монарха напутственное слово выполняло идеологические задачи прославления и укрепления самодержавной власти.

День накануне погребения Ф. Лефорта ознаменовался учреждением первого и самого главного ордена Российской империи – святого апостола Андрея Первозванного.[175] Хотя относительно даты учреждения ордена абсолютной уверенности

не имеется, но 10 марта окрашено мистико-символическим звучанием, так как 10 марта, но уже 1725 г., станет днем похорон самого Петра I.

Похороны П. Гордона

П. Гордон (Патрик Леопольд) (1635–1699). Гравюра Г. Афанасьева

Могила Патрика Гордона на Введенском кладбище (Москва)

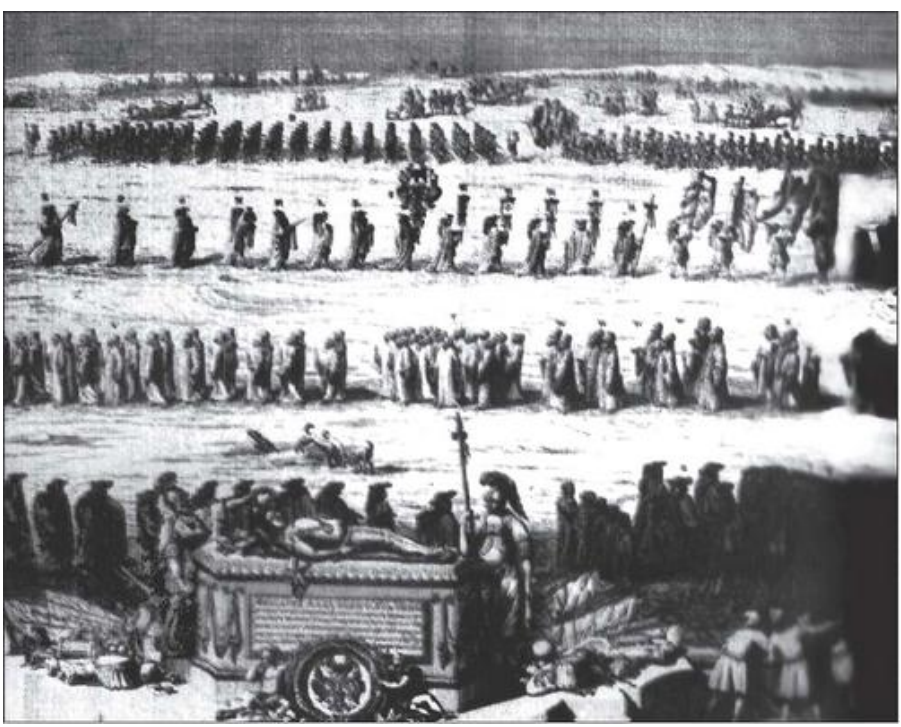
В конце 1699 г. скончался еще один сподвижник молодого царя шотландец католик Патрик Гордон, чьи похороны были не менее пышными, чем похороны Ф. Я. Лефорта. Царь, отдавая должное своему сподвижнику, назначил для его погребения такой же великолепный церемониал, как и тот, с которым хоронили Лефорта. «Солдаты трех гвардейских полков с грустными лицами, при унылых звуках труб и барабанов, имея среди себя царя, занимавшего обычное место в своем полку, проводили гроб генерала; похороны сопровождались выстрелами из двадцати четырех пушек большого размера, так что приходилось сомневаться, было ли это заявление печали или радости. По приказанию царя совершено было священнослужение, и

императорский миссионер Иоанн Берула произнес надгробную речь, накануне царевич Алексей Петрович с Натальей, любимой сестрой государя, слушали церковную службу в католическом храме».[176] В присутствии Петра I шотландца похоронили под алтарем первого католического храма в России, возведенного в 1694 г. в Немецкой слободе. Через сто с лишним лет прах Гордона был перенесен на московское Введенское кладбище.

Таким образом, 1699 г. стал отправной точкой для изменения одного из самых консервативных государственных ритуалов – похоронного, когда при погребении Ф. Я. Лефорта и П. Гордона были заложены основы церемониала, который, вполне согласуясь с общим реформированием жизни русского общества, претерпел значительные изменения в петровскую эпоху.

Похороны Ф. А. Головина

После смерти Лефорта особо близким Петру человеком становится Федор Алексеевич Головин. Его похороны также вылились в событие особой важности, в котором царь принимал личное участие. 24 июня 1706 г. граф Ф. А. Головин неожиданно захворал в Нежине и 30 июля скончался в Глухове. Летняя жара и военные действия помешали отправке тела в Москву.



Похороны Ф. Головина. Гравюра нач. XVIII в.

В январе 1707 г. Петр I напоминал Ф. М. Апраксину и Ф. Ю. Ромодановскому: «К погребению адмирала изволь чинить приготовление, а когда будет все изготовлено, то немедленно о погребении указ к вам будет прислан».[177] Последние наставления были получены Ф. М. Апраксиным в письме от 05.02.1707 г.: «Мингер! Писано о погребении адмирала, и чтоб оное его тело достойному по его чину предать погребению… впрочем, не ожидая нас».

Похороны Ф. А. Головина состоялись 22 февраля 1707 г., через 8 месяцев после смерти. Из гравюры, изготовленной по личному распоряжению царя,[178] видно, что они отличались пышностью и были организованы как театральное действо, вполне в согласии с новыми установками в проведении подобных мероприятий. Процессия была четко разбита на группы. Впереди каждой группы шествовал маршал с жезлом. Во главе процессии на богато украшенной лошади ехал рыцарь в латах с обнаженным мечом, за рыцарем шли патриаршии певчие и монахи с зажженными свечами. Многочисленные ассистенты несли ордена, шпагу, личные вещи адмирала.

В процессии использовались все элементы государственной символики, что говорило о высоком статусе покойного. На древке несли двуглавого орла – герб государства. Так как хоронили военачальника, в процессии особую группу представляли знаменосцы. Участвовал и почетный караул – воинские части. Катафалк, представлявший собой одр, в отличие от русских выносных саней, везла шестерка лошадей в траурных попонах. За гробом шли высшие чины духовенства, «ближние сродники… и князи, и бояре, стольники и дьяки и иные прочие господа». У Симонова монастыря выстроились полки кавалерии и пехоты. С промежутком в одну минуту раздавались пушечные залпы. Ф. А. Головина похоронили в Успенском соборе.

Ф. Головин (1650–1706). Гравюра Шенка

Похороны Я. Ф. Долгорукого

Одним из близких Петру людей был Я. Ф. Долгорукий, похороны которого также привлекли внимание царя в 1720 г. Яков Федорович Долгорукий (Долгоруков) (1659–24.06.1720) – комнатный стольник, ближний боярин, сенатор при Петре I, с 1714 г. – председатель Ревизион-коллегии, скончался в возрасте 64 лет. В юности он получил хорошее образование под руководством польского наставника, и после его кончины дом покойного посетили члены польского посольства, отправленные королем Августом II в Россию для рассмотрения курляндского вопроса. Один из членов посольства оставил свои воспоминания об этом событии.[179] В резиденции покойного две комнаты были затянуты черной тканью. Это одно из первых упоминаний о траурном убранстве залы, где выставлено тело для прощания. Печальные залы – Castrum Doloris[180] – вошли в церемониал похорон первых лиц государства в первой трети XVIII в.[181] Безусловно, в случае с Я. Ф. Долгоруким оформление залы было выполнено достаточно скромно по сравнению с теми пышными

барочными декорациями, которые создавались позднее, тем не менее, в связи с появлением существенного временного промежутка между моментом смерти и похоронами, для прощания с телом усопшего возникла необходимость специального устройства помещения, что и было сделано, так как Я. Ф. Долгорукий был похоронен на 11-й день после смерти. Комната явно была особо украшена: представитель польского посольства заметил гербы умершего. Особое внимание уделялось освещению помещения: в люстрах было пятнадцать свеч, в канделябрах, обтянутых черной тканью, стоявших у гроба, – еще восемь. Интересно замечание относительно гроба и одеяния покойного: мемуарист указывает на то, что гроб обит ярко-красным бархатом с золотым позументом, матрац, на котором лежало тело, богато украшен золотом наподобие одеяла, под которым, очевидно, надо понимать покров. Одежду князя составлял саван, у шеи подвязанный лентой. В комнате, где был выставлен гроб с телом, поляки застали художника, снимавшего портрет Я. Долгорукова. Посмертное изображение, впоследствии ставшее обязательным элементом траурного ритуала, для России того времени было новаторством, обусловленным западным влиянием, и в более ранних случаях указаний на писание подобных картин не имеется. В данном случае портрет, украшенный траурными оборками, на высоком «черенке» (поставе) держали у гроба.

В комнате «немало было митрополитов, епископов, архимандритов и разного высшего духовенства»,[182] и посол выразил соболезнование архиерею Стефану (Яворскому). Поляков удивил обычай отдавать икону в монастырь после каждого покойника. Кроме священников дежурство у гроба несли двенадцать офицеров в черных плащах и траурном платье, опоясанном траурными же лентами.

В петровское время для руководства церемониями введены специальные чины – гофмаршалы. В данном случае указаны четыре гофмаршала с траурными жезлами, вводившие приезжавших. Прибывший царь осмотрел тело покойного при свете свечи. После этого покрывало сняли, накрыли гроб крышкой, прибили к бархату жестяной щит с гербом. Полякам накололи на шапки траурные ленты и выдали белые перчатки. Интересно, что специальная одежда, не принятая в России – белые перчатки, была заготовлена заранее для участников церемонии. Тех, кто прибыл в трауре, поблагодарили за проявленный такт.[183]

Шарль Лебрен. Портрет сенатора Я. Долгорукого (1639–1720)

В данном случае отпевание происходило по традиционному обряду. Необычным для иностранцев показался порядок расстановки духовенства в траурной процессии: от более высоких чинов по нисходящему значению,[184] впрочем, подобный порядок следования был необычным и для России, обычно процессия строилась по принципу старшинства – «младшие впереди», как мы видели на примере других процессий, лица духовного звания выстраивались и в допетровское время по возрастанию значения. Очевидно, в каждом отдельном случае вопрос мог решаться индивидуально, это было некоей закономерностью, но отнюдь не законом, которому надо было слепо следовать.

Многолюдная процессия приблизилась к неукрепленному берегу реки и начала спускаться по лестнице вниз, тут сходни обломились, и человек тридцать упало в воду. В числе упавших были лица высокого ранга, такие, как адмирал Ф. М. Апраксин, вице-канцлер П. П. Шафиров, управляющий Невской флотилией И. С. Потемкин, которого называли адмиралом Невским, много офицеров и даже дам. По счастью, никто не утонул, всех спасли. После этого Петр, оставив супругу Екатерину, отправился в монастырь, духовенство и близкие друзья покойного продолжили

свой скорбный путь, а остальные отправились во дворец. Траурная процессия вернулась после похорон. Во время стола, который, надо полагать, носил поминальный характер, согласно русскому обычаю, давали памятные золотые кольца и серебряные ложки. Традиция раздачи мемориальных траурных колец, браслетов и иных сувениров подобного рода сохранялась и в дальнейшем в Российской империи.

Похороны лейб-медика Р. К. Арескина

Петр I участвовал во всех значимых событиях своего времени, к которым относились и похороны. Он провожал в последний путь практически всех людей, которых знал, и участвовал в составлении церемониалов их похорон. Так как лейб-медики всегда имели особые отношения с членами правящей семьи, естественно, Петр I принимал участие в похоронах лейб-медика Арескина. Роберт Карлович Арескин (1677–1718) – доктор медицины и доктор философии, с 1704 г. – личный врач А. Д. Меншикова, с 1714 г. – лейб-медик, с 1716 г. – архиатер (глава Аптекарской канцелярии) и президент всего медицинского факультета России, а также действительный статский советник, первый директор Кунсткамеры и царской библиотеки, умер в Олонце в 1718 г.

Петр I приказал привезти его тело в столицу и похоронить в Лазаревской усыпальнице Александро-Невского монастыря рядом с могилой царевны Наталии Алексеевны, несмотря на католическое вероисповедание усопшего и отсутствие родственных связей с покойной сестрой царя. Медики в силу обстоятельств своей службы зачастую оказывались одновременно и доверенными лицами правителей, поэтому участие Петра в похоронах врача можно отнести к желанию отдать дань признательности и уважения близкому человеку, можно сказать, сподвижнику.

Великолепные похороны состоялись 4 января 1719 г. по Григорианскому календарю (25 декабря 1718 г. по Юлианскому календарю). Процессия направилась в новый Александро-Невский монастырь, лежавший в то время в семи верстах от Петербурга. По свидетельству Ф.-Х. Вебера, Петр следовал за телом, отслушав прежде в доме покойного надгробное служение и слово реформатского священника на голландском языке, и сам приказал закрыть там гроб, «по изъявлении знаков своей милости к покойному, а также к кавалеру Стерлингу, который по назначению царя занимался исполнением завещания покойного».

[185] Тело несли придворные медики и «знатнейшие» хирурги, одетые в черные мантии, до самого моста в Немецкой слободе в сопровождении бесчисленного множества народа, от моста тело поставлено было на сани, на которых его везли до монастыря. Весь путь следования освещали факелы. В монастыре уже от самых ворот до часовни стояли по обеим сторонам солдаты тоже с факелами, не угасаемыми на ветру, и его величество сопровождал гроб, держа в руке, по русскому обычаю, восковую горящую свечу, до самого могильного склепа, сделанного между склепами царевны Натальи и голландского контрадмирала.

Ситуация с похоронами лейб-медика является отражением конкретной политической ситуации в России того времени. В одном месте были собраны могилы людей разного социального статуса, включая представителей царской семьи (царевна Наталья Алексеевна) и разного вероисповедания (православные, протестанты, католики). Сопровождавшие тело лица, среди которых были реформатский и лютеранский священники, получили подарки флером и золотыми кольцами с вырезанными на них именем и днем смерти покойного и угощение богатым пирогом.

Похороны были актом политическим. В данном случае оказалось, что проживавшие в Петербурге якобиты «чванились флером в память Арескина» как большим почетным знаком и отличались тем от «истинных» великобританских подданных, равно как скорбели о надеждах, погребенных ими с Арескиным, что вызвало некоторые интриги среди представителей английской колонии в Санкт-Петербурге.[186]

Могила Р. К. Арескина в Александро-Невской лавре не сохранилась.

Разные похороны

Петр I не упускал случая участвовать в похоронах иностранцев, не только входивших в ближний круг царя, но и просто служивших в России, очевидно, проникаясь духом западноевропейских, в основном, протестантских церемоний. Похороны иностранцев с участием царя проходили даже более пышно, чем похороны соотечественников. Ф.-Х. Вебер сообщал, что в январе 1719 г. в Петербурге скоропостижно умер состоящий на русской службе контр-адмирал англичанин Дж. Паддон, и «погребение тела его совершено было с великим почетом в высоком присутствии Его Царского Величества, всех наличных иностранных министров (дипломатов), в сопровождении множества морских офицеров и других почетных чинов и знаков почести…».[187] Петр I провожал тело его пешком достаточно далеко: от дома покойного до церкви Св. Сампсона, построенной в память дня Полтавской битвы, при которой было отведено кладбище для чужестранцев.

В марте 1719 г. умер 90-летний англичанин Крават, служивший 70 лет переводчиком в России. В связи со своим преклонным возрастом он давно отошел от дел и жил на пенсию, или, как говорили, пользовался жалованными ему деньгами. Несмотря на это, царь Петр и весь двор присутствовали на его погребении.[188]

Любое более или менее яркое событие привлекало живейшее участие Петра I. Царь, любивший все необычное, одно время был одержим идеей вывести породу высокорослых и породу малорослых людей. Поэтому за бракосочетаниями членов правящей семьи часто следовали свадьбы великанов и карликов. Не оставлял Петр своих любимцев и после смерти. В 1724 г. умер любимый карлик царя. Петр приказал устроить ему торжественные похороны,[189] на них, так же как и для его свадьбы в 1710 г., приказал собрать в провинциях сорок карликов и столько же карлиц.

В процессии принимали участие четыре православных священника, облаченные в великолепные ризы, хор из тридцати певчих, за которыми следовали два маршала, предшествуя телу. Гроб, обтянутый черным бархатом, везли на санных дрогах шестернею очень малорослые вороные лошадки, позади на дрогах сидел брат умершего, карлик лет 50, и поддерживал гроб, охватив его руками. Тотчас за телом шли двенадцать пар лилипутов, держась попарно за руки, одетые в черные кафтаны, с длинными, волочившимися по земле мантиями, обшитыми флером. Еще

красивее была процессия карлиц: они шли за мужчинами в таком же порядке и по росту размещены были наподобие органных дудок. Для комического контраста по сторонам процессии следовали солдаты-преображенцы самого высокого роста со свечами в руках, а четыре гайдука-гиганта были ассистентами двух маленьких плакальщиц, сопровождавших погребальную колесницу, которую везли восемь крошечных лошадок. Высокорослый царь со всем своим окружением без траурного одеяния заключал шествие,[190] что подчеркивало карнавальный характер действа.

Похороны членов семьи

Похороны царевны Татьяны Михайловны

Похороны членов правящей семьи имели особое значение. Петр I, как уже было отмечено, не всегда участвовал в похоронах своих близких родственников, однако в 1706 г. он провожал в последний путь единственную из своих теток, дожившую до времени его реформ, царевну Татьяну Михайловну (05.01.1636–24.08.1706, погребена 24.08.1706 г.), которая была похоронена в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Она пользовалась большим уважением в царской семье, благоволила патриарху Никону, перезахороненному по ее ходатайству в основанной им Новоиерусалимской обители, была крестной матерью царевен Марфы Алексеевны, Марии, Феодосии и Екатерины Иоанновных и царевича Алексея Петровича.

«Чин погребения царевны Татьяны Михайловны» напечатан в «Древней российской вивлиофике» Н. И. Новикова.[191] Царевна и великая княжна Татьяна Михайловна скончалась 24 августа 1706 г. в первом часу ночи, похороны проходили по старой русской традиции.

В тот же день ее тело было положено в Вознесенском монастыре в соборной церкви Вознесения Господня. Из ее хором гроб, покрытый травчатым атласом с золотым шитьем, комнатные стольники вынесли лестницей, которая находилась рядом с хоромами, до площади, а там гроб поставили на приготовленный одр, обитый алым сукном, затем одр и гроб с телом пронесли мимо церкви мученицы Екатерины до Вознесенского монастыря. Перед гробом шли священники и дьяконы с иконами и крестами, представляя группу духовных лиц.

Шествие сопровождали певчие «государынь цариц и царевен», обслуживавшие женскую половину царской семьи, патриаршие певчие и архиерейские дьяки и певчие, по очереди певшие «надгробное пение». Перед гробом несли его кровлю с покровом из муара брусничного цвета с узорами, вышитыми золотыми и серебряными нитями. За гробом шествовал племянник Петр I и другие члены царской семьи по чину: царицы Марфа Матвеевна и Прасковья Федоровна, царевны-племянницы: Мария, София, Наталия Алексеевны и Екатерина Иоанновна, все в «печальном смирном» платье со свечами. Группу царственных родственников окружали бояре, окольничие, думные и ближние люди, одетые по новой моде в черные французские и саксонские кафтаны, «по обе

стороны их государского пути». Замыкали шествие комнатные и ближние люди, боярыни и жены приближенных, стольники, стряпчие, московские дворяне, дьяки, жильцы в черном же платье со свечами. Церемония по традиции сопровождалась колокольным звоном, он начался благовестом на Ивановской колокольне с момента выноса тела. Во время принесения тела в монастырь звон производился по древнему обыкновению «тихим возгласием» и в монастыре звонили «по обыкновению». После божественной литургии в монастыре было совершено погребение тела митрополитами с собором. У могилы по приказу Петра I во всю «четыредесятницу переменялись в сутки, дневали и ночевали боярские и окольничие и думных людей жены», т. е. производился традиционный сорокадневный караул, являвшийся обязательным для похорон царственной особы.

В «Чине погребения» роспись участников дневания занимает в несколько раз больше места, чем описание самих похорон. С одной стороны, для современников дневание было почетной обязанностью, дававшей возможность проявить верноподданнические чувства ко всей правящей фамилии. С другой стороны, участие в карауле было неким знаком степени приближенности представителей различных фамилий к правящей верхушке. В первую очередь задействованы были родственники. В похоронах мужчин у могилы несли дежурство мужчины, у женских могил дежурили дамы. В данном случае в дневаниях принимали участие представительницы семей: Черкасских, Апраксиных, Долгоруковых, Салтыковых, Волконских, Лихачевых, Шереметевых, Львовых, Лопухиных, Хованских, Жировago-Засекиных, Нарышкиных, Стрешневых, Голицыных, Мусиных-Пушкиных, Головиных, Шаховских и др. По сути дела, это достаточно полный список представителей элиты общества. Кроме них дежурили у могилы представители московских чинных людей, стольники и дворяне по пять человек в сутки, фамилии их, в связи с небольшой значимостью, не указаны. Отказ от участия в дневании надо было объяснить уважительной причиной, ее отсутствие могло навести на различные мысли о причинах, побудивших некоторых дам пренебречь почетной обязанностью.

В похоронах своей тетки Петр I проявил такт и уважение к родственнице, не изменяя сложившийся в XVII в. ритуал: похороны происходили быстро, состав процессии, маршрут следования, использование цвета – все традиции были соблюдены. Царь продемонстрировал терпимость по отношению к своим сводным сестрам, из документа следует, что царевна Софья также принимала участие в шествии наряду со своим

единокровным братом. Отмечены были новые наряды царского окружения – черные французские и саксонские кафтаны.

Похороны детей

При внимательном отношении к вопросам этикета кажется странным безразличное отношение Петра к смерти своих новорожденных детей, особенно девочек. Вебер пишет о смерти царевны Натальи Петровны, родившейся 3 марта 1713 г., скончавшейся 27 мая 1715 г. и похороненной в недостроенном Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге. Через день после этого печального события царь со всем двором отправился в Кронштадт. Описание похорон и траура отсутствует, зато говорится о веселом празднике, устроенном царем: Петр I пригласил всех в «увеселительный домик Петергоф», где все напились, принимая венгерское из рук царицы (!).[192]

Детская смертность была велика, супруги и подруги царя не страдали бесплодностью, смерть новорожденной девочки, которая не могла по определению принимать участия в династических претензиях на престол, не очень трогала родителей. Установить, где были похоронены мертворожденные, умершие в родах или сразу после них дети, пока не удалось. Иногда остается непонятным, по какой причине кого-то из детей везли хоронить на далекое расстояние, как это было, например, в случае с сыном Петра I царевичем Павлом Петровичем, родившемся 2 января 1717 г. в Везеле (Пруссия), скончавшемся на следующий день 3 января и погребенным 12 марта 1717 г. в недостроенном Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.[193] Причины, побудившие царя перевозить тело новорожденного младенца для похорон через половину Европы, неясны. В связи с этим не всегда возможно указать точное количество царских детей, и вопрос об истинном количестве детей Петра I, даже рожденных в официальных союзах, остается открытым.

Похороны кронпринцессы Шарлотты-Христины-Софии

Новый церемониал похорон нашел применение при погребении кронпринцессы Шарлотты-Христины-Софии, жены царевича Алексея Петровича (урожденной принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской) (18.08.1694–22.10.1715, погребена в Петропавловском соборе 27.10.1715 г.).

12 октября 1715 г. она разрешилась от бремени великим

князем Петром Алексеевичем и скончалась через 10 дней после родов. Царь «смотрел анатомии принцессы», т. е. участвовал во вскрытии ее тела, на что указывает Ф.-Х. Вебер.[194] Тот же автор свидетельствует и о бальзамировании тела, с непокрытым лицом выставленного перед похоронами в дворцовой зале.

В день похорон принцессы 27 октября 1715 г. супруга Петра I Екатерина Алексеевна родила сына, также названного Петром. Празднества и ликования по случаю рождения царевича Петра Петровича продолжались целых 8 дней, очевидно, в связи с тем, что за печальным последовало радостное событие – царица подарила супругу законнорожденного возможного наследника престола, траурные мероприятия отошли на второй план, уступив по значимости событиям более жизнеутверждающим. 6 ноября 1715 г. был совершен обряд крещения новорожденного. Восприемниками стали короли датский и прусский, обряд праздновался с особым великолепием. На том же острове Енисаари (Заячьем), где 27 октября в Петропавловской крепости хоронили Шарлотту, был устроен фейерверк.[195] Все перемешалось: похороны, устроенные с театрализованным, западного образца ритуалом, и празднование в честь рождения мальчика, которому предопределялось стать наследником престола, но который погиб при не вполне понятных обстоятельствах 25 апреля 1719 г.

По данным ряда отечественных исследователей,[196] это была первая церемония погребения в России, исполненная по европейскому образцу. Однако описанные выше похороны с систематическим участием в них самого Петра, реформирование церемониала на протяжении конца XVII – начала XVIII вв. позволяют однозначно сказать, что данное утверждение не основано на реальных фактах. Похороны кронпринцессы Шарлотты-Христины-Софии далеко не первые, проведенные по западноевропейскому образцу, но от этого не менее интересные.

Г. Молчанов. Кронпринцесса Шарлотта-Христина-София (1694–1715)

С данным церемониалом связывают и новую традицию пушечной пальбы, которую царь очень любил и вводил в траурный ритуал, если не взамен, то в дополнение к колокольному звону, принятому издревле. Петр I, задумываясь о траурном пушечном салюте, хотел, чтобы это соответствовало западноевропейскому образцу. Не зная, следует ли при погребении принцессы салютовать из пушек, он послал узнать к пленному шведскому генералу графу Питгеру, который ответил, что салютовать выстрелами не принято, но лифляндский барон Ливенвольде (представитель свиты покойной принцессы) внес сумятицу в решение вопроса, утверждая, что, напротив, принято делать 90 выстрелов. «Петр очень тогда обозлился на Питгера за „ложные показания“ и велел сделать ему строгий выговор. Когда процессия с гробом принцессы выходила из двора, Петр, заметив ганноверского и голштинского посланников, на ухо спросил их еще раз – следует ли салютовать или нет. Тот и другой ответили отрицательно, и таким образом, только в последнюю минуту вопрос был решен».[197]

Трудно сказать, не является ли данная история всего лишь анекдотом. Ведь пушечная стрельба уже звучала на похоронах сподвижников Петра I, как иностранцев, так и русских. Одно из первых упоминаний о салютационной стрельбе относится к 1699 г., когда ее применили на похоронах Ф. Я. Лефорта. В 1707 г. траурным салютом провожали в последний путь Ф. А. Головина. Так что вряд ли Петру I требовалась особая консультация иноземцев в 1715 г. Как бы то ни было, непременный траурный салют стал в дальнейшем традиционным атрибутом похорон членов правящей семьи.

Еще одним спорным утверждением являются ссылки некоторых исследователей на определенное количество выстрелов: «В момент опускания гроба в могилу, в случае погребения императора раздавался пятьдесят один пушечный залп, а великого князя – двадцать один».[198] Регламентированное в подобном контексте количество выстрелов не подтверждается архивными документами, церемониалами и изданиями, выпущенными по поводу кончин и погребений российских монархов. В каждом отдельном случае вопрос о количестве выстрелов траурного салюта решался индивидуально.

Строительство каменного Петропавловского собора, впоследствии ставшего официальной усыпальницей российских императоров и членов Императорского дома, началось в 1712 г., продолжалось двадцать один год и закончилось в 1733 г., поэтому на момент смерти кронпринцессы (титул, присвоенный ей Петром) было возможно похоронить ее только у западной стены собора под колокольней, возводившейся в первую очередь. Надгробие над могилой Шарлотты, так же как и все надгробия над могилами родственников Петра, были сняты по приказу императрицы Анны Иоанновны в 1732 г.[199] В 60-е гг. XIX в. на стенах собора появились медные доски с информацией о тех, кто был похоронен в соборе в начале его строительства. Инициировал это историк Н. Г. Устрялов, установивший по архивным данным перечень членов семьи, могилы которых затерялись.[200]

В похоронах кронпринцессы новаторским было оформление Печальной залы, прообраза Castrum Doloris, которая войдет в обиход царских траурных ритуалов чуть позже, вскрытие и консервация (бальзамирование) тела, театрализованный церемониал, соединившийся с празднованием рождения царского сына. Отвечающим веяниям петровских реформ и эпохи веротерпимости было захоронение иноверки в православном храме, ибо кронпринцесса Шарлотта-Христина-София не приняла в России православия, оставалась лютеранкой. По всей видимости, решение о сохранении конфессиональной

принадлежности и возможности погребения лютеранки в православной церкви принимал сам царь Петр I.

Похороны царицы Марфы Матвеевны

Вскоре в Петропавловском соборе появилось еще одно захоронение – вдовой царицы Марфы Матвеевны, урожденной Апраксиной, второй супруги царя Федора Алексеевича (1664–31.12.1715, погребена в Петропавловском соборе 07.01.1716 г.). Царица скончалась в Санкт-Петербурге 31 декабря 1715 г. в возрасте 51 года. Ф.-Х. Вебер составил подробный отчет о ее похоронах.[201] Марфа Матвеевна была не только вдовой старшего брата царя, но и родной сестрой одного из сподвижников Петра I, которого современники называли великим адмиралом Ф. М. Апраксиным.

Похороны проходили 7 января 1716 г. в вечерние сумерки с большим великолепием. Ее дворец находился достаточно далеко от Петропавловской крепости, на левом берегу Невы. Весь путь по льду Невы к Заячьему острову, где построены Петропавловская крепость и Петропавловский собор, ставший царской усыпальницей, был уставлен двойным рядом факелов, между которыми и совершалась процессия. Богатую корону, всю усеянную драгоценными камнями, нес тайный советник П. А. Толстой, а гроб и провожатых, числом более 500, из них 200 были в похоронных плащах, везли на санях. Тело по совершении над ним последнего погребального обряда было похоронено в недостроенном Петропавловском соборе, где уже покоились вместе сын и две дочери Петра I и кронпринцесса Шарлотта. На этих похоронах впереди тела шло все русское духовенство: архиереи, архимандриты, митрополиты, священники, певчие и все другие церковнослужители в великолепных церковных облачениях с множеством свечей, кадил и с непрестанным пением, это придавало процессии внушающий благоговение вид. Иностранцы, присутствовавшие на церемонии, отмечали, что в подобных случаях у русских в обыкновении были громкие рыдания, плач и разные причитания. Петру эта традиция не нравилась, он решительно хотел вывести этот обычай, и на упомянутых похоронах строго приказано было, чтобы никто громко не плакал и не причитывал.

Интересно замечание Ф.-Х. Вебера о причинах сорокадневных служб и дежурств, традиционных для русского траурного церемониала: многие люди из простонародья думают, что душа покойника находится еще шесть недель в том месте, где она

оставила тело, поэтому родственники во все время окуривают постель умершего и отправляют при этом ежедневно панихиды.

Неизв. худ. Портрет царицы Марфы Матвеевны (1664–1715)

На похоронах царицы Марфы Матвеевны отразились реформы траурного ритуала. Во-первых, между смертью и похоронами стало проходить уже большее время, чем в XVII в. Во-вторых, так же как и двумя месяцами раньше после смерти кронпринцессы Шарлотты, тело Марфы Матвеевны было вскрыто при участии самого Петра I. Профессор Ю. А. Молин нашел указания на это вскрытие: «Петр I лично принял участие во вскрытии ее тела. Оно честно сказало ему ту правду, о которой он догадывался: жена его брата Федора умерла девственницей. Царь, пораженный высочайшей нравственностью покойной, пережившей его брата на 33 года, распорядился об организации наиболее грандиозных похорон за все свое царствование».[202] Петр, прошедший курс Лейденского университета, владевший навыками врача вообще и хирурга в частности, любил участвовать в медицинских манипуляциях с телами приближенных. Вскрытия мертвых тел, популярные в Европе в то время, привлекали его

особенно.

Супруга царя Федора вполне могла умереть девственницей, ибо царь был болен в момент заключения брака и очень скоро сошел в могилу. Однако нельзя согласиться с утверждением, что, пораженный «высокой нравственностью» вдовы брата, Петр I приказал устроить ей особо пышные похороны по причине ее девственности и суровой верности памяти покойного мужа. Такое объяснение не может согласовываться с характером царя, с его идеей европеизации русской жизни, с внедрением новых ритуалов и церемоний, направленных на демонстрацию всему миру полной интеграции России в культурное пространство Европы. В этом отношении любой праздник и событие государственной важности, к которым относились похороны члена царской семьи, становились иллюстрацией нового подхода к отбору используемых мероприятий и символов. Именно поэтому, а не в связи с отсутствием потери девственности, что для Петра вряд ли имело особое значение, погребение царицы Марфы Матвеевны, как пример одного из царских траурных церемониалов в новой столице государства, а ею Санкт-Петербург становится с 1712 г., должно было проводиться с особым размахом. Перенесение царского некрополя на берега Невы поднимало статус молодого города. Похороны кронпринцессы Шарлотты-Христины-Софии и вдовой царицы Марфы Матвеевны в новом европейском городе должны были привлечь внимание к нему как политическому и культурному центру страны.

Во время этих похорон был впервые использован помост на льду Невы, по которому несли тело царицы. На лед реки насыпали песок и положили еловые лапы, на этом основании построили деревянный помост, укрытый сукном, по нему опять насыпали речной песок и положили лапник, чтобы участвовавшие в процессии не поскользнулись. Географическое положение Петербурга требовало изобретения новых элементов, вошедших впоследствии в траурный церемониал. Дворец царицы стоял на левом берегу Невы, а Петропавловский собор, где ее решили хоронить, находится на маленьком Заячьем острове у правого берега реки. В зимнее время лодку (галеру) использовать невозможно. Логика события предсказала необходимость внесения такого элемента ритуала, как помост.

Похоронное шествие было назначено на вечернее время. Небольшая продолжительность светового дня в зимнее время предопределила необходимость использования освещения. По обеим сторонам пути были поставлены факельщики, добавившие торжественности в это траурное шествие. Идея понравилась, и факельщики участвовали в похоронах самого императора Петра I

и последующих императоров.

Использование специальных траурных корон не противоречит старым русским традициям. Некие шапки (короны) были задействованы при похоронах московских царей. Шестинедельный караул у могилы – русская традиция, которая поддерживалась и в дальнейшем.

Абсолютно новым элементом траурного ритуала стало запрещение на плакальщиц и ритуальный плач, являвшихся обязательным элементом русских похорон. Сдержанность в проявлении чувств не в характере русского менталитета, Петру I претила показная истеричность, так не похожая на протестантскую сдержанность, принятую в Западной Европе. Поэтому Петр начал непримиримую борьбу с ритуальным плачем, но традиции бывают сильнее запретов, и в дальнейшем свидетели указывали на то, что ритуальный плач сохранялся в России, как в царских, так и в похоронах обыкновенных русских людей.

Выбор места захоронения, очевидно, определялся Петром I, и Петропавловская крепость стала местом упокоения членов царствующей династии. Как уже отмечалось выше, строительство собора было закончено только в 1733 г. Захоронение царицы Марфы Матвеевны является одним из первых в соборе и расположено у западной стены под колокольней в юго-западной части нынешнего Екатерининского придела. Надгробие над ее склепом также было убрано в 1732 г.[203] Частично склеп закрыли фундаменты печей, отапливавших Екатерининский придел, возникший после реставрационных работ в соборе, вызванных ущербом, нанесенным пожаром 1756 г. Официального вскрытия за всю историю не производилось. Медную доску с эпитафией на западной стене над захоронением, установленную в 1860-е гг., отреставрировали в 1908 г. При вскрытии пола в Екатерининском приделе во время реставрации 1993 г. склеп был обнаружен, обследован, но не передвигался.[204]

Похороны царевны Натальи Алексеевны

Следует особо рассмотреть похороны царевны Натальи Алексеевны.[205] Сестра Петра I царевна Наталья Алексеевна (25.08.1673–18.06.1716) погребена в Лазаревской церкви Александро-Невского монастыря 17.11.1717 г., в 1723 г. захоронение перенесено в Благовещенскую церковь Александро-Невского монастыря (с 1797 г. – лавры), скончалась от катара желудка.

На момент ее смерти Петр I находился в Данциге, он отложил

похороны сестры до своего возвращения из-за границы и распорядился построить в Александро-Невском монастыре для ее погребения особую церковь во имя святого Лазаря. Набальзамированное тело царевны оставалось во дворце до возвращения брата. В ее похоронах наиболее значимым является одно из первых прямых указаний на бальзамирование тела. Царь оплатил расходы по трауру: на «дело печального платья» по Наталье Алексеевне он велел выдать до 535 ефимков. Вернувшись в Петербург 10 октября 1717 г., царь только месяц спустя, 13 ноября, отдал князю Меншикову приказание о церемониале перенесения тела Натальи Алексеевны в Александро-Невский монастырь; 15-го он сам осмотрел приготовления, а 17 ноября, в день Св. Лазаря, присутствовал при выносе тела и погребении. Роспись, состоящая из 22 пунктов и указывающая, каким образом была сформирована траурная процессия, позволяет говорить об ориентации на западноевропейские ритуалы.[206] Новая традиция, получившая развитие в первой четверти XVIII в., позволяет говорить о петербургском характере царских, впоследствии императорских, похорон.

И. Никитин. Портрет царевны Натальи Алексеевны (1673–1716)

В траурном шествии при разделении на группы принимали участие маршалы, чьи фамилии были указаны в документах, это явилось своеобразным репортажем о событии с одной стороны и демонстрацией степени приближенности определенных лиц к особе монарха, с другой. Была задействована государственная символика, что соответствовало статусу усопшей: корона, царский балдахин, его несли военнослужащие. Сани с гробом царевны везли лошади, как при похоронах некоторых сподвижников Петра I. Кладбище находилось далеко, если сравнить это расстояние с тем, которое предстояло преодолеть комнатным стольникам, несшим по очереди одр или сани с гробом усопшего представителя царской фамилии по территории Московского Кремля, поэтому использование лошадей в данном случае было необходимым. В процессии участвовали иностранцы и женщины, это не абсолютное новшество, но, тем не менее, еще не русская традиция в 1717 г. По обыкновению духовные лица открывали шествие, за ними следовал двор Натальи Алексеевны, а это было нововведением. Старые московские чины – сибирский царевич, бояре, окольничие, ближние стольники – шли отдельной группой, замыкая процессию, что показывало более высокое положение в иерархии новых людей против старых чинов. Новым в похоронах Натальи Алексеевны оказалось и траурное убранство, которое использовалось не только для ее дворца, но и для Зимнего дворца Петра I, дворцов А. Д. Меншикова, царицы Прасковьи Федоровны и родственников по матери царевны – Нарышкиных.

Похороны царевича Алексея Петровича

Сложность внутрисемейных отношений отразилась на похоронах царевича Алексея Петровича[207] (18.02.1690–26.06.1718, погребен 30.06.1718 г. в Петропавловском соборе). Обстоятельства смерти царевича Алексея Петровича навсегда покрыты туманом неизвестности, но эта тема остается за рамками данной книги. Царевич, подвергнутый пыткам, скончался, по официальной версии, естественной смертью в каземате Трубецкого бастиона Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости.[208]

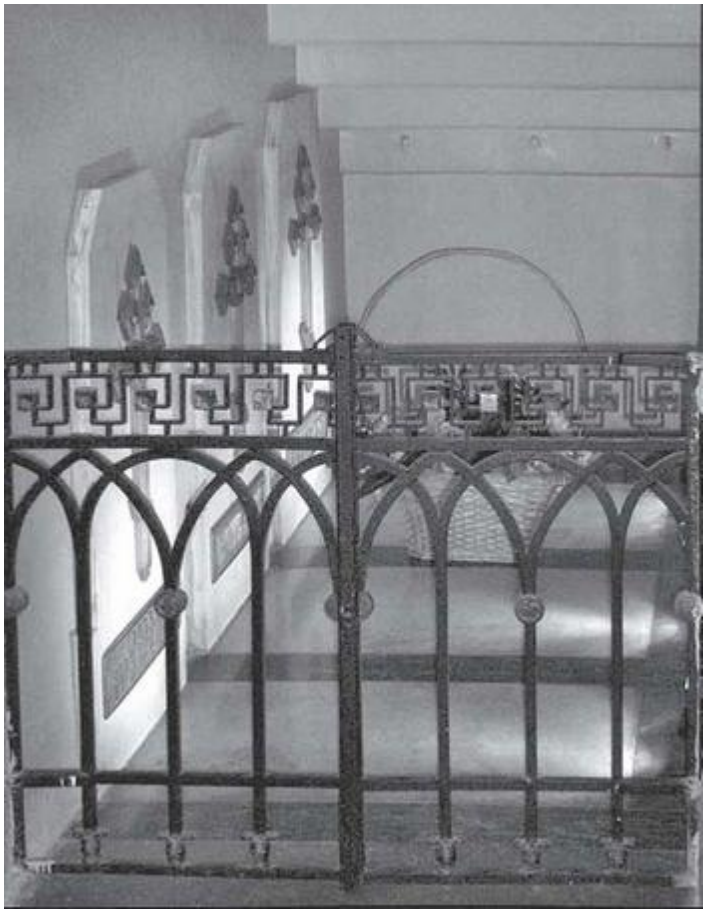
Ф.-Х. Вебер, оставивший подробные воспоминания о своем пребывании в России, побывал и на похоронах старшего сына

царя. Согласно мемуаристу, взволнованный Петр Алексеевич навестил Алексея утром в день его смерти, простил и благословил. Однако никаких свидетельств, подтверждающих подлинность этой драматической сцены, нет. Известно только, что 26 июня 1718 г. с 8 до 11 часов утра Петр I присутствовал на последнем допросе и пытке сына, оказавшихся фатальными для царевича. Алексей умер в тот же день в 6 часов вечера.[209] Посещение Петром в тот же день вечерней службы в Троицком соборе рядом с Петропавловской крепостью пытались объяснить необходимостью молить о прощении, но это не более чем предположение, так как участие во Всенощной для царя было обычным делом.

Тело покойного в гробу, обитом черным бархатом (черный цвет использовался в связи с тем, что Алексей Петрович был вдовцом) и покрытом богатой золотой парчой, перенесли в Троицкий собор, где оно было выставлено в течение двух дней для прощания, и все желающие могли видеть его. Н. Г. Устрялов указывает на противоречия в показаниях свидетелей: одни говорили, что гроб был выставлен в Троицком соборе на Троицкой площади, другие утверждали, что сначала либо в Комендантском доме Петропавловской крепости, либо рядом с ним. Как бы то ни было, последнее прощание проходило в соборе Святой Троицы[210] напротив крепости. Четыре офицера лейб-гвардии стояли постоянно у гроба, составляя стражу и допуская несчетное множество приходивших к последнему целованию руки царевича.

30 июня 1718 г. состоялся обряд погребения, на похоронах пели лучшие царские певчие. Вечером в сопровождении царя, царицы и всех придворных чинов тело покойного из церкви Святой Троицы снова было перенесено в крепость в недостроенный Петропавловский собор, где и положено в погребальном склепе, рядом с его супругой. Царь и остальные провожатые в этой печальной процессии держали в руках маленькие горящие восковые свечи, но все были без траурных мантий (!), и только одни дамы одеты были в черные тафтяные платья. Присутствующие на похоронах уверяли, что его величество, провожая тело сына в церковь, горько плакал и что священник для своей речи взял текстом слова Давида: «Ах, Авессалом, сын мой, Авессалом». Не ясно, кто решил провести параллель Алексея с библейским Авессаломом, сыном царя Давида, замыслившим занять престол отца с помощью восстания и поддержанным народной любовью. В сравнении с библейским героем Алексей не подходил на роль мятежного воителя, да и степень участия Петра в «царевичевом деле» далека от позиции

царя Давида, строго наказывавшего своему военачальнику щадить жизнь сына. Тем не менее в панегириках начала XVIII в. Петра сравнивали со многими библейскими героями и, в частности, с Давидом. Ссылка на библейского Авессалома спустя несколько лет была повторена в «Указе о наследии престола» (1722 г.).



Могилы кронпринцессы Шарлотты-Христины-Софии, царевича Алексея Петровича и царевны Марии Алексеевны в Петропавловском соборе

И.-Г. Таннауэр. Портрет царевича Алексея Петровича (1690–1718)

О реакции Петра на смерть сына можно только догадываться. Удивляет, что даже формального траура объявлено не было. Во всяком случае в журнале трауров, бывших при дворе, который вела экспедиция церемониальных дел, замечания о нем отсутствуют: по особам российского Императорского дома первым в списке указан сын и наследник (с 3 февраля 1718 г.) Петра I царевич Петр Петрович (27.10.1715–25.04.1719), траур нему был установлен сроком на один год.[211]

После смерти царевича Алексея Петровича, но еще до похорон, 29 июня царь не упустил возможность традиционно отпраздновать свои именины, в это же время отпраздновалась годовщина Полтавской битвы – один из наиболее жизнерадостных праздников придворного календаря. В письмах Петра того периода, посвященных, как обычно, повседневным государственным заботам и дипломатическим делам, нет никаких следов раскаяния или горестных чувств, на что обратили свое внимание исследователи, занимавшиеся разработкой данной темы.[212] На следующий день после похорон Петр I уже провозглашал тосты по случаю спуска на воду нового военного корабля в компании своего нового князя-кесаря

И. Ф. Ромодановского и нескольких английских корабельщиков.

Похороны царевича Петра Петровича (Шишечки)

Не прошло и года с момента смерти царевича Алексея Петровича, как пришлось хоронить наследника престола царевича Петра Петровича (Шишечку) (27.10.1715–25.04.1719, погребен 26.04.1719 г. в церкви Воскресения Лазаря Александро-Невского монастыря, 24.10.1725 г. прах царевича Петра Петровича перенесен в Благовещенскую церковь Александро-Невского монастыря).

Л. Каравак. Царевич Петр Петрович в виде Купидона

Неожиданная кончина провозглашенного 3 февраля 1718 г. наследным царевичем Петра Петровича повергла двор в великое смущение и глубокую печаль. Обстоятельства кончины мальчика, являвшегося главной надеждой своего отца, и по сей день точно не выяснены.[213] По старой традиции похороны состоялись очень

скоро – на следующий день после кончины. Погребение этого горько оплакиваемого наследника совершалось 26 апреля в 15 часов с торжественными церемониями при пушечной пальбе. Впереди шли офицеры гвардии, со своим отрядом из 240 человек, держа оружия на погребение. Обер-офицеры были одеты в черное с флером на шляпах и шпагах, унтер-офицеры с флером только на касках. За этим отрядом следовали 50 преображенцев с горящими факелами, затем – певчие и духовенство, певшие попеременно свои погребальные гимны. Гроб и колесница обиты были алым бархатом с золотой бахромой, на них лежали государственные знаки. Петра I сопровождали знатнейшие придворные чины, все одетые в черные траурные мантии. В процессии принимали участие русские и иностранные дипломаты, военные и гражданские чины в большом количестве, в черных одеждах и длинных мантиях. Процессия шла пешком до реки Невы, где тело было принято на погребальную шлюпку, на которой поместились важнейшие особы, остальные провожатые переплыли реку на собственных шлюпках. После богослужения в Александро-Невском монастыре тело было предано земле в Лазаревской церкви, и царь возвратился в той же погребальной шлюпке назад, «поспешил к своей безутешной супруге, в присутствии которой выказывал особую бодрость и твердость духа».[214]

В похоронах наследника престола были задействованы все главные элементы траурного ритуала. Погребальная шлюпка использовалась впервые в связи с тем, что похороны происходили в Александро-Невском монастыре, в который добраться по воде было легче, с одной стороны, и основываясь на особой приязни Петра к водным путешествиям, с другой. Траур сменился обычными праздниками спустя всего лишь месяц после печального происшествия. 30 мая с особой торжественностью праздновался день рождения его царского величества. Хотя официально траур был объявлен на год, но уже через месяц он соблюдался формально, несмотря на тяжелое положение, сложившееся в царской семье с династическим вопросом.

Похороны царевны Марии Алексеевны

Царевна Мария Алексеевна (1660–1723)

Еще одним прецедентом для изменения траурного церемониала стали похороны царевны Марии Алексеевны (18.01.1660–09.03.1723, похоронена в Петропавловском соборе 12.03.1723 г.), дочери царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны (Милославской).

По возвращении в Санкт-Петербург император нашел сестру свою царевну Марию Алексеевну в предсмертной агонии. Замешанная в суздальском деле, она несколько лет содержалась в Шлиссельбурге, потом в одном из дворцов столицы, где, кроме запрещения выезжать со двора, она ни в чем не терпела недостатка и могла жить, как ей угодно. В момент смерти постель ее была окружена попами, которые, следуя старинному способу успокоения душ умирающих, приносили ей питье и пищу, спрашивая жалобным голосом, имеет ли она в изобилии на этом свете все, что нужно для поддержания жизни. Разгневанный тем, что осмелились исполнять в его собственном семействе «нелепый обычай, оставленный уже и чернью, монарх с позором прогнал этих невежественных попов от умирающей царевны. Ее похоронили с такими почестями, как будто она никогда не была в немилости».[215]

В связи с тем, что было принято решение о погребении царевны в недостроенном Петропавловском соборе, Марию Алексеевну захоронили у западной стены под колокольней рядом с ее племянником царевичем Алексеем Петровичем.

Похороны царицы Прасковьи Федоровны

Петр I сам занимался подготовкой похорон своей невестки царицы Прасковьи Федоровны, вдовы царя Иоанна Алексеевича (12.10.1664–13.10.1723, похоронена в Благовещенской церкви Александро-Невского монастыря 22.10.1723 г.).

Свидетельства голштинца камер-юнкера В.-Ф. Берхгольца[216] и других современников были использованы историком М. И. Семевским в книге, посвященной царице.[217] Прасковья Федоровна скончалась в своем дворце на Васильевском острове Санкт-Петербурга 13 октября 1723 г. Когда она умерла, Петр находившийся на строительстве Ладожского канала, дал распоряжения по организации похорон по своем возвращении в Санкт-Петербург через три дня. Император на целых шесть часов заперся с кабинет-секретарем А. В. Макаровым, чтобы составить церемониал для ее погребения. Пышные похороны были назначены на 22 октября 1723 г. Накануне маршал гвардии майор А. И. Румянцев объехал именитых приглашенных от имени дочерей усопшей с приглашением на церемонию, назначенную на 12 часов дня.

В городе предполагали, что тело царицы повезут водой до Александро-Невского монастыря, и оно останется там до тех пор, пока не отделают для нее склеп в Петропавловском соборе. Распоряжение везти тело водой было почему-то отменено государем в самый день погребения, перезахоронения в Петропавловский собор также не произошло. Были назначены траурные чины – маршалы: генерал Л. Н. Алларт, генерал-лейтенант П. П. Ласси, И. И. Дмитриев-Мамонов, Л. В. Измайлов, в подчинении которого было восемь траурных шаферов.

И. Никитин. Портрет царицы Прасковьи Федоровны (1664–1723)

Впервые[218] была подготовлена Печальная зала – Castrum Doloris, прочно вошедшая в обиход государственных похорон. Подготовкой декоративно-художественного оформления занимался герольдмейстер Франциск Санти, создавший проект катафалка. Петр I сам позаботился об украшении смертного одра. Ему было приятно любопытство посетителей, приходивших не только попрощаться с покойной царицей, но и увидеть траурное убранство залы. Открытый гроб с телом стоял на катафалке, устроенном как парадная постель. Над ней возвышался большой балдахин из фиолетового бархата, украшенный галунами и бахромой. Фиолетовый бархат катафалка и гроба под балдахином эффектно сочетался с белизной покрова. Платье на царице было из такой же белой объяри, как покров и крест, нашитый на крышку гроба. Так как царица Прасковья Федоровна была вдовой, ей полагался черный цвет в обивке гроба и наряда. Но Ф. Санти задействовал фиолетовый и белый цвета. Правда, брусничный и червчатый бархат (малиновый, красный с оттенком фиолетового) уже использовались в русских царских похоронах, но фиолетовый цвет был воспринят как западное влияние. На балдахине в

головах гроба был вышит золотой двуглавый орел на фоне имитации горностаевого меха, что должно было символизировать мантию. На внутренней стороне помещалась монограмма царицы с *императорской короной* (так у Ф.-В. Берхгольца. – *М. Л.*), другими атрибутами царской власти – скипетром и державой наверху. На постаменте рядом с гробом размещались: на красной бархатной подушке специально сделанная для церемонии царская корона с драгоценными камнями и государственное знамя Из описания видно, что говорить о принижении достоинства усопшей не приходится. Наличие знаков государственной символики соответствовало статусу царицы. Освещали залу двенадцать больших свечей, три люстры и множество стенных подсвечников с горящими восковыми свечами. Комната была обита черной байкой, наверху по карнизу шла фалбала (оборка), собранная из белого и черного флера. По стенам висели различные «аллегории». Охраняли тело двенадцать капитанов в черных кафтанах, длинных мантиях, с черным флером на шляпах, с вызолоченными алебардами, у дверей стояли гренадеры с флером на штыках, двое священников читали псалтырь. Прощание происходило чинно, без завываний и причитаний, запрещенных Петром I. В данном случае приказ царя на запрет ритуального плача соблюдался.

В три часа пополудни 22 октября в дом покойной, где уже находилась вся петербургская знать, приехали члены царской фамилии. В передней собравшихся обнесли глинтвейном, после чего все проследовали в большую Печальную залу и там отслушали панихиду. В четыре часа дня вынесли тело, и началась процессия, в которую входили представители гвардии, гражданские и военные чиновники, выстроенные по старшинству, герцог Голштинский со своим двором, принц Гессен-Гомбурский с двумя вице-адмиралами и генерал-лейтенантами П. И. Ягужинским и Б.-Х. Минихом. За иностранными гостями хор императорских певчих открывал группу духовных лиц с зажженными свечами. Каждую группу выводил маршал. Приглашенные иностранные дипломаты во избежание споров о местах не явились. За маршалом И. И. Дмитриевым-Мамоновым (впоследствии ставшим мужем дочери Прасковьи Федоровны – царевны Прасковьи Иоанновны) выступал А. А. Матвеев с царской короной на подушке, прочие регалии и знаки монаршего достоинства отсутствовали. Тело везли на открытой черной колеснице, гроб был выставлен очень высоко, и с него до земли спускался черный бархатный покров, обшитый серебряными галунами. Двенадцать полковников сопровождали колесницу. В катафалк была впряжена шестерка больших под специальными

попонами лошадей. Шесть майоров несли фиолетовый бархатный балдахин в окружении двенадцати капитанов с алебардами и двенадцати поручиков с большими свечами. Третью часть процессии, названную траурным отделением, открывал маршал Л. Н. Алларт с громадным жезлом. Здесь шли император с ассистентами Ф. М. Апраксиным и А. Д. Меншиковым, дочь покойной герцогиня Мекленбургская Екатерина Иоанновна, в глубочайшем трауре с совершенно закрытым лицом, ее вели под руки обер-полицмейстер и А. И. Ушаков, а ее шлейф несли четыре капитана гвардии. В таком же трауре следовала и младшая дочь покойной Прасковья Иоанновна, поддерживаемая контр-адмиралом И. А. Синявиным и генерал-адъютантом А. Л. Нарышкиным, ее шлейф несли унтер-офицеры. Императрица была в трауре с закрытым лицом, так же как и дамы ее свиты. По сторонам процессии маршировали до полутораста солдат с зажженными факелами. Воинская команда замыкала шествие.

Движение до Александро-Невского монастыря продолжалось очень медленно, больше двух часов, и в конце концов все дамы пересели в кареты. Ни ружейной, ни пушечной пальбы не было, но колокола всех церквей столицы звонили по сигналу пущенных ракет. У ворот обители процессию встречало духовенство. Гроб внесли в только что отстроенную Благовещенскую церковь. Молодой священник утомил всех, целый час произнося проповедь. После службы присутствующие целовали руку покойной, при этом царевны громко рыдали, императрица лобызала невестку в губы, затем целовал ее и сам император. После прощания на лицо усопшей, согласно ее воле, положили портрет супруга, зашитый в белую объярь, заколотили гроб и погребли у алтаря.[219] Поминки в доме царицы Прасковьи продолжались до одиннадцати часов ночи. Как обычно во времена Петра I, траур продолжался недолго. Два дня спустя состоялась страшная попойка у герцога Голштинского, на дворе императорского дома начались пытки, словом все пошло своим чередом.

В отсутствии в процессии русского флага и государственных символов, кроме старинной царской короны, современники усмотрели принижение значения царицы Прасковьи по сравнению с царицей Екатериной Алексеевной, супругой императора, готовившейся тогда к коронации. Во время династического кризиса в семье Петра I выбор в качестве места захоронения вдовой царицы Александро-Невского монастыря и неполное использование государственной атрибутики в похоронном церемониале воспринималось как демонстрация отдаления рода старшего брата царя Иоанна Алексеевича от вопросов

престолонаследия[220] Дочери царя Иоанна, а также Мария Алексеевна, их тетка, сохраняли старинный титул царевен, т. е. дочерей царя, тогда как после принятия Петром I титула императора его дочери стали титуловаться цесаревнами, т. е. дочерьми императора.[221]

Во всяком случае подобная трактовка выбора места захоронения царицы Прасковьи Федоровны не в Петропавловском соборе и отсутствие необходимых государственных имперских регалий при ее похоронах и сегодня прослеживается в трудах историков, занимающихся разработкой данной темы.[222]

Ритуальный плач и праздники поминовения

Как уже было отмечено, на похоронах цариц Марфы Матвеевны и Прасковьи Федоровны были запрещены традиционные для русской похоронной обрядности ритуальный плач и причитания, казавшиеся Петру в его желании привить своим гражданам чувство меры и цивилизованности отголоском Средневековья. Практически все иностранцы оставили свои воспоминания о ритуальных плачах, говоря о том, что русские держатся уставов своей веры со слепой покорностью, чрезвычайно строго и очень суеверны. Ценны в этом отношении свидетельства Вебера,[223] писавшего, что в Петербурге жители еще сдерживают себя, ибо это строжайше запрещено, в отдаленных же от Петербурга местностях русские ведут себя по-старому. В одном селении на похоронах он слышал в доме покойника через окна такой необычайный плач и крик родных умершего и сторонних, нарочно нанятых для того баб, что крики эти разносились по всему селению.

Незадолго перед Рождеством Христовым, замечает иностранец, у русских бывает праздник, называемый ими *родительской субботой*, в этот день кровные родственники умерших собираются на их могилы, приносят туда разного рода подарки и съестные припасы, поднимают там громкий плач, спрашивают покойников: «Что они поделывают, зачем умерли, что свело их в могилу?» и т. п., затем расходятся по домам, а священники собирают с могил оставленные там кушанья и подарки. Очевидно, жизнь священников в те далекие времена была далека от идеала, если им приходилось собирать съестные припасы с могил. Ф.-Х. Вебер видел в Москве каждый день на кладбище людей, с плачем и скорбными телодвижениями преклоняющихся перед могилами.

Несмотря на борьбу Петра I по искоренению ритуального плача и профессиональных плакальщиц, спустя много лет после смерти императора эта традиция сохранялась. Даже на похоронах самого императора его вдова Екатерина I постоянно нарушала запрет. По воспоминаниям датчанина Петера фон Хафена, жившего в Петербурге в 1736–1737 гг., описанных им в книге «Путешествие по России»,[224] тех, кто сколько-нибудь благороден, все еще по старому обычаю, хотя и вопреки установлению Петра I, сопровождали плакальщицы.

Петр I придавал особое значение разработке «печального

церемониала», принимал личное участие во многих погребальных церемониях, шествуя за гробом своих сподвижников по Северной войне Б. П. Шереметева, А. А. Вейде и многих других. Если он не мог, но желал участвовать в похоронах близких ему людей, то тела усопших могли ожидать его возвращения, как это произошло с погребением его любимой сестры царевны Натальи Алексеевны или Ф. А. Головина. В то же время царь мог игнорировать похороны даже ближайших родственников, что было обусловлено, как уже говорилось, не только особенностями его характера, но и своеобразием взаимоотношений с определенными людьми или группой лиц.

Суммируя вышесказанное, можно определить, что при реформировании похоронного церемониала во времена Петра были введены новации, а в качестве образцов использовались элементы похоронного ритуала, принятые в католической и протестантских церквях. Произошло увеличение временного промежутка между моментом смерти и погребением, во время которого происходила подготовка траурного действа и осуществлялось прощание с телом. Потребность обеспечения сохранности тела привела к обязательному вскрытию и консервации – бальзамированию. В связи с представлением тела усопшего для прощания возникла необходимость создания специального убранства Печальной залы – траурной декорации, называемой Castrum Doloris. Осуществлялась подготовка церемониала, в ней принимали участие сам правитель и специальные чины – маршалы. Производилось составление похоронной процессии, вырабатывался маршрут ее следования в зависимости от выбранного места упокоения. Появился военный оркестр в качестве музыкального сопровождения шествия. Стал использоваться наряду с колокольным звоном артиллерийский траурный салют. Уменьшился религиозный акцент в ритуале, который стал превращаться в более светское театрализованное действо. Широко использовалась военная атрибутика в траурном выражении – знамена, барабаны с черными лентами и т. д. Появился военный караул в процессии – гвардейские полки. Становились популярными рыцарские мотивы – процессию стали сопровождать рыцари в черных и золоченых латах. В использовании в шествии лошадей делался акцент на военной деятельности правителя. Были задействованы инсигнии – символы государственной власти: короны, знамена и пр., наряду с ними использовались символы, характеризующие личные достижения усопшего и особенности его занятий при жизни: шпоры, перчатки, шпаги, личные гербы. Присутствие в шествии представителей дипломатического корпуса выводило похороны

правителя на уровень события мирового значения. Внедрение в ритуал прощального слова пастыря – проповеди – свидетельствовало о западноевропейском влиянии. Создавался и печатался документ – отчет о произошедшем событии. Производились и раздавались печальные сувениры: кольца, ложки, браслеты и пр. Художникам поручалось писание посмертного портрета. Появились новые чины – распорядители церемонии – гофмаршалы. Запрещались ритуальный плач и профессиональные плакальщицы. В зимнее время создавался помост по льду реки, строились специальный катафалк или галеры с целью перевезения тела к месту захоронения. Использовались факелы и факельщики для освещения процессии.

Наряду с появлением и внедрением новаций надо отметить сохранение некоторых традиций погребального ритуала, таких, как обряд прощания с покойным – целование его руки, лица. Оставался неизменным поминальный стол и ритуальная еда. Тела усопших одевали в праздничные одежды, тогда как печальная, темная одежда олицетворяла траур для окружения. Участие духовенства и пение в похоронном ритуале сохранялось непременно. Наряду с салютационной пальбой процессию сопровождал колокольный звон. Принцип построения процессии не менялся – по возрастающей линии чинов от низшего к высшему, апофеоз – усопший, далее по нисходящей линии значимости. Участники процессии держали в руках свечи. В действе были задействованы короны (специальные шапки). Оставалась неизменной традиция шестинедельного дневания у гроба.

ПОХОРОНЫ ПЕТРА I

Император Петр I скончался в 5 часов 15 минут утра 28 января 1725 г. после двенадцатидневной болезни. Супруга Екатерина находилась при нем почти безотлучно. Сохранилось много свидетельств о последних днях императора, далеко не полный перечень лиц, писавших об этом, – Феофан Прокопович, дипломаты: посланник прусского короля Г. Мардефельд,[225] посол короля Франции Ж. де Кампредон,[226] голштинец граф Г.-Ф. Бассевич[227] и др. Материалы, касающиеся жизни и смерти императора, были собраны И. И. Голиковым.[228] История болезни царя за 1724–1725 гг. не дошла до нас, точный диагноз установить сложно, но это не является темой книги. По версии профессора Ю. А. Молина,[229] причиной смерти явилась либо аденома предстательной железы, приведшая к задержке мочи и уремии, либо стриктура уретры, развившаяся вследствие воспалительного процесса. О «водяном запоре и прелютейшей рези» писал Феофан Прокопович.[230]

Во время болезни император был в сознании, давал амнистию,[231] три раза причащался Святых Тайн, но не объявлял последней воли и никак не намекнул на нее.

После смерти Петра I Б.-К. Растрелли снял гипсовую маску с его лица. Тело монарха было вскрыто и набальзамировано. Документов, однозначно говорящих о вскрытии тела и бальзамировании, нет, но консервацию можно предположить, хотя, скорее всего, ограничились минимальными мерами. Голландский дипломат Вильде сообщал своему правительству, что его не бальзамируют из-за мороза.[232] И. И. Голиков нашел смутные указания на бальзамирование.[233] Вскрытия и бальзамирования мертвых тел достаточно активно применялись в петровское время. Например, в «Инструкциях и Артикулах военных» Петр узаконил обязательное вскрытие тел в случаях насильственной смерти для установления ее причины. Эти инструкции действовали и в отношении гражданских лиц. Артикул 154 главы XIX «О смертном убийстве» гласит: «Кто кого волею и нарочно без нужды и без смертного страху умертвит, или убьет его тако, что от того умрет, онаго кровь паки отмстить, и без всякой милости оному голову отсечь. Толкование. Но надлежит подлинно ведать, что смерть всеконечно ли от битья приключилась. Того ради зело потребно есть, чтоб сколь скоро кто умрет, который в драке был и бит, поколот или порублен будет, лекарей определить, которые бы тело мертвое взрезали и подлинно розыскали, что какая притчина к смерти ево была, и о

том имеют свидетелство в суде на писме подать, и оное присягою своею подтвердить».[234] Когда в 1718 г. скоропостижно умерла сестра Петра Екатерина Алексеевна, обер-комендант запросил царя как поступить. Петр гневно ответил, что надо знать устав – необходимо вскрытие для установления причин смерти.[235]

Бальзамирование введено в обиход с XV в. во Франции в связи с особым отношением к телу короля. Авторами техники бальзамирования трупов с помощью введения консервирующих растворов в сосуды считаются доктора Ф. Рюйш и Я. Сваммердам, предложившие этот способ во второй половине XVII в. Обычно для инъекций использовалась бедренная артерия. Прописи, применявшиеся в XVIII в., включали различные масла, скипидар, киноварь, камфару, этиловый спирт. Часто после введения смесей в сосуды тело дополнительно погружалось в такую же жидкость целиком на некоторое время.[236] Петр I интересовался медициной, прослушал курс Лейденского университета, активно вскрывал мертвые тела, был знаком с доктором Рюйшем и приобрел у него знаменитую коллекцию анатомических экспонатов. Официальных данных, подтверждающих приобретение им данных прописей, нет, но в соответствии с данной рецептурой или по другой схеме консервация мертвых тел, тем не менее, производилась. Так, одно из первых указаний на бальзамирование в России связано с сестрой Петра Натальей Алексеевной, умершей в 1716 г., тело ее было бальзамировано в ожидании возвращения брата из-за границы. Еще раньше, по некоторым данным, бальзамированию подвергалось и тело кронпринцессы Шарлотты-Христины-Софии, во вскрытии которого принимал участие ее свекор.[237]

Скорее всего, при консервации тела Петра ограничились минимальными средствами, и процедура была произведена не лучшим образом, потому что уже через 10 дней после смерти началось разложение, хотя стоял сильный мороз, а в комнате, где лежал император, были раскрыты окна. Мардефельд заметил, что «труп покойного императора лежит еще на парадном ложе, несмотря на то что он уже позеленел и течет».[238] О плохом состоянии тела упоминал и Берхгольц, рассказавший о днях, прошедших со дня смерти Петра I: «8 февраля: тело императора… уже очень почернело и попортилось, почему его теперь уже не всем показывают».[239]

Посмертная маска Петра I. ГЭ. Фото автора, 2010 г.

Похороны были отложены на долгие 40 дней, и в течение этого времени у желающих была возможность проститься с императором. Это небывалый факт в практике русских царских похорон. Случай с Натальей Алексеевной в подобном контексте рассматриваться не может. Во-первых, отсрочка в погребении была вызвана вескими причинами: ждали прибытия брата из-за границы для участия в обряде. Во-вторых, тело не выставлялось напоказ. Конечно, вдове императора Екатерине Алексеевне и людям, ее окружавшим, надо было решить вопросы, имевшие для них первостепенное значение: захват власти, принятие присяги, погашение сопротивления противников. Кроме всего прочего, очевидно, жизнь рядом с таким непростым человеком требовала от нее постоянного напряжения и борьбы. По мнению некоторых современников событий, а также историков, занимавшихся разработкой данной темы, *обстоятельства, при которых Петр отправился в мир иной, могут привести к убеждению*, что отложенные похороны, плохое бальзамирование, упорство Екатерины в демонстрации разлагающегося тела, нарушение указов императора, связанных с проведением похоронных мероприятий, весьма формальный траур, последовавший за смертью столь значительного для русской монархии правителя, отсутствие своевременной информации в газетах о событии не случайны.

Трудно сказать сегодня, чем руководствовалась эта женщина, но желание взять реванш в постоянной схватке за жизнь со своим царственным супругом, отрицать невозможно. Ее жизнь рядом с таким непростым человеком, как Петр I, вряд ли можно назвать

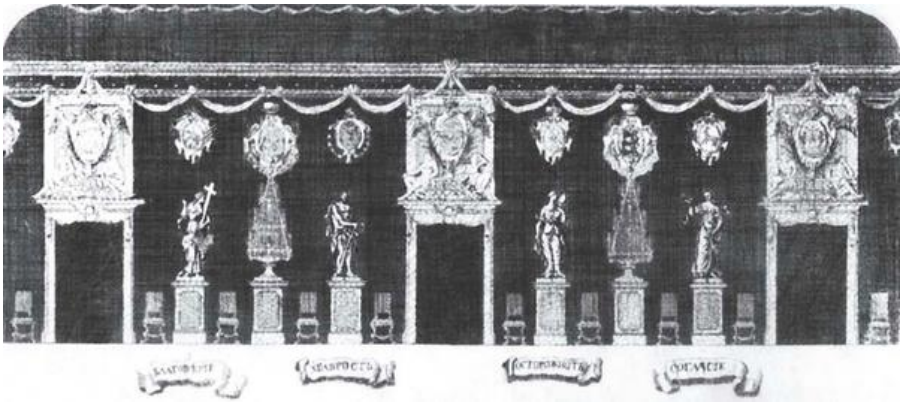
легкой. Обстоятельства последних недель жизни Петра и положение, в котором оказалась его законная супруга, остаются за пределами выбранной темы. Впрочем, личные отношения Петра I и Екатерины Алексеевны хоть и важны, но не являются в данном случае предметом особого рассмотрения, но они, безусловно, повлияли на тот факт, что Петр был похоронен только спустя полтора месяца после своей смерти.

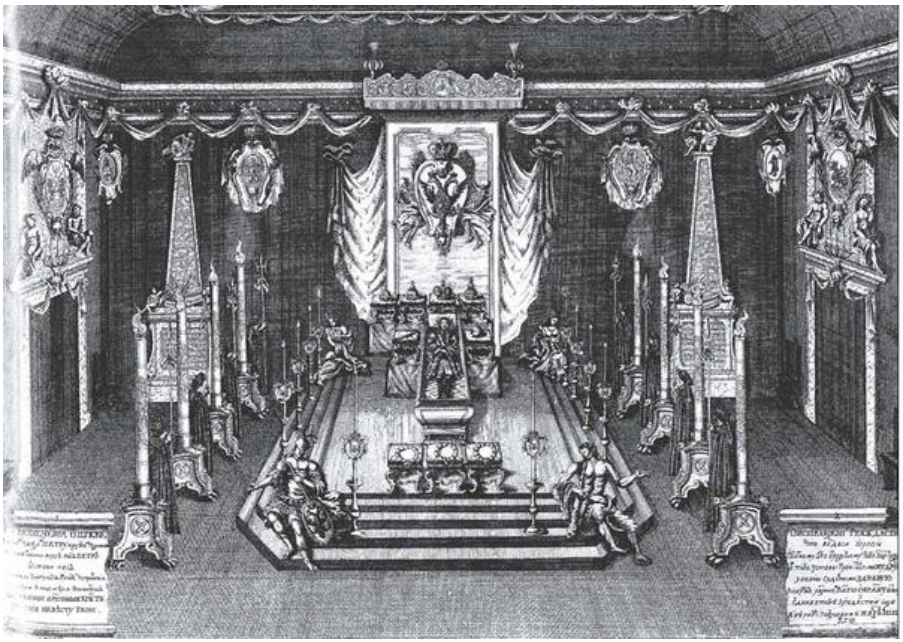
Похороны Петра – кульминация изменений в русских траурных обрядах. По масштабности их можно сравнить с празднованием Ништадтского мира и коронацией Екатерины I. Впервые подготовкой похорон императора занималась специально созданная Печальная комиссия, пришедшая на смену Панафидному Приказу. Разработка программы траурных мероприятий была поручена одному из наиболее просвещенных людей своего времени, Якову Вилимовичу Брюсу, возглавившему Печальную комиссию и выбравшему себе помощником генерала Г.-И. де Бона. Я. Брюсу было доверено и составление описания этого действа государственного значения. Это позволило поднять церемониал похорон Петра Великого до уровня образца для всех последующих императорских траурных ритуалов.

В этом событии государственного и даже более – мирового масштаба – нашли отражения все новации, вошедшие в жизнь в эпоху правления Петра I. Ориентировавшийся во всем на Запад Петр еще 4 апреля 1723 г. своим указом предписал русским дипломатам слать из-за рубежа описания похоронного ритуала[240] в числе прочих западных обычаев; российское руководство отслеживало правила проведения различных, в том числе траурных, мероприятий при правящих домах различных европейских стран. Русские дипломаты создавали «Экстракты из церемониала»,[241] первая русская газета регулярно сообщала о событиях такого рода при европейских дворах.[242] Однако, как уже было сказано, в реальной жизни император гораздо раньше этого времени занялся реформой погребального обряда. На похоронах своих родных и близких Петр отрабатывал все то, что было суммировано и использовано в церемониале его собственного погребения: длительное прощание, маршрут, процессия, служба и захоронение, годичный траур.

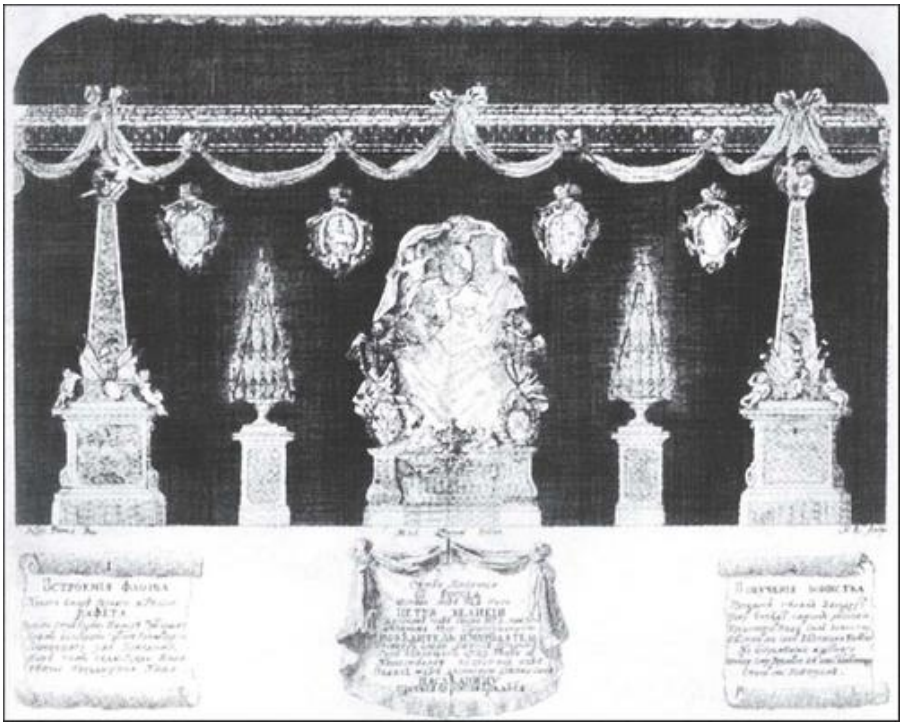
Портрет Я. Брюса

Уже в день смерти монарха по постановлению Синода в Москву был послан нарочный для взятия двух хрустальных запрестольных крестов из Успенского собора для похоронной церемонии. Вместе с крестами в Санкт-Петербург привезли выписки о погребении московских царей, ими Синод намеревался воспользоваться в качестве примеров для траурного действа. Однако новый порядок мероприятий и его участники сильно отличались от московских образцов, оказавшихся невостребованными: «Но так как. был прислан в Св. Синод от графа Брюса проект устраиваемой по сему церемонии с участием в ней конных и пеших фурьеров, лошадей в печальных и цветных уборах, рыцарей в черных и золотых латах, маршалов, церемониймейстеров, герольдов, литаврщиков и прочих заморских и зарубежных новшеств, до того несходных со старыми православно-русскими обычаями, значащимися в выписях, что эти последние ни к чему послужить не могли».[243]





Печальная (Погребальная) зала Петра I. Два вида



Печальная (Погребальная) зала Петра I. Вид торцовой стены

30 января началось прощание с усопшим монархом, проходившее в Малой зале нового Зимнего дворца, убранной «златыми и иными тканными шпалерами», где тело было выставлено на амвоне, покрытом кармазинным (алого, багряного цвета) бархатом.[244] В это время готовился Castrum Doloris – Печальная зала в самом большом, площадью 200 кв. м, Кавалерском зале Зимнего дворца на Зимней канавке. Подготовкой залы с пышным барочным убранством занимался французский скульптор-декоратор Н. Пино. Он писал, что нарисовал все декорации и надзирал за мастерами при исполнении этих декораций, «чем был занят шесть недель дневно и ночию вкупе с живописцем Каравакою, резчиком Симоном и столяром Мишелем».[245] Изображение Castrum Doloris Петра I дошло до наших дней в гравюрах, выполненных по проекту Н. Пино, к ним приложено описание, выполненное автором.[246]

Castrum Doloris вошел в траурный ритуал царских похорон во времена Петра I, а элементы его стали использоваться при подготовке погребения представителей элиты общества с начала XVIII в. В полном объеме Castrum Doloris появился в России как элементтраурного ритуала при похоронах царицы Прасковьи

Федоровны (1723 г.) в связи с увеличением временного промежутка между смертью и похоронами и необходимостью создания траурных декораций для желающих проститься с телом усопшего члена правящей семьи. В дальнейшем создание Castrum Doloris стало обязательным элементом траурных мероприятий для представителей Императорского дома.

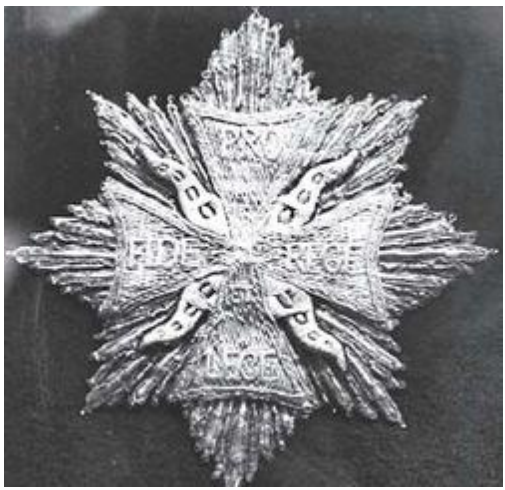
По кончине императора был объявлен траур, о ношении траура народу сообщили через указы, опубликованные 10 февраля, 9 марта и 1 августа 1725 г.[247]

Описание Погребальной залы Петра I

С 13 февраля 1725 г. тело императора выставлено в Печальной зале Зимнего дворца на Зимней канавке.[248] Стена залы, пол и потолок обиты черным сукном, им же завешаны все окна. Освещение составляли двенадцать бронзовых подсвечников, пять серебряных паникадил, украшенных белым и черным флером, со свечами «белого воску». По черному сукну проходил погребальный пояс, усыпанный как бы слезами, сделанными из «сребренного» муара. Зала была украшена фестонами из белого и

черного флера. На потолке, также украшенном белым флером, помещался большой крест Андрея Первозванного. Трон (возвышение) для тела императора о пяти ступенях, стоявший у одной стены, был покрыт ярко-алым бархатом и обложен золотым галуном. На одр, закрытый богатым персидским златотканым ковром, установили гроб в виде раки, оклеенный золоченой парчой, по углам обложенный серебряным галуном. На крышке красовался большой широкий узорчатый крест из серебряного галуна. Внутри гроб был обит серебряной парчой. Особого внимания заслуживает платье покойного. На императоре было надето верхнее платье и штаны из шкарлата (пурпурной ткани), богато вышитое серебром с лентой ордена Андрея Первозванного, камзол серебряной парчи с серебряной бахромой, кружевные манжеты и галстук. На ногах – сапоги со шпорами. Над возвышением с гробом раскинулся богато вышитый, украшенный подзором с кистями балдахин из кармазинного бархата с нашитым вензелем императора, повторенным в декоре неоднократно, а также двуглавый орел. Стена, у которой стоял гроб, была покрыта драпировкой, выполненной из тех же материалов – кармазинного бархата и золотого галуна с помещенным на ней картушем, несомым скелетами, с двуглавым орлом и знаками ордена Св. Андрея Первозванного. Особым украшением стены была императорская мантия из золотой парчи, подбитой горностаями. Вокруг гроба на девяти табуретах, обитых красным бархатом с золотыми кистями, на бархатных подушках были помещены личные и государственные регалии императора, из них к личным относились располагавшиеся в ногах «кавалерии» (орденские знаки) монарха: Св. Андрея Первозванного, Белого Слона, Белого Орла. Государственные регалии в первую очередь были представлены богато украшенными коронами: одна – новая Императорская, три старые – Астраханского, Казанского, Сибирского царств, помещавшиеся в головах; а скипетр и держава находились справа и слева от гроба. Четыре короны, скипетр, держава, государственные знамена, герб государя и гербы всех провинций представляли государственную символику.

Звезда ордена Св. Андрея Первозванного Петра I



Звезда ордена Белого Орла

Кроме государственной широко использовалась многочисленная символика, посвященная личности Петра и его деятельности, ориентированная на образцы Древнего Рима, это было связано с принятием царем 22 октября 1721 г. титула императора. Такая стилистика активно использовалась в триумфальных сооружениях петровского времени. На ступенях трона стояли четыре «бронзовые» фигуры почти в человеческий рост. В головах находились две женские фигуры: одна,

представляющая скорбящую Россию, держит платок, которым она утирала слезы, и щит с московским гербом, другая, олицетворяющая Европу, горюет о потере столь великого монарха. Мужские фигуры были помещены в ногах: Марс со щитом, украшенным Российским гербом, символизирует полководческие таланты усопшего, Геркулес с палицей, олицетворяет мужское начало и силу.[249]

По бокам от возвышения с гробом находились четыре «бронзовых пьедестала» с огромными восковыми свечами, украшенные разными фигурами и гербом. У стен были установлены «мраморные» пирамиды с пьедесталами из «яшмы», украшенные «бронзовыми» рамами и «мраморными» аллегорическими фигурами.

Б. Коффр. Портрет Петра I (ГМЗ «Петергоф»). На груди Петра I знаки датского ордена Белого Слона, через плечо – лента со знаками ордена Св. Андрея Первозванного

На пирамиде, олицетворявшей «Веру», помещалась фигура «Смерть, несущая вензель императора» с надписью на доске: «От попечения о церкви. Именем и делом Петру Верховному подражавый. Боговенчанный верх наш Петр остави нас. Ревнитель благочестия, рачитель исправления, суеверия и лицемерия ненавистник, О женише церковный Христе, Утеши невесту твою». [250] Другую пирамиду украшала фигура, олицетворяющая «Время», с поясняющей надписью: «*О исправлении гражданства*. Что воздаси о Россие! Истинному и ибо отродившему тебе отцу твоему. Он тебе уставы правительскими мудрую, законами судебными здравую и искусств различием благообразну сотвори, едина в тебе благодарствие сила, в верности и послушании к наследнице его».[251] Эта пирамида должна была напоминать о государственных делах Петра и о переходе власти к его супруге, главной продолжательнице дела своего мужа на ниве внутриполитических устремлений. На третьей пирамиде с аллегорической фигурой «Славы» надпись гласила: «*От обучения воинства*, изнемог телом, но не духом, уснул от трудов Самсон Российский. Трудолюбием подал силы воинству, бедствием же своим без опасения Отечеству. Но о применении жалостного! Почившему же ему временно, вечно же торжествующе. Стонем мы и сетуем».[252] В этой пирамиде явно прослеживается аллюзия «Петр I – Самсон», в культуре XVIII в. связанная с событиями Северной войны и ее решающей битвы – Полтавского боя, произошедшего в день поминовения Сампсония-странноприимца. Миролюбивый странноприимец не укладывался в контекст военного триумфа, и в Священном Писании нашелся другой соименный ему святой – силач и богатырь Самсон, силой своих рук разорвавший пасть немейскому льву. Так как лев был элементом герба Швеции, то все вставало на свои места: русский богатырь разрывал пасть шведскому льву, поэтому Самсон как символ победы русского оружия в главной битве петровского времени нашел свое отражение в культуре всего XVIII в.[253] Четвертая пирамида, посвященная морским завоеваниям, была снабжена надписью: «*От строения флота*, нового в мире, первого в России Иофета. Власть, страх и славу на море простершему, и нам в сообщение вселенную приведшего, плавающего уже не увидим, ныне нам воды и слезы наши, ветры и воздыхание наше». [254] Между двумя последними пирамидами находилась надпись, сделанная, согласно описаниям, на доске из белого мрамора, поддерживаемой двумя скелетами, один – с изображением двуглавого орла, другой – с вензелем Петра I. В верхней части композиции ангелочки несли портрет императора в медальоне, украшенном пальмовыми листьями, плачущие ангелочки

поддерживали урну, помещенную на пьедестале конструкции, выполненном из «яшмы». Золотыми буквами было написано: «Сетуй и плачися, о Россия! Остави тебя отец твой Петр Великий. Дарован тебе свыше 1672 Майя 30. Делами же веру превосходящими, победитель и миродатель. И всяких славы и титлы исполнен. Горе возвращен 1725; Генваря 28. Но и оставляя, не остави тебе: подал тебе достойную державы своея НАСЛЕДНИЦУ. Плачися, о Россия, и радуйся!».[255] На смысл этой главной в идейном отношении надписи исследователи не обращали внимания, хотя именно она являлась программной, отразившей в новых формах старую традицию поддержания идеи о легитимности и достойной преемственности нового царствования (как это было сделано, например, в «Плаче» по царе Федоре Алексеевиче). Идея траурного убранства Печальной залы Петра I соединила западную стилистику и русскую традицию восхваления нового правителя. Смысл надписей сводился к мысли о том, что созданное императором не пропадет, найдя достойное применение в наследниках, не уступающих своему предшественнику в силе, талантах и способности управлять государством. С точки зрения современного человека такая позиция по отношению к Екатерине I может показаться преувеличенной, но гипертрофия заслуг и способностей действующего монарха вполне соотносится с человеческой природой и сиюминутными политическими задачами.

А. Антропов. Портрет Петра I. 1770 г. Петр I изображен в мантии, с регалиями, и знаками ордена Св. Андрея Первозванного на фоне построенного Петропавловского собора, в котором император был похоронен

По сторонам Печальной залы располагались шесть дверей – по три с каждой стороны. Косяки и карнизы сверху были украшены подсвечниками с изображениями крылатых черепов, по обе стороны от пирамид на пьедесталах были установлены скульптуры в человеческий рост, символизирующие восемь добродетелей императора: Согласие, Премудрость, Храбрость, Благоверие, Милосердие, Мир, Любовь к Отечеству, Справедливость, которые не только отражали личные свойства

характера конкретного человека, но являлись обязательными для правителя. Вся программа убранства Печальной залы, созданная Я. В. Брюсом, должна была отразить величие ушедшего монарха и достойную ему смену в лице первой русской императрицы.

Государственная символика, активно задействованная в декоре Castrum Doloris Петра I, выражалась в порядке расположения и наборе гербов. С правой и левой стороны от трона в картушах были помещены русские гербы, более важные в историческом и политическом отношениях: Киевский и Владимирский. Над дверьми, поддерживаемые «беломраморными» фигурами (мужской и женской) в человеческий рост, символизирующими представителей разных народностей Российской империи, были установлены гербы: Новгородский, Астраханский, Псковский, Казанский, Сибирский, Смоленский. Кроме уже названных залу украшали гербы провинций: Нижегородский, Эстляндский, Рязанский, Кондийский, Корельский, Грузинский, Черниговский, Лифляндский, Удорский, Карталинский, Ростовский, Кабардинский, Вятский, Югорский, Пермский, Тверской, Болгарский, Ярославский, Обдорский, Белозерский, Черкасский, Иверский – всего 30 гербов, помещенных на картушах и украшенных вензелями императора Петра I.

Материалы для декораций печальной залы

Следует уделить особое внимание материалам, использованным в оформлении Печальной залы. Яков Брюс, конечно, несколько приукрасил действительность, определяя материал убранства Castrum Doloris Петра I. Так, по его описанию, многое было высечено из мрамора: статуи, символические фигуры и пирамиды, косяки и карнизы дверей, активно использовались яшма и бронза. Однако в данном случае, очевидно, автор описания несколько погрешил против истины. Скорее всего, вся Печальная зала была сделана из дерева. Вряд ли в такое короткое время было возможно создать все это великолепие из бронзы, мрамора и других полудрагоценных камней, на одну доставку и обработку которых ушло бы много времени. Скульптор Н. Пино, работавший над убранством Печальной залы, был декоратором, его помощники – художник, резчик и столяр.[256] О других мастерах – литейщиках или скульпторах – речь в документах не идет.

Годом позже, когда эти декорации переместились в Петропавловский собор, путешественник Обри де ла Мотрэ определил материал, из которого сделаны скульптуры, как крашенное краской дерево.[257] После похорон Петра I в 1731 г. упоминаний об этих «мраморных» и «бронзовых» скульптурах больше не встречается. Совершенно очевидно, что в данном случае не приходится брать на веру абсолютно все характеристики, даваемые Я. Брюсом, выполнявшим государственный заказ – представить похороны столь великого монарха на самом высоком уровне. Следовательно, мир должен был узнать о мнимых бронзе и мраморе, а не о реальном крашеном дереве, традиционно заменяющем в театре дорогой материал. После представления скульптуры исчезли.

Отсутствие русских икон удивляло свидетелей. Их заменила скульптура, характерная для стиля барокко, но непривычная в похоронном ритуале допетровского времени. Убранство залы указывает на очевидное западное влияние, столь свойственное времени петровских преобразований.

Рядом с телом постоянно находилось двенадцать сенаторов, генералов и лиц из «прочих первейших рангов», в зале священник без остановки читал Евангелие, у дверей несли караул гвардейские гренадеры. Доступ к телу был открыт, и, по свидетельству Г. Мардефельда,[258] его постоянно осматривала толпа народа с плачем и воплями, что воспринималось странно, учитывая запрещение Петром плакальщиц и ритуального плача,

причем самой большой нарушительницей указа о запрещении театрализованного стенания была его вдова. Екатерина приходила к телу мужа каждый день, не пропуская ни одного. Н. П. Вильбуа вспоминал: «Она его обнимала, целовала руки, вздыхала, причитала и проливала всякий раз поток искренних или притворных слез… Она проливала слезы в таком количестве, что все были этим удивлены и не могли понять, как в голове одной женщины мог поместиться такой резервуар воды. Она была одной из самых усердных плакальщиц, каких только можно видеть, и многие люди ходили специально в императорский дворец в те часы, когда она была у тела своего мужа, чтобы посмотреть, как она плачет и причитает. Я знал двух англичан, которые не пропустили ни одного из сорока дней. И я сам, хотя и знал, чего стоят эти слезы, всегда бывал так взволнован, как будто находился на представлении с Андромахой».[259] Как мы видим, современники не обманывались насчет искренности проявления чувств у новой императрицы и сравнивали ее посещения тела мужа с театральным спектаклем.

Окна Печальной залы были открыты. Стояла морозная погода, она должна была способствовать сохранности тела, но оно быстро разлагалось, на что указывали мемуаристы.[260] В дневниковых записях от 15 февраля камер-юнкер Ф.-В. Берхгольц заметил: «Императрицу уже несколько раз просили приказать закрыть гроб, но она не соглашалась на это».[261] Екатерина как будто специально тянула с захоронением. Берхгольц, как многие другие зрители, недоумевал, почему прощание затягивается так неестественно долго: «Думают, однако ж, что погребение совершится еще до Страстной недели. Все императорские короны и другие регалии, говорят, уже дня за три привезены сюда из Москвы».[262]

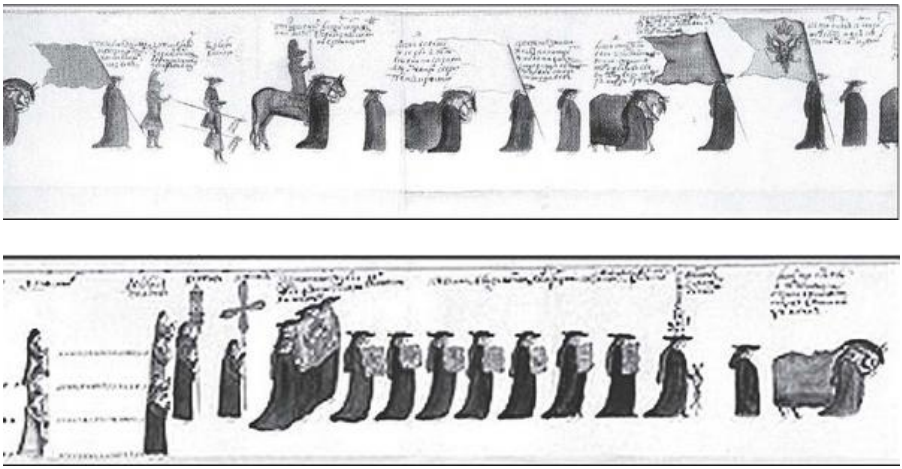
Вскоре после смерти императора произошло еще одно печальное событие. 4 марта 1725 г. умерла его дочь Наталья (родившаяся 20 августа 1718 г.). Ее тело сначала находилось в ее собственных покоях, а 9 марта было перенесено «по церковному уставу» в Печальную залу и поставлено рядом с гробом отца под балдахином.[263] В головах ее гроба на специальном табурете на «золотоглавой» подушке находилась богатая корона, украшенная бриллиантами и драгоценными камнями. На ее голову была надета новая погребальная золотая корона. С этого времени специально изготовленная траурная корона стала украшением головы усопших монархов. При гробе цесаревны Натальи Петровны дневание несли дамы «из первых рангов» и почетный караул.

За два дня до торжественного события герольдами был

указан день погребения – 10 марта 1725 г. В день похорон и накануне указом запрещалась продажа в городе спиртных напитков, кабаки были закрыты.[264] Участники церемонии заранее занимали места в домах, находящихся на маршруте, чтобы присоединяться к процессии по мере ее продвижения от Зимнего дворца Петра к Петропавловской крепости. Сигналами к началу сбора, построению, началу движения служили выстрелы пушек Петропавловской крепости. Камер-юнкер голштинского принца записал: «10-го, в день погребения императора и императорской принцессы Наталии, в 7 часов утра тремя пушечными выстрелами был подан из крепости первый сигнал, чтобы все назначенные в церемонию изготовились и отправились в указанные им дома, потому что во дворец императрицы должны были собраться только ближайшие родственники с их свитами, все, имевшие какую-нибудь должность при телах царственных усопших и, наконец, те, которым следовало нести регалии».[265] Руководил всем действом обер-маршал граф Я. В. Брюс, ему помогали маршалы, все участники великого представления были расписаны.

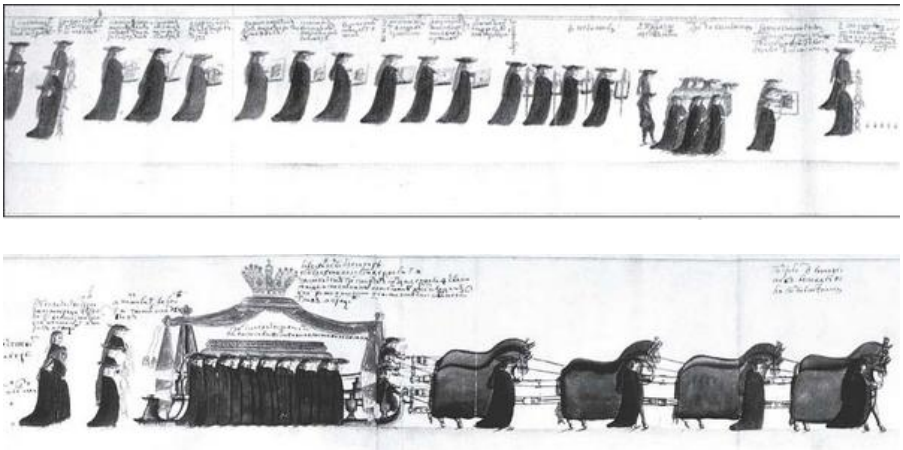
Траурный маршрут пролегал по набережной от Зимнего дворца Петра до Почтового двора (на месте нынешнего Мраморного дворца), оттуда – по льду Невы. Вся дорога была посыпана речным песком и устлана еловым лапником. На лед положили деревянный настил с перилами, декорированный черным сукном и также посыпанный речным песком и елом (еловыми ветками). Дорогу освещали специально поставленные по сторонам процессии в одну шеренгу 1250 человек с факелами из белого воска. Помост и факельщики уже использовались неоднократно, о чем говорилось выше. В день похорон Петра с 8 часов утра справа и слева от помоста были выставлены войска: 10 638 человек солдат Преображенского, Семеновского, Ингерманландского и Вятского полков,[266] трех морских батальонов, Петербургского, Новгородского и Владимирского гарнизонов. Войсками командовал генерал-майор и лейб-гвардии Семеновского полка подполковник М. Я. Волков, его заместителем был бригадир и лейб-гвардии Преображенского полка майор В. Д. Корчмин.[267]

Петр I и ранее неоднократно использовал почетный караул при похоронах своих сподвижников, например в 1699 г. – во время похорон Ф. Я. Лефорта и П. Гордона, в 1707 г. – Федора Головина, о чем говорилось выше, но похороны самого Петра, естественно, превосходили по торжественности все предыдущие, служившие своего рода репетициями к главному действу.



Неизв. худ. Церемония погребения его императорского величества императора Петра Великого и государыни цесаревны Натальи Петровны. Фрагменты. (ОР РНБ)

Над крепостями – Санкт-Петербургской (Петропавловской) и Адмиралтейством – были подняты вместо обыкновенных флагов черные траурные. Шествие началось в час дня. Сигналом к тому послужил второй залп крепостных орудий. Каждую минуту раздавался пушечный выстрел из Петропавловской крепости и Адмиралтейства, звонили колокола – на колокольне Петропавловского собора играли «печальные стихи», в процессии принимали участие музыканты: литаврщики и трубачи. Гроб Петра на улицу выносили не через дверь, а через окно по специально сделанному крыльцу с шестнадцатью ступенями, обитому черным сукном. Над дверью этого крыльца был поставлен Государственный герб, расписанный золотом и серебром. Вынос тела покойника не через дверь, а через окно или через специально сделанный для этого проем в стене, относится к русским языческим традициям. Испытывая страх перед смертью, наши предки предпочитали не пользоваться в подобных случаях дверью, опасаясь, чтобы через обыкновенный вход покойник «не вернулся» в тот дом, откуда отбыл на кладбище. Тот факт, что в эпоху петровских преобразований повторялась языческая похоронная традиция использования окна, а не дверного проема для выноса тела императора, представляется неслучайным. Отношение к личности Петра I его современников было неоднозначным, и применение дохристианской практики в тот момент, когда он навсегда должен был покинуть свое земное жилище, кажется символичным.

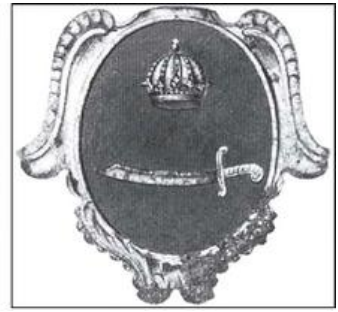


Неизв. худ. Церемония погребения его императорского величества императора Петра Великого и государыни цесаревны Натальи Петровны. Фрагменты. (ОР РНБ)

Брюс разбил всю процессию, неслыханную по масштабу, на 166 групп, представляющих все социальные и сословные группы. Роли были расписаны в церемониале и указаны в брошюре, выпущенной по случаю похорон.[268] Каждую группу открывали маршалы с маршальскими жезлами, обитыми черным сукном, перевязанными черным и белым флером и украшенными либо вензелем императора, либо гербами под коронами. Объединял всех присутствовавших глубокий траур. Даже литавры и трубы были обиты черным сукном с кистями и завесами, украшенными гербами. Процессия начиналась с меньших чинов, доходила по возрастающей значения до апогея – тела императора, потом шла по убывающей от более значимых лиц к менее важным. Пешие участники следовали за конными. Открывали процессию унтер-офицеры, за ними – дворцовые курьеры, пажи со своим командиром, придворные кавалеры, тридцать иностранных купцов, депутаты от дворянства разных городов, отдельной группой двигались представители Эстляндского и Лифляндского дворянства со своим маршалом бароном К. Унгерн фон Штернбергом.

Императора как предводителя армии представляла группа, в которую входили знаменосцы с военным красным знаменем, за ними два полковника: Федор Хлыстов и Август Кениг вели «лейб-пферд» – любимую походную лошадь императора с богато вышитым седлом и убором на голове и крестце из плюмажа из

белых и красных перьев.



Гербы, несомые в Печальной процессии Петра I: Пермский, Удорский, Астраханский

32 знамени с гербами провинций были написаны золотом и серебром на черной тафте, каждому знамени полагалась лошадь в черном облачении с изображением на нем и на лбу лошади того же герба. Гербы были представлены в следующем порядке: Черкасский, Кабардинский, Грузинский, Карталинский, Иверский, Кондийский, Обдорский, Удорский, Белозерский, Ярославский, Ростовский, Рязанский, Черниговский, Нижегородский, Болгарский, Вятский, Пермский, Югорский, Тверской, Ижорский, Корельский, Лифляндский, Эстляндский, Смоленский, Псковский, Сибирский, Астраханский, Казанский, Новгородский, Владимирский, Киевский, Московский. Если мы сравним титул императора Петра I, то увидим, что гербы в траурной процессии располагались в обратном порядке по сравнению с титулом: в печальном шествии шло возрастание значения от меньшего к большему, в императорском титуле – наоборот. Гербы всех земель и территорий появлялись как в Печальной зале, так и в похоронной процессии, но к представленным в декорациях во дворце в траурном шествии добавилось два герба – Ижорский и Московский. Московский герб не был задействован в убранстве Печальной залы, так как на момент смерти императора всадник на груди орла считался представляющим самого Государя,[269] он был впервые назван Св. Георгием именно Петром I, но официально принят в Московском гербе уже после смерти императора.[270] Три знаменосца несли знамена, имевшие особое значение для характеристики правителя. Штандарт Адмиралтейский (судовой штандарт) с двуглавым орлом («штандарт ботика Петра I», по выражению Феофана Прокоповича[271]) не сопровождался соответствующей ему лошадью с попоной, так как представлял императора как

начальника флота, а на флоте лошади не служат. Скорбь символизировало черное траурное знамя из тафты с кистями и бахромой, на нем был изображен государственный герб, расписанный золотом и серебром, знамени соответствовала лошадь в сходном одеянии – черной попоне с государственными гербами по бокам и на лбу. На языке аллегории средних веков эта группа представляла государство в трауре. Третьим было белое знамя с эмблемой государя: резец, делающий статую, с вензелем и коронами, что символизировало сотворение Петром новой России. Эта эмблема служила для частной печати Петра I и была изображена в «Русской Геральдике» А. Б. Лакиера:[272] император в короне и порфире сидит перед статуей и высекает ее правую ногу, прочие части скульптуры уже окончены. Так как группа символизировала сотворение новой России, то ей соответствовала «Радостная лошадь» – «Фрейден-пферд», которая выделялась богатой зеленой попоной с золотым позументом, вытканными девизами и плюмажем из красных и белых перьев. Жизнеутверждающая идея была продолжена в процессии рыцарем в позолоченных латах с поднятым обнаженным мечом, он следовал верхом на лошади с богатым седлом. Роль «радостного» рыцаря исполнял шталмейстер Кузьма Теремицкой. У него на шлеме и на голове, а также на крестце его лошади были укреплены плюмажи из белых и красных перьев. За «радостным» следовал пешком «печальный» рыцарь – артиллерии капитан-лейтенант Вилмут в черных латах и шлеме, украшенном черными страусовыми перьями с мечом, опущенным вниз. Идея рыцарского караула, безусловно, восходящая к королевским праздникам западноевропейских монархов, особенно Людовика XIV, была введена в обиход похорон сначала сподвижников Петра, потом использована в его собственном траурном кортеже, с этого времени стала обязательным атрибутом всех царских похорон императорской России. Многие общечеловеческие философские аспекты соединились в этих двух рыцарях, о чем говорилось выше. Рыцарь в позлащенных латах, так же как и белое знамя, использованное в процессии, воспринимался как символ воскресения из мертвых к вечной жизни и представлял незыблемость законной власти государей Божьей милостью. Впоследствии золотой латник стал отождествляться с новым монархом, а черный – с усопшим правителем, через этих двух персонажей проводилась идея о преемственности власти в монархии. Все чины в шествии были расписаны таким образом, что один участник был русским, другой – иностранцем, состоящим на русской службе. Рыцарскую группу замыкал капитан гвардии Иван Козлов[273] с еще одним печальным

знаменем из черной тафты, за которым конюх вел еще одну лошадь в траурном черном облачении. Лошади, разделявшие с императором тяжесть военных и прочих походов, являлись важным элементом траурной процессии и должны были символизировать правителя-воина, защитника своих подданных.

Гербы, несомые в Печальной процессии Петра I: Кондийский, Белозерский, Ростовский

Государственная символика была повторена в процессии неоднократно: семь гербов Сибирского, Астраханского, Казанского, Новгородского, Владимирского, Киевского, Московского царств, написанные красками с золотом и серебром на досках, обвитых белым и черным флером, украшенных резными коронами, предваряли несение большого государственного герба, ярко расписанного на доске, украшенной резной короной, по краям которой были нарисованы 32 провинциальных герба. Это изображение несли Ян фан Гофт,[274] генерал-майор А. М. Девиер, обер-прокурор Сената И. И. Бибиков, генерал-фискал А. А. Мякинин, им ассистировали четыре прокурора от коллегий.

Группу духовенства открывали священники с двумя хоругвями и крестом, обычно используемыми на крестном ходе. По старшинству (младшие впереди) располагались: певчие – синодальные, ее и его императорских величеств; диаконы, протодиаконы, белое духовенство, соборные священники, протопопы, духовник усопшего монарха. За белым следовало черное духовенство: монахи Александро-Невского монастыря, игумены Новгородской епархии, тридцать восемь архимандритов, каждый с ассистентом – диаконом. Отдельно шествовало высшее духовенство – восемь архиереев по возрастанию значения – епископы: Астраханский Иоаким, Вятский Алексий, Коломенский Варлаам, Вологодский Павел, Белгородский Епифаний, Рязанский Сильвестр, Ростовский Георгий, Нижегородский архиепископ

Питирим. Замыкали группу духовных деятелей члены Святейшего синода: Тверской епископ Феофилакт, архиепископы – Псковский Феофан и Новгородский Феодосий, все с ассистентами. Два маршала отделяли духовных лиц от группы, сопровождающей гроб с телом цесаревны Натальи Петровны, перед которым генерал-майор В. В. Головин нес корону ее императорского высочества. Еще при похоронах царицы Марфы Матвеевны тайный советник П. А. Толстой нес «всю усыпанную драгоценными камнями богатую корону».[275] Традиция надевать траурную корону на монарха уходит своими корнями в прошлое. У Г. К. Котошихина сказано: «Когда случится царю от сего света преселитися во оный покой… и того ж дни царя измывают теплою водою и, возложа на него срачицу, и порты, и все царское одеяние, и корону, положат во гроб…»,[276] и хотя при последующих вскрытиях некоторых захоронений это утверждение не всегда находило подтверждение, но, по замечанию С. Ю. Шокарева, «княжеские погребения. совершались при облачении тела в дорогие одежды»,[277] доказательством чего служат находки головных уборов или их фрагментов из дорогих золототканых тканей, украшенных жемчугом и драгоценными камнями, для XVI–XVII вв. хорошо известны шитые золотом головные уборы – волосники – из погребений цариц и женщин знатного происхождения на некрополях Москвы. При похоронах царицы Прасковьи Федоровны использовалась царская корона, а на балдахине была вышита «императорская корона» по характеристике Ф.-В. Берхгольца.[278] Традиция использования в церемонии и одевания на голову усопших специальных траурных венцов продолжилась в XVIII–XIX вв.

Шестнадцать человек, представляющих армию, флот, гражданские чины, переменяясь, несли гроб. Расписаны были места, связанные с несением балдахина, веревок от балдахина, кистей от покрова. У короны и около гроба цесаревны находилось четырнадцать драбантов в черных епанчах с алебардами. За гробом Натальи Петровны оба герольдмейстера империи – Иван Плещеев и Франциск Санти (русский и иноземец), в специальном «герольдском» платье со знаками своего достоинства и траура, – открывали группу со знаками личных заслуг усопших и государственных символов. Впереди следовали кавалеры с четырьмя «государственными мечами» с позолоченными эфесами, украшенными драгоценными камнями, острием вниз, как символ окончания пути. Три царские кавалерии на богатых златотканых подушках несли кавалеры этих орденов: орден Святого Андрея Первозванного – генерал-лейтенант П. И. Ягужинский, датский орден Белого Слона – тайный советник князь В. В. Долгорукий,

польский орден Белого Орла – князь И. Ю. Трубецкой. Символы государственной власти были представлены коронами, украшавшими Castrum Doloris: сибирская корона была поручена генерал-лейтенанту Б.-Х. Миниху, астраханская – вице-адмиралу Д. Вилстеру, казанская[279] – вице-адмиралу М. Х. Змаевичу. Вице-адмирал Томас Гордон нес Государственную державу, вице-адмирал Питер Сиверс – Государственный скипетр, корону Российской империи доверили генералу и лейб-гвардии подполковнику графу И. И. Бутурлину. 28 человек драбантов и их командиров с обнаженными шпагами непосредственно предваряли колесницу с гробом Петра I, ее везли восемь лошадей, ведомых восемью полковниками. Рядом находились все «птенцы гнезда Петрова»: генерал-лейтенант Г.-И. де Бон, помогавший Я. Брюсу в подготовке всего действа, бывший денщик императора генерал-майор Г. П. Чернышев, генерал-майор П. Лефорт; тайные советники барон А. И. Остерман, князь М. М. Голицын, князь И. Ф. Ромодановский, действительный статский советник граф П. М. Апраксин держали кисти от покрова, сделанного из золотой материи, обложенного по краям серебряной тканью, с золотыми кистями по углам и нашитым посередине крестом из серебряной материи. Над гробом возвышался балдахин из золотой и серебряной материи с кистями и бахромой на восьми литых посеребренных штангах высотой около четырех метров с восьмью орлами и четырьмя вызолоченными цветками на каждой штанге. С каждой стороны балдахина спускалось по четыре веревки из золотых шнуров. Цифры «четыре» и «восемь» постоянно обыгрывались в траурном действе. Вокруг гроба шествовали шестьдесят гвардейских бомбардиров с зажженными свечами чистого белого воска.

Когда начался вынос тела, императрица Екатерина I последовала за ним из своих апартаментов с семьей и наиболее близким окружением. Ее выход, так же как и гроб с телом ее супруга, предваряли три маршала: генерал-лейтенант П. П. Ласси, генерал-майор А. И. Ушаков и генерал-майор князь Г. Д. Юсупов. Императрица «изволила шествовать» за телом мужа в глубоком трауре, поддерживаемая «первейшими сенаторами» генерал-фельдмаршалом князем А. Д. Меншиковым и генерал-адмиралом графом Ф. М. Апраксиным.[280] Шлейф императрицы несли камергеры и придворные кавалеры, окруженные шестнадцатью драбантами.

В выходах подобного рода особое значение имел порядок построения персон, далее члены семьи выстроились в соответствии со своим статусом и степенью близости к усопшему монарху: старшая дочь покойного цесаревна Анна Петровна;

младшая дочь цесаревна Елизавета Петровна; старшая племянница царевна Екатерина Иоанновна, герцогиня Мекленбургская; младшая племянница царевна Прасковья Иоанновна; родственницы по материнской линии: Мария и Анна Львовны Нарышкины, дочери Льва Кирилловича Нарышкина, двоюродные сестры покойного, все с ассистентами и в окружении драбантов, чье количество варьировалось в зависимости от значимости персоны.

Многих присутствующих поразило нарушение порядка следования родственников, не отвечающее субординации. Так, внук Петра I царевич Петр Алексеевич, возможный и вероятный наследник и претендент на престол, почему-то оказался сзади герцога Голштинского, хоть и помолвленного жениха цесаревны Анны Петровны, но еще далеко не родственника. Позже выяснилось, что порядок следования был нарушен с разрешения вдовы, современники расценили это как знаковое событие.[281] Царевна Анна Иоанновна герцогиня Курляндская и внучка усопшего царевна Наталья Алексеевна не принимали участия в похоронах: первой не было в Петербурге, другая – по нездоровью. Группу родственников замыкали двоюродные братья Петра I Александр и Иван Львовичи Нарышкины. Двадцать один человек от гоф-штата, среди которых можно выделить обер-гофмейстера М. Д. Алсуфьева, обер-гоф-шталмейстера С. И. Алабердеева, тайного кабинет-секретаря А. В. Макарова, обер-шенка графа А. М. Апраксина, все в траурном одеянии – в епанчах и, согласно традиции, с зажженными свечами из белого воска, завершали группу особо приближенных. Далее процессия строилась по нисходящей линии значимости персон: двадцать восемь придворных дам в глубоком трауре с длинными шлейфами, за ними – сорок пять купцов в длинных епанчах, все с восковыми свечами. Процессия заканчивалась, как и открывалась: таким же количеством унтер-офицеров гвардии.

При приближении тела императора стоящие в оцеплении полки опускали знамена и протазаны к земле. Полки гвардии выстроились на крепостной стене. Весь город получил траурное убранство. На Адмиралтействе и Петропавловской крепости были вывешены траурные флаги.

По прибытии процессии в крепость лошадей отослали. В связи с тем что строительство собора во имя первоверховных апостолов Петра и Павла не было завершено, в центре его приготовлена была малая деревянная церковь с возвышением о пяти ступенях, убранным кармазинным бархатом, на котором воздвигнут ковчег.[282] Стены и пол собора покрыли черным сукном. В крепости все участники траурного действа,

руководимые церемониймейстерами, заняли места, согласно Табели о рангах и своему значению. Члены процессии наполнили собой всю крепость, места для всех участников похорон в соборе не хватало, вход в него был ограничен, поэтому в него вошли только наиболее важные персоны, при этом особое внимание было обращено на тех, кто должен был поместиться в малой деревянной церкви посреди строящегося каменного храма. Гроб с телом Петра в ковчеге поставлен на возвышении справа, гроб цесаревны Натальи – слева, принесенный балдахин установили над гробами на тех же посеребренных штангах, на которых его несли. В головах гроба встали на караул рыцари в доспехах. Государственные регалии были положены на специальные подушки, кроме государственных мечей, полковники с мечами встали у гроба. Екатерина I со своим двором расположилась справа от гроба мужа на специально подготовленном месте. Для принца Голштинского и великого князя Петра Алексеевича место было приготовлено слева. Кавалеры и дамы заняли места на приготовленных для них ступенях и галереях. После того как все заняли свои места, была отслужена панихида, во время которой оба гроба были открыты. Речь архиепископа Псковского и Нарвского, вице-президента Синода Феофана Прокоповича потрясла всех: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне! Что видим? Что делаем? Петра Великого погребаем! Не мечтание ли се?..» Слово прерывалось плачем и, несмотря на краткость, продолжалось около часа.[283] Перечислив славные дела усопшего, красноречивый иерарх закончил проповедь оптимистично: «Не весьма же, россияне! Изнемогаем от печали и жалости: не весьма бо и оставил нас сей великий монарх и отец наш. Оставил, нас, но не нищих и убогих: безмерное богатство силы и славы его, которое вышеименованными его делами означилося, при нас есть. Какову он Россию свою сделал, такова и будет: сделал добрым любимою, любима и будет, сделал врагам страшною, страшна и будет, сделал на весь мир славною, славная и быти не престанет. Оставил нам духовная, гражданская и воинская исправления. Убо, оставляя нас разрушением тела своего, дух свой оставил нам…».[284] «Слово» было впоследствии опубликовано. По окончании речи и надгробного пения присутствующие допущены были для прощания, сопровождавшегося «великими слезами и неописанным воплем».[285] Петровское запрещение на плакальщиц и плач на его собственных похоронах опять было нарушено. Потом прощалась Екатерина I и делала это с такими рыданиями, что присутствующие стали бояться за ее состояние и почти на руках отнесли императрицу к ее месту. Такое же жалостное прощание

имел и весь Императорский двор.

Во время службы беглым огнем стреляли трижды: по прибытии, к чтению Евангелия, при посыпании тела землей. После этого гроб закрыли и возложили на него с ковчегом императорскую мантию. Погребения в настоящем его виде не было, но в знак придания тела земле горсть земли положили на крышку гроба.

После оружейного салюта из всех фортеций (Петропавловской крепости и Адмиралтейства) церемония была окончена, и присутствующие чинным порядком с императрицей во главе отбыли из крепости, Екатерина уехала во дворец, все остальные разъехались по домам. В соборе остались шесть персон для «нощеденствия» – круглосуточного шестинедельного (сорокадневного) караула. Дежурили, как в Печальной зале, первейшие персоны, офицеры гвардии и драбанты. Все носимые во время церемонии регалии, гербы, знамена и все убранство Castrum Doloris были установлены во временной деревянной церкви в том же порядке, как в Зимнем дворце Петра I.

Феофан Прокопович. Гравюра 1801 г.

В 1726 г. убранство Петропавловского собора описал французский путешественник О. де ла Мотрэ.[286] Он видел, что катафалк Петра, покрытый расшитой золотом тканью, стоял в центре собора, поднятый над полом на пять ступеней, устланных пурпурным атласом, балдахин также из пурпурного атласа с золотым шитьем был украшен вышитыми монограммами Петра I и цесаревны Натальи Петровны. Вместо бронзовых фигур Марса, Геркулеса, Европы и России О. де ла Мотрэ указывает на деревянные скульптуры, окрашенные в белый цвет: две – в изголовье, две – в ногах. Он пишет о том, что в изголовье находились Геркулес и Александр (очевидно, путая его с Марсом), в ногах – Религия (очевидно, имелась в виду Европа) и Россия. Четыре канделябра с восковой свечой толщиной в бедро расставлены были у фигур, при каждой свече находилось по солдату с алебардой в длинном черном плаще. Перед катафалком висела люстра со свечами, одна из них горела постоянно. Ожидали прибытия из Италии великолепной мраморной гробницы, которая привезена не была.

16 мая 1727 г. к гробам на катафалке присоединился гроб с телом императрицы Екатерины I, скончавшейся 6 мая 1727 г.,[287] а 12 ноября 1728 г. на нижней ступени катафалка установили гроб с останками цесаревны Анны Петровны, герцогини Шлезвиг-Голштинской, дочери Петра I и Екатерины I, скончавшейся в Киле 4 мая 1728 г., ее останки были перевезены в Санкт-Петербург сначала в Зимний дворец ее отца, где была устроена Печальная зала для прощания, а потом гроб на шлюпках, составивших Печальный кортеж, был доставлен в Петропавловский собор.[288]

О медных ковчегах, в которых хранили гробы с телами Петра I и Екатерины I, писал современник событий Н. И. Кашин: император «скончался 1725 г., генваря 28 числа, и поставлен был в медном гробе в Петропавловском соборе на анбоне, убранном визитами с подписми, и шесть недель стояли министры и генералы. И по смерти государя императора Петра Перваго приняла царствование ея императорское величество Екатерина Алексеевна и не в долгом времени царствования 1727 г., маия 7 числа, в Питербурхе скончалась и положена в медной гроб, и по отпетии поставлено тело ее во гробе на том же анбоне с сожителем ее великим императором Петром, и покрыты грызетовыми золотыми покровами, и шестинедельная церемония справлялась у гроба…».[289] Надо заметить, что в данном случае мемуарист, очевидно, ошибся, ибо датой смерти Екатерины I считается 6 мая 1727 г.[290]

К. де Моор. Портрет Екатерины I. ГЭ

После окончания основных строительных работ в Петропавловском соборе Петр I и Екатерина I были преданы земле. За несколько дней до погребения, 21 мая 1731 г. по указу новой императрицы Анны Иоанновны Б.-Х. Минихом, отвечавшим за проведение похорон, были организованы заупокойные службы в соборе, и в 11 утра 29 мая 1731 г. под орудийный салют в 51 выстрел оба гроба поместили в единый склеп перед иконостасом в южном нефе, напротив киота с изображением апостола Петра, святого покровителя Петра I.[291] Единого подвала под собором нет, поэтому для похорон каждого члена семьи склеп глубиной примерно 2–2,5 м делался персонально. В случае с Петром I и Екатериной I склеп был сделан на два гроба, сверху установили надгробия.[292] Во времена правления Елизаветы Петровны было решено превратить Петропавловский собор в своеобразный мавзолей Петра Великого, но проект М. В. Ломоносова, собиравшегося поставить пышную триумфальную арку, не осуществился.[293] Во время правления Екатерины II памятники были заменены саркофагами из рускеальского мрамора.

В 1866–1867 гг. вместо них установили надгробия из белого

итальянского каррарского мрамора, украшенные бронзовым позолоченным восьмиконечным крестом на крышке и двуглавыми орлами по углам императорских надгробий.[294] В таком виде они дошли до наших дней.

Могила Петра I в Петропавловском соборе. Фото автора

Траур и траурные мероприятия

После похорон 10 марта 1725 г. и по окончании «нощедействия» траурные мероприятия не завершились, был объявлен годичный траур.[295] Правда, уже 20 марта траур был снят в связи с праздниками, а 28 марта (первый день Пасхи) особым указом отменен и к весне 1725 г. стал соблюдаться формально. Вскоре после похорон супруга сама вдова стала появляться в «полутрауре». При этом нельзя не отметить, что императрица постоянно демонстрировала всему миру свою скорбь по ушедшему супругу. Она приходила к его гробу, стоявшему в Петропавловском соборе, в окружении представителей дипломатического корпуса, которым полагалось быть свидетелями ее горя. Так, 21 марта 1726 г. анонимный мемуарист из окружения Яна-Казимира Сапеги, прибывшего в Санкт-Петербург в начале 1726 г., присутствовал при посещении крепостной церкви императрицей Екатериной I.[296] В этот момент в строящемся соборе собрались не только Императорский двор и члены Высочайшей семьи, но и все сенаторы, министры, генералы и офицеры. Освещение было недостаточное, потому что большее количество свеч не было зажжено, поминальную службу справлял архиепископ Феофан Прокопович. Екатерина по своему обыкновению нарушила запрет на театрализованный плач, после службы она целовала, рыдая, гроб и едва не лишилась чувств от скорби, по замечанию зрителей. Зять императрицы герцог Голштинский и князь А. Д. Меншиков едва уговорили ее дать увести себя с катафалка. После императрицы целовали гроб дочери императора – цесаревна Анна герцогиня Голштинская и цесаревна Елизавета, а также племянница Екатерина Иоанновна герцогиня Мекленбургская. После церемонии все отправились на обед к шведскому послу и хорошо провели время.

И.-Г. Таннауэр. Петр I на смертном одре. 1725 г. ГЭ

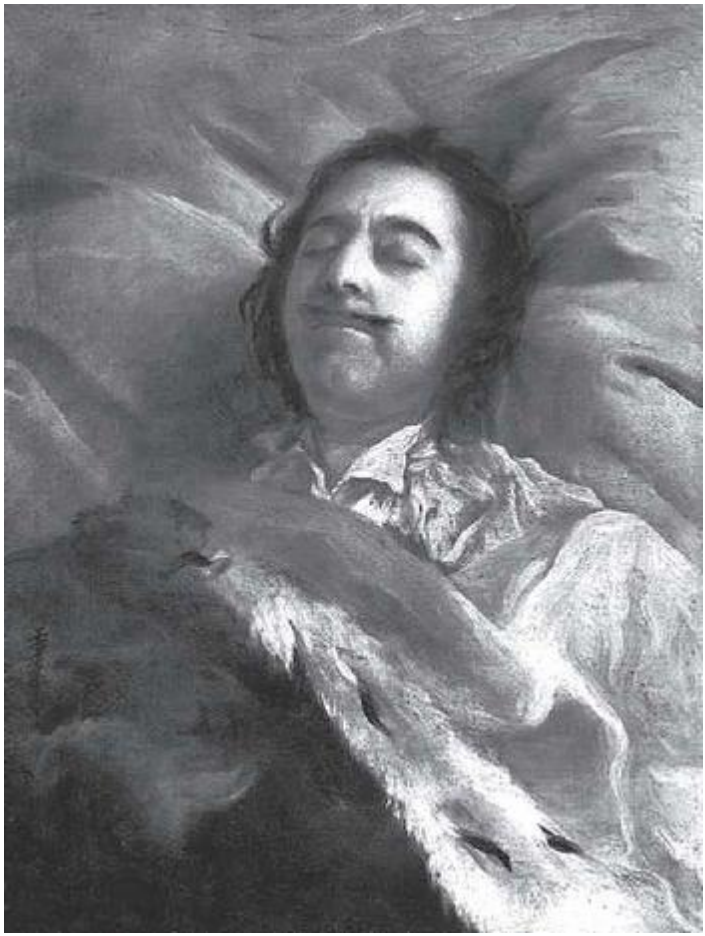
И. Никитин (?). Петр I на смертном ложе. ГЭ

Более широкую огласку похороны монарха с начала XVIII в. получили через публикацию. В данном случае по велению императрицы Екатерины I было выпущено «Описание порядка, держанного при погребении Блаженныя Высокославныя и Вечнодостойнешея памяти Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и блаженныя памяти Ея Императорского Высочества Государыни Цесаревны Натальи Петровны», напечатанное в Санкт-Петербурге при Сенате в 1725 г. и повторенное в Московской типографии в 1726 г., написание которого было поручено автору сценария похорон и главе Печальной комиссии Я. В. Брюсу. Это была первая попытка создания церемониального издания, посвященного одному из главных событий в жизни монарха – собственно уходу из нее, исключительно важного документа, который предполагал продолжение практики печатания церемониальных изданий погребального характера наряду с коронационными. Однако впоследствии церемониальные

погребальные альбомы, к сожалению, не стали традиционными. Их выпускали в силу разных причин не всегда, но, тем не менее, идея о фиксации обстоятельств монарших похорон была поддержана и впоследствии. Публикация репортажа о смерти и похоронах монарха со времен Петра I стала обязательным элементом траурного ритуала.

И.-Г. Таннауэр (?). Портрет Петра I на смертном одре. ГЭ

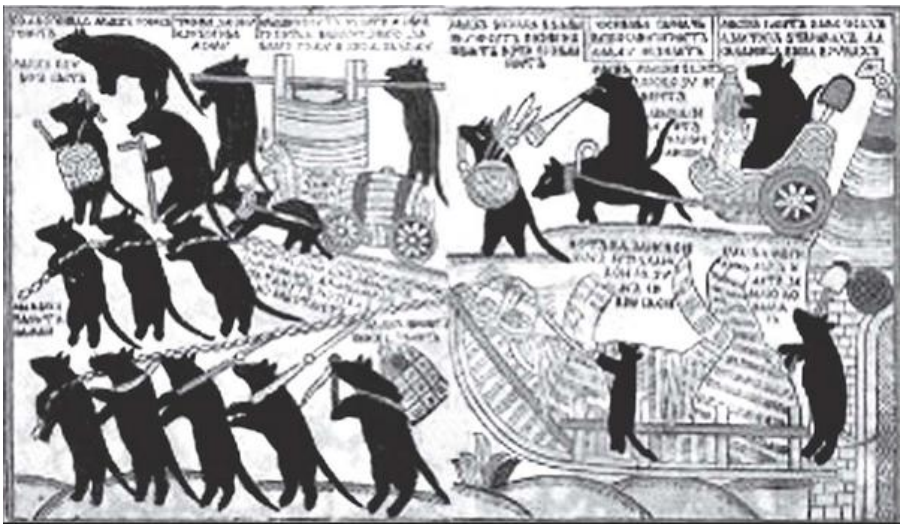
В издании, посвященном похоронам Петра I, указаны все детали, позволяющие представить убранство Печальной залы, церемонию похорон Петра и его дочери Натальи. Хотя, следует отметить, составление «Описания» выполняло не только задачу зарегистрировать важное событие, но и сверхзадачу – представить погребение императора всему миру как можно более ярко и пышно, даже в ущерб реальному положению вещей.



И. Никитин. Петр I на смертном ложе. ГРМ

Очевидно, иллюстрацией к этому изданию должен был служить девятиметровый свиток с изображением Печальной процессии «Церемония погребения его императорского величества Петра Великого и государыни цесаревны Наталии Петровны»,[297] на котором представлена подробная роспись действующих лиц, дано изображение регалий, печальной колесницы и т. д. Художник постарался показать наиболее важных персон с соблюдением некоторого портретного сходства, так, рядом с вдовой усопшего Екатериной Алексеевной изображены два ассистента – крупная фигура А. Д. Меншикова и невысокий человек с большим носом – Ф. М. Апраксин. Менее важные особы обозначены на свитке точками. Детально выписаны инсигнии: четыре государственных меча, кавалерии, короны, скипетр и держава, государственные гербы. На свитке имеются

две вставки, компенсирующие утраты, исполненные, судя по стилю написания, очевидно, в первой трети XIX в.



Похороны кота. Лубок

В 1725 г. художники А. И. Ростовцев и С. М. Коровин по рисунку архитектора М. Г. Земцова гравировали четыре вида убранства Печальной залы, три офорта сохранилось до настоящего времени. Можно предположить, что гравюры с изображением Castrum Doloris Петра I и «Описание погребательной салы, которая была учинена при случившейся смерти всесветлейшего и всемощнейшего императора Петра Великого, самодержца всероссийского, Отца Отечества»,[298] составленное Н. Пино, должны были служить иллюстрацией к «Описанию порядка, держанного при погребении… Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского и… цесаревны Натальи Петровны». В описании залы, выбранной «для печального позорища», кроме подробно прописанных элементов, размеров помещения и прочих необходимых для лучшего восприятия деталей есть прямые указания на подробности, говорящие о скрупулезной проработке малейших нюансов действа. Так, например, дается указание на то, что руки покойного императора были сложены крестообразно на груди так, чтобы подошедшие прощаться с телом с левой стороны могли поцеловать правую руку.[299] О статуях, рассаженных по углам пьедестала с гробом Петра I, говорится, что размером они были «немного больше как природные люди», а материал, из которого они были сделаны, – бронза или, здесь же оговаривается,

«покрыты бронзой».[300] О том, что, скорее всего, скульптуры были выполнены из дерева, уже говорилось выше. Утверждение Н. Пино о «покрытии бронзой» должно свидетельствовать в пользу предположения о крашеном дереве, ибо под покрытием бронзой можно подразумевать покрытие бронзовой краской, т. е. создание имитации бронзовой скульптуры.

Еще одной традицией стало писание портрета и снятие посмертной маски, сохраняющей для потомков представление о внешнем облике ушедшего правителя. В контексте отработки регистрации последних событий жизни и смерти сделаны были несколько изображений Петра I на смертном одре. О прецеденте 1720 г., когда создавался посмертный портрет князя Якова Долгорукова, уже говорилось выше. Из посмертных портретов Петра I, а их было создано несколько, наиболее известны два: И. Никитина «Петр на смертном ложе», хранящийся в Русском музее,[301] второй – немецкого художника Иоганна Готфрида Таннауера «Петр I на смертном ложе», находящийся в Государственном Эрмитаже.[302] Существовала и была более доступна аллегорическая гравюра А. Зубова, изображавшая Петра I на облаках.[303]

В ответ на создание гравюры с изображением похорон Петра I в 1725 г. народ осмеял «плакунов придворных».[304] Народные сатирики и карикатуристы представили погребение в рукописной, потом и в печатной притче: «Мыши кота погребают»,[305] впоследствии тиражированной в графике.[306]

Медаль на смерть Петра I

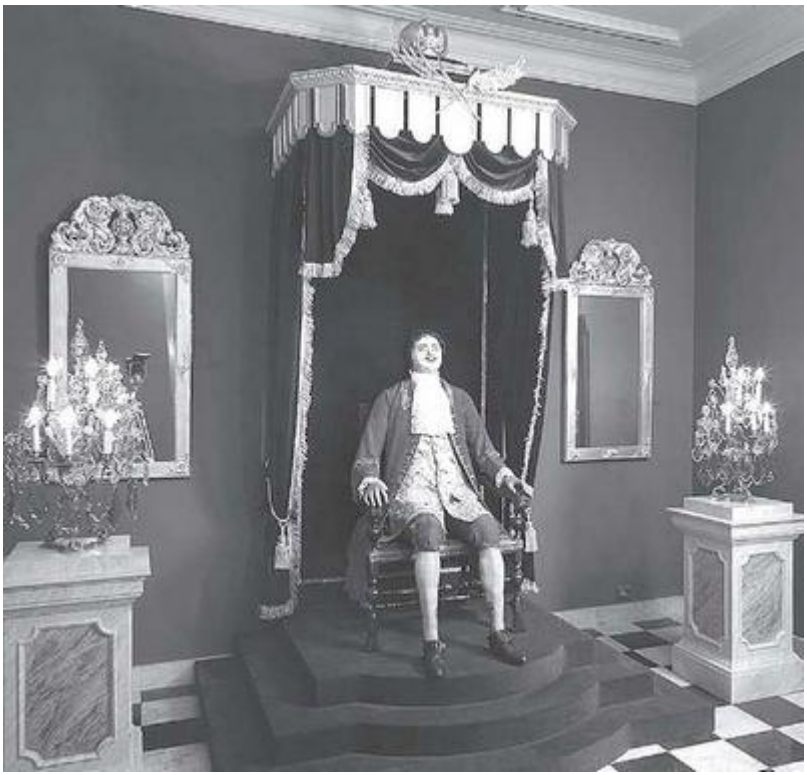
Совершенно новый элемент государственного ритуала – раздача памятных медалей[307] – стал со времен Петра

обязательной демонстрацией монаршей милости для особо отличившихся лиц. Уже во время подготовки похорон были выпущены золотые и серебряные памятные медали разного достоинства, предназначавшиеся духовным, гражданским лицам, российским и иностранным,[308] их изображение помещено в издании Я. Брюса.[309] Для высокопоставленных участников церемонии, как светских, так и духовных, полагалась золотая медаль весом в пятьдесят червонных. На аверсе медали располагалось поясное изображение императора в лавровом венке и латах. На реверсе – наверху Вечность, возносящая императора на небо, внизу – Россия в короне, вокруг нее – эмблемы наук и художеств, вдали – два корабля в море. Унтер-офицерам и солдатам раздавали серебряные медали, на лицевой стороне которых изображен гроб императора, а на оборотной – его имя, время рождения и кончины. Раздача медалей проводилась до времен Анны Иоанновны.[310]

Б.-К. Растрелли. Бюст Петра I. 1719 г. ГЭ

В петровское время по воле императора в обиход было

введено создание копии тела усопшего для увековечивания его облика в памяти потомков. Посмертное мерное изображение Петра I, известное под названием «Восковая персона», сделано Б.-К. Растрелли.[311] Он еще при жизни императора создавал его восковое изображение и снимал маски с лица Петра. Подлинная маска не дошла до нашего времени, однако гипсовый слепок с нее сохранился и послужил основой для других портретов царя.[312]



Б.-К. Растрелли. Восковая персона Петра I. 1725. ГЭ

«Восковая персона» представляет собой сидящую в кресле деревянную фигуру Петра I в рост. Фигуру вырезал выдающийся итальянский скульптор Б.-К. Растрелли, он же изготовил на основе гипсового слепка восковой портрет Петра, используя подлинные волосы царя. Глаза были написаны на золотых пластинках по финифти миниатюристом Андреем Овсовым. Кресло сделано резчиком Петром Федоровым в мастерской Н. Пино. Для работы над «Восковой персоной» Растрелли снял посмертную маску с лица царя, из воска были выполнены лицо, кисти рук, ступни ног императора. Фигура была изготовлена из дерева (с шарнирами в руках и ногах). Одежда подлинная, так же

как и орден Андрея Первозванного с широкой голубой лентой на груди. Долгое время на «Восковую персону» был надет камзол, сшитый для Петра I к коронации его супруги в 1724 г. Однако в наши дни персону, находящуюся в Государственном Эрмитаже, в Зимнем дворце Петра I, переодели в красный камзол, что парадоксальным образом перекликается по цвету и материалу с облачением тела императора в гробу.

РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ ИМПЕРАТОРСКОГО ТРАУРНОГО РИТУАЛА

Изменение всего строя жизни русского общества, подготовленное предшественниками Петра I на российском престоле и проведенное первым русским императором, повлекло за собой организацию нового церемониала. Он являлся необходимым регламентирующим началом в жизни двора и сочетал в себе черты общепринятого в Европе придворного этикета (его образцом с XVIII в. служил французский) с российским (ему специфику придавало православие). Жизнь Императорского двора представляла бесконечную череду церемониалов, выходов, в которых все составляющие грандиозного спектакля были выверены и отработаны. Организацией всех действ при дворе занималась церемониальная часть Министерства Императорского двора (МИДв), во главе ее в 1722–1744 гг. стоял обер-церемониймейстер. Подчиненность церемониальной части варьировалась: в 1744–1779 гг. она находились в ведении Коллегии иностранных дел, в 1779–1796 гг. действовал специальный Церемониальный департамент. В 1796–1806 гг. эти функции вновь передавались Коллегии, а в 1806–1846 гг. был организован Департамент церемониальных дел, в 1846–1902 гг. преобразованный в Экспедицию церемониальных дел.[313] Таким образом, в 1744–1858 гг. церемониальная часть подчинялась Министерству иностранных дел (МИД), а с 1858 г. – МИДв.

РГИА располагает несколькими фондами, содержащими документы этих ведомств.[314] Министерство императорского двора было создано по именному указу Николая I, подписанному им в день коронации 22 августа 1826 г.[315] Кроме хозяйственного обеспечения жизни императорской фамилии, строительства и содержания дворцов и т. п. МИДв выполняло различные функции: представительские, такие, как организация официальных церемоний, в том числе императорские похороны; и государственные, к ним относилось заведование системой государственных наград, приемы зарубежных глав правительств и государств, послов; а также культурные и просветительские, ибо в ведении министерства находились Эрмитаж, Академия художеств, Императорские театры, Придворная капелла, Придворный оркестр и т. д. Обязанностью чиновников МИДв

было ведение так называемых камер-фурьерских журналов, в них ежедневно делались записи обо всех придворных церемониях и официальных действиях членов императорской семьи (включая обеды, прием посетителей и т. п.), своего рода дневника жизни коронованных особ. Эти журналы первоначально велись при Придворной его императорского величества конторе, затем – при Главном дворцовом управлении, а с 1891 по 1917 г. (вплоть до записи об отречении Николая II) – при Гофмаршальской части. [316]

Траурные мероприятия зафиксированы в гоф-фурьерских журналах, журналах регистрации траура, объявляемого при дворе, брошюрах, выпускавшихся с Высочайшего соизволения, посвященных траурным мероприятиям, манифестах, указах и других специальных документах.[317] Особый интерес в данном контексте представляет «Записка о печальном государственном обряде в России»,[318] посвященная правилам и церемониалам погребения русских императоров и великих князей, составленная из дел бывших Печальных комиссий в 1847 г.

В отдельном деле в РГИА собраны брошюры, посвященные церемониалу похорон императоров Александра I, Николая I, Александра II, цесаревича и великого князя Константина Павловича, императриц Александры Федоровны, Марии Александровны, герцогов Лейхтенберских, Мекленбург-Шверинских, Ольденбургских и других представителей династии. [319] Все, связанное с кончиной и погребением государя, согласовывалось с церемониальными правилами, введенными Петром I и усовершенствованными его преемниками.

Действия при кончине монарха

После смерти монарха следовало «Объявление кончины государя», она возвещалась тому городу, в котором он перешел в вечность, тремя ударами в большой колокол соборного храма, в какое бы время дня или ночи ни произошло печальное событие. Язык у колокола был обвит черным сукном.

Практически сразу Высочайшим манифестом народу следовало объявить о вступлении на престол нового монарха, так как в данном случае вопросы престолонаследования были наиболее важными. Отсчет нового правления идет с момента произнесения правителю присяги подданных. В Уставе коронования французских королей, утвержденном в 1181 г. королем Людовиком VII для его сына Филиппа II, говорилось о том, что кончина усопшего монарха объявлялась народу двумя герольдами – одним траурным, другим в парадной одежде с трубачами и конвоем. Один герольд должен возгласить: «Король скончался», другой: «Да здравствует король!» Этим показывалось, что «царский сан никогда не умирает» и подчеркивалось, что «корона – наследственная».[320] В Российской империи мотивы скорби и оптимизма были преобразованы в наличие двух рыцарей – печального и радостного в траурном шествии. Идею непрерывности наследственной власти проводили в сходной ситуации практически все монархи. Пример особо соблюдаемого французского церемониала поддерживался и в Российской империи, поэтому вопросы организации похорон, имевшие, естественно, важнейшее значение, все же были вторичны и решались только после приведения к присяге новому государю. Жизнь в стране должна была продолжаться, народу нужен был руководитель, момент смерти монарха был переходным в смысле смены правителя, а новое правление определялось в первые часы после его кончины. Поэтому сначала решался вопрос о власти.

Обычно правитель сам назначал себе преемника задолго до приближения конца. В случае с императором Петром I, когда после смерти 25 апреля 1719 г. наследника царевича Петра Петровича Шишечки вопрос о престолонаследии так и не был решен при жизни монарха, должен рассматриваться особо. В результате вакантности престола на момент смерти Петра Великого возник прецедент для определения преемника определенной группой лиц, обладавших реальной силой, вылившийся в целую эпоху дворцовых переворотов. Поэтому манифест о кончине правителя чаще всего совмещал информацию о вступлении на престол нового монарха и мог

включать в себя форму присяги новому императору. К вопросам ухода из жизни относились если не спокойно, то, во всяком случае, без бессмысленного игнорирования неизбежности грядущей кончины. Манифесты, соединяющие в себе информацию о смерти правителя, объявление нового монарха и формы присяги ему, представлены в Полном собрании законов Российской империи.

В 1725 г. вся информация еще не была соединена в едином документе, и 28 января был обнародован «Манифест от Синода обще с Сенатом и генералитетом» о кончине императора Петра I после двенадцатидневной болезни и о вступлении на престол императрицы Екатерины I,[321] мотивировкой к чему явилась произошедшая в 1724 г. коронация Екатерины. В тот же день появился указ от Синода, определяющий форму титулования членов правящей фамилии во время церковных служб «О кончине и поминовении государя императора Петра I и о форме, как читать на эктениях о здравии императорской фамилии»,[322] в котором практически дословно повторялась половина предыдущего манифеста о смерти Петра Великого и о восшествии на престол его супруги. 2 февраля Сенат объявил о форме присяги[323] и о титулах, где объявлялась форма провозглашения новой монархини «ее императорского величества государыни императрицы самодержицы всероссийской и пр. и пр. Екатерины Алексеевны».[324]

6 мая 1727 г. скончалась первая русская императрица. Манифест от 7 мая 1727 г. о кончине Екатерины Алексеевны и о восшествии на престол императора Петра II включал в себя форму присяги и духовного завещании блаженной памяти императрицы Екатерины I – знаменитый «Тестамент», представленный для подтверждения легитимности прав нового правителя и поддержки заинтересованных в подобном решении вопроса лиц.[325] В первом пункте духовного завещания Екатерины I великий князь Петр Алексеевич определен «сукцессором», т. е. наследником. Для поддержания прав молодого монарха авторы документа сослались на его великого предка Петра I, указав на Устав о наследии престола с приложением формы клятвенного обещания, т. е. присяги от 5 февраля 1722 г.[326] Форма титулования императора и самодержца всероссийского Петра II в различных документах была объявлена на следующий день после вступления на престол.[327]

В связи с очередным кризисом престолонаследия после ранней смерти Петра II сначала последовали указы из Верховного Тайного совета об обеспечении приезда «ее величества» в Москву,

[328] и только 4 февраля 1730 г. объявлен от имени Верховного Тайного совета манифест «О кончине императора Петра Второго и о восприятии Российского престола государынею царевною Анной Иоанновной».[329] Особенность ситуации выразилась в принятии указов о церковном возглашении и официальном титуловании,[330] повторном манифесте от 9 февраля 1730 г. «О вступлении на российский престол ея императорского величества государыни императрицы Анны Иоанновны» и повторной присяге.[331]

Единые манифесты о смерти монарха и о вступлении на престол были приняты: 25 декабря 1761 г. – «О кончине государыни императрицы Елизаветы Петровны и о вступлении на престол государя императора Петра III»;[332]6 ноября 1796 г. – «О кончине государыни императрицы Екатерины II и о вступлении на престол государя императора Павла I»;[333]12 марта 1801 г. – «О кончине императора Павла I и о вступлении на престол императора Александра I»,[334]27 ноября 1825 г. – «О кончине государя императора Александра Павловича и о принятии присяги на верность подданства государю императору Константину Павловичу»;[335]18 февраля 1855 г. – «О кончине императора Николая Павловича и о вступлении на престол императора Александра Николаевича».[336]

В конце XIX в. в обозначении указов произошло смещение акцентов. Так, о кончине императора Александра II было объявлено в манифесте «О восшествии его императорского величества государя императора Александра Александровича на прародительский престол Российской империи и на нераздельные с ним престолы царства Польского и Великого княжества Финляндского»,[337] а сообщение о смерти императора Александра III было включено в манифест «О восшествии его императорского величества государя императора Николая Александровича на прародительский престол Российской империи и неразделенных с нею царства Польского и Великого княжества Финляндского»,[338] изданный 20 октября 1894 г.

Традиционно по всей территории страны на церковных службах подданным надлежало молиться о здравии членов правящей семьи, следовательно, неотложным и весьма важным делом нового правления было решение вопроса о том, как священникам следовало называть главных людей государства. Вопрос этот решался в XVIII–XIX вв. непосредственно вступившим на престол императором. Формы титулования в церковных службах и манифесты о приведении к присяге и форме присяги подданных могли издаваться в день объявления о смерти монарха и восхождения на престол его преемника. Так, 25 декабря 1761 г.

император Петр III объявил «Форму клятвенного обещания»,[339] а через день, 27 декабря – «Форму церковного возглашения» для членов императорской семьи, в которой он сам должен был называться «благочестивейшим, самодержавнейшим, великим государем императором», его супруга Екатерина Алексеевна – «благочестивейшей, самодержавнейшей, великой государыней императрицей», их сын впервые назван «благоверным государем цесаревичем и великим князем».[340] Применение титула цесаревича впоследствии было законодательно закреплено за наследником престола императором Павлом I.

Особенности русской жизни влияли на формы манифестов и присяги. После отмены крепостного права в 1861 г. потребовалось особо оговорить вопрос о российском крестьянстве. В день восхождения на престол император Александр III 1 марта 1881 г. обнародовал именной указ «О приведении крестьян к присяге».[341] Форма присяги – «клятвенного обещания» – могла быть приложена к манифесту о кончине монарха и вступлении на престол его преемника. Так было, например, при вступлении на престол императоров Александра I[342] и Александра II.[343]

Учитывая предыдущий опыт, для того чтобы избежать междувластия в XIX в., новый монарх практически сразу определял порядок действий на случай собственной смерти. Например, 14 марта 1881 г., т. е. за день до похорон Александра II, Александр III подписал Высочайший манифест, опубликованный в брошюре, посвященной похоронам его отца. На случай своей кончины до совершеннолетия первородного сына и наследника великого князя Николая Александровича (будущего Николая II) правителем государства назначался брат императора великий князь Владимир Александрович.[344] В случае смерти цесаревича Николая Александровича управлять государством должен был по завещанию великий князь Владимир Александрович до совершеннолетия следующего племянника. Опека над наследником и прочими детьми до их совершеннолетия возлагалась на императрицу Марию Федоровну.

В связи со смертью императрицы-соправительницы в XIX в. также следовал манифест: 9 мая 1826 г. объявлено о кончине императрицы Елизаветы Алексеевны,[345] скончавшейся 4 мая; 24 октября 1828 г. – о кончине императрицы Марии Федоровны,[346]20 октября 1860 г. – манифест («распубликованный» 21 октября 1860 г.) о кончине императрицы Александры Федоровны;[347]22 мая 1880 г. – о кончине императрицы Марии Александровны.[348] Так как кончина императрицы-соправительницы не влекла за собой в XIX в. изменения правления в стране, то никаких особых распоряжений

государственного характера, таких, как форма присяги или особого церковного возглашения, не следовало.

Амнистия

Традиционным с допетровских времен было объявление амнистии преступникам в связи со смертью монарха. Чувствуя приближение смерти, монарх обращался к тем, кто был в положении более тяжелом, чем он сам. Амнистия в данном случае может соотноситься с традиционной допетровской милостыней, которую человек подает тем, кто нуждается более, чем он сам. Кроме этого, милосердие к страждущим, выражавшееся в послаблении их участи, было некой попыткой получить снисхождение к собственным страданиям в традициях христианства.

Уже на смертном одре монарх мог подписывать указы, освобождавшие от наказаний различные категории преступников и ослаблявшие разные повинности. Даже Петр I, достаточно жестко относившийся к милостыне, перед своей смертью подписал 20 января «Указ об отсрочке до 1727 года во взыскании доимочных денег подушных денег прошлых лет».[349] Через шесть дней, 26 января, появился именной указ «об облегчении преступникам наказания, кроме тех, которые оказались виновными… в смертоубийстве и разбое».[350] Два последних указа времен правления Петра I, составленных от правительствующего Сената за день до смерти императора, были аргументированы следующим образом: «…для императорского величества многолетнего здравия и дабы Господь Бог даровал от скорби Его Величеству облегчение» и были связаны с амнистиями: «О прощении положенного дворянам наказания за неявку на смотр»[351] и «Об освобождении из-под ареста и прощении колодников, кроме содержащихся. за смертоубийства и многократные разбои».[352]

Если смерть монарха не всегда ознаменовывалась прощением наказаний, то начало нового правления, следовавшего за уходом предшественника, традиционно сопровождалось амнистиями. После смерти Петра I еще до его похорон вдова императора новая императрица Екатерина I 30 января 1725 г. подписала указ «О всемилостивейшем облегчении наказания тяжким преступникам», [353] по нему, в частности, освобождались П. П. Шафиров и князь И. Ф. Ромодановский, и много подобных указов.

Надо заметить, что чем менее прочно чувствовал себя новый правитель, тем более популистскими были меры по облегчению положения максимально большому кругу правонарушителей. Так было, например, после смерти императрицы Анны Иоанновны. Герцогом Э.-И. Бироном с 17 октября по 9 ноября 1740 г. принято

несколько указов: «О прощении вин преступникам и взысканий с подсудимых, кроме убийц и казнокрадов»,[354] об уменьшении подушного налога на этот год с «дворцовых, синодального ведения, помещиковых людей и крестьян, также с однодворцев и прочих государственных крестьян»,[355] «О невзыскании пошлин и канцелярских денег с помирившихся без суда».[356] Некоторые указы кажутся весьма специфическими, такие, как именной указ, данный Военной коллегии «О покупке для стоящих на караулах солдат в зимнее время на каждый полк 150 шуб».[357]

Придя к власти, правительница Анна Леопольдовна также начала с амнистий, подписав 13 ноября 1740 г. именной указ «Об освобождении драгун, солдат, матросов и рекрут, сосланных в каторжную работу с вырезанием ноздрей и о ссылке их в Сибирь для распределения на житие в дальние города».[358] Амнистия была объявлена для поминовения усопшей императрицы Анны Иоанновны.

Печальная комиссия

Начиная со времен Петра I на смену малочисленному Панафидному приказу, ведавшему в основном поминовением членов правящей семьи, появилась Печальная комиссия. Она создавалась после смерти монаршей особы, используя предыдущий опыт, занималась подготовкой всего, что могло иметь отношение к похоронам, фиксировала свою работу в документах и расформировывалась после полного отчета.[359]

После того как решались вопросы о преемнике, присяге, титуловании и прочие, новый монарх по Высочайшему указу, представленному Сенату, учреждал Печальную комиссию. Впервые Печальная комиссия была организована для проведения траурных мероприятий после смерти Петра Великого, о чем говорилось выше. В связи с тем что люди, пришедшие к власти после смерти Екатерины I, были более озабочены иными проблемами, нежели вопросами увековечивания ее памяти или достойного погребения, то сведения о ее Печальной комиссии и подробности ее похорон известны недостаточно. В отличие от супруга Екатерину I, скончавшуюся 6 мая 1727 г., перевезли в Петропавловский собор достаточно быстро – через 10 дней после кончины 16 мая 1727 г. Официальных указов о ее погребении и организации Печальной комиссии Полное собрание законов Российской империи не содержит.

Подготовку торжественных похорон Петра II, скончавшегося на пятнадцатом году жизни 18 января 1730 г. в Москве, возглавляли верховный маршал генерал-фельдмаршал князь Трубецкой и обер-церемониймейстер барон Г. фон Габихсталь.[360] После смерти императрицы Елизаветы Петровны 25 января 1762 г. ее племянник император Петр III издал указ об учреждении Печальной комиссии для похорон своей тетки.[361] После смерти императрицы Екатерины II 6 ноября 1796 г. император Павел Петрович, бережно относившийся к вопросам этикета и церемониала, 9 ноября 1796 г. подписал именной манифест, «данный тайным советникам князю Юсупову, обер-церемониймейстеру Валуеву и действительному статскому советнику Карадыкину», «Об учреждении Печальной комиссии, для перенесения в соборную Петропавловскую церковь тела государя императора Петра Федоровича и для погребения тела государыни императрицы Екатерины Алексеевны».[362] Решив исправить несправедливость, проявленную к его отцу, похороненному без достаточного почтения в Александро-Невском монастыре, Павел I указал «По случаю кончины. императрицы

Екатерины Алексеевны для перенесения из Свято-Троицкого Александро-Невского монастыря в Петропавловскую соборную церковь тела. императора Петра Федоровича. и для наложения единовременно траура, учредили мы Печальную комиссию, в которой, назначив вас к присутствию, повелеваем все вышеописанное распорядить с подобающим уважением к особам государским и, составя обряды, тому сообразные, нам представить».[363]

12 марта 1801 г. император Александр Павлович именным указом учредил Печальную комиссию для организации погребения своего отца;[364] по именному императорскому указу Николая I от 24 октября 1828 г. (день смерти) учреждена комиссия для похорон императрицы Марии Федоровны;[365]19 февраля 1855 г. создана комиссия для погребения тела императора Николая Павловича.[366]

В случае с организацией Печальной комиссии для погребения императора Александра I возникли определенные сложности, вызванные известными обстоятельствами междуцарствия. Ввиду этого 28 ноября 1825 г. управляющий Министерства иностранных дел внес в Комитет министров представление: генерал П. М. Волконский сообщил гофмаршалу К. А. Нарышкину о необходимости делать распоряжения, после чего управляющий МИД испросил разрешения Комитета министров на создание Печальной комиссии, в которую входил и Церемониальный департамент, в то время подчинявшийся МИДу. Печальная комиссия была создана на основании сенатского указа от 2 декабря 1825 г., выпущенного по положению Комитета министров.[367]

Чины членов Печальной комиссии были строго регламентированы. *Во главе комиссии стояли верховный маршал и верховный церемониймейстер.* Верховным маршалом, т. е. руководителем комиссии, до середины XIX в. назначались генерал-фельдмаршалы, как это было при погребении императора Петра II и императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, это были люди из ближайшего окружения императорской фамилии. Например, Печальную комиссию для погребения Елизаветы Петровны возглавлял князь Н. Ю. Трубецкой.[368] С середины XIX в. верховными маршалами назначались действительные тайные советники, верховный церемониймейстер должен был носить чин тайного советника. В состав комиссии входили один церемониймейстер двора и два действительных статских советника, один по хозяйственной, другой по церемониальной части.

Изучение состава Печальных комиссий дает представление о

наиболее приближенных к императорской семье особах, это полный список главных действующих лиц отдельной эпохи. В руководящий состав Печальной комиссии, занимавшейся погребением Екатерины II и Петра III, входил кроме верховного маршала Н. Б. Юсупова и Н. М. Карадыкина обер-церемониймейстер действительный тайный советник сенатор П. С. Валуев.[369] По прошествии незначительного времени Н. Б. Юсупов и тайный советник Н. М. Карадыкин вошли в Печальную комиссию по погребению императора Павла Петровича с теми же должностями. Новыми сотрудниками стали обер-церемониймейстер граф Ю. А. Головкин и действительный тайный советник П. П. Чекалевский.[370] Печальную комиссию для погребения императора Александра I возглавляли: действительный тайный советник князь А. Б. Куракин – верховный маршал и шталмейстер сенатор А. В. Васильчиков – верховный церемониймейстер. Членами комиссии являлись: церемониймейстер граф А. И. Сологуб и действительные статские советники С. Комаров и А. Охлопков.[371] Верховным маршалом при погребении императрицы Марии Федоровны был обер-шенк граф В. В. Мусин-Пушкин-Брюс, верховным церемониймейстером обер-церемониймейстер граф – С. С. Потоцкий, членом комиссии – церемониймейстер князь С. С. Гагарин.[372] Печальная комиссия по подготовке похорон императора Николая I представлена верховным маршалом действительным тайным советником графом А. Д. Гурьевым и *верховным церемониймейстером* обер-церемониймейстером действительным тайным советником графом А. М. Борхом, гофмаршалом князем М. В. Кочубеем, церемониймейстерами действительными статскими советниками З. А. Хитрово и Г. А. Поповым.[373]

Многие члены Печальных комиссий свои знания и опыт применяли не однажды. Например, тайный советник князь Н. Б. Юсупов в качестве верховного маршала участвовал в Печальной комиссии по случаю организации похорон императоров Петра III (перезахоронение 1796 г.), императрицы Екатерины II[374] и императора Павла I,[375] а также возглавлял коронационную комиссию и был верховным маршалом при коронации Александра I.[376] Н. М. Карадыкин в чине действительного статского советника входил в Печальную комиссию 1796 г.,[377] а уже в чине тайного советника готовил похороны императора Павла Петровича.[378] Действительные статские советники С. Комаров и А. Охлопков кроме уже названной Печальной комиссии 1825 г. готовили погребение императрицы Марии Федоровны в 1828 г.[379]

При Печальной комиссии полагался правитель канцелярии.

Оплата императорского погребения

В Высочайшем указе, посвященном организации Печальной комиссии, сразу оговаривался вопрос об отпуске из Главного казначейства сумм, необходимых для подготовки и проведения похоронных мероприятий и работы Печальной комиссии. Например, на первоначальные расходы по организации погребения императора Павла Петровича было выдано 20 000 руб. ассигнациями[380] (16 000 руб. серебром на 1801 г.). В середине XIX в. на первоначальные расходы комиссии обычно отпускалось 15 000 руб. серебром. Эта сумма не была окончательной и пополнялась по мере надобности. На первоначальные расходы по организации похорон императора Александра Павловича[381] и императрицы Марии Федоровны было отпущено по 50 000 руб. ассигнациями,[382] что соответствует 14 300 руб. серебром, для погребения императора Николая I было отпущено 8000 руб. серебром.[383]

Комиссия набирала нужных для ее работы чиновников из всех ведомств. Для работы комиссии отводились комнаты в одном из императорских дворцов. Нужную мебель брали из Придворной конторы, туда же и возвращали по окончания надобности.

Прощание с телом

По примеру императора Петра I тела монархов предполагалось выставлять для прощания шесть недель. Хотя на практике только тело императрицы Елизаветы Петровны было доступно для прощания в течение этого срока: умерла 25 декабря 1761 г. – погребена 3 февраля 1762 г.[384] Так, Екатерина I скончалась 6 мая 1727 г. – погребена 16 мая 1727 г.; Анна Иоанновна скончалась 17 октября 1740 г. – погребена 23 декабря 1740 г.; Петр III скончался 6 июля 1762 г. – погребен 10 июля 1762 г.; Екатерина II скончалась 6 ноября 1796 г. – погребена 18 декабря 1796 г.; Павел I скончался в ночь на 12 марта 1801 г. – погребен 23 марта 1801 г.; императрица Мария Федоровна скончалась 24 октября 1828 г. – погребена 13 ноября 1828 г.; Александр I скончался 19 ноября 1825 г. – погребен 13 марта 1826 г.; императрица Елизавета Алексеевна скончалась 4 мая 1826 г. – погребена 21 июня 1826 г.; Николай I скончался 18 февраля 1855 г. – погребен 5 марта 1855 г.; императрица Александра Федоровна скончалась 20 октября 1860 г. – погребена 5 ноября 1860 г.; Александр II скончался 1 марта 1881 г. – погребен 15 марта 1881 г.; императрица Мария Александровна скончалась 22 мая 1880 г. – погребена 28 мая 1880 г.; Александр III скончался 20 октября 1894 г. – погребен 7 ноября 1894 г.

Достаточно долгое прощание, как, впрочем, и весь строй траурных церемоний, принятые во многих королевских домах Европы, изучались и использовались в качестве образцов для подражания в Российской империи. «Посмертные останки королей французских были выносимы в Аббатство Сен-Дени и выставлялись в церкви на 40 дней», отмечалось в труде «Описание погребения блаженной памяти императора Николая I…».[385] Временной промежуток от момента смерти до погребения зависел от конкретной ситуации, воли усопшего и нового правителей, от внешних обстоятельств. Несмотря на желание следовать примеру похоронного церемониала Петра Великого, на практике жизнь вносила свои коррективы. Например, Екатерина I была похоронена на одиннадцатый день после смерти, так как ее наследникам на престоле, очевидно, не надо было привлекать к ее погребению особого внимания и проводить его с пышностью, которая могла соперничать с похоронами ее супруга. Подобная ситуация повторилась в случае с Петром III. Екатерине II не следовало устраивать торжественное прощание с телом и пышный церемониал похорон мужа. В связи с

обстоятельствами кончины императора Павла Петровича его похороны также произошли достаточно быстро.

Наряду с этим похороны могли отстоять от момента смерти на долгий промежуток времени, как было, в частности, с императрицей Анной Иоанновной, погребенной только на 68-й день после смерти (максимально долгий срок), так как ее преемникам на престоле было необходимо решить свои жизненно важные вопросы, связанные с обладанием властью. По смерти этой императрицы в ближайшие дни после ее кончины даже не последовало манифеста о смерти. Только 23 октября 1740 г. был издан манифест «О поступании в управление всяких государственных дел по регламентам, уставам и прочим определениям и учреждениям»,[386] в котором Анна Иоанновна поминается как покойная. Очевидно, этот документ можно трактовать как манифест о кончине монархини.

В XIX в. временной промежуток между кончиной и погребением существенно сократился по воле императора Николая I. Исключение составляют Александр I и императрица Елизавета Алексеевна. Правда, существенное удлинение срока до похорон было вызвано объективными причинами необходимости перевезения тела из места смерти к месту погребения в Санкт-Петербург. Так, уже для вдовствующей императрицы Марии Федоровны 40-дневное прощание с телом (не дежурство при могиле после захоронения) было сокращено наполовину без всякой политической причины. Еще при жизни Николай I приказал ограничить время прощания со своим телом тремя неделями вместо шести,[387] что было воспринято окружением как ошибка, ибо не дало возможности людям, желавшим принять участие в отдании последнего долга усопшему монарху, приехать из дальних уголков страны в Санкт-Петербург. Фрейлина А. Ф. Тютчева писала по этому поводу: «Престиж власти в значительной степени поддерживается окружающими ее этикетом и церемониалом, сильно действующими на воображение масс. Опасно лишать власть этого ореола».[388] Тем не менее похороны императора Николая I в этом плане стали образцом для последующих.

Следует оговориться, что под погребением имеется в виду отпевание тела в Петропавловском соборе с возложением на гроб горсти песка, о чем уже говорилось выше. В XVIII в. между отпеванием и опущением гроба в могилу мог пройти иногда существенный период, как это было при погребении самого Петра I: отпевание 10 марта 1725 г. – предание земле 29 мая 1731 г.; Екатерины I: отпевание 16 мая 1727 г. – предание земле 29 мая 1731 г.;[389] Анны Иоанновны: отпевание 23 декабря

1740 г. – предание земле 15 января 1741 г.;[390] Елизаветы Петровны: отпевание 5 февраля 1762 г. – предание земле 27 февраля 1762 г.[391] В XIX в. от этой практики отказались.

Так как Печальная комиссия должна была интенсивно работать по утрам и вечерам, не исключая воскресных и праздничных дней, то ежедневно от Высочайшего двора всем членам и чиновникам отпускались завтрак и вечерний чай. Наиболее важным членам комиссии полагался обед с вином и кофе, но только на 20 человек. В одной из комнат заседали присутствующие и правитель канцелярии за столами, покрытыми черным сукном. В большей по размеру комнате помещалась канцелярия. Она разделялась на три экспедиции: хозяйственную, церемониальную и общую. Первая ведала всеми приходами, расходами и заготовкой всего нужного к царскому погребению. Вторая – распределением всех чинов, входящих в состав церемонии, изготовлением бумаг, относящихся к церемониальной части, дежурствами при теле и рассылкой церемониалов. Третья экспедиция занималась отставными чиновниками, требуемыми через полицию для несения гербов, знамен, ведения лошадей и пр. Каждого, явившегося с желанием участвовать в церемонии, третья экспедиция записывала в особую книгу с указанием чина, имени, отчества, фамилии и квартиры, с обязательством явиться в мундире по повестке комиссии, а в случае болезни – заблаговременно известить.

В состав комиссии также входили: экзекутор, казначей, бухгалтер и контролер. Каждому из них полагались: переписчик, два журналиста (делопроизводителя) для входящего и исходящего журналов.[392] Все документы и письма члены комиссии писали на траурной бумаге с печатным заголовком: Печальная комиссия – Санкт-Петербург, месяца, года – внизу номер. Даже сургуч, которым запечатывали письма, был черного цвета. Один из первых указов по этому поводу последовал 8 января 1762 г. Император Петр III приказал покрыть по случаю траура по своей тетке императрице Елизавете Петровне столы во всех присутственных местах черным сукном, на стулья наложить черные фланелевые чехлы, а письма отсылать с черной печатью.[393]

Верховный маршал и верховный церемониймейстер выбирали себе по два церемониймейстера для особых поручений. В день погребения они шли позади каждого из своих сановников в кортеже с шарфом из черного и белого крепа через правое плечо. Кроме них верховному маршалу полагались два ординарца из конюшенных офицеров верхом. Весь департамент церемониальных дел входил в состав Печальной комиссии, и

печать его служила печатью комиссии. Чиновники переводили церемониал на французский язык, считавшийся международным, для рассылки иностранным дипломатам и занимались всеми церемониями, происходившими во дворце. В день погребения в Петропавловском соборе они находились при дипломатическом корпусе.

Во время заседаний велся подробный протокол, зафиксированный в журнале. Градская дума командировала в комиссию четырех купцов «для приискания всех нужных припасов, утверждения сходнейших цен, принятия, хранения и выдачи оных по требованиям с ведением счетов».[394]

Всего в состав комиссии входило около 50 человек технического персонала, не считая высшего состава и архитекторов с помощниками. После того как Печальная комиссия была сформирована, она приступала к своей работе.

Наложение траура

Особым указом объявлялось о наложении и ношении траура, [395] при этом оговаривались все мельчайшие детали одежды: цвет, покрой, подкладка, туфли, серьги, использование косметики. Высочайше расписывалось, когда, кому, какую одежду носить, когда и как можно постепенно смягчать траур, переходя от строгого к более нейтральному.

Определенная одежда рассматривалась как способ приобщения к общему настроению общества и соблюдению условностей общественной жизни. Чем выше статус персоны, тем более подробно оговаривались все детали туалета. Внимание к траурному одеянию в «театре власти» можно сравнить с отношением к костюму в настоящей театральной постановке, где наряд является необходимым компонентом действа. Всеобщим темным цветом одежды выражалась, во-первых, сопричастность тому главному событию данного временного промежутка, который определялся смертью и похоронами члена царской семьи, а во-вторых, общая демонстрация скорби, выраженная в данном случае через ношение определенного платья, способствовала возвышению частного события до высот государственного – весь народ сопереживал утрате, случившейся в семье монарха. При самодержавии никакое событие в правящем доме не носило оттенка сугубо личного: рождение, свадьба, смерть представителя династии становились делом государственной важности. Народ ассоциировался с символической единой общностью – семьей, возглавляемой императором, недаром выражение «царь-батюшка» применялось вне зависимости от возраста правителя – «батюшка» мог быть и весьма молодым человеком, поэтому потеря главы семейства требовала сопереживания, зримым выражением которого была единообразная одежда.

Траур обычно разделялся на четыре квартала. Первый квартал подразумевал самые строгие ограничения, затем следовало постепенное облегчение траура через добавление иного цвета, кроме черного, более легких тканей, кружев и т. п. Указы о ношении траура по подробностям, объясняющим мельчайшие детали туалета, напоминают современный модный журнал. Кроме этого, опубликованные и доведенные до сведения населения указы являлись законом, требующим исполнения. Вся страна должна была выполнять предписания относительно цвета и формы одежды. Образцом для всего общества служили представители императорской семьи, их одежда была строго

регламентирована и являлась эталоном для окружающих. Чем дальше от двора, тем меньше требований предъявлялось к костюму.

О том, как придворный этикет подходил к вопросам определения формы одежды в печальное время, можно проследить хотя бы на примере «Промемории», Высочайше утвержденной после смерти императора Петра II,[396] похороны которого в Архангельском соборе Московского Кремля были назначены на 24-й день после кончины – 11 февраля 1730 г.

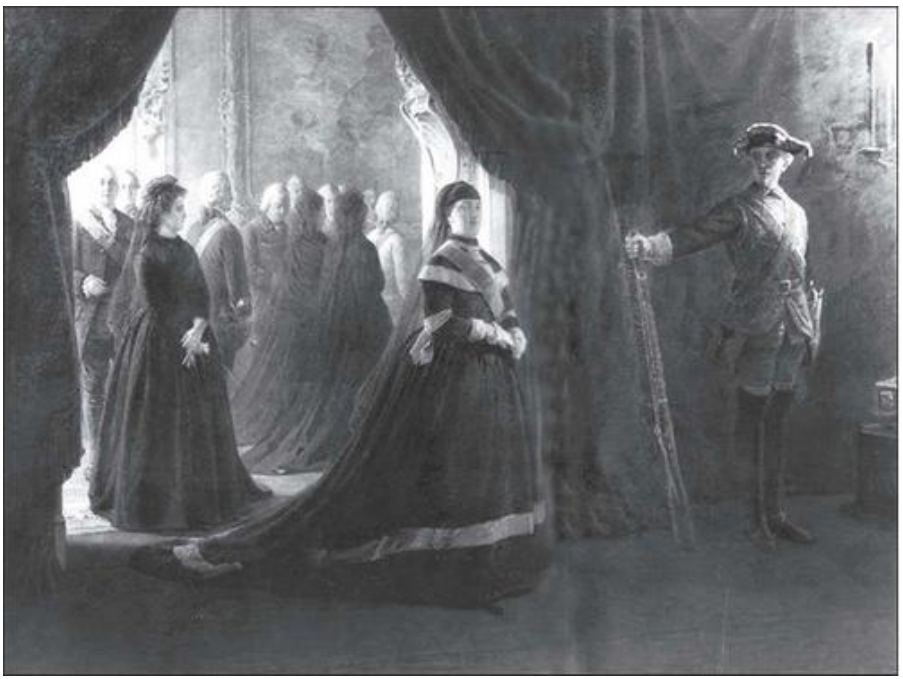
В связи со сложностью в решении вопроса о преемственности престола траур утверждали «принцессы крови», под которыми следует понимать ближайших родственниц усопшего императора Екатерину Иоанновну герцогиню Мекленбургскую и цесаревну Елизавету Петровну, они в траурной процессии участвовали на равных, следуя за гробом племянника. Первые три месяца – строгий траур, особенно шесть недель после кончины Петра II. Екатерина Иоанновна и Елизавета Петровна должны были носить глубочайший траур во время процессии и «когда ходят к телу и принимают комплименты», т. е. изъявление сочувствия желающими проститься с телом. На принцессах были надеты «суконные платья с шишками, воротники обшиты галантом полотном» (полотняными лентами. – *М. Л.*), на голове – уборы черного крепа с большой черной повязкой и большой черный капор, черные перчатки, манжеты, башмаки, махалы (веера. – *М. Л.*). Поверх надевалась большая креповая каппа (покрывало. – *М. Л.*), «так чтобы все платье закрывала». Шлейфу траурного платья полагалось быть 6 аршин (4 м 27 см).[397] В дальнейшем и в других случаях принцессы могли не надевать каппу, а только один капор. В следующие три месяца их высочества могли носить «ординарные» (обыкновенные) платья, к черному цвету добавлялся белый цвет, например, позволялись белые уборы на голову из крепа или кисеи с бахромой, белые перчатки, башмаки, правда, обшитые черным, белые с черным махалы, все это свидетельствовало о постепенном смягчении траура. Особо оговаривалось разрешение пудриться, чего нельзя было себе позволить первые три месяца. В следующие шесть месяцев можно было носить уже шелковое платье, а на голове – уборы флеровые.

В. Эриксен. Екатерина II в трауре. 1762 г.

В 1728 г. после смерти цесаревны Анны Петровны герцогини Шлезвиг-Голштинской смягчение траура выразилось в добавлении к черному синего и белого цветов и использовании шерстяных материй.[398] В 1759 г. великая княгиня Екатерина Алексеевна (будущая Екатерина II), лично утверждая церемониал похорон своей малолетней дочери цесаревны Анны Петровны, на росписи траурной одежды для окружения поставила собственноручно резолюцию: «шпильки вычернить, а впрочем на три месяца распорядите по сему».[399] С позиций современного человека чрезмерно внимательное отношение к шпилькам в такой особой ситуации, как смерть своего ребенка, кажется по меньшей мере удивительным. В 1776 г. после кончины первой супруги цесаревича Павла Петровича великой княгини Натальи Алексеевны для малоимущих лиц было разрешено ношение простого черного платья, а не специального «печального».

С XVIII в. российская императорская семья сумела

породниться с многими правящими домами Европы, поэтому печальные события в других странах, связанные со смертью иностранных монархови членов их семей, вызывали соответствующую реакцию в России: объявлялся траур и предписывалось ношение траурного платья. Например, когда в 1771 г. умер шведский король Адольф Фредрик (дядя Екатерины II), дамам предписывалось носить даже траурные серьги.[400]



Н. Ге. Екатерина II у гроба императрицы Елизаветы Петровны (ГТГ). Императрица Екатерина Алексеевна в траурном одеянии, на рукавах надеты плерезы

Следует заметить, что личные пристрастия самодержца оказывали большое влияние на все условности общественной жизни. Обычно такие важные вопросы этикета, как правила ношения и фасоны траурного одеяния, были под непосредственным контролем нового императора, который лично определял и утверждал срок использования и детали скорбного платья, расписывал все моменты, связанные с тем, кому, когда и что надлежало надевать в зависимости от положения в царской семье и придворной должности, Табели о рангах и пр. Однако бывали случаи, когда индивидуальный подход к смерти мог

внести коррективы в государственную политику. Например, императрица Елизавета Петровна очень боялась смерти и всего, связанного даже с намеком на нее, в частности с черной одеждой и скорбью.

Во времена ее правления было издано несколько указов, направленных на борьбу с демонстрацией горя в погребальных церемониях. Наиболее значителен в этом отношении именной Указ ее величества от 15 мая 1746 г. «Об ограничении больших церемоний, совершаемых при погребении знатных особ», в нем знатным персонам, дворянам и чиновникам было велено не входить в «напрасные расходы» по поводу своих умерших близких и поэтому не следовало обивать кареты и дома черной тканью, а «палаты траурными обоями», шоры для лошадей черным не обшивать, лошадей черными попонами не покрывать. Для того чтобы не привлекать к похоронам особого внимания, Елизавета Петровна указывала «полков не собирать, и прочих при том траурных уборов, яко гербов, знамен, факел и флеров, как доныне бывало, не употреблять».

Г. Кюгельхен. Портрет императрицы Марии Федоровны в трауре. 1801 г.

Дж. Доу. Портрет императрицы Марии Федоровны в трауре. Между 1825–1827 гг.

Фактически этим указом уничтожалась траурная церемония, введенная в жизнь русского общества ее отцом. Оставался только религиозный ритуал, разрешавший выносить умершего в церковь к литургии и по окончании ее погребать тело. Участникам похорон монархиня милостиво разрешала быть в черном платье, родственникам умершего носить черное платье и иметь черную ливрею не запрещалось, правда, при Императорском дворе появляться в траурном одеянии не полагалось.[401] Елизавете Петровне этого показалось недостаточно, и 1 сентября того же года в дополнение к предыдущему последовал еще один указ, в котором, аргументируя свое распоряжение отсутствием необходимости дополнительных трат, императрица дозволяла иметь траурную одежду только в день погребения. Полиция

должна была строго смотреть, чтобы кроме этого дня никто себя напрасным трауром не утруждал.[402] После кончины императрицы эти указы были забыты. Один из первых указов императора Петра III, принятый после смерти тетки, был связан с использованием черного цвета по возможности максимально. По случаю траура по императрице он приказал накрыть столы во всех присутственных местах черным сукном, «на стульях наложить черные из фланеля чехлы, а письма отсылать с черной печатью».[403]

П. Басин. Портрет императрицы Елизаветы Алексеевны в трауре. 1831 г. ГЭ

Особое отношение к церемониалу проявлял император Павел I. После смерти матери он с 25 ноября 1796 г. установил траур по обоим родителям, императоре Петре III и императрице Екатерине II, на четыре квартала с подробной росписью деталей одежды по кварталам.[404] Наиболее пристальное внимание было обращено на одежду представителей императорской семьи. В первом квартале императрице Марии Федоровне полагался глубокий траур: «русское печальное платье с крагеном, рукава длинные, около рукавов плюрезы, на шее особливый черный краген с плюрезами, шемизетка из черного крепа, шлейф в четыре аршина, на голове уборы из черного крепа с черной глубокой повязкой, и с двойными печальными капорами, один со шлейфом, другой короче, черные перчатки, веер, чулки, башмаки. При шествовании к телам – на голове большая креповая каппа, чтобы платье закрывало».[405] Платье великих княжон отличалось только более коротким шлейфом – в три аршина. Во втором квартале траур несколько смягчался за счет убавления повязки на головном уборе и разрешения только одного печального капора. В третьем квартале оговаривалось «русское платье гладкого сукна» обычного покроя без плюрезов и крагена. Разрешены были уже короткие рукава, белые креповые манжеты, на голову можно было надеть малый чепчик с узкими снипами; перчатки, веера, башмаки оставались черные.[406]

Последний квартал разбивался на две половины. В первые шесть недель четвертого квартала устанавливался камер-траур, при котором позволялось шелковое черное платье, на голову – белые флеровые уборы, белые веера и перчатки, а в следующие шесть недель полу-траур – черное шелковое платье, на голове кружева и черные ленты. Так же подробно расписывались детали одежды дам в зависимости от класса.

Мужчины также были обязаны носить определенную одежду, регламентируемую по Табели о рангах и кварталам установленного траура. В первом квартале особы 1-го и 2-го классов обязаны были облачаться в «кафтаны суконные без шишек с четырьмя пуговицами, обшитыми сукном. На камзолах пуговицы такие же до пояса».[407] Даже шпаги полагалось обшивать черным сукном. Мелких деталей не существовало, оговаривались чулки гарусные, башмаки замшевые, пряжки черные, рубашки без манжет, наперед завязанные галстуки. Подпадали под необходимость преображаться даже кареты и сани, которые следовало обить черной тканью без гербов, а шоры и хомуты надлежало использовать обшитыми черным. Чем выше чин особы, тем строже траур и тем более детально он был прописан. Но и домашние слуги не оставались без внимания:

лакеев переодевали в черные ливреи без лент. Если в силу разных причин не удавалось полностью переодеть подданного, то хоть какая-то деталь туалета должна была иллюстрировать приобщенность к общей скорби. Даже ямщики были повязаны черными кушаками.[408]

Г. Виллевальде. Портрет императрицы Марии Александровны в трауре

Великая княгиня Елизавета Федоровна в трауре. Фото нач. XX в.

Свое трепетное отношение к церемониалу, при котором мелочей и второстепенных деталей просто не существовало, император Павел Петрович привил и своим потомкам. В XIX в. традиция особо оговаривать детали одежды для императрицы, придворных дам и простого люда была продолжена с установлением фасона, цвета, материала нарядов.

Три сестры – принцессы датские направо: королева Великобритании Александра, Российская императрица Мария Федоровна и герцогиня Кумберлендская Тира в трауре после смерти отца короля Дании Христиана IX

Российские императоры были людьми военными. Особые указания насчет формы одежды отдавались армии и гвардии. Например, на следующий день после смерти Николая I 19 февраля 1855 г. последовал именной указ нового императора Александра Николаевича, объявленный в приказе военного министра, о ношении всем войскам траура по случаю кончины императора Николая Павловича[409] и назначении глубокого траура. Для корректировки формы одежды 25 февраля 1855 г., еще до похорон отца, Александр II подписал еще один именной указ, также объявленный в приказе военного министра: «О снимании траура после погребения тела. императора Николая Павловича в те дни, в которые развод назначается в полной парадной форме».[410]

Подобные указы следовали и после кончины императрицы Александры Федоровны. Так, 22 октября 1860 г. появился указ «О порядке ношения траура генералам штаб и обер-офицерам по случаю кончины в Бозе почившей государыни императрицы Александры Федоровны»,[411] в котором были оговорены все детали униформы.

В XIX в. информация о виде траурной одежды доносилась до сведения публики через периодическую печать. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» в октябре 1860 г. в рубрике «Придворные известия» публиковала подробности смертельной болезни и кончины императрицы Александры Федоровны, умершей в окружении родных и близких, проявляя такие прекрасные свойства своей души, как кротость, смирение и твердость. Она благословила сына, детей, внуков, придворных дам и сановников. К ней по ее просьбе были допущены к целованию руки даже последние слуги. Траур был назначен на полгода, роспись деталей траурной одежды в публикации превышает по объему всю прочую информацию. Особое внимание уделялось траурной одежде новой действующей императрицы Марии Александровны, которая должна была носить в первом квартале «фланелевое платье с длинными рукавами, воротничок батистовый с широким рубцом, такие же плерезы. Шлейф черный, фланелевый в 4 аршина, который пристегивается к лифу платья. На голове убор – черный креповый чепчик, повязка черная креповая на черной тафте надевается особо, вуаль черный креповый короткий. Для церемонии такой же вуаль, покрывающий все платье, в 4 аршина. Обувь, перчатки, веера – черные».[412]

Такие приказы следовали в подобных случаях всегда. После смерти императрицы Марии Александровны последовал приказ от двора об обыкновенном глубоком трауре, и «столица оделась в глубокий траур»[413] – флаги, драпировки балконов: все было черным, на домах жители вывешивали траурный вензель усопшей.

Так как траур выражался не только в форме одежды, но и в ограничении увеселительных мероприятий, то сообщение об этом объявлялось народу. Иногда ограничения были достаточно строгими и распространялись не только на увеселительные, но и просто радостные мероприятия, например на венчания. Так, после смерти императрицы Анны Иоанновны 4 ноября 1740 г. появился указ, объявленный из Кабинета Синоду «О невенчании браков, от времени преставления ее императорского величества в течение четверти года».[414]

Церемониалы

Наиболее важной составляющей театра власти, связанной с моментом подготовки и проведения похорон, было несколько перенесений тела монарха. Любое движение превращалось в особый акт действа, подготовка которого требовала знания опыта предыдущих событий подобного рода и написания нового сценария. На первом заседании одному из членов Печальной комиссии поручалось составить по прежним примерам основные церемониалы.[415] Это наиболее важная часть всего спектакля. Для церемониала необходимо движение, разработкой мизансцен занимались профессиональные церемониймейстеры.

Весь период от смерти монарха до его захоронения разбивался на четыре главных акта:

1. Перенос тела усопшего императора из Почивальной (Спальни) в Тронную залу.

2. Перенос тела из Тронной в Печальную залу (Castrum Doloris).

После этого следовало оповещение народа герольдами о дне погребения.

3. Перевезение тела в Петропавловский собор – Печальное шествие.

4. Погребение.

Работа Печальной комиссии согласовывалась с выработанными церемониалами и подчинялась особым правилам. Для подготовки церемониалов Печальная комиссия прежде всего изучала дела прежних комиссий и иллюстрации к ним.

Дежурства при теле

С допетровских времен сохранилась традиция дежурств при императорском теле, для них назначались лица по списку первых пяти классных чинов по Табели о рангах,[416] представляющие наиболее близкие императорской фамилии семьи, элиту общества и придворные чины: камергеров, камер-юнкеров, статс-дам, фрейлин и т. д. Как уже говорилось, участие в дневании было почетной, хотя иногда и несколько обременительной обязанностью. В случае невозможности участия в назначенном дежурстве надлежало представить оправдание своего отсутствия. Списки дежурных чаще всего были более длинными, чем весь траурный церемониал, но по ним можно судить о самом близком окружении правящей семьи в определенный исторический

момент.

Так было в начале XVIII в., когда 24 августа 1706 г. скончалась и в тот же день была похоронена в Вознесенском монастыре, в Соборной церкви Вознесения Господня тетка Петра I царевна Татьяна Михайловна.[417] В чине ее погребения, приведенном в «Древней российской вивлиофике» Николаем Новиковым, список дежурств при ее могиле значительно объемнее, чем весь церемониал похорон. По погребении тела по приказу Петра у гроба во всю «четыредесятницу переменялись в сутки, дневали и ночевали боярские и окольничие и думных людей жены», одна боярыня, одна жена окольничего на дежурство. Дежурили жены бояр: князя М. А. Черкасского, князей М.Ю. и В. Д. Долгоруковых, П.П. и С. И. Салтыковых, П. В. Шереметева, князей М.Н. и П. Л. Львовых, Петра Большого Аврамовича Лопухина, князя П. И. Хованского, В. Ф. Нарышкина, князя Б. А. Голицына, князя К. О. Щербатого, И. А. Мусина-Пушкина, П. И. Матюшкина, Т. Н. Стрешнева. Жены окольничих: П. М. Апраксина, В. С. Нарбекова, князей М.А. и Ф. Ф. Волконского, С. Ф. Толочанова, М.Т. и А. Т. Лихачевых, А. И. Леонтьева, князя М. Ф. Жироваго-Засекина, И. И. Головина, князя Ф. Ю. Борятинского, князя Ф. И. Шаховского, И. И. Ислентьева. Жены думных дворян: Н. С. Хитрова, И. И. Панина, И. С. Ларионова и прочие менее значимые особы, «да из московских чинных людей, стольники и дворяне, дневались по 5 человек в сутки».[418] Одни несли дежурство по несколько раз, другие не принимали в нем участия, кто-то по болезни, например супруги Ф. Ф. Куракина, М. Г. Ромодановского, К. Ф. Нарышкина, Ф. Л. Волконского, М. И. Глебова, С. Е. Алмазова, А. И. Иванова. Некоторые дамы отсутствовали, ибо находились в своих поместьях, как то: жены А. С. Шеина, А. И. Голицына, И. Ю. Трубецкого, Т. П. Савелова, П. С. Хитрова, Ф. И. Чемоданова, думного дьяка и печатника Никиты Моисеевича Зотова и некоторые другие. Было проведено дознание, почему уклонились от почетной, но хлопотной обязанности супруги Ф. С. Урусова, Г. Н. Собакина, Б. И. Прозоровского, Льва Кирилловича Нарышкина, Г. Ф. Нарышкина. Особый интерес в данном случае представляет перечень хорошо известных по предыдущим и последующим векам фамилий, носители которых представляли узкий круг людей высшего общества страны.

История повторялась и впоследствии. По поводу каждого акта сорокадневного «нощедействия» составлялись списки и назначались дежурства. В списке особ, дежуривших при теле Петра III и Екатерины II, первым указан обер-камергер (2-й класс

по Табели о рангах) Иван Иванович Шувалов, среди дам первая – Марина Осиповна Нарышкина,[419] далее – все особы, занимавшие придворные должности, в том числе все Зубовы. Показательно, что в данном списке Алексей Григорьевич Орлов не указан.[420] У гроба Екатерины II уже в Печальной зале по церемониалу, утвержденному Павлом Петровичем, несли дежурство: одна статс-дама, один генерал-аншеф, два генерал-поручика, два генерал-майора, два камергера, два камер-юнкера, два гвардии капитана с эспонтонами, стоящими в головах у гроба, 16 кавалергардов стояли на лестнице при каждом входе на катафалк, так как лестницы сделаны на обе стороны, и весь катафалк обнесен балюстрадой, вызолоченной и посеребренной по местам.[421] Дежурства у гроба усопшего монарха были составной частью придворной службы. Покойный монарх даже на смертном одре никогда не оставался в одиночестве, а был окружен многочисленной свитой. Жизнь, прожитая на сцене, и заканчивалась в окружении большого количества людей различных чинов и званий.

Работа Печальной комиссии

Параллельно с определением дежурств у тела монарха Печальная комиссия составляла списки всех находившихся в столице военных генералов, генералов Ведомства путей сообщения, адмиралов, горных генералов с указанием их адреса проживания. Это была работа по подбору и подготовке статистов для предстоящего главного действа – траурного шествия. На генералов возлагалась важная миссия обеспечения необходимого количества актеров на небольшие роли – несения атрибутов траурной процессии, создания соответствующего настроения.

Важным элементом оформления действа является сценография – создание изобразительно-пластического образа, существующего во времени и пространстве. Для работы над зримыми образами траурного действа Комиссия поручала санкт-петербургскому гражданскому губернатору командировать четырех купцов. Купцы, хорошо зарекомендовавшие себя при прежнем погребении, вызывались и при следующих. Так, при погребении императора Александра I и обеих потом императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны избраны были купцы: С. Копосов,[422] Сергеев, Куприянов[423] и Рено-Егерман. Поставщиком часов, бархата, глазета и тому подобных товаров был купец Лихачев.[424]

Комиссия посылала запрос петербургскому обер-

полицмейстеру с требованием обеспечить явку в комиссию всех отставных чиновников, оговаривая, что они должны были иметь свои мундиры. Комиссия собирала немедленно необходимых для работы чиновников по различным ведомствам. Члены комиссии осматривали в Петропавловской крепости вещи, оставшиеся от прежних погребений и хранившиеся под соборной колокольней.

Архитекторы и художники

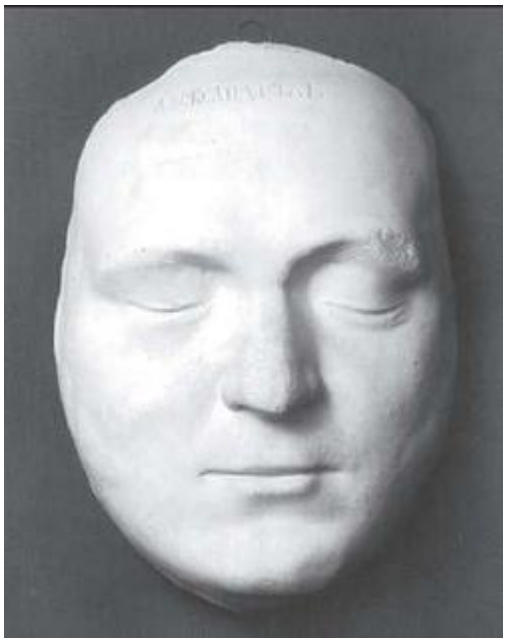
Для оформления зримого образа – декораций печального действа – Комиссия вызывала из Академии художеств двух художников, в чью задачу входило написание или исправление гербов, знамен и создание проекта убранства Траурной залы и церквей, где проходило прощание с императорским телом. В состав Печальных комиссий обычно входили самые известные архитекторы и художники своего времени, такие как Л. Каравак, Д. Трезини, М. Г. Земцов, А. Ф. Кокоринов, Б. Бренна, Дж. Кваренги, О. Монферран и др.

Посмертное изображение

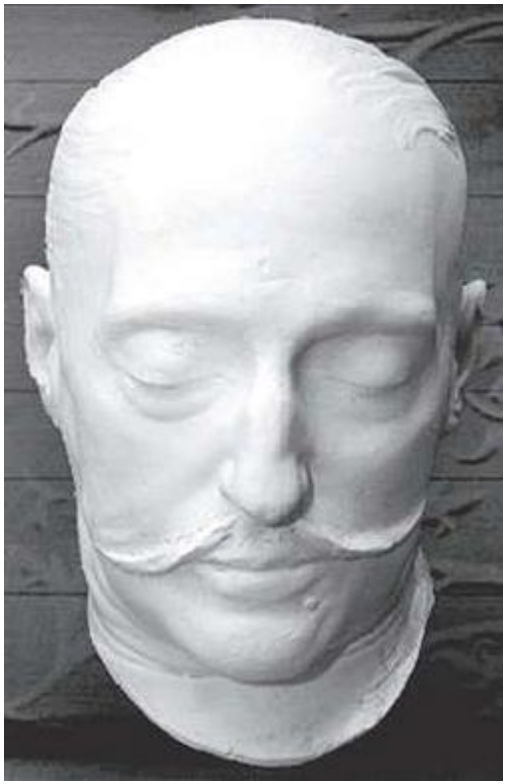
Земная жизнь императора заканчивалась, но история продолжалась. С момента смерти начиналось создание легенды о правителе. В контексте разработки определенной версии о правлении в первую очередь следовало запечатлеть облик усопшего. Практику снятия масок и сохранения образа монарха в виде восковой персоны заложил в России Петр I, хотя традиция создания мерных изображений уходит своими корнями в глубь веков. При рождении ребенка в семье высокого социального статуса или достатка заказывали мерную икону с изображением святого покровителя младенца в его рост при рождении и размер плеч (головы) по ширине. Подобные иконы, писанные для членов императорской семьи, иногда ставили к месту их погребения в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. На могилу Петра I в 1827 г. Николаем I была возложена мерная икона с изображением апостола Петра, писанная С. Ушаковым и Ф. Козловым. Икона эта славилась тем, что представляла меру роста Петра при рождении – 11 вершков (49 см) в длину, 3 вершка (13,3 см) в ширину.[425] Могилу императора Павла I украшала икона апостола Павла в рост государя при рождении – 11,5 вершков (52 см). Наиболее известным посмертным мерным изображением императора стала восковая персона, созданная К.-Б. Растрелли, о чем говорилось

выше.

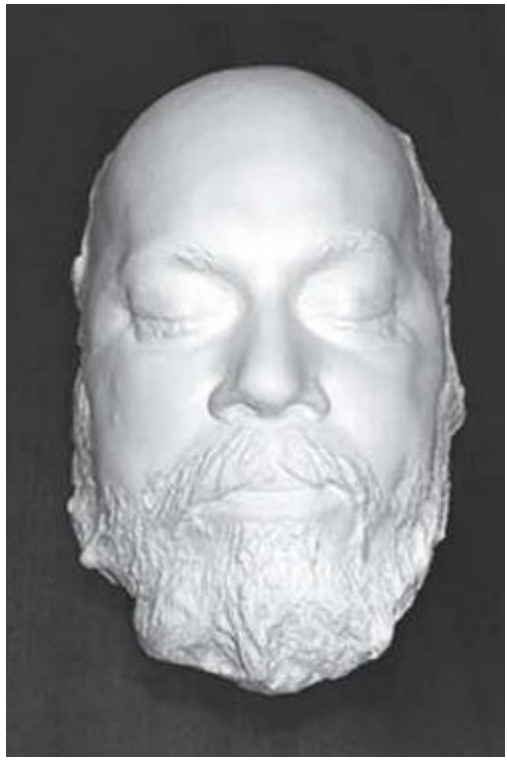
Традиция посмертной фиксации облика выдающегося человека, особенно монарха, была широко распространена в Западной Европе. Россия никогда не существовала изолировано от остального мира, а со времени правления Петра I, когда ощущение сопричастности европейской традиции начало наиболее сильно ощущаться в России, посмертные изображения наиболее статусных персон стали обычным и, более того, необходимым явлением.



Неизв. скульптор. Посмертная маска Александра I (ГЭ)



П. Клодт. Посмертная маска Николая I



Посмертная маска Александра III

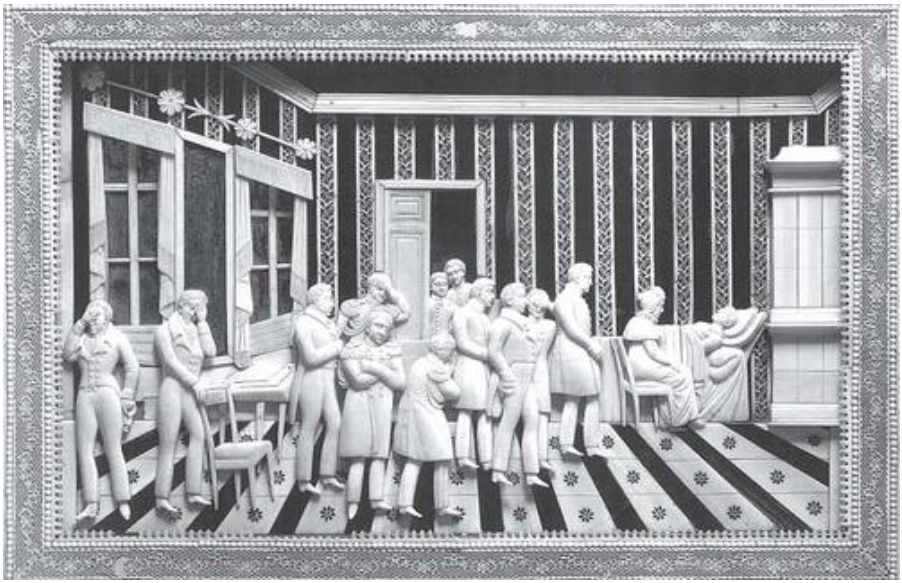
В Европе сохранились посмертные маски Генриха IV (Франция, умер в 1610), Карла XII (Швеция, 1682–1718, скульптор С. Жоссе), Фридриха II (Германия, 1712–1786, скульптор Й. Экштайн). Во времена Петра I писали посмертные портреты и снимали маски с лиц его родственников и сподвижников, но они, очевидно, не дошли до наших дней. Безусловно, в каждом отдельном случае вопрос о снятии маски с лица усопшего решался отдельно. Известно, по крайней мере, несколько дошедших до наших дней посмертных масок, помимо Петра I это маски императоров Александра I[426] и Николая I.[427] Сохранились посмертные маски Александра I[428] и Александра III.

Кроме снятия маски с лица усопшего с начала XVIII в. была распространена практика писания посмертных портретов. О портретах Петра I на смертном одре говорилось в предыдущей главе. Традиция была продолжена в дальнейшем. Художник К. Е. Маковский в 1881 г. создал проникновенный портрет императора Александра II на смертном одре, он хранится ныне в Государственной Третьяковской галерее. На портрете знаки

отличия на груди у покойного императора отсутствуют.[429]

Во второй половине XIX в. к посмертным маскам и писанию портретов добавилось фотографирование усопшего монарха. Сохранились фотографии Александра II,[430] Александра III,[431] многих великих князей. Практика последнего фотографирования распространилась широко в русском обществе, захватив собой не только представителей высшего эшелона власти, но и проникнув в самые разные группы народа.

Смерть Александра I. Гравюра XIX в.



Смерть Александра I в Таганроге. Моржовый клык, дерево

В. Гау. Император Николай I на смертном одре

Император Николай I на смертном одре

К. Маковский. Александр II на смертном одре. 1881 г.

М. Зичи. Панихида по Александру III в его спальне в Малом Дворце в Ливадии. 1895 г.

Александр III в гробу. Фото 1894 г.

Цесаревич Николай Александрович в гробу. Репродукция с фотографии Гемара и Фейрэ. 1865 г.

Для сценографии последнего главного выхода монарха на мировую сцену требовалось оформление собственно сцены. В данном случае эту функцию выполняла Печальная зала, ее оформлением занимались архитекторы, художники и декораторы. Для оформления Печальной залы Летнего дворца и Петропавловского собора во время похорон императрицы Анны Иоанновны Печальная комиссия привлекла архитекторов М. Земцова и И. Я. Шумахера, художника Л. Каравака и резчика К. Оснера. В траурных мероприятиях 1796 г. принимали участие архитекторы В. Бренна и Дж. Кваренги. При похоронах императора Александра I архитектор В. П. Стасов готовил пространство в церкви Царскосельского и Чесменского дворцов, К. И. Росси – в Казанском соборе, О. Монферран – в усыпальнице императоров в Петропавловском соборе. Помощниками к ним были определены Л. Руска, Д. Адамини, И. Ф. Лукини, А. М. Горностаев, чертежниками С. И. Гальберг, Ткачев, А. Н. Штакеншнейдер.[432] О. Монферран участвовал в работе нескольких Печальных комиссий: императоров Александра I и Николая I, императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны. Обычно для составления проектов приглашались несколько архитекторов, это связано с большим объемом работ и необходимостью их скорейшего выполнения. Печальную залу в Зимнем дворце для прощания с телом императрицы Марии Федоровны в 1828 г. оформлял архитектор Франц Иванович Руска.[433] Все работы в своей жизни он производил по проектам других архитекторов и, возможно, лишь построенный им Castrum Doloris для вдовствующей императрицы был его собственного сочинения. Архитектор Г. Э. Боссе создавал проекты траурного убранства во время похорон императрицы Александры Федоровны,[434] архитектор Г. Ботта выполнял подобную работу в 1894 г. для подготовки погребения императора Александра III.

Все проекты убранства Печальной залы, Петропавловского и других соборов, так же как и рисунки Печальной колесницы с балдахином, гроба, табуретов под регалии, траурных канделябров, люстр и пр., поступали на рассмотрение новому императору и после Высочайшего утверждения определялись к исполнению.

Регалии

Императорские регалии

Для подготовки шествия Печальная комиссия запрашивала из Артиллерийского арсенала знамена, гербы и жезлы по реестру, заказывала элементы траурной государственной символики.

Такие символы царской власти, как бармы, крест, цепь и т. д., в императорской России уже не имели особого значения в церемониях. Необходимый в коронационных торжествах трон заменяло возвышение – «трон», как он назывался в описаниях, под одр с гробом усопшего монарха. Если сравнить коронационные и траурные церемониалы, то окажется, что определенные элементы были задействованы в разных спектаклях театра власти. Например, неиспользованной в похоронных мероприятиях оставалась государственная печать, несомая в коронационном шествии. Некоторые из корон, количество и

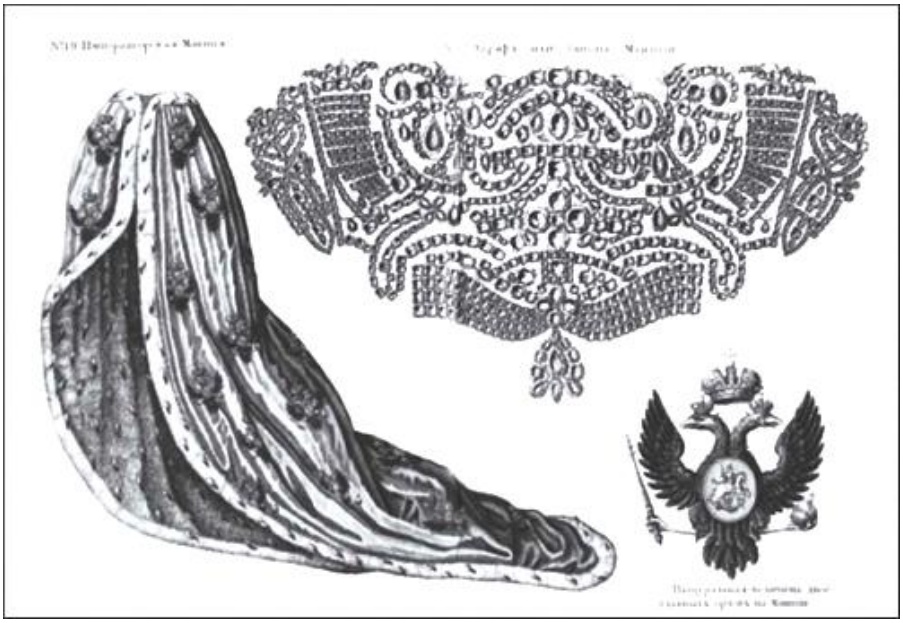
наименование которых разнилось в зависимости от конкретного исторического момента и личности покойного, могли быть востребованы исключительно в похоронном церемониале.

Однако остальные знаки государственной власти в погребальном действе обязательно принимали участие. К разряду важнейших инсигний императорской власти, задействованных в траурных мероприятиях, относилась императорская мантия – порфира. Она представляла собой длинный плащ без рукавов, сделанный из золотого глазета и подбитый белым атласом; его верхняя часть покрыта горностаевой пелериной – оплечья в виде воротника, спускающегося двумя широкими полосами на грудь.

На задней стороне мантии помещался государственный герб. Края мантии обшиты горностаем. Длина порфиры императора – 8 аршин (5,7 м), императрицы – 7 аршин (4,98 м).[435] Употребление порфиры в особо значимых придворных церемониалах было введено Петром I в 1724 г. при коронации Екатерины I. Коронационные порфиры обычно сохранялись, так, в 1848 г. семь императорских порфир хранилось в Оружейной палате Московского Кремля.[436] Впервые в похоронном действе порфира использовалась как инсигния при оформлении стены погребальной залы Петра I. Впоследствии мантией укрывали тело императора на парадном одре и в гробу, вместе с ней и хоронили.

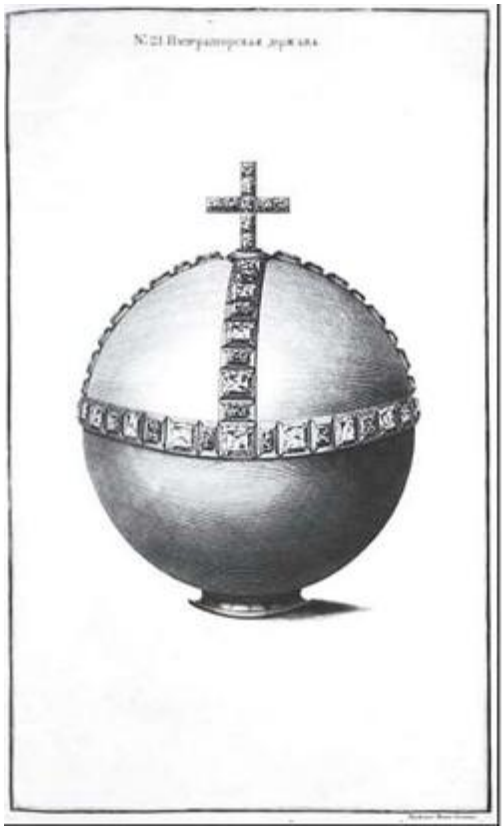
Порфиру для погребения заказывали в XIX в. обыкновенно купцам Лихачевым,[437] так как им была известна форма мантии.

Кроме такой важной государственной регалии, как императорская мантия, для погребения заказывался специальный покров из золотого глазета, подбитый горностаем, с большими золотыми кистями по углам, вышитыми двуглавыми орлами и золотым крестом посередине, которым гроб покрывался сверху. Покров этот по окончании погребения перешивался на гробницу в виде чехла. Горностаевые меха для порфиры и покрова Печальная комиссия получала из императорского Кабинета.



Императорская мантия. Исторический обзор русских коронаций, 1899 г.

В случае смерти члена императорской семьи вдали от столицы церемониал не нарушался. Прецедентом для последующих стали похороны Александра I, а примером для данных похорон служили вторичные похороны императора Петра III в 1796 г. Создавшаяся в конце 1825 г. политическая обстановка осложняла и без того непростую ситуацию с необходимостью везти тело усопшего монарха к месту захоронения огромное расстояние, поэтому сенатским указом от 2 декабря 1825 г. было приказано гроб, порфиру, покров, корону сделать в столице и отправить к Печальному кортежу с нарочным. «О всех приготовлениях донести его величеству журналом».[438] Кого следовало подразумевать под дипломатичной формулировкой «его величество», остается догадываться, учитывая, что Манифест о вступлении на престол императора Николая Павловича датирован 12 декабря 1825 г., хотя, безусловно, именно он занимался подготовкой к похоронам старшего брата.[439]



Государственная держава. Исторический обзор русских коронаций

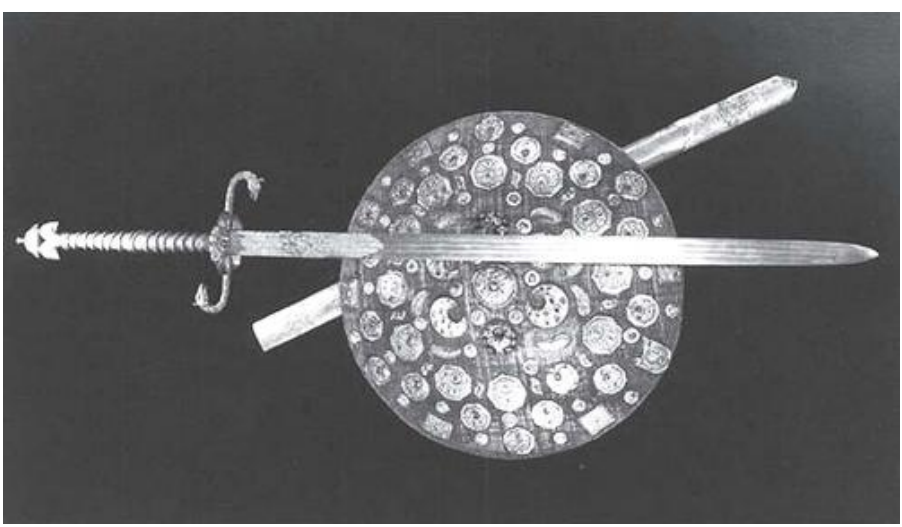
Если для новых похорон императорскую Погребальную мантию заказывали особо, то основные государственные регалии особый чиновник доставлял для траурных мероприятий из Оружейной палаты Московского Кремля. К подобным атрибутам царской власти относились скипетр, держава и государственное знамя. В XIX в. использовалось знамя, созданное в царствование императора Александра I и представлявшее «по золотому полю Государственного орла с Московским гербом на груди, окруженного всеми гербами российских областей».[440] Государственное знамя относилось к числу особо почитаемых инсигний. Знамена, используемые в похоронных мероприятиях, менялись, но использование государственного знамени в XVIII–XIX вв. было обязательным.

Государственное знамя – Панир. Исторический обзор русских коронаций

Государственный скипетр. Исторический обзор русских коронаций

Во второй половине XIX в. в Печальном шествии стали задействовать щит и меч государя, что должно было символизировать некоторые из важнейших функций правителя – защитника своей страны и народа. Государственный меч упоминается в числе регалий уже при Петре I. По регламенту камер-коллегии в царской рентерее (казначействе) надлежало хранить государственное яблоко (державу), корону, скипетр, ключ

и меч. Из перечисленных регалий при погребении императоров не применялся только ключ. При коронации государственный меч, государственная печать и государственное знамя впервые были употреблены Елизаветой Петровной.[441] Государственный щит несли только при погребении государя. По непонятной причине щит, который активно употреблялся в подобных церемониалах других европейских монархий как самостоятельная деталь, не принимал участия в декорациях траурных зал и не указан в сценариях похорон российских монархов до погребения Александра II. Между тем щит, меч, шлем, шпоры – все то, что относится к рыцарскому одеянию и вооружению, – широко использовалось в Западной Европе в погребальных процессиях правителей и рыцарей с давних пор. Такое отношение к действу характерно при погребении германских, французских, испанских и прочих монархов. В России подробности подобных церемониалов не знали до погребения Карла V[442] в Брюсселе в 1558 г., похоронная процессия которого, изображенная художником Н. Гогенбергом, была известна и позволяла судить о составе процессии и используемых в ней символах рыцарского достоинства,[443] к коим относились, в частности, щит, шлем и меч. В похоронах Петра I перед скипетром, державой и коронами несли четыре государственных меча, острием вниз. Впервые в процессии щит и меч в составе регалий указываются в 1881 г. при погребении Александра II[444] и последний раз – в 1896 г. при похоронах Александра III.[445]



Государственный щит и меч. Фото. Москва, конец XVII в.

При похоронах императриц-правительниц XVIII в. и императриц-соправительниц XIX в. такие элементы рыцарской символики, как щит и меч, естественно, не были задействованы.

В России обязательными символами власти считались скипетр и держава, соответственно, они использовались в главных церемониальных действиях, таких, как коронационная и погребальная церемонии. Для действа их привозили из Оружейной палаты, а после окончания мероприятий увозили назад. Для погребения императриц-соправительниц XIX в. скипетр и держава не использовались, они были атрибутами только действующего монарха, вне зависимости от пола, поэтому их задействовали в похоронах только непосредственных правителей страны. Использование скипетра как символа власти уходит своими корнями в древнейшее прошлое. Форма скипетра, напоминающего посох, восходит к библейским описаниям и олицетворяет власть пастуха – пастыря над своими овцами, т. е. своим народом. Впоследствии в связи с развитием рыцарских идей о правителе-защитнике своих подданных форма скипетра стала олицетворяться воинским жезлом. Впервые скипетр как знак венценосной власти был вручен Ивану IV при венчании в 1547 г. в Успенском соборе, когда царю передали скипетр после обряда надевания венца и барм,[446] символизировавших тяжесть возложенной на самодержца миссии. В коронационном наряде правитель садился на трон, являвшийся еще одним символом царской власти. Каждая деталь кресла правителя также имела символическое значение. Например, в России престол имел спинку и подлокотники, означавшие помощь окружения и высшей силы в деле управления государством. Для сравнения, король Франции Людовик XV в момент коронации садился на трон без спинки и подлокотников, что должно было демонстрировать полную самодержавность, не нуждающуюся в поддержке извне.[447] Тронное кресло обычно устанавливалось на возвышении, в более общем понятии это был престол, означавший собственно царствование. В траурных мероприятиях монарх лежал в гробу, также установленном на возвышении, оно называлось троном, или престолом.

В коллекции Оружейной палаты были представлены несколько скипетров: «скипетр Мономахов», скипетр Иоанна и Петра Алексеевичей, они не употреблялись уже в середине XIX в.[448] Во времена Павла I был сделан новый скипетр, который использовался российскими императорами XIX в. в коронационных и погребальных церемониалах. Он был выполнен из золота с двумя бриллиантовыми обручами, украшен «Орловским» бриллиантом, над ним возвышался черный

эмалированный двуглавый орел с всадником на центральном щитке с цепью Св. Андрея Первозванного. Высота скипетра составляла 13,5 вершков (60 см). В 1865 г. скипетр с «Орловским» бриллиантом, одним из наиболее дорогих в мире, оценивался, по данным барона Кене, в 2 399 410 руб.[449]

Держава в русском государстве впервые появилась в официальной церемонии при венчании на царство Бориса Годунова 1 сентября 1598 г., когда патриарх Иов подал ее царю наряду с другими регалиями,[450] хотя при торжественных приемах послов яблоко употреблялось и раньше, например в 1597 г., при приеме царем Федором Иоанновичем австрийского посла. Круглая форма державы символизирует владычество над миром – земным шаром и восходит к временам Древнего Рима. Государственная держава, употреблявшаяся в официальных церемониях Российского двора, была сделана из золота, ее обручи состояли из бриллиантовых листьев, посередине находился большой миндалевидный бриллиант, сверху она украшена неотделанным большим овальным сапфиром, окруженным бриллиантами под бриллиантовым же крестом. Высота державы составляла 5,25 вершков (23,33 см).[451] Держав в коллекции Оружейной палаты было несколько. По документам Экспедиции церемониальных дел, в XIX в. «Мономахова» держава и держава царей Иоанна и Петра Алексеевичей в коронациях и погребении императоров участия не принимали,[452] а использовалась держава, созданная к коронации императора Павла I.

Для участия в похоронных мероприятиях из Москвы доставляли драгоценные короны для украшения Печальной залы и Петропавловского собора, а также для несения в траурной процессии. Количество корон менялось в зависимости от конкретной политической ситуации. При похоронах императоров со времен Петра I обязательным стало использование Большой императорской короны. Она сопровождала в последний путь абсолютно всех российских правителей как XVIII, так и XIX вв.

Впервые корона европейского образца в России была сделана для коронации Екатерины I в 1724 г. Со второй половины XVIII в. Большой Императорской короной в Российской империи считался венец, изготовленный придворным ювелиром Экартом и бриллиантовых дел мастером Иеремией Позье для коронации императрицы Екатерины II в 1762 г. Мастер оправил в серебро 4936 бриллиантов, подчеркнув сверкание бриллиантового кружева двумя рядами крупных матовых жемчужин. Высота короны с крестом – 27,5 см, она подбита пурпурной бархатной шапочкой. Предание гласит, что Екатерина II ко дню своего коронования решила сделать новую корону, она по богатству должна была затмить все существовавшие в Европе, но весить при этом не более 5 фунтов (2,27 кг). Она пригласила для работы из Женевы придворного ювелира Иеремию Позье, пользовавшегося доверием императриц Анны и Елизаветы и пожалованного императором Петром III в бригадиры, и передала ему все свои драгоценности, оправа которых вышла из моды. Когда императрица примерила изготовленную корону, то сказала, что «очень ею довольна и в течение четырех или пяти часов, во время которых продержится церемония, как-нибудь выдержит эту тяжесть».[453] Впоследствии корона неоднократно переделывалась.

Большая Императорская корона

Кроме Большой Императорской к числу инсигний относится ряд других корон, участвовавших только в похоронных мероприятиях и нигде более. Их не следует путать со специальными погребальными коронами, возлагаемыми на голову усопшего монарха и на его гроб, но о них будет сказано ниже.

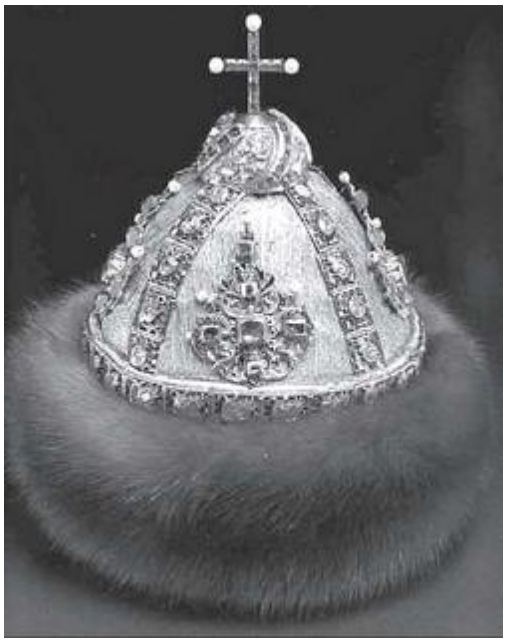
Императорская корона. Исторический обзор русских коронаций

В убранстве Печальной залы дворца и собора, а также в шествиях в ряду регалий использовали короны, привозимые из Оружейной палаты и возвращаемые по принадлежности после окончания действа. При похоронах Петра I их называли «старыми», это были три короны: астраханская, казанская и сибирская.[454] Астраханская корона была исполнена думным дьяком Ефимом Телепневым в 1627 г. по приказанию царя Михаила Федоровича и со времени похорон Петра I употреблялась для представления Астраханского царства.[455] Казанская корона была заказана царем Иваном IV для последнего хана казанского Эдигера, в крещении (1553 г.) Симеона,[456] когда ему был дарован титул царя Казанского. Она поступила в Россию в 1552 г. по покорении Казани Иваном Грозным и носилась только при погребении императора за астраханской короной.[457] Корона состоит из восьми золотых дощечек, покрытых чернью и прорезными, украшенными камнями «городами»; дощечки сходятся под яблоком, которое венчает желтый топаз между двумя жемчужинами и изображается в гербе Казанского царства и Казани. Сибирская корона, иначе называется «Алтабасной

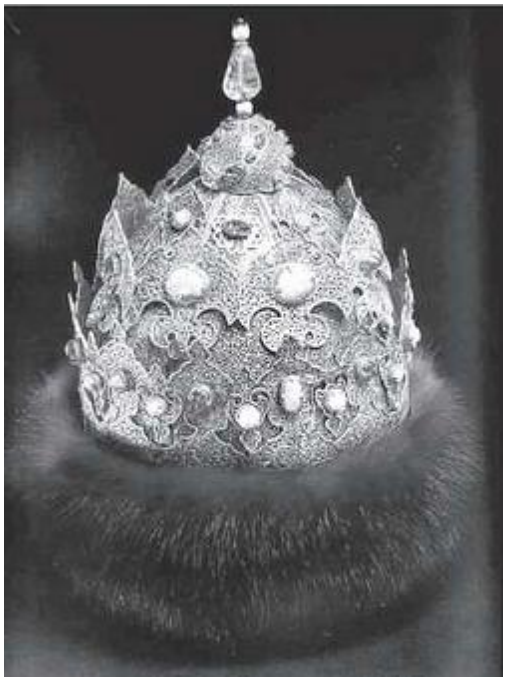
шапкой», была сделана в 1684 г. по повелению царя Иоанна Алексеевича.[458] С начала XVIII в. использование этих трех корон в траурных мероприятиях российских монархов стало обязательным.

О погребении императрицы Екатерины I известно недостаточно, поэтому нельзя утверждать, что эти короны использовались, но по документам известно, что они были задействованы в похоронах Петра II.[459]

Для императриц-правительниц XVIII в. набор регалий не отличался от подобного при погребении монархов-мужчин: скипетр, держава, государственное знамя и Императорская корона были необходимыми элементами как убранства Печальной залы дворца и Петропавловского собора, так и Печального шествия. В XVIII в. обязательно несли и три так называемые «старые» короны.



Сибирская корона (Алтабасная шапка)

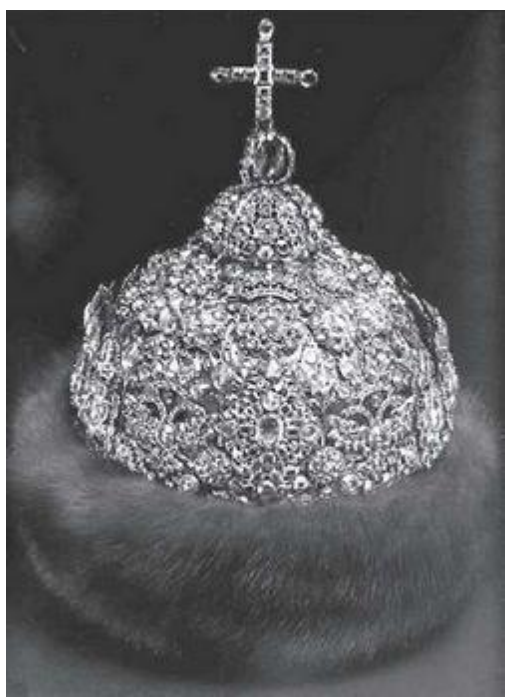


Казанская корона.

Ф. Солнцев. Шапка Астраханская

При похоронах императрицы Анны Иоанновны кроме Императорской использовались короны: астраханская, казанская и сибирская.[460] Тот же набор корон провожал в последний путь императриц Елизавету Петровну[461] и Екатерину II.[462] Однако сразу следует оговориться, что похороны последней должны рассматриваться особо, ибо они по воле ее сына императора Павла Петровича были совмещены с перезахоронением его отца из Александро-Невского монастыря в Петропавловский собор с соблюдением всех церемониалов, необходимых для императорских похорон.

При совместных похоронах Екатерины II и Петра III император Павел I к «старым» коронам добавил еще одну – таврическую,[463] сделанную для коронования Петра I по образцу шапки Мономаха и «назначенную Таврической» Екатериной II.[464] «Корона Мономахова второго наряда» в качестве таврической впоследствии использовалась при погребении самого Павла Петровича и Александра I и стала обязательным элементом траурного действа для самодержцев.



Таврическая корона (шапка Мономахова второго разряда)

Принятие Павлом I титула Великого Магистра Мальтийского ордена и издание сенатского указа «О включении в Императорский титул слов: и Великий Магистр Ордена святого Иоанна Иерусалимского»[465] привело к использованию в похоронной процессии императора короны Великого Магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского, сделанной по образцу великогерцогских с крестом ордена наверху, подбитой черным бархатом.[466] Эту корону в процессии несли после казанской, но впоследствии не применяли.

Мальтийская корона

С. Тончи. Портрет императора Павла I в Мальтийской короне

В связи с вхождением Польши в состав Российской империи в 1826 г. при везении тела Александра I в Санкт-Петербург в числе регалий появляется «Польская» корона. В документах Экспедиции церемониальных дел за 1848 г. она обозначена как «Корона последнего польского короля Станислава, умершего в Петербурге».[467] В то время от Станислава-Августа Понятовского, скончавшегося в 1798 г. в Санкт-Петербурге и со всеми почестями похороненного императором Павлом I, остались его же скипетр, орденская цепь и шпага.[468]

Кроме Большой Императорской при похоронах императора Николая Павловича использовалось шесть корон. Это были короны: казанская, астраханская, сибирская, таврическая, польская; к ним добавилась грузинская корона, сделанная для

последнего грузинского царя Ираклия из позолоченного серебра с драгоценными камнями, подаренная императором Павлом I царю грузинскому Георгию при присоединении Грузии к России и поступившая в Оружейную палату в 1811 г.[469] Грузинская корона – золотая, с драгоценными камнями – состоит из гладкого венца с репьями из восьми дуг, сходящихся под яблоком с крестом. Она подложена черным бархатом. В дальнейшем подбор и количество венцов не менялись, этот же состав корон сопровождал в последний путь императоров Александра II[470] и Александра III.[471]

Порядок расстановки корон и несения их в процессии был обязательным и традиционным. Общие правила для расстановки регалий определялись торжеством. При церемониале коронации регалии располагались в следующей последовательности: цепь ордена Андрея Первозванного – панир (государственное знамя) – печать – меч – порфира – держава – скипетр – корона Малая Императорская – корона Большая Императорская. При погребении императоров после орденов шли короны: казанская, астраханская, сибирская, таврическая, затем – держава, скипетр, корона Императорская. При погребении императриц-соправительниц Малая Императорская корона следовала за регалиями.[472] Следует оговориться, что при незыблемости исполнения церемониала могли быть и определенные отступления от выработанной традиции. Так, при погребении императора Александра III порядок регалий был следующим: императорское знамя, императорский щит, императорский меч, короны: грузинская, таврическая, сибирская, польская, астраханская, казанская, Государственная держава, скипетр, затем – Большая Императорская корона.[473]

Неизв. худ. Портрет Станислава-Августа Понятовского с регалиями, среди которых «Польская» корона

При похоронах императриц-соправительниц XIX в. (Елизаветы Алексеевны (1826 г.),[474] Марии Федоровны (1828 г.),[475] Александры Федоровны (1860 г.)[476] и Марии Александровны (1880 г.)[477]) такое обилие регалий не требовалось. Меч, щит, скипетр, держава, разнообразные короны были преимуществом самодержцев. В сценариях женских похорон акцент на воинской доблести, защите Отечества, выраженный через военные атрибуты, естественно, был недопустим. Также невозможно было несение скипетра и державы, воплощавших единовластие монарха. Супруга императора была не соперницей мужа в борьбе за власть, а его помощницей в трудном деле монаршего

служения. Ее высокое положение в XIX в. демонстрировалось через использование в похоронном действе не Большой, а Малой Императорской короны. Она соответствовала очертаниям Большой Императорской короны, но была в два раза ниже и меньше.

Малая императорская корона

Императорские короны могли применяться и при погребении членов царской семьи. Одно из первых упоминаний об Императорской короне восходит к 1725 г., когда подобная корона использовалась для цесаревны Натальи Петровны, дочери Петра I, которую хоронили одновременно с отцом. При погребении другой дочери Петра Великого цесаревны Анны Петровны, герцогини Голштейн-Готторпской, после перевезения ее тела из Киля в Санкт-Петербург в 1728 г. в траурной процессии, организованной Б.-Х. Минихом, несли корону «Голстинскую» и «корону Российскую Императорскую».[478] При похоронах царевны Екатерины Иоанновны, герцогини Мекленбург-Шверинской, в 1733 г. также использовали две короны – Мекленбургскую и Российскую, соответствовавшие ее положению русской царевны по рождению и герцогини по браку.[479]

Привоз регалий обставлялся торжественно. Во время подготовки к совместным похоронам Екатерины II и Петра III современник событий писал: «…потребны были к погребению все государственные, хранимые в Москве, регалии, то отправлен за ними особливый отряд кавалергардов. Для отвоза и положения оных сделан был особливый длинный и драгоценною материею обитый ящик, и повезли его покрытый драгоценною парчою, при

охранении скачущих по обеим сторонам, и спереди и сзади, многих кавалергардов во всем их пышном убранстве».[480]

Грузинская корона

Подготовка тела монарха

Одновременно с работой над церемониалом и сбором необходимых для него вещей особой заботой была подготовка тела монарха к похоронам. Тело усопшего императора обмывали камердинеры, на него надевали белый шлафрок, укладывали в Почивальной комнате на кровати, принадлежавшей покойному, и покрывали царским покровом, взятым из придворной церкви.[481] Из той же церкви приносили аналой с бархатной малиновой пеленой, и начиналось чтение Евангелия придворными священниками в траурном облачении по очереди с двумя диаконами при каждом. Около кровати устанавливали четыре большие горящие свечи в траурных подсвечниках, их также брали из придворного собора. Панихиды отправляли по утрам и вечерам придворные священники соборно.

После смерти императрицы забота о ее теле обычно возлагалась на новую императрицу, а обмывать и одевать его должны были камер-юнгферы и фрейлины. Когда Екатерина II испустила последнее дыхание, то уже императрица Мария Федоровна «наложила на нее крест, а по кончине вступила в распоряжение порученного ее попечению тела».[482] Она присутствовала «при омытии онаго» и сама помогала одевать его в белый атласный шлафрок.

При теле устанавливалось дежурство денно и нощно, порядок и список дежурных определялся свыше.[483] В Почивальной комнате находились: один генерал-адъютант, один флигель-адъютант, два камергера и два камер-юнкера.

На третий день кончины тело переносили для бальзамирования в специально назначенные для этого комнаты. Бальзамирование оплачивалось Печальной комиссией по счету, представленному после процедуры придворным аптекарем. Например, бальзамирование тела покойной императрицы Марии Федоровны в 1828 г. стоило 4 тыс. руб. ассигнациями.[484]

Екатерина II у тела императрицы Елизаветы Петровны. Немецкая гравюра XVIII в.

Бальзамирование проводилось различными способами, иногда весьма удачно. Например, можно предположить хорошую работу специалистов при погребении императрицы Анны Иоанновны, которую хоронили на 68-й день после смерти, особенно учитывая тот факт, что тело было выставлено в ее Летнем дворце для прощания в открытом гробу даже в последнюю неделю. О хорошей сохранности тела императрицы Елизаветы Петровны оставил воспоминания П. Н. Трубецкой, записавший в дневнике 5 февраля 1762 г.: «Любопытства достойнаго вещь, что тело до сих пор, почитай, никакого тления подвержено не было кроме уст, и то только что почернели. У рук концы пальцев ссохлись, как у мощей, протчее тело натуральной белизны и мягкости, только что холодно, в суставах везде сгибалось и ничего не окостело…»[485] Очевидно, хорошая сохранность тела была обеспечена действиями по консервации его, т. е. бальзамирования.

При бальзамировании предполагается изъятие внутренних органов, а к императорским останкам отношение было соответствующее, поэтому царские органы закладывались в отдельные сосуды: сердце – в серебряную урну, представлявшую вазу со спиртом, закрытую крышкой, которую запаивали, а прочее, так называемую «утробу», – в дубовый ящик, внутри выложенный свинцом с запирающейся выдвижной крышкой. И урна, и ящик обшивались черным сукном и перевязывались

серебряным шнуром. Оба сосуда с царскими внутренностями оставались в комнате бальзамирования до своего особого погребения под присмотром часового.[486]

Одеяния усопших монархов

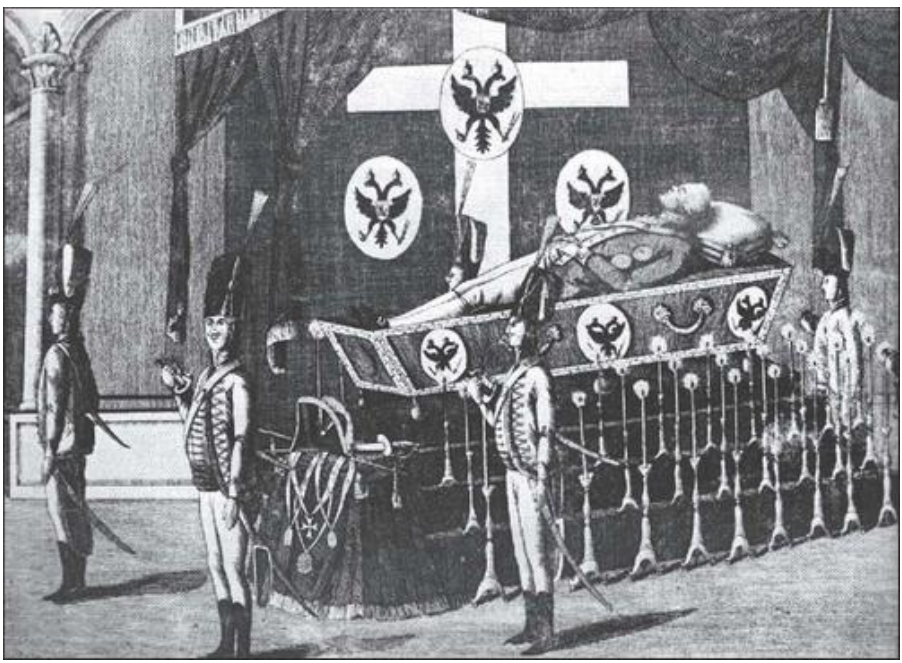
После произведенной консервации усопшего облачали в погребальное платье. Во времена Петра I от таких церемониальных одеяний как становый кафтан, бармы и пр. отказались в пользу более утилитарного европейского платья. Петра I первым из российских правителей хоронили в красном камзоле, жилете и ботфортах. Его внука Петра II, скончавшегося в Москве 19 января 1730 г., сначала одели в белые одежды по русской традиции, а потом облачили в «богатейший кафтан с Андреевской лентой через плечо».[487]

На набальзамированное тело императора в XIX в. надевали генеральский мундир. Первым императором, похороненным в мундире, стал Петр III, правда, это был офицерский мундир голштинского драгуна,[488] но такой выбор одежды, явно неподходящей для российского императора, умершего, согласно официальной версии, естественной смертью, был определен конкретной ситуацией. Очевидно, новой императрице Екатерине II в ее желании снизить церемониал до степени обыкновенных похорон простого человека хотелось подчеркнуть и его «иностранное» положение.

Однако в дальнейшем военная униформа, вернее генеральский мундир – стала обязательной погребальной одеждой российских самодержцев. На императоров накладывали орденские знаки. Конечно, император был вправе оставить последнюю волю, оговорив и то, как он хотел бы выглядеть в момент своего последнего официального «выхода». Например, император Александр II был одет в мундир Преображенского полка, шефом которого с момента его создания традиционно считался государь, но на груди у него не было знаков отличия. Незадолго до смерти он говорил М. Палеологу: «Когда я появлюсь перед Всевышним, я не хочу иметь вида цирковой обезьяны. Не время тогда будет разыгрывать величественные комедии».[489] Желание усопшего было выполнено. По посмертному изображению монарха в гробу можно судить о том, что на груди его лежат часы и нет никаких воинских знаков.

Великим князьям полагался военный мундир в зависимости от звания усопшего. На женщин надевали парадное, обычно светлое платье. В этом отношении «основным», т. е. образцовым

для подобных случаев, стал церемониал погребения цесаревны Анны Петровны, составленный графом Ф. Санти в 1728 г.: «…тело покойной одето в серебряное глазетовое платье с длинным шлейфом, вокруг обшитое золотым флером, сверху надета лента ордена Св. Екатерины, но без креста».[490] За неимением достойных примеров для составления ритуала и в связи с тем, что он не отыскал церемониалов погребения малолетних дочерей Петра I, в составлении которых мог принимать участие их отец, граф Санти вынужден был руководствоваться примерами иностранных



Император Павел I на смертном одре. Гравюра XIX в.

государств, в первую очередь австрийского и французского, «как славнейших дворов», всегда являвшихся ориентирами в организации придворной жизни в России с начала XVIII в. Императрица Елизавета Петровна была одета в «богатое парчовое платье с золотыми травами по серебряной земле»,[491] что в переводе на современный язык означает: платье было из серебряной парчи с вытканными на ней золотыми нитями узорами. Екатерина II была «облачена в русское платье из серебряной парчи с золотой бахромой с поэндишпаном и длинным шлейфом».[492] Императрица Мария Федоровна сама одела свекровь с помощью комнатных девиц и камердинеров,

помогавших ей несколько раз поднимать тело для надевания платья.[493] На императрице Елизавете Алексеевне было «платье белое, русское, глазетовое, гарнировано (украшено. – *М. Л.*) питинетом (кружевом. – *М. Л.*) с серебром, сверху орден Андрея Первозванного – звезда и лента»,[494] на руках – белые лайковые перчатки, на ногах – белые атласные башмаки. В подобном русском платье из серебряного глазета с длинным шлейфом хоронили императрицу Марию Федоровну в 1828 г.[495]

Одетое и набальзамированное тело укладывали на парадный одр или кровать, служившую монарху при жизни, обитую малиновым бархатом и серебряным флером, подбитым золотым газом и с такими же вензелями покойного, и относили в Почивальную, где продолжалось дежурство и чтение Евангелия.

Следующим актом похоронного действа было перенесение тела в Тронную комнату, для чего там снимали трон, и, после утверждения новым императором церемониала, в назначенный день и час вся царская фамилия собиралась в спальне, где уже находился Санкт-Петербургский митрополит с членами Святейшего синода, придворным духовенством и певчими. Всем раздавались свечи. Пожалуй, самым важным моментом данной церемонии было возложение на главу усопшего монарха специальной погребальной короны, что выводило действо на уровень акта, сходного с коронованием и значительно отличало императорские похороны от погребения любого из его подданных. Верховный маршал подносил на золотой глазетовой подушке новому монарху специально изготовленную корону, которую его величество надевал на голову усопшего родителя или родственника.

Погребальные короны

Придворному ювелиру заказывали после смерти монарха две серебряные вызолоченные короны по форме императорской, одну – для возложения на главу усопшего государя, а другую – для несения в Печальном кортеже. Вопреки распространенной версии об использовании только драгоценных металлов и камней в XIX в., короны делали из серебра и золотили, они были простыми, «без каменьев, внутри. малиновые бархатные шапки, подбитые атласом»,[496] впрочем, и Большая Императорская корона также имела внутреннюю малиновую бархатную шапочку. Этот венец предназначался для надевания на голову усопшего монарха, и в нем правителя хоронили.

Специальные похоронные венцы надевали на голову усопших.

В этом деле могли возникнуть и некие затруднения, как это случилось, например, после смерти императрицы Елизаветы Петровны.[497] Вначале ее голову украшала корона с многочисленными бриллиантами, но потом ее сменила специально сделанная траурная золотая корона, в которой императрицу и похоронили. Работа над погребальным венцом была поручена ювелиру Георгу Фридриху Экарту, но его постигла неудача: его корона оказалась мала, потому что голова покойной императрицы распухла, и надеть на нее украшение оказалось невозможно. Данным обстоятельством воспользовался соперник Экарта ювелир Жереми Позье, сделавший погребальную корону на винтах и сам с помощью щипчиков расширивший нижний обруч до необходимого размера, осуществив, таким образом, пригонку короны прямо на голове усопшей. Несмотря на то что отреставрированная бриллиантовая корона Экарта все же занимала свое место среди регалий Елизаветы Петровны, возложенная на специальный табурет рядом с ее гробом, оплошность Экарта позволила Позье потеснить конкурента.

Во время подготовки к совместным похоронам Екатерины II и Петра III уже 17 ноября 1796 г. «художники Теремины» (братья Пьер-Этьен и Франсуа-Клод Термен) подали счет за изготовление двух императорских золотых корон,[498] скорее всего, ювелиры Термен делали короны для украшения головы усопших в гробу. На голову Екатерины II и Петра III по церемониалу, утвержденному императором Павлом Петровичем, возлагали Императорскую корону, которую перевозил А. Б. Куракин из Зимнего дворца в Александро-Невский монастырь и обратно. Павлом I было дано особое указание относительно возложения короны на голову Екатерины II: «Когда Castrum Doloris и траурная зала будут готовы, то по приказу их императорских величеств тело камергеры положат в гроб, ее императорское величество наложит на тело усопшей корону, тело будет перенесено в Печальную залу и поставлено будет на Castrum Doloris».[499]25 ноября назначенные чины собрались в комнату перед кабинетом императора для принятия короны, которую нес вице-канцлер князь А. Б. Куракин с ассистентами. Торжественная процессия перевезла корону в Александро-Невский монастырь.[500] Император вошел в царские врата, взял с престола приготовленную корону, возложил на себя и потом, подойдя к останкам родителя своего, снял с главы своей корону и при возглашении вечной памяти положил ее на гроб почившего императора. Церемония происходила утром, а в 12 часов пополуночи того же дня назначено было перенесение короны для надевания на голову Екатерины с такой же церемонией, как

возлагали ее на гроб Петра III те же особы.[501] Это была «регалия», однако существовала и погребальная корона, которую императрица Мария Федоровна возлагала на главу усопшей императрицы.[502]

Считается, что возложением Большой Императорской короны на гроб Петра III, император Павел I, серьезно относившийся к вопросам церемониала, в траурных мероприятиях, посвященных его матери Екатерине II, соединил условно и коронационные торжества по отношению к своему отцу: возложив корону на гроб своего отца, он компенсировал лакуну – недостающий элемент в государственных ритуалах, – не осуществленную коронацию Петра III. После того как были соблюдены все формальности, император Павел Петрович восстановил справедливость: во-первых, он соединил семью – отца и мать, во-вторых, он перезахоронил тело отца согласно статусу покойного и сложившейся традиции в усыпальнице Российских императоров Петропавловском соборе. Трудно сказать, насколько утверждение о посмертной коронации Петра III верно, ибо возложение короны на голову монарха и возложение второй короны на гроб усопшего вполне соответствует российской и международной практике королевских, царских и императорских похорон того времени. Для определения статуса монарха требуется присяга, принимаемая его подданными, и день ее принятия является отправной точкой для отсчета времени его правления. Собственно коронация как театрализованное государственное действо является великим представлением театра власти, но ничего не добавляет к титулу правителя. Однако наличие нескольких корон, причудливо применяющихся в церемониях, когда каждое движение, каждая деталь не случайны, а наполнены глубинным смыслом, заставляет задуматься об особенности данного церемониала.

Ювелир Пьер-Этьен Термен делал погребальную корону и для самого императора Павла I.[503] Корону на голову отца возложил 16 марта 1801 г. Александр I при переносе тела убитого императора в Тронную залу из Опочивальной.[504]

Л. Кузнецова в своей монографии, посвященной ювелирам, работавшим по Высочайшему заказу, в главе о погребальных коронах для Екатерины II, Петра III и Павла I пишет: «Трудно утверждать с уверенностью, уцелели ли эти погребальные венцы, когда после 1917 г. вскрывались в Петропавловском соборе гробницы членов рода Романовых».[505] В том, что происходило в Петропавловском соборе после его закрытия в 1919 г. в течение нескольких следующих лет, существует масса неясностей, но о вскрытии захоронений Павла I, Екатерины II и других

императоров говорить не приходится. Множество слухов и мифов окружает эту тему, однако автор данной работы считает, что, скорее всего, вскрытий царских захоронений в послереволюционное время не происходило, в противном случае в руках исследователей рано или поздно оказались бы документы, подтверждающие сей факт, однако таких документов не имеется. Известные вскрытия склепов, производившиеся в Петропавловском соборе, были обусловленными конкретными причинами и исследователям известны.

В случае с императрицей Елизаветой Алексеевной, умершей вдали от столицы, погребальная корона была отправлена навстречу кортежу. Архиепископ Тульский и Белевский Дамаскин возложил корону, привезенную действительным тайным советником А. М. Гедеоновым, на голову императрицы, дамы «способствовали к укреплению оной».[506] В связи с решением запаять свинцовый гроб из-за жары 9 июня 1826 г. кортеж остановился в женском монастыре Святого Духа под Новгородом. Так как свинцовый гроб находился в деревянном гробу, открыли оба гроба, сняли с лица маску, переменили атласную наволочку с подушки и ароматную подушку в гробе, привели в порядок головной убор усопшей. Духовник Алексей Федотов возложил золотую корону на голову Елизаветы Алексеевны, ее укрепили, и гроб запаяли.[507] После смерти императрицы Марии Федоровны (1828 г.) погребальную корону на ее голову возложила ее невестка императрица Александра Федоровна.[508]

И.-В. Кейбель в 1855 г. выполнил погребальную корону для Николая I, но та не подошла по размеру, и ее вернули ювелиру для изготовления орденов и медалей.[509] При похоронах императора Александра II, согласно его пожеланию, погребальная корона не использовалась.[510]

Погребальная корона (для несения на гробе) императрицы Марии Федоровны

Кроме погребальной короны, надеваемой на главу усопшего монарха, другая корона украшала гроб покойного императора или императрицы в основном во время Печального шествия, являвшегося апофеозом всего растянутого во времени прощания с покойным самодержцем. Эта корона могла быть использована и в последующих подобных ситуациях. Так, корона, изготовленная для похорон императрицы Марии Федоровны (1828 г.), впоследствии применялась в погребении императриц Александры Федоровны (1860 г.) и Марии Александровны (1880 г.).[511] Похороны Марии Александровны стали последними похоронами императрицы в Российской империи.

Церемониал перенесения тела в Тронную комнату

Когда погребальная корона (во второй половине XIX в. от нее отказались) была надета, после Литии и при чтении «Святый Боже» генерал-адъютанты покойного (во второй половине XIX в. – великие князья) поднимали парадный одр и переносили в Тронную, где его ставили на ступени под балдахином, головой к государственному гербу. Около одра придворные псаломщики устанавливали свечи в подсвечниках. Процессию открывали священники, за телом следовали члены семьи и ближайшее окружение. После панихиды у ног покойного устанавливали два

аналоя, на одном из которых лежал образ, на другом – Евангелие. Между аналоями стоял столик с кутьей. Царское тело покрывали порфирой. Дежурство тела монарха, начатое в Почивальной, продолжалось и в Тронной комнате. Так было во второй половине XVIII и в XIX вв.

Однако жизнь могла вносить свои коррективы в формирование придворного церемониала. После смерти юного Петра II в Москве в 1730 г. тело первоначально было выставлено в его собственных апартаментах в Слободском дворце на богатой кровати на возвышении, покрытом персидскими коврами с золотом, и туда уже был допущен народ для прощания, а из Опочивальной тело было перенесено в Печальную залу, минуя Тронную.[512] О порядке перенесения в Тронную и Печальные залы императрицы Анны Иоанновны сведений по материалам Экспедиции церемониальных дел не сохранилось.[513]

Образцовым церемониалом, благодаря трепетному отношению к вопросам этикета императора Павла Петровича, служили похороны Екатерины II. Хотя тело императрицы медицинскими чинами было найдено «столь переменяющимся», что показалось «приличным» сократить время выставления его, медикам приказали произвести осмотр тела и поспешно сделать, что «к сему случаю принадлежит»,[514] о чем необходимо донести в Печальную комиссию. Останки, уже одетые в парадное погребальное одеяние, были украшены знаками орденов Св. Андрея Первозванного, святого Георгия и святого Владимира – через плечо, а Св. Александра Невского – на шею. Все орденские знаки, так же как и платье, императрица Мария Федоровна лично надела на свою свекровь.[515]

Тело Екатерины II оставалось в Опочивальне до 15 ноября, при нем находилась невестка покойной, помимо нее полное дежурство несли фрейлины и придворные кавалеры. Каждый день проходила служба по обряду православной церкви. 15 ноября состоялось перенесение усопшей императрицы в Тронную комнату на парадную кровать, установленную на специальном троне (возвышении), в переносе участвовали восемь камергеров. Кровать была драпирована малиновым бархатом с посеребренным флером с золотой бахромой и кистями. В головах был вышит золотом Российский императорский герб, по бокам кровати – вензель Екатерины II.[516]

Земная жизнь императора Павла Петровича закончилась в его новой резиденции Михайловском замке, ставшем и местом прощания с его телом. Павел I был перенесен в Тронную комнату Михайловского замка 16 марта 1801 г., т. е. на пятый день смерти.

В случаях, когда императоры умирали вдали от столицы, перенос тела из Опочивальной комнаты в Тронную не производился по понятным причинам. Так было при похоронах императоров Александра I (1825 г., место смерти – Таганрог) и Александра III (1894 г., место смерти – Ливадия); императриц Елизаветы Алексеевны (1826 г., место смерти – Белев) и Александры Федоровны, скончавшейся в 1860 г. хоть и недалеко от Санкт-Петербурга, в Царском Селе, но все же не в столице.

До середины XIX в. гроб с покойным императором стоял в Тронной зале обычно девять дней, здесь же начинался доступ публики к поклонению. Так, например, для прощания с императрицей Екатериной II допускаемы были ежедневно все желающие обоего пола, кроме крестьян. Особо оговаривался порядок прощания представителям обоих полов: женщинам предписывалось подходить к телу справа, мужчинам – слева. За соблюдением порядка внимательно наблюдали церемониймейстеры, а также митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил и гофмаршал. Допуск к руке осуществлялся с 9.00 до 13.00 и с 15.00 до 20.00.[517]

Даже в случае с императором Павлом Петровичем, когда потребовалось большое умение специалистов для сокрытия следов, оставленных на его теле убийцами, народ для прощания был допущен. Время «допущения к поклонению» точно такое же, как и в предыдущем случае: с 9.00 до 13.00, затем делался перерыв до 15.00, когда начинался вечерний допуск, продолжавшийся до 20.00.[518] Но проходившие мимо гроба императора не могли видеть многого: только подошвы его ботфорт и поля огромной треуголки, надвинутой на лицо покойного. Задерживаться у гроба не разрешалось.[519]

Супругу Павла Петровича императрицу Марию Федоровну переносили из Опочивальной в Тронную комнату, ибо церемониал соблюдался со всеми тонкостями и при погребении императриц-соправительниц, 28 ноября 1828 г., на пятый день после смерти, при церемонии присутствовали император, императрица и все придворные кавалеры и дамы. При духовной церемонии восемь камергеров при помощи четырех камер-юнкеров, поддерживавших шлейф, в сопровождении их величеств и знатных особ перенесли тело с парадной кроватью в Тронную комнату и поставили на приготовленное возвышение, обычно именуемое в подобных случаях троном. Почетный караул состоял из синих кирасир,[520] гренадер дворцовой роты, в ногах находились четверо камер-пажей. Внутри Тронной Малиновой комнаты, обитой по случаю траура черным сукном, находился караул кавалергардов, а перед Фонариком[521] дежурили

кирасиры. На следующий день попускались к руке для прощания всякого чина люди с 11.00 до 14.00 и с 15.00 до 19.00.[522]

Подготовка убранства Траурной Залы

После утверждения церемониалов и рисунков убранства Траурной залы, церквей, одежды и прочего, архитекторы приступали к работам. Обязанностью Печальной комиссии было обеспечить их без промедления всем необходимым.

Ордена и медали

Одним из обязательных элементов организации траурного действа была демонстрация личных воинских и государственных заслуг усопшего императора или члена императорской семьи. Демонстрация осуществлялась через ордена, медали и прочие знаки отличия, активно задействовавшиеся во всех мероприятиях. Они украшали Траурную залу, их несли во время Печального шествия, они были представлены в убранстве Петропавловского собора или других храмов, где останавливался кортеж в случае смерти представителя династии вне пределов столицы. Традиция использования подобного рода атрибутики восходит к похоронам Петра I, когда Траурную залу украшали и в Печальном шествии несли три кавалерии императора. Это были ордена: русский – Св. Андрея Первозванного, польский – Белого Орла и датский – Белого Слона. Для последующих императорских похорон из комнат усопшего брали его иностранные ордена, а российские требовали из капитула новые и после окончания действа туда же возвращали. Вместо ленты ордена Св. Андрея, на подушку нашивали орденскую цепь с помещенной в середине звездой. Все российские звезды были шитыми.

Количество и подбор орденов и знаков отличия весьма значительно менялся на протяжении двух веков существования Российской империи. При погребении императора Петра II представлены были два российских ордена: святых Андрея Первозванного и Александра Невского, а также польский орден Белого Орла.[523] Женское правление XVIII в. сказалось на составе и подборе орденов, так, в траурных мероприятиях императрицы Анны Иоанновны к орденам Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского и Белого Орла, задействованных во всех последующих «мужских» императорских церемониях, добавился «женский» орден святой Екатерины,[524] при похоронах Елизаветы Петровны кроме перечисленных появился прусский орден Черного Орла.[525] При совместных похоронах Екатерины II и Петра III использовались знаки орденов: русских – святого Андрея

Первозванного, святого Владимира, святого Георгия, святого Александра Невского, святой Екатерины, святой Анны; иностранных – Белого Орла (польский), Черного Орла (прусский), Серафимов (шведский).[526] В траурных мероприятиях по кончине императора Павла Петровича были задействованы – кроме ставших обязательными для всех императоров орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Владимира, Св. Александра Невского – знаки ордена Св. Анны, причисленного Павлом I к российским орденам.

Орден Св. Андрея Первозванного

Знаки ордена Белого Орла

Знаки ордена Св. Александра Невского

Орден Серафимов

Принятие императором Павлом I титула великого магистра ордена святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского) вылилось в использование в похоронных мероприятиях Павла Петровича знаков ордена, вошедшего в наградную систему Российской империи при этом императоре и исключенного из нее при его сыне и приемнике в 1817 г. Если регалии Мальтийского ордена были мотивированы конкретной политической ситуацией, то

достаточно странным кажется в данном контексте представленный в действе орден Св. Георгия, которым Павел Петрович награжден не был. Император этот орден откровенно не любил, очевидно, по причине не получения его после возвращения с Русско-шведской войны. Известно, что Павел I не награждал этим орденом подданных в период своего правления, хотя орден и сохранил, несмотря на первоначальное желание отменить его вообще. Вероятно, использование ордена святого Георгия при похоронах Павла Петровича должно было подчеркнуть важность главенства государем над армией и флотом. Монарх являлся главой ордена, а орденские знаки представляли не только украшение и награду, а в первую очередь показывали принадлежность к достаточно узкому кругу лиц, на которых правитель мог опереться в различных областях своих широких государственных обязанностей. К уже привычным иностранным орденам Белого Орла, Черного Орла и Серафимов в похоронном действе Павла I добавились новые, свидетельствующие о возрастающей интеграции российского правящего дома в интернациональную семью европейских династий. К ним относились знаки орденов: Св. Константина (пармский), Св. Януария и Св. Фердинанда (неополитанские), Св. Лазаря (сардинский), Св. Духа (французский).[527]

В дальнейшем количество орденов, задействованных в траурных мероприятиях следующих российских монархов, постоянно увеличивалось, что говорило как о повышении значимости страны на международной арене, так и развитии политических и родственных связей Романовых. Если в траурных мероприятиях Павла I было использовано четырнадцать орденов, то при похоронах Александра I орденов и медалей было уже тридцать пять: восемь российских и двадцать семь иностранных. Кроме обязательных российских был задействован «орден Георгия 4-го класса, который его величество носить изволил»,[528] и ставшие уже привычными знаки иностранных орденов Белого Орла, Черного Орла, Св. Духа, Белого Слона и пр., к которым добавились ордена: польский – Св. Станислава, баденский – Верности, португальский – Христа, английский – Подвязки, испанский – Золотого Руна и пр.

Орден Св. Иоанна Иерусалимского I-й степени на орденской ленте

Траурные мероприятия Александра I внесли в состав наград усопшего монарха медали, в частности, была представлена Серебряная медаль 1812 г.[529] В дальнейшем медали и знаки отличия были представлены в ряду наград членов династии, как мужчин, так и женщин. При похоронах императора Николая I было задействовано более сорока орденов и медалей, как российских, к которым отошел в 1831 г. польский орден Белого Орла, так и иностранных. Кроме уже традиционных украшали Печальные залы и были несены в шествии два бразильских ордена Круцероса и Дона Педро I, греческий – Спасителя, нидерландский – Вильгельма, бельгийский – Льва и др. Все монархии, находившиеся на этот момент в родственных связях с домом Романовых, пожаловали российского правителями своими наградами.

Конкретная политическая ситуация, ведение Россией

различных войн, степень участия в военных конфликтах главы государства – все это находило отражение в наградах, задействованных в печальном действе. Так, в похоронах императора Николая Павловича отразилась Турецкая война 1828–1829 гг., ибо украшали Траурную залу и были несены в шествии медали, полученные покойным за участие в ней. Участие русских войск в подавлении венгерского восстания выразилось в получении Николаем I прусских медалей за 1848–1849 гг. Мужчины – представители династии Романовых – главным своим поприщем вполне закономерно считали воинское, глава государства являлся защитником Отечества и, значит, человеком военным. Эта установка впервые с особой яркостью была подчеркнута на похоронах Николая I, когда в действе были представлены золотой крест, полученный покойным императором за двадцать пять лет выслуги, и знак отличия беспорочной службы за тридцать пять лет. Из российских орденов следует выделить личный орден Св. Георгия IV степени, который Николай I получил за двадцать пять лет службы и орден Св. Иоанна Иерусалимского, которым не награждали с 1801 г.[530]

При похоронах следующего монарха Александра II количество наград увеличилось до 57 иностранных и 15 отечественных. Среди российских наград появились: знак отличия беспорочной службы за XX лет, вензель императора Александра I в память 100-летнего юбилея. Кавказские дела нашли отражение в Кресте Кавказском и медали за покорение Западного Кавказа (1859–1864 гг.); русско-турецкие войны были отмечены двумя медалями – «В память Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.» и «За Русско-турецкую войну 1877–1878 гг.»; внутренние дела запечатлелись золотой медалью за освобождение крестьян. К орденам добавился орден Св. Нины. Среди знаков личного достоинства императора особо следует отметить орден святого великомученика и победоносца Георгия I степени, который Александр II, вторым после его основательницы императрицы Екатерины II, официально возложил на себя в день столетнего юбилея, что означало принятие ордена под личное покровительство монарха.

География стран, оценивших вклад российского монарха в мировую политику или связанных с ним родственными узами, расширилась. Появились ордена: японский; персидский – Льва и Солнца; два турецких – Османие и Меджидие; монакский – Св. Карла; сербский – Такова I ст.; четыре румынские награды: крест в память перехода через Дунай, золотая медаль за военное отличие, крест за военные достоинства, Румынской Звезды I ст.; нассауский – Золотого льва; мексиканский – Орла I ст.; саксен-

альтенбургский – Саксонский-Эрнестианский Фамильный I ст.; голштейн-ольденбургский – Фамильный за достоинства I ст.; мекленбург-шверинские – за военное отличие и Вендской Короны; саксен-веймарский – Белого Сокола I ст.; два баденских – Церингенского Льва и Верности; гессен-кассельский – Гессенского Льва; три велико-герцогские гессенские – за военное отличие, Филиппа Великодушного I ст. и Людвига I ст.; вюртембергские – за военное достоинство и Короны I ст.; баварский – Св. Губерта; французские – Почетного легиона I ст. и Св. Духа; английский – Подвязки; гогенцоллернские – бронзовая медаль за 1848–1849 гг. и Фамильный I ст. – Золотого Креста, установленного за 25-летнюю службу; четыре прусских – золотая медаль в память 50-летнего юбилея бракосочетания их императорских и королевских величеств, золотая медаль в память 1813, 1814 и 1815 гг., Pour la mérite и Черного орла; четыре австрийские – бронзовая военная медаль, Золотого Креста, установленного за 25-летнюю службу, Марии-Терезии IV ст., Св. Стефана[531] и др.

Примерно такое же количество наград было представлено и на последних императорских похоронах Российской империи в 1894 г. при погребении Александра III – 57 иностранных и 15 русских орденов и знаков.[532] Награждение некоторыми орденами монархов-родственников стало в Европе традиционным. При сравнении списка знаков отличия императоров Александра II и Александра III обнаруживается много повторений: это японский, персидский, турецкие, мекленбург-стрелицкий, дармштадский, саксонский, английский, французский и прочие ордена. Однако появляются и новые. Например, Александр III имел датский орден Даннеброга за заслугу; шведский – Олафа; Сандвичевых островов – короля Камеамеа I; черногорский – Даниила I степени; итальянский – Благовещения и некоторые другие.

Если количество и подбор орденов при погребении российских монархов второй половины XIX в. имеют незначительное число различий, то список медалей определяется для каждого правителя индивидуально. В 1894 г. были представлены медали Александра III: сербская, черногорская, румынский крест в память перехода через Дунай в 1877 г., турецкая серебряная, вюртембергская золотая, прусский золотой вензель. Традиционно подбор российских орденов включал в себя (по восхождению значимости): Св. Станислава I ст., Св. Анны I ст., Белого Орла, Св. Александра Невского, Св. Владимира I ст., Св. Андрея Первозванного. Особое внимание уделялось ордену Св. великомученика Георгия, так как получение этого ордена обычно не связано было с высоким положением монарха. При

похоронах Александра III был представлен орден Св. Георгия II ст., полученный цесаревичем Александром Александровичем «… за блистательное выполнение трудной задачи удержания в течение 5 месяцев превосходящих сил неприятеля от прорыва избранных нами на реке Ломе позиций и за отбитие 30 ноября 1877 года атаки на Мечку» во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в которой он принимал непосредственное участие, командуя Рущукским отрядом. За боевые заслуги в этой войне будущий император был награжден и «светло-бронзовой медалью в память 1877–1878 гг.», также задействованной в траурных мероприятиях.

Российские медали и знаки отличия дают представление не только о военной и государственной деятельности монарха, но и о персональных интересах усопшего. Особо показательны в данном отношении похороны Александра III. Кроме орденов и медалей, украшавших Траурную залу и процессию, особого внимания заслуживают Крест императорского Православного Палестинского общества, созданного «державной волей императора»; Серебряный знак императорского Общества Спасания на водах, первым действительным членом которого был самодержец; Знак Российского общества Красного Креста, находившегося под покровительством августейшей фамилии. Среди наград и знаков отличия Александра III были представлены вензели его отца и деда: Серебряный вензель императора Александра II и Золотой вензель императора Николая I.[533]

В XVIII в. при похоронах женщин-правительниц принцип подбора и состав орденов мало отличался от «мужских» кавалерий, если не считать присутствие чисто женского ордена святой Екатерины. При похоронах как женщин-правительниц, так и соправительниц всегда использовался учрежденный Петром I главный женский орден – Св. великомученицы Екатерины, а также главный орден страны – Св. апостола Андрея Первозванного.

В XIX в. ситуация несколько изменилась. Главной функцией императрицы-соправительницы была помощь супругу в трудном деле управления государства. В связи с этим изменился набор регалий, представленных в похоронном действе, а также состав и количество наград, используемых в убранстве Печальной залы и несомых в шествии. Особый акцент делался на «женские» ордена иностранных государств, которые вручались российским императрицам. Так, например, в процессии Елизаветы Алексеевны в 1826 г. кроме российских орденов Св. Екатерины, Св. Иоанна Иерусалимского (им в России к тому моменту уже не награждали), Св. Анны, Св. Андрея Первозванного и

Св. Александра Невского (он в то время жаловался вместе со знаками ордена Андрея Первозванного) указан испанский «женский» орден Марии-Луизы,[534] хотя последний и не перечислен в списке регалий, установленных у гроба в Печальной зале, устроенной в месте смерти императрицы в Белеве.[535]

При похоронах императрицы Марии Федоровны в 1828 г. был представлен традиционный набор российских орденов: Св. Анны, Св. Александра Невского, Св. великомученицы Екатерины, Св. Андрея Первозванного, а также испанский – Марии-Луизы, прусский – Луизы (сватьи императрицы) и Мальтийский – Св. Иоанна Иерусалимского, знаки которого возложил на свою супругу покойный император Павел I.[536]

Императрица Александра Федоровна, кроме обычного для ее статуса набора российских орденов, располагала большим количеством наград, как орденов, так и медалей, чем ее предшественницы, что и было представлено на ее погребении. Российская императрица, урожденная прусская принцесса, имела прусскую медаль, а также ордена: прусский – королевы Луизы, ее матери, баварский – Терезии; испанский – Марии-Луизы; португальский – Изабеллы. Так как со времен императрицы Марии Федоровны традиционной заботой первых дам государства, а первой среди них была супруга императора, являлась благотворительность, то заслуги Александры Федоровны на этом поприще нашли выражение в наградах, являвшихся украшением всех траурных декораций. К ним относились «Мариинский знак отличия беспорочной службы», названный в честь ее свекрови, бронзовая медаль в память войны 1853–1856 гг.[537]

Орден Св. Екатерины

Последние похороны императрицы в Российской империи происходили в 1880 г. – это было погребение супруги Александра II Марии Александровны. Набор российских орденов расширился, к ним прибавились: Св. Нины, Св. Анны I ст., Белого Орла,[538] который стал российским уже во времена Николая I. Работа русской императрицы как руководительницы на ниве попечительства и заботы о нуждающихся нашла отражение в представленных знаках отличия: Красного креста I ст. и Мариинском беспорочной службы. В 1880 г. было использовано наибольшее для императрицы количество иностранных наград, представлены были ордена: сербский – Красного Креста; румынский – Елизаветы; мексиканский – святого Карла; португальский – Изабеллы; испанский – Марии-Луизы; вюртембергский – Ольги; баварский – Терезии; английский – Виктории; прусский – королевы Луизы. Как следует из перечисления, почти все они относятся к женским орденам, ими награждались в основном дамы.[539]

Все ордена, медали и знаки отличия выставлялись в Castrum Doloris, их несли в Печальном шествии под охраной, выставляли в Петропавловском соборе рядом с гробом. Для демонстрации наград и регалий изготавливались специальные табуреты, на которые награды укладывали на «регальные» подушки, обитые золотым глазетом с серебряным газом и кистями по углам. Оставшиеся от предыдущих погребений табуреты и подушки хранились в Петропавловском соборе и «затребовались» Печальной комиссией по случаю нового погребения. Так как количество орденов, медалей и прочих знаков отличия варьировалось, а в XIX в. от погребения к погребению все увеличивалось, то кроме уже использовавшихся в каждом отдельном случае табуреты и подушки заказывались новые по числу регалий и наград. По царскому чину газ и кисти у подушек по примеру покрова полагались золотыми, но в данном случае от протокола отказывались.

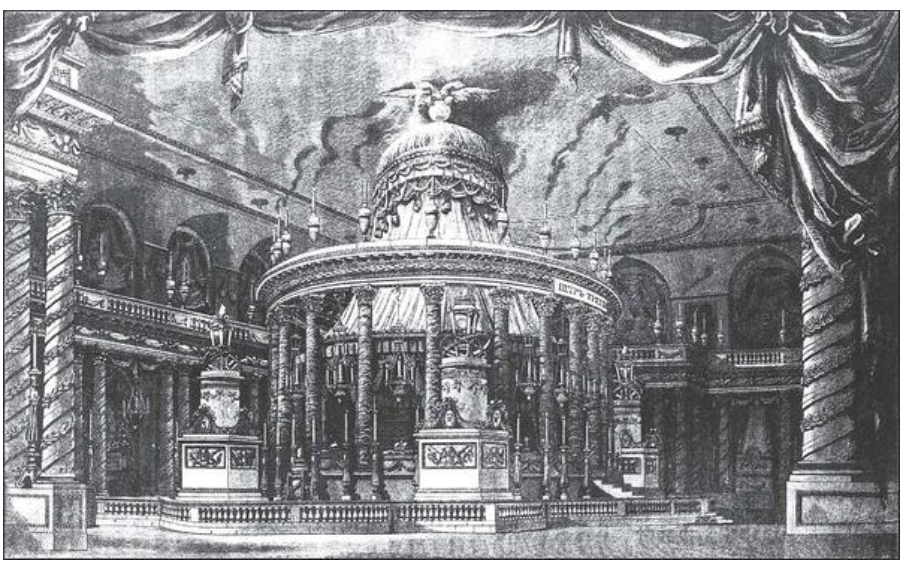
Хранившиеся под колокольней Петропавловского собора канделябры, люстры и прочие вещи, оставшиеся от прежних погребений, подновлялись, а в случае надобности заказывались новые, так же как и табуреты (тумбы под короны).

Castrum Doloris (Печальная зала)

Когда была готова Траурная зала, новый монарх назначал день для торжественного перенесения туда тела своего усопшего предшественника. По повесткам собирались члены Святейшего синода, Государственного совета, иностранные дипломаты и все приближенные. Императорские регалии переносились заблаговременно из Печальной комиссии в залу, ставились рядом за головой на высоких золоченых тумбах и закреплялись на подушках тонкими золотыми шнурками. По бокам гроба до ног располагались ордена, начиная с российских, ибо они считались более значимыми, чем иностранные. У конца гроба помещали шпагу усопшего монарха, которую в Печальной процессии возлагали на гроб. Декорация с балдахином, скульптурами, олицетворяющими добродетели усопшего монарха, и иными символическими фигурами сооружалась в том императорском дворце, где шло прощание с телом самодержца и в Петропавловском соборе, где производилось захоронение.

Такие исключения, как похороны Петра II (Архангельский собор, Москва), Петра III (первичные похороны – Александро-Невский монастырь, Санкт-Петербург), Иоанна Антоновича (место захоронения неизвестно), были обусловлены конкретными

причинами и должны рассматриваться особо. Следует оговориться, что Петр III и Иоанн Антонович окончили свои дни уже не в качестве монархов, а церемониал погребения находившегося на момент смерти у власти императора Петра II соответствовал статусу усопшего и отвечал всем необходимым требованиям. Убранство Печальной залы в Кремлевском дворце было сходно с декорациями Castrum Doloris в Зимнем дворце на Зимней канавке. Ее украшали «мраморные» статуи, символизирующие Религию, Отчизнолюбие, Милосердие и Благотворительность.[540] В данном случае, так же как это было в 1725 г., отчеты о подготовке торжества содержат некоторые преувеличения с целью представить событие в глазах всего мира и потомков более торжественно, чем оно было в действительности. Трудно предположить реальную возможность создания такого количества мраморных статуй в столь короткое время. Очевидно, при устройстве траурных декораций для Петра II, так же как и для его деда, скульптуры были сделаны из дерева и покрашены белой краской под мрамор.



Casrum Doloris Петра III в Зимнем Дворце. 1796 г. Гравюра Майера

Выбор добродетелей монарха, безусловно, определялся не только политическими целями, но и личными качествами усопшего. Для Петра II, скончавшегося в юном возрасте – на пятнадцатом году жизни, такие добродетели, как Храбрость и Мудрость, необходимые для характеристики правителя, не

демонстрировались.

Л. Манцони. Катафалк с телом императора АлександОра I в соборе Александровского монастыря в Таганроге

Траурные залы многих правителей были запечатлены, и впоследствии их изображения тиражировались.[541] Набор задействованных символов и зримых образов за незначительными вариациями – единый, обозначенный со времени похорон императора Петра I: во всех траурных сооружениях присутствуют скульптура, черная ткань, драпирующая стены, столбы и пирамиды, «серебряные слезы». Так выглядел, например, «Фюнеральный зал» (Castrum Doloris) императрицы Анны Иоанновны в ее Летнем дворце: входы, окна, пол и потолок покрыты черной тканью с горностаевой каймой, над главным входом красовался государственный герб, окруженный гербами тогдашних тридцати двух русских провинций. У стен около окон стояли двойные столбы из серого мрамора на мраморных пьедесталах темно-желтого цвета. Карниз всей залы отделан золотой парчой и белой кисеей, а над карнизом возвышались вышитые по золотому полю черные двуглавые орлы, под самым потолком размещались гербы провинций, поддерживаемые младенцами. Это должно было символизировать, что все провинции России лишились своей матери. «Для большого же изъявления печали, – говорилось в современном описании

убранства залы, – означены были при окнах на черных завесах многочисленные серебряные слезы, которые должны были происходить от помянутых при гербах представленных плачущих младенцев».[542] Гроб был осенен золотым балдахином, подбитым горностаевым мехом. По четырем сторонам гроба «сидели в печальном виде и в долгой одежде четыре позолоченные статуи», представлявшие Радость, Благополучие, Бодрость и Спокойствие. Печальный их вид должен был означать, что «российская радость пресеклась; все благополучие прекратилось, вся бодрость упала, и самое спокойство миновало». На верхней ступени катафалка стояло десять обитых малиновым бархатом табуретов с золотыми ножками и золотыми глазетовыми подушками, на которых были возложены императорская корона и короны царств: Казанского, Астраханского и Сибирского; скипетр, держава и знаки орденов: Св. Андрея Первозванного, Александра Невского и Св. Екатерины, а также польского Белого Орла. От катафалка по обеим сторонам в длину залы были расставлены «добродетели в подобии белых мраморных статуй». Они изображали Ревность к Богу, Веру, Храбрость и множество других добродетелей почившей государыни, в том числе и Великолепие. Статуи были украшены девизами. На стенах залы висели медальоны, напоминавшие на письме и в живописи подвиги, славу и добродетели Анны Иоанновны. Особым украшением залы являлась пирамида из «мраморных» серых и красных досок с хвалебными словами в честь покойной государыни, на эту надпись указывала «металлическая» статуя России в человеческий рост.[543] В данном случае ссылка на мрамор и прочие дорогостоящие материалы, использованные в декорациях, представляется обычным в подобных случаях преувеличением.

В случае смерти императора вдали от столицы, Траурный зал устраивался в том городе, где он отошел в вечность. Например, в 1825 г. Печальный зал с катафалком для Александра I был устроен в Таганроге. 11 декабря тело усопшего перевезли в Троицкий собор Александровского монастыря и установили в порфире и золоченой короне на высоком, в двенадцать ступеней, катафалке под балдахином, поддерживаемом четырьмя колоннами; вокруг были расставлены канделябры с многочисленными свечами, стены и окна затянуты черным сукном.[544]

Ситуация повторилась после смерти императрицы Елизаветы Алексеевны, когда в Белеве была подготовлена Печальная зала в соответствии со всеми необходимыми деталями убранства, такими, как возвышение для катафалка, сам катафалк, балдахин; привычными материалами: бархатом, газом, парчой, сукном;

с использованием традиционных цветов: золота, малинового, алого и черного.[545] Отличительной особенностью было помещение на балдахине вместо герба золоченой литеры «Е» под короной. Жаркая погода, 120 горевших в помещении свечей и необходимость дополнительных мер по поддержанию сохранности тела диктовали свои условия. Внутри катафалка находилась выдвижная на колесах доска для льда в деревянной посуде. Когда приготовление Печальной залы было окончено, тело из спальни с походной кровати подняли на простынях и медицинском матрасе и перенесли на катафалк.[546] В церемонии переноса тела участвовали: князь Волконский, генерал Храповицкий, секретарь императрицы Лонгинов, князь Юсупов, князь Голицын, барон Фридерикс и др.

Печальную залу для прощания с телом вдовствующей императрицы Марии Федоровны оформлял архитектор Ф. И. Руска.[547] Все работы в своей жизни он производил по проектам других архитекторов и, быть может, лишь построенный им Castrum Doloris для императрицы Марии Федоровны был его собственного сочинения.[548]

Перенос тела в Печальную залу сопровождался особой регламентированной церемонией.[549] Собравшиеся во дворце участники действа и духовенство, облаченное согласно случаю, ожидали прибытия царской семьи в Тронной, куда приносили сделанный гроб и ставили его рядом с телом. При появлении нового императора духовенство отправляло литию. С тела покойного самодержца снимали порфиру, генерал-адъютанты (впоследствии – великие князья) поднимали его с одра и перекладывали в гроб. Флигель-адъютанты несли конец порфиры, ею тело снова покрывали в гробу. Церемониальным порядком шествие сначала светских, потом духовных лиц с певчими, поющими «Святый Боже», сопровождало тело в Траурную залу, где гроб устанавливали на катафалк. Императорская семья и окружение с горящими свечами шли за гробом. После панихиды в ногах устанавливали два аналоя: один – с образом, другой – с Евангелием, которое читали беспрерывно, и столиком с кутьей.

Дежурство штатских и военных чинов продолжалось: назначенные по списку дежурные прибывали во дворец к девяти часам вечера и проводили на посту сутки.[550] В дежурстве принимали участие штатские и военные. Пост назначался около гроба и рядом с Castrum Doloris. Для соблюдения порядка постоянно дежурил церемониймейстер. Публика допускалась к поклонению телу, исключая время служения панихид, отправляемые утром и вечером. Допуск в Зимний дворец был открыт разным сословиям, но иногда оговаривались ограничения.

Как уже говорилось, взошедший на престол император Павел Петрович разрешил «допуск к руке» для прощания со своей матерью императрицей Екатериной II всем, кроме крестьян. Для прощания и последнего целования руки покойного монарха допуск лиц обоего пола был разрешен, так же как и в Тронной зале, но проход по Зимнему дворцу регламентировался в зависимости от чина: первые пять классов проходили на большой подъезд и всходили по фрейлинской лестнице, а разночинцы и особы ниже 5-го класса входили от Невы по парадной лестнице.

Время посещения обычно определялось серединой дня, например, при похоронах императрицы Марии Федоровны (1828 г.) допуск желающих для прощания был разрешен с 11.00 до 19.00.[551]

Царский гроб

Траурная колесница Александра I, на которой тело было перевезено в Москву. Фото нач. XX в.

Рисунок внешнего гроба для императора Александра I. О. Монферран. 1826 г.

В обязанности Печальной комиссии входил заказ царского гроба. Изготовление его доверялось мастерам, заслуживающим доверия и представляющим, какие требования предъявлялись к последнему ложу императора. Гроб был деревянный, внутри обычно обитый серебряным глазетом (муаром), простеганным душистыми травами. Подушка тоже была наполнена душистыми травами и оторочена золотым кружевом. Душистые травы создавали особую среду для обеспечения, по возможности, сохранности тела, потому что могли если не предотвратить разложение тела, то хотя бы замедлить естественный процесс. Особенностью царского гроба являлась его глубина, так как он должен был вместить в себя и порфиру, вместе с которой монарха хоронили. Снаружи гроб обивали золотым или малиновым глазетом с вышитыми двуглавыми орлами с оторочкой серебряным газом. Использование серебряных тканей со времен Петра I было нарушением протокола, как и в случае с «регальными» подушками, потому что по царскому чину полагалось золото. Крышку гроба сверху украшал крест. Сам гроб имел восемь бронзовых скоб, поддерживаемых двуглавыми орлами, и стоял на восьми бронзовых ножках в виде орлиных лап. Вся бронза ярко вызолочена. Под гробом сделаны бронзовые петли, в них входили такие же крючья, прикрепленные к обшитым золотой материей ремням.[552] Вся конструкция предназначалась для переноса гроба и была очень хорошо продумана.

Подготовка печального шествия

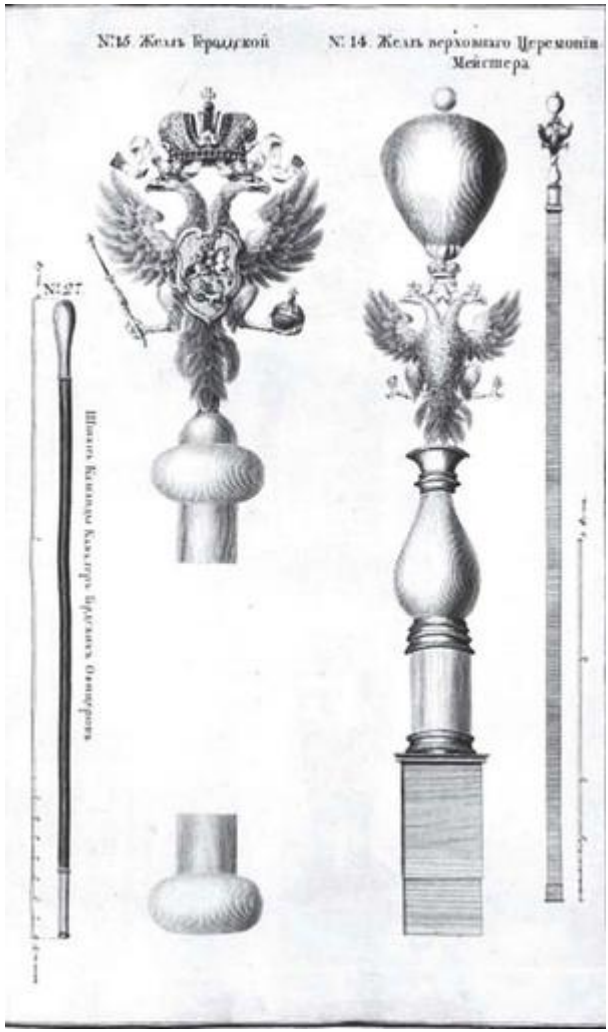
Печальная комиссия работала по всем направлениям. Одновременно и очень активно шла подготовка к главному акту похоронных мероприятий – Печальной процессии, для которой изготавливались колесница с балдахином, знамена, гербы, латы, жезлы, герольдские облачения, – словом, все, нужное к царскому погребению.

Торжественное перевезение тела усопшего монарха в Петропавловский собор для захоронения называлось Печальным шествием и являлось кульминацией всего государственного действа, требовавшего особого внимания. Тело монарха со времен императора Петра I везли в Санкт-Петербургскую (Петропавловскую) крепость на Печальной колеснице, зимой – на санях, летом – на колесах. Заказывать колесницу с балдахином должна была Печальная комиссия, но проект обязательно представлялся новому монарху на рассмотрение и только после Высочайшего утверждения отправлялся к производителю. Например, заказ на изготовление траурной колесницы для похорон Александра I по рисунку К. И. Росси «сообразно величию сана в Бозе усопшего монарха» получил каретный фабрикант И. Иохим.[553] Колесница стоимостью 18 225 руб. была выполнена по традиции в виде катафалка на двух осях и четырех колесах под балдахином на четырех витых вызолоченных колонках. На куполе балдахина покоилась на вызолоченной подушке резная Императорская корона. Занавесы балдахина были выполнены из серебряного фриза с шестнадцатью фестонами. Нижняя часть катафалка колесницы и кучерский табурет – резные посеребренные, украшенные двумя рядами звездочек; колеса – посеребренные с черными розетами.

Для участников церемонии шилась и заказывалась траурная одежда: черные суконные епанчи и распущенные шляпы с длинным флером. Обыкновенно покупали их тысячу и шили столько же епанчей. Правда, следует отметить, что важные особы по большей части имели свои собственные епанчи и шляпы. В обязанности комиссии входило узнать об этом заранее, дабы предотвратить попытки получить бесплатную одежду непосредственно перед похоронами.

С первой четверти XVIII в. шествие освещали факельщики. Факел воспринимался в данном контексте не только как необходимый элемент утилитарного назначения, но факел-огонь должен был придать всему действу значение символическое, вечно меняющееся и сохраняющее свою сущность, охраняющее

участников действа от злых сил. В России появление факельщиков в траурной процессии было обусловлено западноевропейским влиянием, но стало необходимым элементом всего церемониала. Количество факелов и факельщиков менялось. При похоронах Петра I 1250 гренадеров с факелами освещали траурное шествие. При похоронах его дочери цесаревны Анны Петровны, герцогини Голштинской, привезенной для погребения, согласно ее прижизненной воле, в Санкт-Петербург в 1728 г., было только 30 факелов, а для похорон великой княжны Натальи Алексеевны, внучки Петра I, сестры императора Петра II, в том же году в Москве дано 1500 факелов. [554]



Исторический обзор русских коронаций: одеяние герольда, жезлы герольдов и церемониймейстеров

Чиновник Экспедиции церемониальных дел, изучавший материалы этих похоронных мероприятий в 1842 г., не смог удержаться от удивления столь явному нарушению протокола и оставил свое примечание на переводе с немецкого на русский язык «Церемониала привезения и погребения тела государыни Анны Петровны герцогини Шлейзвиг-Голстейнской, скончавшейся в Киле 3 мая 1728 года»: «Внучке императора Петра I великой княжне Наталье Алексеевне при погребении дано 1500 факелов, а дочери его – только 30. О, старина!»[555]

Для освещения шествия в XIX в. заказывали обычно 60

факелов из пеньки с воском. Все факелы украшались небольшим жестяным щитом с вензелем усопшего.

Каждый департамент занимался своей частью работы. В Конюшенной конторе готовили лошадей. Их требовалось много. Лошади нужны были под колесницу, к знаменам, ибо почти каждому знамени, несомому в Печальном шествии, соответствовала лошадь, исключение составляли только знамена, используемые во флоте. Требовались лошади для экипажей, с траурными чепраками для церемониймейстеров, едущих верхом перед отделениями, ординарцев для верховного маршала в день процессии и т. д. Особая роль отводилась лейб-пферду – личной лошади императора, обязательно провожавшей в последний путь своего хозяина. Для ведения лошадей нужны были люди. Например, во вторичных похоронах императора Петра III, который являлся и герцогом Голштинским, по воле его сына были задействованы две лейб-пферд: одна личная лошадь герцога Голштинского без попоны, но с богатым чепраком и перьями, ее вели два штаб-офицера Иван Черников и Николай Голубцов, и императорская лейб-пферд, ведомая инженер-майорами Яковом Проскуряковым и Петром Возновым, за лошадьми следовали конюхи в богатых ливреях.[556]

Кроме этого, Конюшенная контора была обязана нарядить двух берейторов – одного в Радостные латники, следующего верхом, другого в Печальные латники, за ним вели лошадь в длинной попоне. Например, при погребении императора Александра I Радостным латником нового государя был берейтор Исаков, а Печальным латником усопшего монарха – ясельничий Филиппов.[557] Рыцари, впервые появившиеся в России на похоронах Ф. Я. Лефорта, провожавшие в последний путь императора Петра I, как уже отмечалось, стали необходимыми участниками всех императорских похорон, пройдя в последний раз за гробом монарха 7 ноября 1894 г. В брошюре, посвященной кончине и погребению Александра III говорилось: «Внимание народа привлекали и латники, которые двигались в конце третьего отделения между знаменами и гербами. Один ехал на коне, весь в золоте: латы, наколенники, наручники, шлем со страусовыми перьями, в руках обнаженный меч. Другой пеший латник – печальный, весь в черном уборе, с огромным обнаженным и опущенным вниз мечом, обвитым черным флером».[558] Свою задачу выполнял Артиллерийский департамент. Согласно утвержденному церемониалу, он отпускал из Петербургского арсенала четыре Государственных меча для несения в кортеже и золоченые и черные латы с касками и мечами для латников. После церемонии все вещи возвращались в

арсенал.

Императорское погребение являлось большим спектаклем, всем его участникам надлежало облачиться в свои «сценические костюмы». Одежда участников любого церемониала должна быть сообразной должности каждого, подчеркивать его роль в действе и соответствовать уровню государственного мероприятия, следовательно, иметь элементы государственной символики.

Одной из целей, которую преследовал траурный церемониал, была установка на верность традициям, поддержание идеи о непрерывности череды монархов на престоле, поэтому никакие резкие отходы от сложившегося стереотипа облика герольда в XIX в. не допускались. Глашатаи церемонии, шла ли речь о короновании, бракосочетании или погребении, имели платье определенного вида, различающееся только использованием цвета, ассоциировавшегося с радостным или печальным событием. Если для коронации были задействованы «радостные» светлые, золотые, полагающиеся «по царскому чину» тона, то для погребения полагались темные, черные цвета, характерные для демонстрации скорби в христианских странах. Герольдмейстеру и герольдам изготавливали траурное герольдское облачение по образцу, хранившемуся в Герольдии, оно состояло из короткого исподнего платья, супервеста, далматика, сапог, четырехугольной шляпы с букетом черных страусовых перьев и перчаток с раструбами. Для траурного действа облачение шили по мерке персонально на каждого герольда из черного бархата с серебряным газом и бахромой, с вышитыми золотом двуглавыми орлами на груди и на спине. Герольды должны были носить черные чулки и белые галстуки, иметь при себе шпаги.

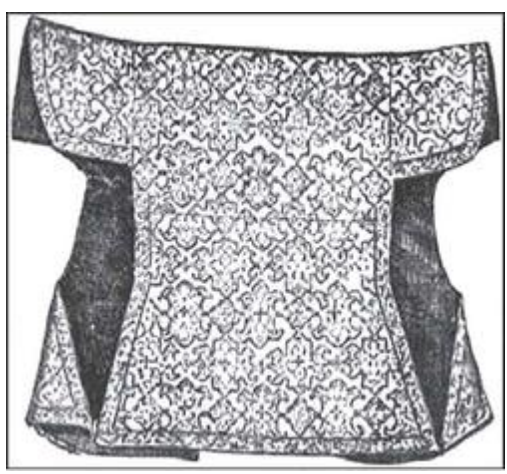
Параллельно с подготовкой одежды и декораций шла работа над формированием Печальной процессии. Печальная комиссия рассылала утвержденный новым императором печатный церемониал лицам по списку, полученному из Департамента церемониальных дел. Так как международным языком в XIX в. был французский, то представителям дипломатического корпуса, приглашаемым для участия в мероприятиях, посылали печатные экземпляры на французском языке. Церемониал, предназначенный для дипломатов, переплетался в черный атлас, прочие экземпляры – в черную сафьяновую бумагу. Членам царской семьи церемониал доставлял верховный маршал лично.

Совместно со штабом гвардейского корпуса решался вопрос о назначении войск и военных чинов в кортеж и расстановке их шпалерами по улицам, около Петропавловской крепости и т. д. По всему пути следования процессии по обе стороны размещались войска гвардии и учащиеся военно-учебных

заведений, не задействованные в Печальном кортеже. Наличие огромного количества военных, окружавших шествие, обеспечивало порядок и исключало возможность непредвиденных неприятностей. Расстановка по маршруту прохождения процессии войск делалась по распоряжению главнокомандующего гвардии и Петербургского военного округа. Например, по утвержденному церемониалу при встрече тела императора Александра III на станции Николаевской железной дороги был выставлен почетный караул от Гвардейского экипажа со знаменем и музыкой.[559] По приближении Печальной колесницы с телом войска отдавали честь, играла военная музыка, били барабаны, затем играли молитву. Рота Его Величества лейб-гвардии Преображенского полка при знамени и полковом оркестре традиционно составляла почетный караул на подходе к Петропавловскому собору.

При перевезении тела императора Александра I на протяжении всего пути траурного кортежа была расположена кавалерия и пехота до 200 000 человек. Кавалерия обыкновенно составляла эскорт впереди и позади колесницы, а на ночлегах в карауле всегда и везде была пехота.

Решались организационные вопросы с морским министром об участии в похоронах представителей флота, со штабом военно-учебных заведений – о кадетах, Петербургским митрополитом – о духовенстве, с обер-полицмейстером – о полиции.



Далматик

Предыдущие похороны использовались в качестве образцов для составления последующих церемониалов. Так, после смерти Александра I предстояло перевезти тело торжественной

процессией гигантское расстояние. Руководившему этим процессом П. М. Волконскому в Таганрог были высланы церемониалы 1796 и 1801 гг. «для определения порядка шествия в Петербург» и рекомендовано «взять за основу порядок, которым было шествие по перевезению Петра III из Александро-Невского монастыря в Зимний дворец».[560] Дроги для гроба, шоры для восьми лошадей, попоны, а также мантии черные для кучера и провожатых пешком решили выслать навстречу.

По приготовленным спискам отбирали отставных чиновников и служащих, изъявивших желание участвовать в шествии, распределяли должности в Печальной процессии – кому, где и с чем идти, по необходимости выдавали траурное одеяние. Из отставных военных штаб-офицеров, умевших ездить верхом и уволенных с мундирами, избирали герольдов (не государственных) для оповещения народа о дне погребения. Предпочтение в выборе кандидатов отдавалось отставным кирасирам по той простой причине, что их мундиры были темного цвета, соответствовавшего колористической гамме данного скорбного момента. Для того чтобы роль их была понятна народу, герольды получали опознавательный знак – шарф из черного и белого крепа, его полагалось носить через правое плечо. Герольдам следовало иметь в руке короткий черный жезл с вызолоченным двуглавым орлом. Эти жезлы хранились в арсенале, но по неизвестной причине не употреблялись, хотя означали власть, по которой делалось объявление.[561] Герольды не ездили по улицам в одиночку, их ассистентами были сенатские секретари в мундирах тоже верхом, сопровождением каждой герольдской группы служили два взвода кавалергардов с офицерами и четыре трубача. Так как эти герольды ездили только одно утро, то потом их же назначали в церемониймейстеры отделений Печальной процессии.

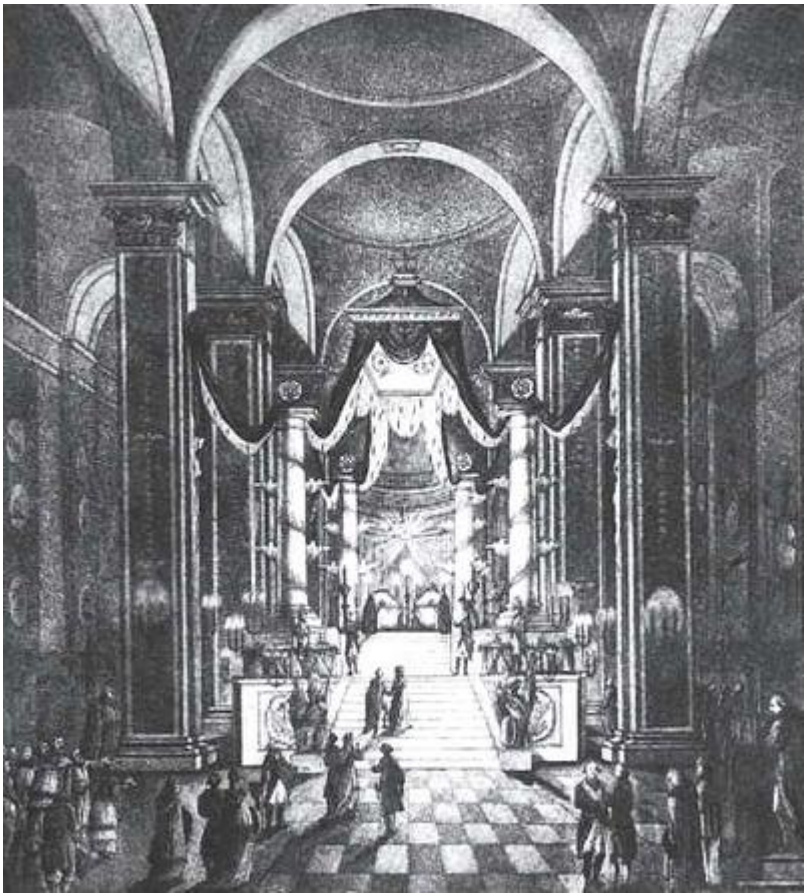
В шествии было задействовано огромное количество участников, по сложившейся традиции каждый из которых должен был присоединиться к процессии в определенное время и в определенном месте, определяемом организаторами. Разрабатывался маршрут, и члены Печальной комиссии договаривались с хозяевами или нанимателями домов или квартир по пути следования о возможности предоставления помещений для хранения знамен, гербов, жезлов и всего необходимого для процессии, а также разрешения на нахождение в их жилье членов траурного действа до момента присоединения к процессии.

В день похорон все участники должны были явиться к началу церемонии в траурном одеянии, чтобы не терять время на

переодевание. Лица, несшие регалии и государственные ордена, герольды, знатные особы обоего пола, члены Печальной комиссии и духовенство собирались вместе с придворными чинами в императорском дворце в комнатах, назначенных верховным церемониймейстером. Чиновники Департамента церемониальных дел в день погребения отправлялись в Петропавловский собор заблаговременно для встречи и размещения там дипломатического корпуса. Места в церкви и место сбора для отделений, собиравшихся в комнатах дворца, определялось в опубликованном церемониале. Чтобы не перепутать порядок следования духовных лиц, наряду со светским церемониймейстером их должен был сопровождать назначаемый митрополитом «духовный церемониарий», в чьи обязанности входило следить за правильностью построения духовенства. Когда все необходимое для царских похорон было подготовлено, верховный маршал сообщал об этом министру Императорского двора, тот – императору, и новый государь назначал день погребения.

Подготовка Петропавловского собора

В это же время готовили к похоронам Петропавловский собор, ставший с начала XVIII в. главной усыпальницей представителей правящей семьи. В центральном нефе между четырьмя пилонами напротив алтаря возводили балдахин над возвышением, приготовленным для царского гроба. Таким образом, строился еще один Castrum Doloris, не повторяющий оформление Траурной залы дворца, но продолжающий тему создания парадных декораций траурного пространства. Обычно балдахин украшала Императорская корона в виде полукруга, представляющего державу, помещаемая почти под потолком, от нее шла мантия в виде драпри, балдахин опирался на витые колонны. Драпировка балдахина выполнялась из белой серебряной парчи, внутри он был обит горностаем, на который прикреплялись гербы в трауре, в декоре использовались страусовые перья. Под балдахином на возвышении устанавливался катафалк. Стены, пилоны и окна внутри собора драпировали черной тканью, это подчеркивало печальную торжественность собора. Ордена были помещены на табуретах перед балдахином, регалии – по обеим сторонам от гроба на катафалке.

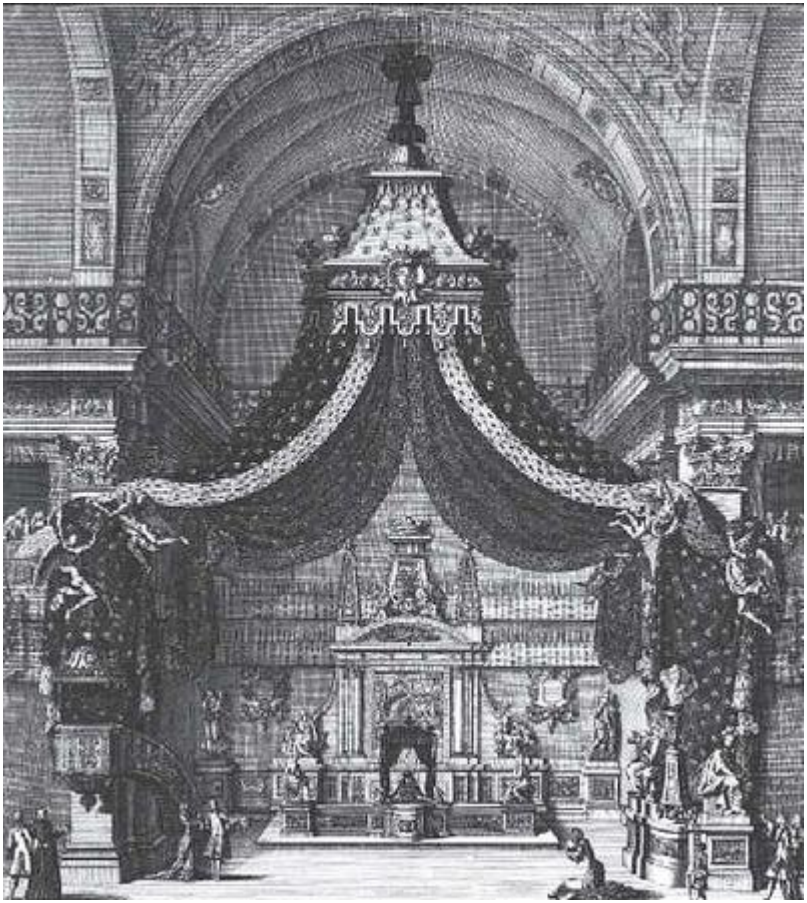


Траурное убранство Петропавловского собора для похорон Петра III и Екатерины II. На ступенях стоят император Павел I и императрица Мария Федоровна. 1796 г. Архитектор В. Бренна. Гравюра

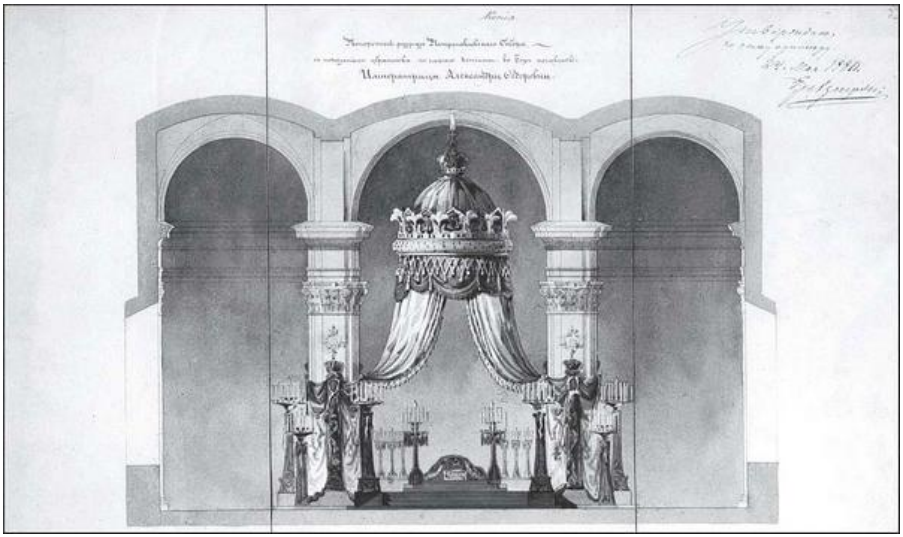
Лучшие архитекторы страны принимали участие в создании убранства Петропавловского собора, среди них – Д. Трезини, М. Земцов, А. Кокоринов, В. Бренна, Дж. Кваренги, Г. Боссе и др. Например, архитектор А. Вист готовил пространство для погребения императрицы Елизаветы Петровны. Архитектор О. Монферран оформлял Петропавловский собор для четырех похорон: Александра I и Николая I, императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны.

Пространство собора достаточно невелико, а должно было вместить значительное количество приглашенных, поэтому около боковых стен делали возвышения с тремя ступенями, обитыми черным сукном, предназначенные для стояния дипломатического

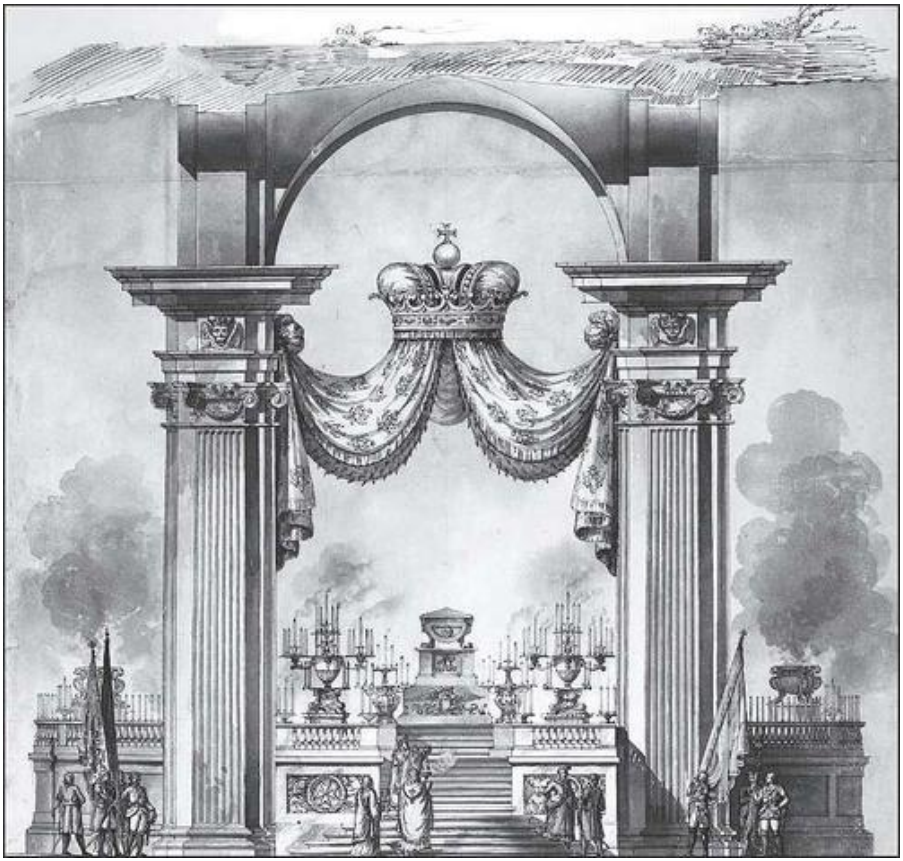
корпуса и знатных лиц.



Траурные декорации в часовне иезуитов для захоронения сердца принца Луи де Бурбон де Конде. Гравюра



Г. Боссе. Проект убранства Петропавловского собора для похорон императрицы Александры Федоровны. 1860 г.



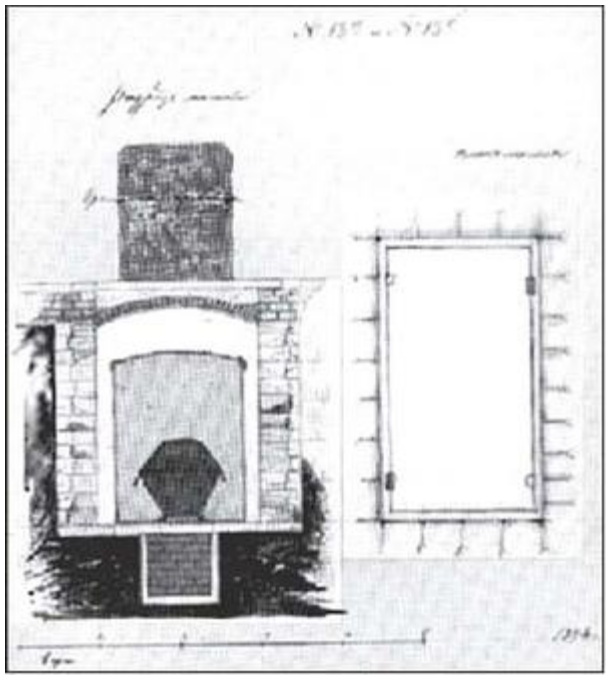
Траурное убранство Петропавловского собора для похорон императора Павла I. Архитектор Дж. Кваренги. 1801 г. Гравюра

Петропавловский собор – официальная императорская усыпальница, но бывали случаи, когда для прощания с телом монарха по какой-либо причине избирался другой храм, так, например, при перевезении тела императора Александра I из Таганрога в Санкт-Петербург для прощания выбор пал на Казанский собор, его убранством занимались архитектор К. И. Росси, скульпторы В. И. Демут-Малиновский и С. С. Пименов, живописцы Скотти и братья Додоновы. Авторы проекты прекрасно понимали, что они должны подчеркнуть главную победу, одержанную покойным императором в одной из важнейших войн XIX в., названной Отечественной. Победа над Наполеоном вывела Россию на еще более высокий политический уровень. По описанию того времени, «катафалк в Казанском соборе представлял собой храм Славы, блестящий, как яркая звезда среди полуночи».[562] На колоннах, обитых черным сукном, помещены гербы русских городов. Балдахин завершался золоченой Императорской короной, поддерживаемой двумя летящими ангелами.

Царская могила

Особое внимание уделялось подготовке царской могилы. Обычно император еще при жизни мог высказать свою волю относительно желательного места упокоения. Чаще всего после произведенного захоронения склепы для других членов данной императорской семьи делали рядом. В соответствии с сакральной топографией православного храма наиболее привлекательным для захоронения считалось пространство в восточной части храма. Кроме этого важным ориентиром для могилы было расположение иконы святого патрона. Так, императоров Петра I и Петра III похоронили перед иконой их святого покровителя – апостола Петра, являющегося покровителем Петропавловского собора, Санкт-Петербургской (Петропавловской) крепости и всего города Санкт-Петербурга в целом. Членов семьи Петра I и Петра III похоронили рядом с ними. Император Павел I был погребен перед иконой своего святого патрона – апостола Павла, склепы членов семьи Павла Петровича расположились вслед за ним в северном нефе Петропавловского собора перед иконостасом. Император Александр II указал место для своего

упокоения рядом с детьми – дочерью Александрой (1842–1849), сыном и наследником цесаревичем Николаем Александровичем (1843–1865) и супругой императрицей Марией Александровной (1824–1880). Могила императора Александра III была сделана рядом с захоронениями его отца и матери.



Г. Ботта. План и разрез могилы императора Александра III. Проектныш чертеж. 1894 г.

Единого подвала под Петропавловским собором нет, поэтому в назначенном месте снимали плиты пола, выкапывали яму глубиной около трех аршин (около двух метров) и выкладывали «крещатым» кирпичом – на каждом кирпиче был начертан крест. Так получался склеп, на дне которого в головах делали продолговатое углубление для помещения урны и ящика с внутренностями, изымаемыми из тела при бальзамировании. После захоронения внутренностей углубление закрывалось мраморной доской наравне с дном могилы. Во всю длину и ширину склепа делали ковчег из дерева, обитый внутри свинцом, а сверху – красной полированной медью с накладной крышкой и двумя скобами по концам, входящими в петли, в которые вкладывались висячие медные замки, коими запиралась царская гробница в день похорон.[563] Еще для опущения в могилу гроба

приготавливали четыре ремня, очень твердые и довольно длинные, с укрепленными на концах бронзовыми кольцами. На них ставился гроб и с их помощью опускался в могилу.

Когда все было подготовлено к царскому погребению, Высочайшим указом определялся день Печальной процессии – перевезение тела императора в Петропавловский собор. За два дня до Печального шествия о нем объявляли народу. Информационные листки печатали в количестве около 600 экземпляров по форме, утвержденной в церемониале, и герольды Печальной комиссии, сопровождаемые кавалергардами, трубачами и жандармами, разбрасывали их в городе, одновременно зачитывая громогласно содержание объявлений. О дне царских похорон сообщалось во всех частях города. Церемониал объявлялся публике и через периодическую печать. [564]

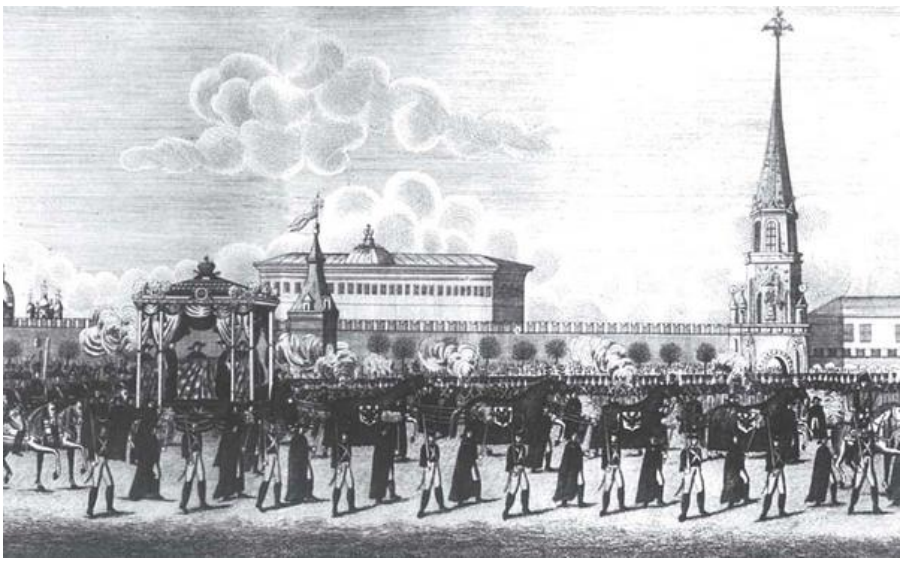
Маршрут следования печального шествия

Важным моментом в деле подготовки траурного шествия была выработка маршрута следования процессии. В зимнее время, если похороны намечались в Петропавловской крепости, по примеру похорон царицы Марфы Матвеевны (1716) и самого Петра I (1725) траурный кортеж следовал до Почтового двора, находившегося на набережной реки Невы, далее – по проложенному по льду Невы настилу с левого берега на правый. Так было, например, во время похорон императрицы Анны Иоанновны,[565] которую церемонным маршем везли из ее Летнего дворца в Петропавловскую крепость. Императрицу Елизавету Петровну также хоронили в зимнее время, 5 февраля 1762 г. От ее Зимнего дворца по набережной до Почтовой пристани и далее по льду Невы до Невской пристани был сделан помост из досок, покрытый черным сукном, следовательно, кортеж входил на территорию Петропавловской крепости через Невские ворота. Такой же помост был сооружен и от Невской пристани до собора.[566]

Маршрут следования зависел от того места, где начиналась процессия. Так, если тело везли от Зимнего дворца, до строительства Благовещенского моста путь проходил обычно от Зимнего дворца к Петропавловской крепости через Троицкий наплавной мост, в крепость процессия традиционно входила через парадные Петровские ворота. Так, при совместных похоронах Екатерины II и Петра III процессия стартовала от Исаакиевского собора. Когда группа духовенства дошла до Зимнего дворца, начался вынос тел, и далее шествие проследовало по Миллионной улице до моста, «который сделан от Мраморного дворца до Петропавловского собора».[567] Примерно по тому же маршруту следовал похоронный кортеж императрицы Марии Федоровны в 1828 г.: от Зимнего дворца по Миллионной улице, Царицыну лугу, через площадь князя Суворова и Троицкий мост в Петропавловскую крепость.[568]

После возведения Благовещенского моста в 1850 г. маршрут удлинился, но в то же время и упростился, так как постоянный надежный мост гарантировал безопасность шествия. При похоронах императора Николая I первоначально обсуждался кратчайший маршрут, повторявший ситуацию 1725 г.: до Мраморного дворца на Дворцовой набережной, потом по льду Невы до Петропавловской крепости. Но затем решили идти через новый Благовещенский мост, далее – по набережной и 1-й линии Васильевского острова, Тучкову мосту, через Александровский

парк к Иоанновским и Петровским воротам Петропавловской крепости. Впоследствии, за незначительными вариантами, этот маршрут стал традиционным и для других членов семьи, которых везли хоронить в Петропавловскую крепость. После постройки Благовещенского моста маршрут следования обычно проходил по Адмиралтейской набережной, далее – через мост на Васильевский остров, по Кронверкскому проспекту до главного входа в Петропавловскую крепость – через Петровские ворота.[569]



Печальная процессия Александра I в Москве. 1826 г. Фрагмент

К. Беггров. Вид Печальной процессии императора Александра I на Сенной площади в Санкт-Петербурге. 1826 г.

Официальной резиденцией императора Павла I был Михайловский замок, где он закончил свое земное существование и откуда его тело доставили для погребения через Неву в Петропавловский собор.

Решение о маршруте каждый раз принимал действующий император, и оно могло быть согласовано с конкретными обстоятельствами, не вполне ясными с современных позиций. Так, траурный кортеж императрицы Марии Александровны проследовал не через Благовещенский мост, а по Дворцовой набережной от Зимнего дворца до Суворовской площади, далее – по Троицкому наплавному мосту в Петропавловский собор через Иоанновские и Петровские ворота.[570]

В случае смерти императора, императрицы или члена семьи за пределами Петербурга маршрут проговаривался и поддерживался церемониалами особо. Так, тела императора Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны ввозили торжественно через южные «ворота» города с остановкой в Царском Селе. В случае с Александром I там же возлагали корону на гроб императора, которую до этого везли в особой коляске,[571] последняя остановка перед Санкт-Петербургом была сделана в церкви Чесменского дворца, куда за два дня до прибытия тела

должны были перевезти гроб, ордена и регалии. В маленькой Чесменской церкви останки императора переложили в парадный гроб, дорожный гроб полагалось разбить, но не выкидывать, а также положить в могилу.[572] Далее кортеж следовал через Московскую заставу, по Обуховскому проспекту, через Сенную площадь, Садовую улицу, сворачивая у Гостиного Двора, по Невскому проспекту до Казанского собора, где проходило прощание, оттуда в день погребения – в Петропавловскую крепость.[573] Траурный кортеж императрицы Елизаветы Алексеевны следовал по тому же маршруту до Гостиного Двора, далее – по Малой Садовой улице мимо Михайловского замка в Петропавловскую крепость через Троицкий наплавной мост.[574]

Императрица Александра Федоровна скончалась в Александровском Царскосельском дворце, откуда ее тело было перевезено в церковь Николаевской Чесменской военной богадельни (Чесменская церковь), из храма шествие направлялось через Московские триумфальные ворота по Большому Царскосельскому (Московскому) проспекту до Технологического института, по Загородному проспекту, Владимирской улице, поворачивало на Невский проспект, с него сворачивало по Большой Садовой улице до Царицына луга, далее – через Суворовскую площадь и Троицкий мост в Петропавловскую крепость через Иоанновские и Петровские ворота.[575]

Тело императора Александра III, скончавшегося в Ливадии, прибыло в Санкт-Петербург на Николаевский вокзал, откуда траурный кортеж проследовал по Невскому проспекту до Исаакиевского собора, Сенатской площади, далее – через Николаевский (Благовещенский) мост по традиционному маршруту до Петропавловской крепости.[576]

Погребение царских внутренностей

Накануне торжественного ритуала происходило секретное погребение царских внутренностей. В 11 часов вечера органы, изымаемые при бальзамировании царского тела, хоронили в уже готовой могиле. Выше отмечалось, что по окончании бальзамирования сердце с мозгом закладывались в серебряную вазу со спиртом, к которой припаивалась крышка. Прочие внутренности помещались в дубовый ящик, внутри обитый свинцом с запирающейся выдвижной крышкой. Урна и ящик обшивались черным сукном и перевязывались серебряным шнуром. Оба сосуда оставались до момента захоронения в комнате бальзамирования, охраняемые часовым. После назначения дня их погребения на малом дворе императорского дворца готовили две траурные кареты и отряд кавалергардов верхами с офицером. Царскую утробу отвозили для похорон особо доверенные лица, близкие усопшему члену императорской семьи. Урну с сердцем обычно отвозил генерал, ассистентом которого служил член Печальной комиссии. Например, урну императора Александра I отвозил генерал Волконский (не министр). Роль ближайшего сподвижника для императриц исполнял их секретарь. Так, урну императрицы Елизаветы Алексеевны вез в своих руках ее секретарь тайный советник Н. М. Лонгинов, а императрицы Марии Федоровны – тайный советник Г. И. Вилламов.[577] В связи с тем что Елизавета Алексеевна скончалась вдали от столицы, ее внутренние органы перевозили в ночь с 12 на 13 июня 1826 г. не из дворца, а из Чесменской церкви, где останавливался Печальный кортеж на пути следования в Петербург, так же как и в случае с ее супругом Александром I.[578]

Ящик с царской утробой доверялся камердинерам, которым ассистировали чиновники Печальной комиссии. В ночное время малой лестницей процессия следовала во двор и рассаживалась по каретам: отдельно – генерал с урной, отдельно – камердинеры с утробой. Все участники этого секретного траурного действа были облачены в черные епанчи. В сопровождении кавалергардов тайная миссия направлялась в Петропавловский собор. У ворот крепости их встречал плац-майор с плац-адъютантами. Караул становился в ружье. У самой церкви уже ожидали комендант крепостного гарнизона и духовенство с крестом и святой водой, все действо сопровождалось пением певчих. К царской утробе отношение было соответствующее, и в подробно отработанном протоколе не упускалась ни одна деталь. Духовенство окропляло

святой водой прибывшие урну и ящик, могилу, а потом ковчег. На паперти собора у приехавших урну принимал протопоп, а ящик – священники. Всем раздавались свечи, и при пении «Святый Боже» участники действа обходили вокруг храма. Потом, подойдя к могиле, служили панихиду. Перед окончанием, т. е. перед возглашением «Вечная память», протопоп, сойдя в могилу, устанавливал в сделанном углублении урну с монаршим сердцем. Священники вслед за ним ставили туда же ящик с утробой и накрывали углубление мраморной доской. При пении «Вечная память» опускали ковчег. Церемония считалась законченной, все расходились, а член комиссии подавал рапорт о свершившемся малом захоронении.[579]

Печальное шествие

Самым ярким и важным актом всего действа было Печальное шествие, называемое «Перевезением» тела императора в Петропавловский собор для захоронения. Все, что делалось Печальной комиссией до этого, являлось подготовкой к заключительному акту государственных похорон. В этом событии не допускалось никаких случайностей, не прощались никакие упущения, но, следует отдать должное членам и чиновникам Печальных комиссий, к ним не могло быть никаких претензий, ибо ни одного серьезного нарекания к их работе за всю историю императорских погребений предъявить было нельзя. Накануне погребения церемониймейстеры отделений поутру отправлялись в придворный Манеж для объезда приготовленных им верховых лошадей, так как лошади, участвовавшие в церемонии, должны были привыкнуть к новым для них седокам и не пугаться их. Последнее собрание членов Печальной комиссии посвящалось сверке по печатному церемониалу, не пропущено ли что по забывчивости, людям свойственной. При наличии полной уверенности в том, что ничто не пропущено, каждый член комиссии, получив свой экземпляр церемониала и список участников шествия, входивших в его отделение, повторял свою обязанность на завтрашний день и удостоверялся, что отданы все необходимые приказания, чтобы все гербы, знамена и прочие вещи, входящие в состав отделений кортежа, были отправлены в назначенные места по первому сигналу из Петропавловской крепости, данному для сбора процессии.

День Печального шествия

Наступал главный день. Повторенный трижды троекратный выстрел пушки Нарышкина бастиона Петропавловской крепости служил сигналом к трем этапам построения процессии. В день погребения из Петропавловской крепости в 6 часов утра давался сигнал тремя пушечными выстрелами, предупреждавший о собрании всех к церемонии. Над крепостью поднимался черный флаг, а викарий Санкт-Петербургской митрополии в Петропавловском соборе начинал божественную литургию в ожидании прибытия процессии. По этому сигналу все участники траурного действа занимали свои места: знатные особы и духовенство – в императорском дворце, остальные – в оговоренных домах по маршруту. Перед выходом императорской

фамилии по пущенной ракете давался из крепости второй сигнал тремя пушечными выстрелами, по нему вся процессия должна была построиться, включая тех, кто был назначен к несению регалий. По прибытии царской семьи в Траурную залу члены Синода с придворным духовенством отправляли литию, по окончании которой генерал-адъютанты (со второй половины XIX в. – великие князья) снимали императорский гроб с возвышения, накрывали крышкой, далее, следуя за священниками, поющими «Святый Боже», несли его по парадной лестнице, покрытой черным сукном, и устанавливали на Печальную колесницу. Чем ближе к Печальной колеснице находился участник действа, тем выше было его положение в обществе. Назначенные к держанию штанг и шнурков балдахина ожидали выноса тела на своих местах, все лица, стоявшие в центре процессии ближе к телу усопшего государя, составляли элиту общества. Например, при погребении императора Николая I эту почетную миссию выполняли: у штанг четыре генерал-адъютанта – бароны К. К. Притвиц и П. А. Вревский, Я. И. Ростовцев, В. И. Назимов; при кистях – генерал-адъютанты В. К. Кнорринг 1-й, граф П. А. Клейнмихель, Ф. Ф. Берг, С. П. Сумароков, К. К. Засс, барон Е. Ф. Мейендорф, А. И. Фельдман, А. И. Толстой и генерал-майоры свиты его величества М. В. Пашков, В. М. Шварц, В. И. Назимов, Д. В. Путята и князь В. А. Долгоруков 2-й; передние кисти покрова поддерживали генерал-майоры князь А. Ф. Прозоровский-Голицын и Н. Н. Анненков 5-й.[580]

Начало движения определялось по пущенной ракете. Из крепости начиналась пушечная пальба каждую минуту по одному выстрелу, а в придворной и прочих церквях, мимо которых проходил кортеж, перезвон. В шествии находились военные музыканты – трубачи и барабанщики.

Печальная процессия была кульминацией всех траурных мероприятий. Граф де Гордт, находившийся не по своей воле в тот момент в России, оказался вынужденным свидетелем похорон императрицы Елизаветы Петровны: «Церемония эта была очень пышна и великолепна, но вместе с тем и очень мрачна, на всем пути от самого дворца до церкви, по всем прилежащим улицам и на льду через Неву, положили доски в роде моста. В 10 часов утра раздался благовест со всех церквей, и войска вытянулись шпалерами на всем протяжении, по которому следовала процессия. Триста человек первого гвардейского полка открыли шествие, и более трехсот священников в полном облачении и с пением следовали за ними, по двое в ряд. Все короны и ордена… были несены вельможами, шедшими один за другим, в

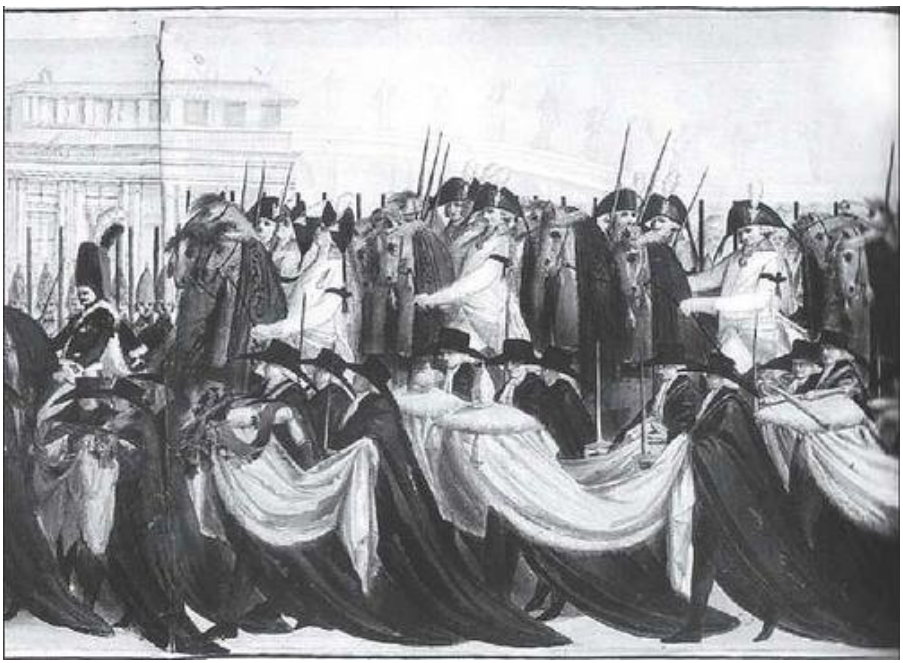
сопровождении камергеров. Всадник, одетый с головы до ног в латы, ехал на парадной лошади, которую вели два конюха. Гроб, покрытый черным сукном и богато украшенный серебряною парчою, был поставлен на колесницу, запряженную в восемь лошадей и убранную черным бархатом. Балдахин, отделанный таким же образом, был поддерживаем генералами и сенаторами, которые имели ассистентами гвардейских офицеров. Вслед за гробом шел император (Петр III. – *М. Л.*), одетый в большой черный плащ, который несли двенадцать камергеров, держа каждый по зажженной свече. За императором следовал, как самый близкий из родственников, принц Георг Голштинский, а за ним – принц Голштейн-Бекский (оба – дяди Петра III. – *М. Л.*). Государыня (Екатерина II. – *М. Л.*) шла также пешком, держа в руках зажженную свечу, и точно так же облаченная в плащ, который поддерживали придворные дамы. Триста гренадеров замыкали шествие. Лишь только поезд тронулся, началась пальба из пушек, по выстрелу в минуту, и продолжалась до тех пор, пока гроб не был внесен в церковь, а затем последовало триста выстрелов из крепости и адмиралтейства. Тот же порядок был соблюден и по окончании погребения, во время возвращения всех присутствовавших во дворец. В этот день все обедали у себя дома и вечер проводили в уединении, как будто общая скорбь была вполне искренна и действительна; но на другой же день не было и речи об императрице Елисавете Петровне, точно она никогда и не существовала. Таково обычное течение всех дел мира сего: все проходит, все забывается!»[581]

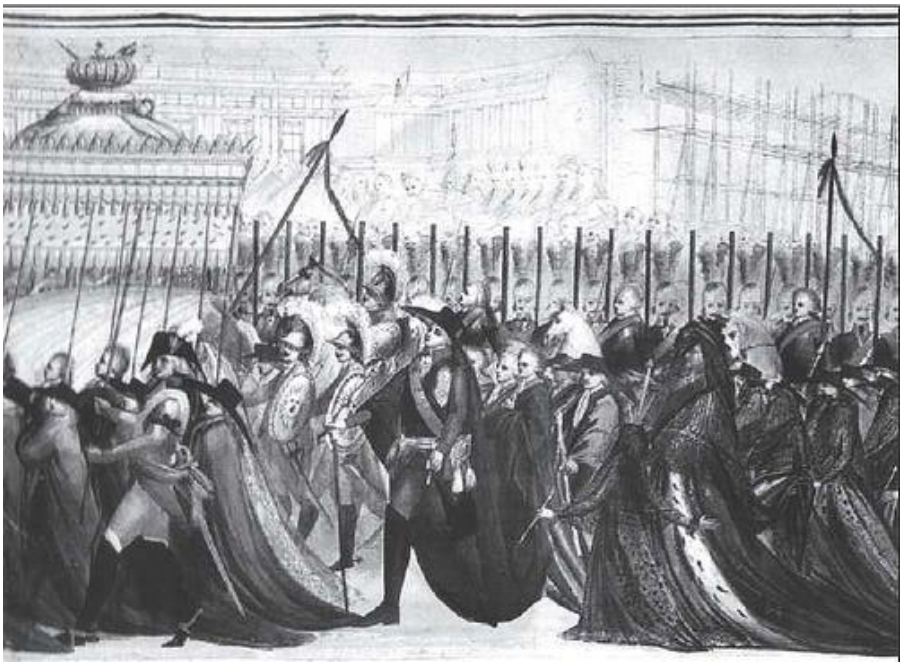
Кроме эмоциональной оценки события интересно проследить и верность церемонии, сформированной со времен Петра I и сохраненной в дальнейшем его преемниками на российском престоле с некоторыми вариантами, обусловленными конкретной политической ситуацией, личностью ушедшего и вступившего на престол монархов. В процессии находили отражение свершения усопшего самодержца, социально-политические, дипломатические, территориальные, этнографические, культурные, эстетические и прочие завоевания прошедшего царствования, выраженные через подбор участников, регалий, элементов символического значения.[582] Государственные похороны поддерживались звуковым сопровождением – гремели пушки, звонили церковные колокола, играла военная музыка.

Вся процессия состояла из отделений, каждое из которых должно было отражать одну из сторон деятельности правителя, представлять определенную группу лиц, связанных политическими, личными, родственными узами с усопшим. Каждое отделение выводили церемониймейстеры. Если

отделения делились на подгруппы, то им предшествовали маршалы. Все роли были расписаны и определялись социальным статусом участника шествия. Главный принцип построения – по старшинству, младшие по чину – впереди. За цереме́ониймейстером, открывающим процессию, следовал военный оркестр, составленный из литаврщиков и трубачей.

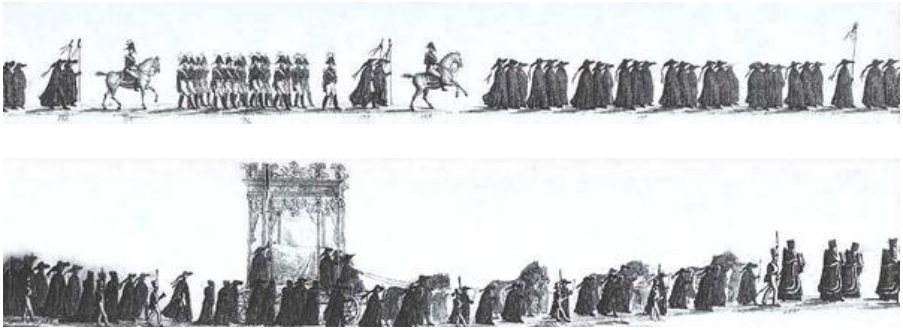
Шествие начиналось и завершалось почетным караулом, составленным из различных полков лейб-гвардии. В первом отделении шли придворные служители, по роду службы близкие покойному: лакеи, скороходы, камер-лакеи, официанты, пажи, камер-пажи. Следующее отделение служило иллюстрацией полного титула императора, ибо включало знамена с изображением гербов территорий, входивших в состав Российской империи, за которыми следовали лошади «того же знамени» под попоной с изображением герба. Так, при похоронах Елизаветы Петровны к тридцати двум знаменам, несомым в кортеже прибавилось еще одно – оренбургское, впоследствии не употребляемое. При совместных похоронах Екатерины II и Петра III впервые появилось знамя шлезвиг-голштинское, за ним следовала лошадь под чепраком, украшенным соответствующим гербом. Шлезвиг-Голштинский герб появился и в ряду гербов главных областей России, ибо Петр III являлся еще и герцогом Шлезвиг-Голштинским, что было закреплено в титуле российского монарха. Также были добавлены знамена: мстиславское, витебское, карельское, семигальское, курляндское, подольское, волынское, литовское и таврическое, они свидетельствовали об успехах политики Екатерины II.





Печальная процессия императора Петра III. Вторичные похороны 1796 г. Фрагменты

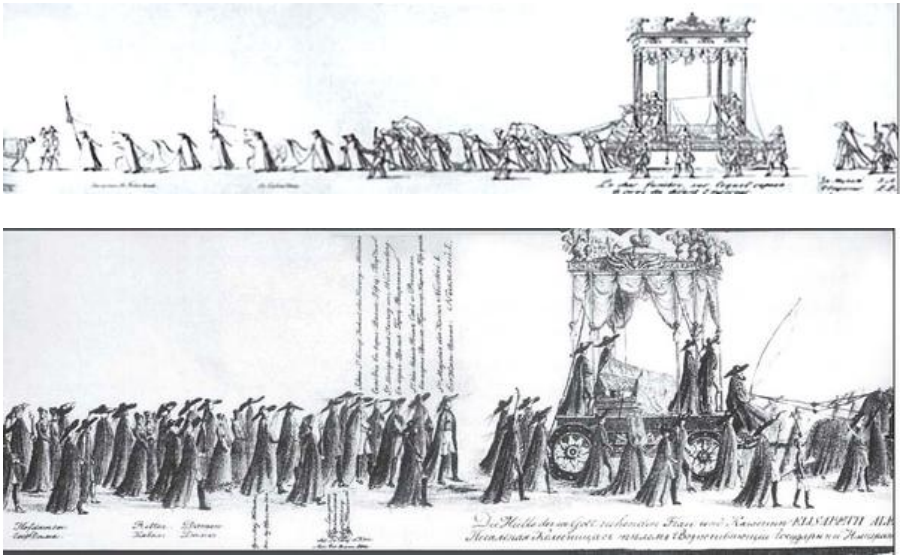
Количество и состав гербов, представленных в траурной процессии, соответствовал изменениям в титуле монарха. Например, при похоронах императора Павла I шлезвиг-голштинское знамя несли в одном отделении, а в другом отдельно шлезвигское, голштейнское, стормарнское, дитмарсенское, ольденбургское и дальменгорстское знамена, а также знамя ордена Св. Иоанна Иерусалимского, соответствующий ему герб был добавлен к главным гербам. При похоронах императора Александра I дельменгорстский герб был опущен, но появились финляндский и польский, эмблем великого магистра ордена Св. Иоанна Иерусалимского уже не было, так как Александр Павлович уже не был главой его. В похоронах императора Николая I был представлен родовой герб Романовых, впоследствии видоизменявшийся, а также армянский, белостокский и самогитский гербы.[583] Такое же количество гербов в том же порядке были задействованы в последних торжественных императорских похоронах XIX в. – Александра III.[584]



Похороны императора Павла I. 1801 г. Печальная процессия. Фрагменты

Кроме государственной символики, задействованной в шествии, всегда привлекали внимание знамена, отражающие главные функции правителя – воителя, защитника своей страны, командующего армией и флотом. В первую очередь к ним относились военное красное знамя с кистями и бахромой с изображением двуглавого орла с Московским гербом на груди и адмиралтейский (судовой) штандарт. В «Описании погребения… императора Николая I» говорится, что на адмиралтейском штандарте представлены четыре моря, «на коих развевается военный флаг России, а именно: Белое, Балтийское, Черное и Каспийское».[585] Черное море указано ошибочно. Согласно описанию адмиралтейского штандарта, данному Петром I в 1712 г., на штандарте изображены: «…в обоих же главах и ногах 4 карты морских: в правой главе Белое море, в левой – Каспийское, в правой ноге Палас Меотис (Азовское море. – *М. Л.*), в левой – Синус Финикус и пол Синуса Ботника и часть Ост Зее (Финский залив с частичным изображением залива Ботнического и Балтийского моря. – *М. Л.*)».[586] Идеи преемственности власти и невозможности оставления престола «порожним», по образному выражению Екатерины II, соответствовали: знамя из черной тафты с двуглавым орлом, на груди которого помещался Московский герб, и белое – радостное знамя, также украшенное государственным гербом. Эту тему поддерживали в Печальном шествии два латника, о которых говорилось выше: печальный – в черных латах, идущий с опущенным вниз мечом, и радостный – в золоченых латах, следующий верхом с ярким плюмажем на шлеме и мечом, поднятым вверх. Роли латников, как остальные, были расписаны, например, при совместных похоронах Петра III и Екатерины II рыцарем в позлащенных латах был капитан Манштерн, а печальным латником в черных латах, держащим

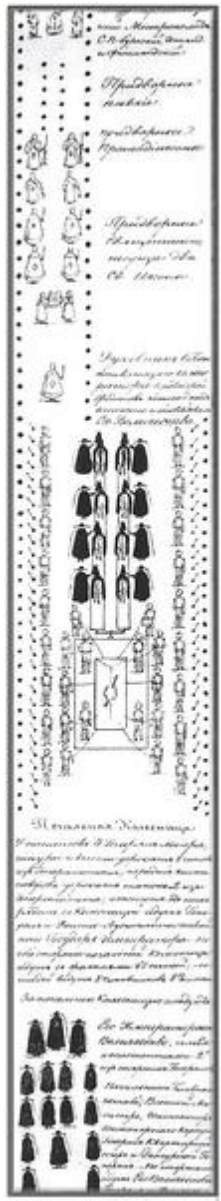
обнаженный меч вниз с эфесом, обвитым черным флером, – конюшенный капитан Иван Дерюгин.[587]



Похороны императора Александра I. Печальная процессия. 1826 г. Фрагменты

Когда тема преемственности власти была отработана зримыми образами, то возвращались к символам, к которым, в частности, относилось «Печальное» знамя, оно было сшито из черной тафты, но не имело никакого орнамента. Родовой герб императора и гербы провинций Российской империи повторялись в Печальном шествии несколько раз. Кроме уже обозначенных знамен с гербами, сопровождаемых лошадьми с тем же изображением, особо значимые гербы были представлены отдельной группой. Так, при похоронах императора Николая I назначенные лица, представлявшие министерства и департаменты, несли на щитах, обвитых черным и белым крепом и увенчанных императорской короной, после родового Романовского (официально утвержденного уже при новом императоре Александре II) следующие гербы в последовательности, соответствовавшей значимости «старых» и вновь приобретенных территорий в иерархии Российской империи: таврический, сибирский, финляндский, польский, астраханский, казанский, новгородский, владимирский, киевский, московский. Как бы подводя итог, за ними следовал Государственный большой герб, представлявший собой «императорского» двуглавого орла с помещенным на его груди

московским гербом Георгием-Победоносцем, окруженным цепью ордена Святого апостола Андрея Первозванного, вокруг орла были расположены областные гербы, уже представленные ранее в знаменах и на попонах лошадей. Как мы видим, государственная символика повторялась в шествии неоднократно.



Печальный кортеж императрицы Елизаветы Алексеевны. 1826 г.

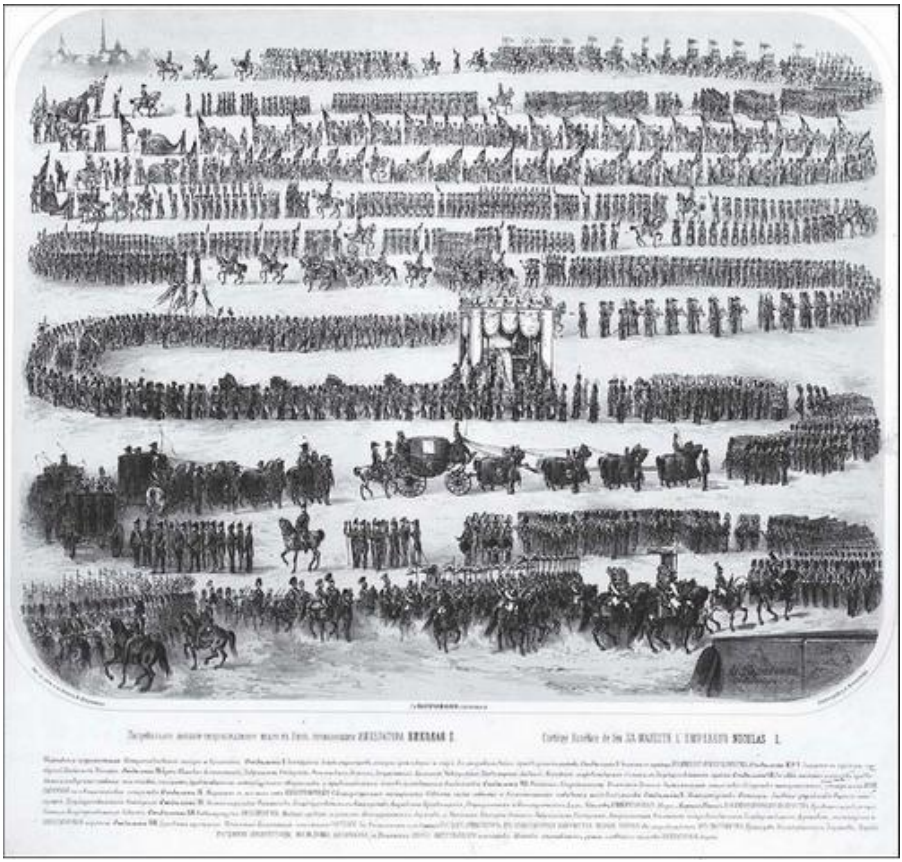
В процессии обязательно принимала участие любимая лошадь покойного под богатой попоной, ведомая отдельной группой полковников и конюхов, а иногда и несколько лошадей «седла его императорского величества». В похоронных процессиях императриц-соправительниц вместо лошади следовал любимый экипаж усопшей государыни, на котором она выезжала в торжественные дни.

После представления государственных гербов следовали депутации, представляющие различные сословия Российской империи: ямщики, мещане, купцы, русские и иностранные ремесленники, дворяне, начиная с Санкт-Петербургской губернии, гражданский губернатор, председатель и члены губернского правления, потом – представители земства, судебных учреждений и пр. После отмены крепостного права крестьяне стали полноправными членами общества, и депутации от крестьян внесли разнообразие в формирование Печальной процессии.

В Печальной процессии были представлены интересы страны в сфере экономической. Без финансов нет благоденствия общества, а Печальное шествие должно было обозначить приоритеты предыдущего правления и в этой сфере, поэтому в XIX в. данное направление политики государства находило конкретное отражение в похоронах императора. Например, в траурном шествии императора Николая I принимали участие Российско-Американская компания, Императорское Вольное экономическое общество.

Социальную сферу представляли Попечительное общество о тюрьмах и Императорское человеколюбивое общество. Члены императорской семьи, осознавая важность заботы о подданных, возглавляли и участвовали в различных богоугодных и благотворительных организациях, представленных в процессиях. Наиболее полный список таких организаций и обществ можно найти при похоронах Александра III, в которых принимали участие кроме уже названных: Высочайше утвержденный Санкт-Петербургский комитет для разбора и призрения нищих; Дом призрения душевнобольных, учрежденный государем императором Александром Александровичем; Российское Общество Красного Креста; императорские общества, находившиеся под Высочайшим покровительством: православное Палестинское, садоводства, русское музыкальное, минералогическое, любителей древней письменности, поощрения художеств, историческое, географическое, археологическое, спасания на водах и др. В траурных процессиях императоров шли опекуны, их выводил в процессии маршал от Санкт-

Петербургского Опекунского совета, ибо император, занимаясь социальной сферой, подавал пример своим подданным, которые были в состоянии позаботиться о сирых и убогих, и направляли свои усилия в нужном для государства и его жителей направлении.



И. Шарлемань. Похороны императора Николая I. Печальная процессия. 1855 г.

Не были обойдены вниманием различные министерства и воспитанники учебных заведений, готовившиеся к почетной должности государственных чиновников. Шли делегации и их воспитанники от министерств: Юстиции, Главного управления путей сообщения, Государственного контроля, Финансов, Государственных имуществ, Почтового департамента, Народного просвещения, Внутренних дел, Иностранных дел, Конторы собственного его величества дворца и Конюшенной части, от Министерства уделов, ведавших собственностью главных

владетелей земли русской – ее правителей, от Министерства Императорского двора, от Морского, от Главного штаба и Военного министерства, Медико-хирургической академии, Ракетного заведения, Академии наук, Академии художеств.

Государственный аппарат был представлен Правительствующим сенатом со всеми своими штатами, чиновниками канцелярий территорий, входящих в состав Российской империи: царства Польского, Великого княжества Финляндского. В шествии обязательно принимали участие особо доверенные высокопоставленные лица: министры и статс-секретари, в том числе Государственный статс-секретарь, члены комиссии для принятия прошений, члены Государственного совета, к которым присоединялись грузинские царевичи.

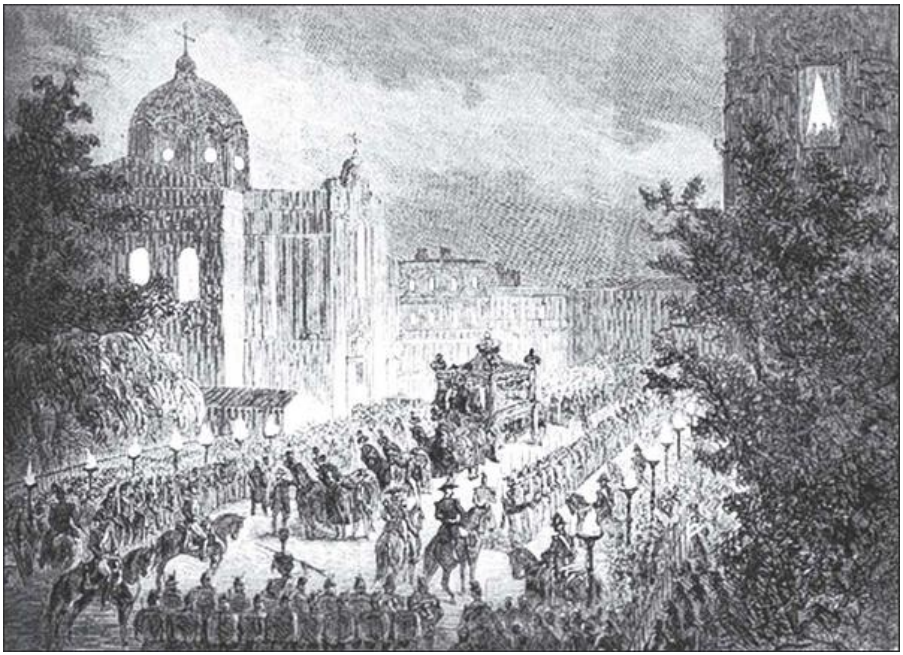
Главные приоритеты в деятельности ушедшего правителя находили отражение в формировании состава Печального шествия. Кроме этого, внимание всего мира привлекалось к личным достижениям усопшего чрез представление его орденских знаков, как иностранных, так и российских, их назначенные особы несли на особых «регальных» подушках во время процессии и устанавливали на специально приготовленных табуретах в Петропавловском соборе до момента похорон. Это были ордена, медали, знаки отличия, выставленные в Траурной зале. Построение кавалеров шло по принципу старшинства – «младшие впереди». Последним несли высший орден в Российской империи – святого апостола Андрея Первозванного, главой которого был император, после него наступала очередь государственных регалий, украшавших до этого Castrum Doloris покойного монарха.

К регалиям относилось Государственное знамя, или Панир. Панир, использовавшийся в XIX в., был сделан во времена Александра I, хранился в Оружейной палате Московского Кремля и представлял золотое поле с изображением двуглавого орла с Московским гербом на груди, окруженного всеми гербами российских областей.[588] Инсигниями, представленными в шествии, были короны, украшавшие Castrum Doloris усопшего императора. В XIX в. порядок несения корон был следующим: грузинская – таврическая – сибирская – польская – астраханская – казанская. К государственным регалиям, задействованным в траурной процессии, относились Государственная держава и скипетр. Кроме корон, всегда употреблявшихся в Печальном шествии, особого внимания заслуживает несомая со времен Петра I и являвшаяся главным символом Российской империи и важнейшим атрибутом императора Большая Императорская корона, участвовавшая в Печальном шествии только императоров

и императриц-правительниц.

Так как последним погребением монарха в Российской империи стали похороны 1894 г., то «Высочайше утвержденный церемониал перенесения тела в Бозе почившего благочестивейшего государя императора Александра III» может дать представление о том, как к концу XIX в. сформировался порядок несения государственных регалий во время Печального шествия. Отделение 132 траурной процессии «Императорские регалии: Императорское знамя – Императорский Щит – Императорский Меч – Корона Грузинская – Корона Таврическая – Корона Сибирская – Корона Польская – Корона Астраханская – Корона Казанская – Государственная Держава – Государственный Скипетр – ИМПЕРАТОРСКАЯ КОРОНА».[589]

Все государственные регалии, за исключением знамени, несли, как и орденские знаки, на глазетовых золотых подушках, обложенных серебряным широким газом с серебряными кистями. Особы для несения «кавалерий» и регалий, назначались на свою ответственную и почетную роль действующим императором и представляли узкий круг особо приближенных, обычно это были особы 2-го класса по Табели о рангах, ассистентами назначались лица 3-го класса. Правда, иногда мотивы для выбора лиц для столь высокой роли зависели от личных привязанностей самодержца. Так, например, при похоронах Екатерины II и Петра III по непонятной причине несение Владимирской ленты, которую имели многие, было поручено Павлом I генерал-прокурору, считавшемуся вторым лицом империи, а державу, третий священнейший знак царской власти, нес обер-шенк – начальник царского погреба. Чиновник Экспедиции церемониальных дел, изучавший старые документы, не удержался от выражения своего недоумения по поводу нарушения протокола, как это было уже в случае определения количества факельщиков для Печальных шествий XVIII в. Церемониал погребения 1796 г. получил примечание в 1842 г.: «О, старина!»[590]



Похороны цесаревича Николая Александровича: перенос тела в русскую церковь Св. Николая и Св. Александры. 1865 г. Гравюра по рисунку Лието. Ницца. Библиотека де Сессоль

Так как регалии представляли особую ценность в плане историческом и материальном, им в XIX в. требовалась дополнительная охрана, так же как и членам императорской фамилии. Поэтому по обе стороны процессии от орденов и регалий до окончания прохода родственников усопшего императора шествие сопровождалось военными. При похоронах Николая I тянулись цепью кадеты и подпрапорщики. В 1894 г. шпалерами следовал батальон Павловского военного училища. [591] На похоронах императрицы Марии Александровны в 1880 г. также шпалерами шли роты его величества полков лейб-гвардии Преображенского и Семеновского. [592]

За регалиями шествовало духовенство, что соотносилось с государственной идеологией, сохранявшей православие главной государственной религией. Группу духовенства открывали низшие церковнослужители – дьячки с хоругвями, свечами и крестом, за ними следовали архиерейские певчие, приходские дьячки, епархиальные дьяконы. По восхождению значимости чина их сменяли священники и архиереи с хоругвями, иеродиаконы и иеромонахи, архимандриты и архиереи, митрополит Санкт-Петербургский с иподиаконами и посошниками, несущими

хоругви, придворные певчие, псаломщики, протодиаконы, протоиереи, придворное духовенство, члены Святейшего синода, настоятели и священники особо значимых соборов Благовещенского, Петропавловского, Исаакиевского с образами и без них, каждый со свечами. Духовное отделение Печальной процессии обычно бывало многочисленным. На пышных похоронах императрицы Елизаветы Петровны, устроенных ей племянником Петром III, современники отмечали «много духовных лиц» – перед гробом шествовало 413 человек духовного звания,[593] в совместных похоронах Петра III и Екатерины II принимало участие 360 человек духовенства.[594]

Отдельно шел духовник усопшего монарха с иконой в руках, он часто не сохранял при новом правителе свою должность, но в данном случае сопровождал в последний путь свое «духовное чадо». При похоронах Екатерины II в шествии принимали участие два духовника: отец-духовник Исидор Петров, бывший гатчинский протопоп, которого новый император Павел Петрович нарек своим духовником, сделал членом Святейшего синода и наградил орденом Св. Анны через 10 дней после смерти матери,[595] и уже бывший духовник Екатерины II Савва Исаев с Федоровским образом Богоматери, находившимся в опочивальной императрицы.[596] Перед гробом императрицы Марии Федоровны следовал ее духовник протоиерей Николай Криницкий с иконой.[597] Императоров Николая I и Александра II, императриц Александру Федоровну и Марию Александровну провожал в последний путь их духовник протопресвитер Василий Бажанов.[598] Протопресвитер Иоанн Янышев сопровождал Печальную процессию Александра III.[599] Из наиболее известных духовных деятелей, присутствовавших на похоронах 1894 г., следует отметить отца Иоанна Кронштадтского.[600]

Обычно отделение духовенства предваряло главную группу траурного шествия – Печальную колесницу с гробом усопшего монарха и следующими за колесницей членами семьи покойного. Такое построение на протяжении всего XIX в. соответствовало распределению акцентов в политике государства – армия, флот, социальная и сословная сфера, государственность, религия, самодержавие.

Участники Печального шествия уже отправлялись в путь, а члены императорской семьи еще находились в Зимнем дворце, присутствуя на краткой литии по усопшему императору, после окончания которой восемь флигель-адъютантов (со второй половины XIX в. – великих князей) покрывали крышкой гроб, снятый с катафалка гренадерами дворцовой роты с помощью великих князей, и относили его к Печальной колеснице.

Последние указания давал новый самодержец, он, сев на лошадь, командовал собравшимся на большом дворе об отдании чести усопшему предшественнику, так часто водившему своих боевых товарищей к победам.[601] После этого ритуала действующий монарх сходил с лошади, чтобы в пешем строю сопровождать гроб с телом к месту последнего упокоения.

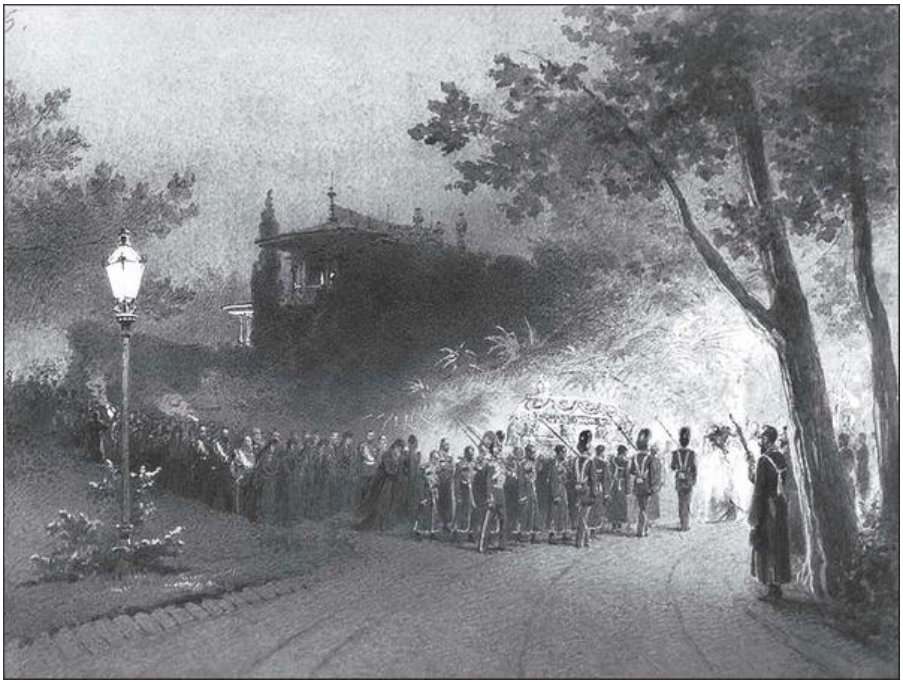
Печальная колесница в XIX в. делалась по традиции. Например, колесница Николая I, обитая черным бархатом, была под золотым глазетовым балдахином, над которым возвышалась императорская корона, окруженная двенадцатью золотыми шлемами с опущенными забралами и белыми страусовыми перьями. На этой колеснице помещался обитый золотой тканью гроб с посмертными останками императора. Казацкая Атаманская шапка, шарф, сабля, которые носил при жизни Николай Павлович, были укреплены на покрове гроба в виде Императорской мантии. По сложившейся традиции у штанг балдахина, при кистях покрова на гробе были генералы, близкие усопшему императору при жизни. Печальную колесницу обычно вели восемь лошадей под черными попонами с прикрепленными на них двуглавыми орлами, запряженных цугом. По обеим сторонам траурного поезда следовало шестьдесят факельщиков, на их должность в траурное шествие набирались со второй половины XIX в. пажи, чьим отличительным знаком был траурный шарф. За гробом предшественника пешком следовал новый император, уже принявший эстафету власти. Скорбь соединялась с ответственностью за страну, которую возлагал на свои плечи новый властитель. Государю-императору ассистировали генерал-адъютанты, министр Императорского двора, военный министр и другие особо значимые лица из окружения. Если прямой потомок или наследник отсутствовали, то усопшего провожали в последний путь ближайшие родственники согласно иерархии. Например, при похоронах четырнадцатилетнего императора Петра II за гробом следовали две его тетки: цесаревна, впоследствии императрица, Елизавета Петровна и царевна Екатерина Иоанновна, герцогиня Мекленбургская, каждая с ассистентами.[602] Следом за основными преемниками шли ближайшие родственники, в порядке старшинства родственных связей по нисходящей линии значимости. Так, за гробом императрицы Елизаветы Петровны в группе родственников, следующих за Петром III и императрицей Екатериной Алексеевной, будущей Екатериной II, шествовал фельдмаршал Российской империи герцог Георг-Людвиг Шлезвиг-Голштинский и герцог Петр-Август-Фридрих Голштейн-Бекский.[603]

Как должна была строиться родственная группа, можно

рассмотреть на примере траурных мероприятий 1796 г.[604] Вслед за духовным отделением везли катафалк с телом Екатерины II, за ним – останки Петра III. За гробом отца пешком шел Павел I в мундире и «долгой Печальной мантии», шлейф которой несли камергеры. Ассистентами императора были генерал-аншеф граф Иван Петрович Салтыков и адмирал Алексей Наумович Синявин. За супругом также пешком шествовала императрица Мария Федоровна с двумя ассистентами в чине генерал-аншефов, в глубоком трауре под черным на голове покрывалом, шлейф, несомый камергерами, простирался на 4 аршина (2 м 84 см). За матерью следовал цесаревич Александр Павлович в мундире и Печальной мантии, шлейф которой нес камергер. Далее таким же манером – великий князь Константин Павлович, за ним – цесаревна Елизавета Алексеевна и великая княгиня Анна Федоровна в глубоком трауре, их шлейфы несли камер-юнкеры. Ассистентами у них были генерал-поручики. Подле гробов шли «ассистентами яко сродники» обер-шталмейстер Лев Александрович Нарышкин и штат-дама графиня Екатерина Васильевна Скавронская, за ними – гоф-мейстерина Анна Никитична Нарышкина, фрейлины, кавалеры, придворные, лейб-медики и лейб-хирурги, гоф-хирурги, потом – камер-юнгферы и прочие девицы, камердинеры и прочие «ближные комнатные» покойной императрицы. За ними завершали шествие особы обоих полов первых четырех классов. Процессия следовала 1 час 40 минут.

В XIX в. императорская семья разрослась, и родственная группа стала более многочисленной. В нее кроме собственно близких входили великие княгини, бывшие замужем за представителями равнородных правящих европейских фамилий, их супруги. Брак великой княжны Екатерины Павловны и герцога Георга Ольденбургского ввел в императорскую семью принцев Ольденбургских и, соответственно, представил их в главных церемониальных выходах. Их императорские высочества князья Романовские герцоги Лейхтенбергские – дети великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского, получившие права членов императорской семьи от своего деда Николая I, впервые проследовали за его гробом, а впоследствии представители этого семейства составляли свою подгруппу в родственном отделении на всех прочих мероприятиях подобного рода. Отразились на составе родственной группы и последствия внебрачных связей монархов. Так, своеобразно были представлены графы Бобринские, потомки Екатерины II и Г. Г. Орлова. В отделение императорской фамилии они не входили, однако сопровождали ее членов.

Например, при похоронах Николая I егермейстер граф П. К. Ферзен ехал верхом рядом с каретой великих княгинь на пару со шталмейстером графом А. А. Бобринским.[605]



М. Зичи. Похороны императора Александра III. Печальная процессия в Ливадии. 1894 г.

На последних императорских похоронах XIX в. за катафалком отца шел Николай II с принцем Уэльским, великие князья и свита сопровождали гроб, а государыня Мария Федоровна, королева греческая Ольга Константиновна, «высоконареченная невеста государя» Александра Федоровна, великие княгини и принцессы следовали в траурных каретах.[606]

Провожали в последний путь монархов и лица из ближайшего окружения. Они были распределены на различные роли в траурной процессии: у штанг балдахина над гробом, при кистях от покрова, для несения регалий, орденов, медалей, знаков отличия и пр. Те, кто не был задействован специальным образом в Печальной процессии, шли особой группой. Также шли пешком боевые товарищи покойного императора: генералы свиты, генерал-адъютанты, флигель-адъютанты и т. д. За группой мужчин – родственников и друзей следовала группа родственниц-женщин и прочих членов семьи, которые обычно в XIX в. уже не

шли пешком, а сопровождали шествие в каретах вплоть до места упокоения в Петропавловском соборе. Траурные кареты императриц, как вдовствующей, если таковая была, так и новой, были запряжены восьмью лошадьми, это полагалось по царскому чину, так же как и Печальной колеснице. Чем длиннее линия родственной связи, чем далее от возможного престолонаследования находился представитель фамилии, тем меньше лошадей полагалось для его/ее траурной кареты. За родственниками, обычно в каретах, провожали монарха в последний путь дамы, обладательницы придворных чинов: статс-дамы, гофмейстерины, камер-фрейлины, фрейлины. Пешком следовали кавалеры: камергеры, камер-юнкеры, лейб-медики, ближайшие служители, верховный маршал Печальной комиссии и члены ее. Все шествие заключали чины лейб-гвардии.

М. Зичи. Спуск гроба с телом Александра III в Севастополе. 1894 г.

Похороны женщин императриц-соправительниц отличались от похорон их мужей в деталях с сохранением торжественности, большого количества участников, принципа составления печальной процессии. При похоронах императриц к гербам добавлялись их родовые – вюртембергский для Марии Федоровны, баденский для Елизаветы Алексеевны и т. д. В

траурных мероприятиях императриц-соправительниц XIX в. эмблемы, относящиеся к царствующему императору, опускались. При знаменах, например, не было лошадей, не было ни военного штандарта, ни Адмиралтейского, ни радостного знамени, символизировавшего переход власти к новому монарху. Отсутствовал латник в золотой броне, не соответствовавший идее императрицы как супруги императора, которой отводилась не роль защитницы и воительницы, а помощницы мужа в его нелегком деле управления империей, оберегательницы семейного очага и защитницы слабых и немощных. В связи с иным подходом к личности усопшей императрицы любимая лошадь, хотя она и могла быть в реальной жизни, как символ боевого товарища, естественно, не могла принимать участие в церемонии. Вместо лошади в Печальном шествии следовала парадная карета императрицы. Из многого количества государственных регалий использовалась Малая Императорская корона, остальные, такие как скипетр, держава, щит, меч и пр., не были задействованы.

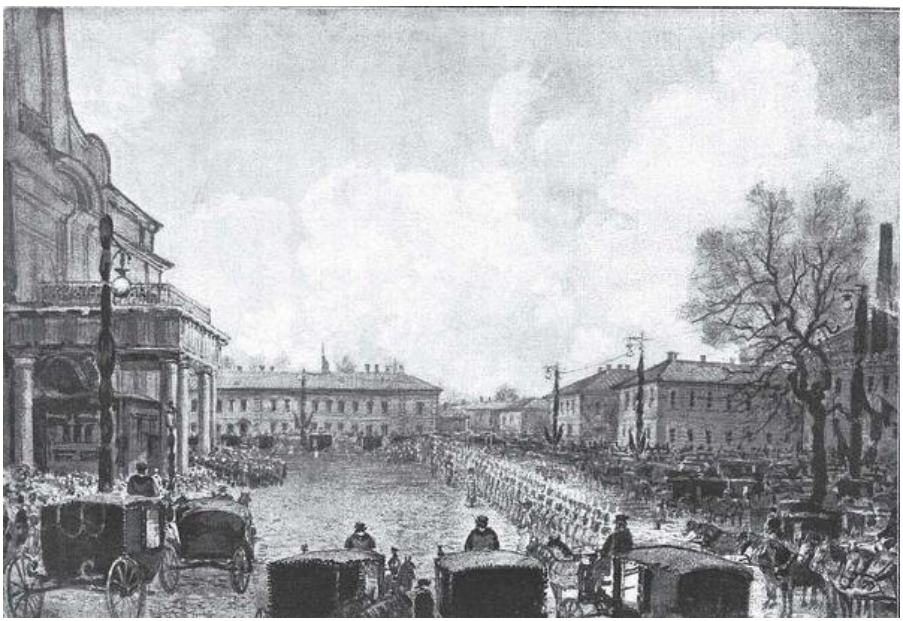
Похороны императора Александра III. Прибытие гроба с телом Александра III в Петербург. Фото 1894 г.

Наука и искусство были представлены депутациями от Академии наук и художеств, Санкт-Петербургского университета и прочих учебных заведений. В похоронах императриц XIX в. принимали участие делегации от ведомства императрицы Марии

Федоровны, созданного супругой Павла I и традиционно находившегося под покровительством первой дамы государства. С середины XIX в. в группу богоугодных заведений входили делегации от общества Красного Креста. Представлен был и созданный при Павле I Департамент уделов.

Открытие благотворительных и учебных учреждений, приращение территорий, расширение родственных связей, усиление позиций страны на мировой арене – все находило отражение в траурной процессии через зримые образы и участников траурного действа: депутации, гербы, знамена, короны, ордена и пр.

Неизменным оставался принцип построения процессии: от менее важных участников по возрастающей линии значимости до духовенства и государственных регалий, предваряющих колесницу с телом монарха, за которой следовал император, представители семьи, родственники, окружение по нисходящей степени приближенности. На весь путь требовалось не менее двух с половиной часов, иногда и более.



Похороны императора Александра III. Почетный караул у Петропавловского собора. 1894 г. Журнальная иллюстрация

По прибытии колесницы к паперти Петропавловского собора лица, имевшие право на присутствие в соборе, занимали назначенные им места. Остальные отсылались, сдав казенные

епанчи и шляпы.[607] Печальное шествие растягивалось, поэтому во второй половине XIX в. организаторы действа могли пойти на то, чтобы не все участники процессии входили на территорию Петропавловской крепости. Например, в 1894 г. с приближением Печального шествия к Петропавловской крепости первые десять отделений не должны были даже сворачивать на Ново-Кронверкский мост, а, повернув на Троицкую площадь и пройдя через нее мимо церкви Св. Троицы и провиантских магазинов, проследовать к домику Петра I, сдать знамена, гербы и маршальские жезлы назначенным для приема лицам, а затем разойтись.[608]

В соборе регалии устанавливали на табуреты, а гроб тем же порядком, как в Траурной зале, относили на приготовленный катафалк под балдахином. Начиналась панихида, по окончании которой новый монарх, императорская семья, родственники, приближенные, свита и дипломатический корпус отбывали из собора. Около церкви, балдахина и гроба выставлялись дежурные из генерал-адъютантов, генерал-майоров, флигель-адъютантов, особ 2-го, 3-го и 4-го классов, камергеров, камер-юнкеров, камер-пажей, пажей штаб– и обер-офицеров лейб-гвардии, гренадеров Дворцовой роты, подпрапорщиков и воспитанников военно-учебных заведений.[609]

Петропавловский собор во время похорон императора Александра II. Гравюра XIX в.

После перевезения тела монарха Петропавловский собор обычно несколько дней был открыт для желающих проститься с усопшим, и собственно погребение откладывалось на некоторое время. Так, императрица Анна Иоанновна была перенесена в Петропавловский собор 23 декабря 1740 г., а похоронена 15 января 1741 г.[610] Императрицу Елизавету Петровну доставили в Петропавловский собор 5 февраля 1762 г. и отпели, гроб с отпетым телом находился в соборе 22 дня после отпевания и был предан земле 27 февраля 1762 г.[611] Бренные останки императрицы Екатерины II и Петра III были доставлены в

Петропавловскую крепость и отпеты 5 декабря 1796 г., преданы земле 18 февраля.[612] Император Николай I был перевезен 27 февраля, похоронен 5 марта 1855 г.[613] Императрица Мария Александровна перенесена 26 мая, похоронена 28 мая 1880 г.[614] Императора Александра II перевозили в Петропавловскую крепость 7 марта 1881 г.[615] с соблюдением всех возможных мер предосторожности в связи с разгулом терроризма, хоронили 15 марта, но даже в этом случае допуск желающим проститься не запрещался.

Если император умирал далеко от столицы, как это было, например, в 1825 г., принцип построения церемониала не менялся, но в него могли быть внесены некоторые корректировки. Так, 6 марта 1826 г. не в Петропавловский, а в Казанский собор на Невском проспекте прибыл Печальный кортеж Александра I из Чесменской церкви (там гроб был открыт последний раз, семья имела возможность проститься с покойным, и гроб был запаян). Горожане были извещены за два дня до события через столичные газеты и герольдов. В Казанском соборе доступ к гробу был открыт целую неделю с восьми часов утра до семи вечера для всех желающих проститься с императором.

Где бы ни было выставлено тело государя, к нему всегда был открыт допуск желающих для последнего поклонения. Обычно это делалось по специальному графику. Так, во время похорон Николая I с четырех часов ночи до восьми часов утра в собор впускались войска, с восьми утра до двенадцати дня – учебные заведения, с двенадцати до двух доступ был закрыт, так как шла панихида в присутствии императорской фамилии. С двух до четырех часов дня в собор пускались лица первых шести классов по именным билетам Печальной комиссии, с четырех до семи вечера – люди разного звания. Затем в течение двух часов шла панихида в присутствии императорской фамилии, впуска не было. С девяти вечера до двух часов ночи впускались лица разного звания. С двух до четырех часов ночи собор был закрыт.[616]

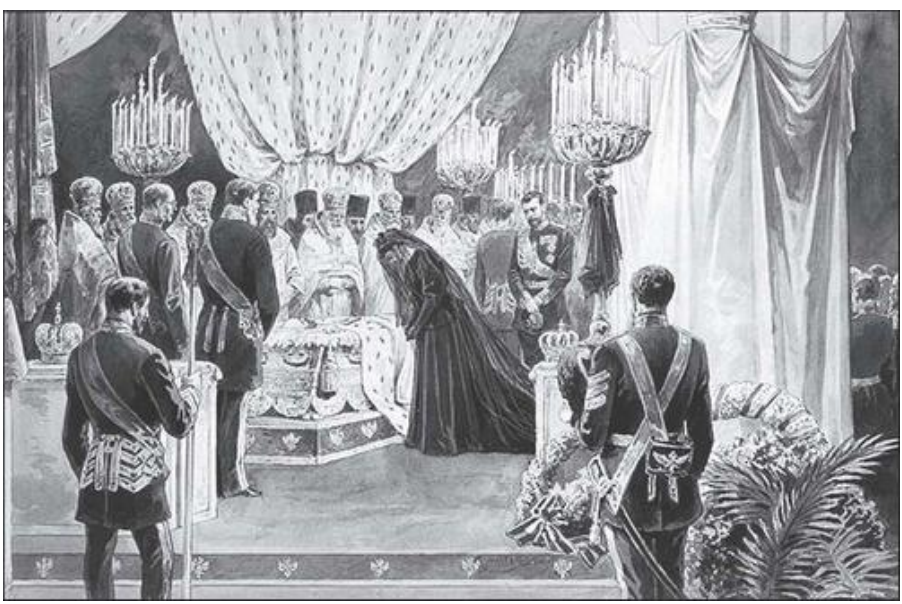
Допуск в собор проводился во второй половине XIX в. по специальным пригласительным билетам, но даже они не могли гарантировать проход к телу монарха. Так, в 1881 г. собор испытывал большой наплыв желающих участвовать в прощании с телом императора Александра II. Многие с билетами прибывали по льду к Невским воротам, но, отстояв три часа, отправились обратно, потому что не смогли пробиться. Пешеходы выходили в два часа ночи и возвращались в десять утра.

Петропавловский собор во время похорон императора Александра III. Вид от алтаря. Худ. Н. Иванов

Погребение

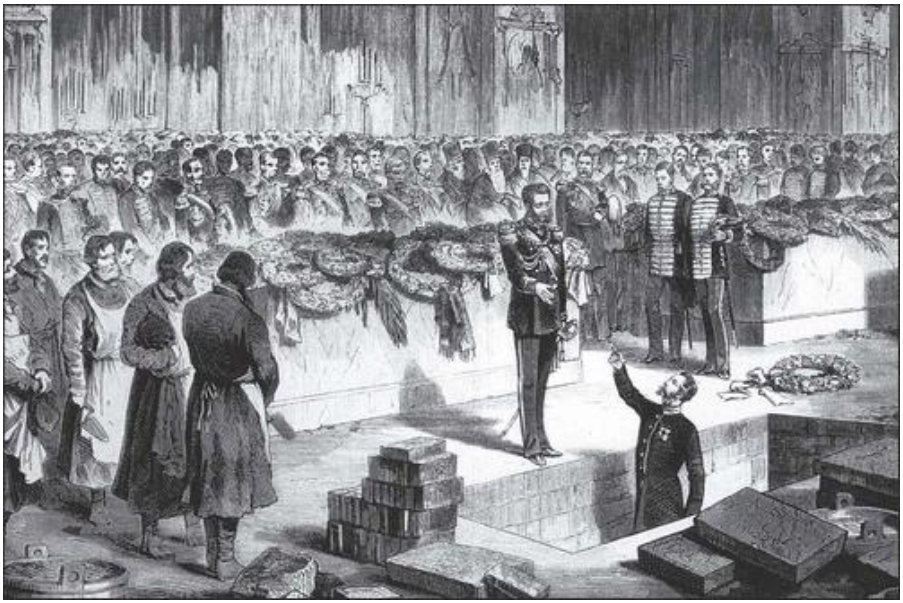
О дне погребения усопшего монарха жителям Санкт-Петербурга сообщали герольды. В день погребения по сигналу, которым служили три выстрела пушек Петропавловской крепости, в Петропавловский собор собирались члены императорской семьи, духовник покойного, придворное и высшее духовенство, приглашенные лица и дипломатический корпус.

Печальный кортеж встречал на паперти митрополит Санкт-Петербургский и члены Синода с крестом и святой водой, все вставали на приготовленные места. Духовенство входило в алтарь и там ожидало окончания литургии, начатой до приезда высоких участников действа. Весь храм был великолепно освещен. По совершении литургии члены Синода выходили из алтаря с назначенным духовенством, и начиналось отпевание по церковному чиноположению. После отпевания отдавалось последнее поклонение, последним подходил новый император. При погребении Александра III восемь генерал-майоров свиты снимали с гроба покров и относили его в алтарь, восемь генерал-адъютантов приносили крышку гроба.[617]



К. Брож. Похороны Александра III в Петропавловском соборе. 1894 г.

Император укладывал в гроб порфиру, после чего прикрепляли крышку, поднимали гроб и вслед за митрополитом несли его к могиле. До середины XIX в. обычно это делали ближайшие генералы, впоследствии в основном великие князья. Так, на похоронах Александра III гроб поднимали Николай II, иностранные августейшие особы и принцы, члены императорской фамилии, министр Императорского двора, генерал-адъютанты и первые чины двора. Тогда совершалась последняя малая лития и при возглашении «Вечная память» гроб опускали в ковчег. Верховный маршал подавал императорской фамилии на блюде песок с лопаточкой для посыпания. Блюдо брали из собора, если не было лопаточки, то ее заказывали. Лопаточка была медной, посеребренной, с черной ручкой.[618] Императорский ковчег запирал один из членов комиссии. Так, в день похорон Александра I ковчег запирал сам император Николай Павлович. В этот момент из крепостных пушек производился траурный салют, причем количество выстрелов не было постоянным. При похоронах Александра III, например, каждое орудие производило по шести выстрелов. Как символ окончания ритуала погребения на флагштоке Нарышкина бастиона Петропавловской крепости после салюта поднимался вместо траурного черного обыкновенный вседневный флаг военно-морской крепости – кейзер-флаг. «Сим заключалось отдание последнего долга незабвенному и вечные славной памяти достойному великому государю всероссийскому императору…»[619] После этого все разъезжались, ключи от ковчега отдавались сначала причту собора, но после того как Николай I установил, что ключи терялись, их стали передавать на хранение людям военным – коменданту крепости.[620] В тот же час начинали заделывать могильный свод. Последнее дежурство продолжалось до заделывания могилы.



А. Бальдингер. Передача ключей от внешнего гроба императора Александра II министру Императорского двора. 1881 г.

В самый день погребения императорские регалии отвозили из Петропавловского собора в Зимний дворец церемониально и определяли на специально подготовленные места в определенных для этого залах дворца. Убранство церкви оставалось неразобранным еще несколько дней для любопытствующих.

Надгробные памятники

Убранство могилы императоров в XVIII–XIX вв. менялось. С середины XIX в. на другой день после захоронения, могло быть и раньше, комиссия покупала, если нельзя было достать из казенного ведомства, белые мраморные плиты. Например, для саркофага императора Александра I и императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны отпускали мрамор со строительства Исаакиевского собора. До 1867 г. надгробия делали из рускеальского мрамора, после 1867 г. использовался заказной итальянский каррарский мрамор[621] и устраивался над могилой саркофаг (надгробие) по примеру уже существовавших. До 1867 г. на надгробии спереди устанавливалась бронзовая вызолоченная доска с вырезанной надписью:

Император №
Сын императора №
И императрицы №
Родился….. год…….. месяц и число
Бракосочетался с №…год, число
Выступил на престол……
Короновался……
Скончался……
Погребен…….

После замены надгробий в 1860-е гг. информация о браке опускалась.

Покров, украшавший императорский гроб, перешивался для накрытия саркофага. Для надгробия также делался чехол из зеленого сукна с вензелем и отделкой из золотого галуна. В конце XIX в. от использования покровов отказались.

Печальная комиссия работала еще две недели после погребения, занимаясь рассылкой счетов, писанием и оформлением отчетов и прочими организационными делами, из которых наиболее важными были хозяйственные. Все вещи, участвовавшие в церемонии, возвращались по принадлежности. [622] Гербы, знамена, латы, жезлы и мечи, полученные из арсенала, отправлялись назад. В Герольдию шли жезлы и старые облачения, взятые для образца, а вновь сделанные траурные одеяния отдавали Александро-Невской лавре. Распределялось «смертное» имущество усопшего государя. Парадная кровать, на которой лежало императорское тело, следовала его духовнику, а шесть лошадей из-под траурной кареты – Санкт-Петербургскому митрополиту. Епанчи, сшитые за счет комиссии и отобранные у разных лиц, раздавались бедным людям и по богадельням. Табуреты и подушки отправляли в Александро-Невскую лавру. Весь бархат, газ, глазет, канделябры и прочие вещи, оставшиеся от украшений Траурной залы и церкви, раздавали по разным церквам. По особому указанию в соответствии с установленным церемониалом Императорскую корону, Государственный скипетр и державу переносили в Бриллиантовую комнату особо назначенные лица, шествие возглавляли обер-гофмаршал и гофмаршал. Регалии, привозимые из Москвы, так же чинно, как были привезены оттуда, отправлялись в Московскую дворцовую контору с особым чиновником комиссии. Туда же следовала корона, заказанная для Печальной процессии, на ней вырезалась надпись: «Корона, несенная при погребении императора №… числа, месяца, года». Она хранилась с прочими в мастерской Оружейной палаты. Погребальные короны императриц Елизаветы

Алексеевны (1826)[623] и Марии Федоровны (1828),[624] а также пластина с погребальной короны императора Александра I[625] находятся в настоящее время в собрании Оружейной палаты.[626] До 1917 г. там же вместе с государственными регалиями России сохранялась витрина с вещами, относящимися к печальным церемониям.

Ордена возвращались в капитул российских орденов. Вещи канцелярские, купленные Печальной комиссией, продавались с публичного торга, а товары и шляпы, взятые от купцов и оставшиеся лишними, им возвращались. Дела комиссии и рисунки переплетали в черный переплет. Мебель и прочее, взятое из придворной конторы, возвращалось по принадлежности. Составленный отчет о тратах комиссия представляла через министра двора императору докладной запиской. Собственно говоря, главной книгой Печальной комиссии был бухгалтерский отчет о тратах, произведенных на государственные похороны. Например, на печальные расходы в 1796 г. ушло 188 830 руб. 50 коп. (ассигнациями), в 1801 г. – 108 218 руб.; погребение императора Александра I обошлось казне в 822 971 руб. 39 1/2 коп. (ассигнациями).[627] Для сравнения, коронационные торжества Александра I стоили 581 518 руб. 39 коп.[628] На погребение императрицы Елизаветы Алексеевны выделили из государственной казны скромную сумму – всего лишь 100 000 руб. (ассигнациями) с тем расчетом, что на оформление пойдут в основном материалы, оставшиеся от погребения Александра I.[629]

После финансового отчета тут же испрашивались награды трудившимся. В подготовке и проведении императорского погребения принимало участие большое количество действующих лиц. Всем им полагалась благодарность от нового монарха. Работа в комиссии и участие в церемонии было удачным способом продемонстрировать себя новому правителю. Все члены комиссии, чиновники канцелярии, церемониймейстеры, купцы, архитекторы, живописцы, герольды получали награды, подарки, медали,[630] а писцам и нижним служителям раздавались деньги. Латники получали подарки в виде специальных аттестатов. Прочим лицам, участвовавшим в церемонии, также изъявлялась благодарность в аттестате. После закрытия Печальной комиссии все ее дела сдавались правительствующему Сенату при рапорте для отправки их в Государственный архив.[631] Печальная комиссия распускалась.

И. Шарлемань. Поклонение могиле императора Николая I. 1856 г.

Траур

По смерти российского императора устанавливался траур, в течение которого следовало носить одежду установленного образца, ограничивались праздники, могли откладываться радостные мероприятия, такие, как, например, свадьба. Траур по императору и правившей императрице назначался на срок в один год. По императрице-соправительнице – 6 месяцев. Траур по великому князю, великой княгине – 3 месяца. По малолетним великим княжнам (дочерям великих князей) – 4 недели. По малолетним великим княжнам (дочерям императора) – 6 недель. Срок траура по усопшим членам семьи мог зависеть от возраста, положения усопшего и желания конкретного правителя. Экспедиция церемониальных дел вела журналы, в которые постоянно вносились сведения о траурах, объявленных при дворе. Для примера можно привести выписку из соответствующего Журнала за 1719–1836 гг.[632]

По особам Российского Императорского дома:

1719 – по наследном цесаревиче Петре Петровиче – год.

1731 – по царевне Параскеве Иоанновне – 6 месяцев.

1733 – по царевне Екатерине Иоанновне герцогине Мекленбургской – 6 месяцев.

1759 – по герцогине Шлезвиг-Голштинской (цесаревне Анне Петровне) – 3 месяца.

1776 – по великой княгине Наталье Алексеевне (жене Павла Петровича) – 3 месяца.

1795 – по великой княжне Ольге Павловне – 4 недели.

1796 – по императрице Екатерине II – год.

1800 – по великой княжне Марии Александровне – 4 недели.

1801 – по императору Павлу I – год.

1803 – по великой княгине Елене Павловне – 3 месяца.

1808 – по великой княжне Елизавете Александровне – 6 недель.

1819 – по великой княгине Екатерине Павловне – 3 месяца.

1825 – по императору Александру I – год.

1826 – по императрице Елизавете Алексеевне – 6 месяцев.

1828 – по императрице Марии Федоровне – 6 месяцев.

1831 – по цесаревичу Константину Павловичу – 3 месяца.

1836 – по великой княжне Анне Михайловне – 4 недели.

Устанавливался траур и по всем усопшим представителям равнородных христианских династий. Срок траура зависел от степени родства с российским домом, высоты династии в международной значимости, титула и возраста усопшего, а также

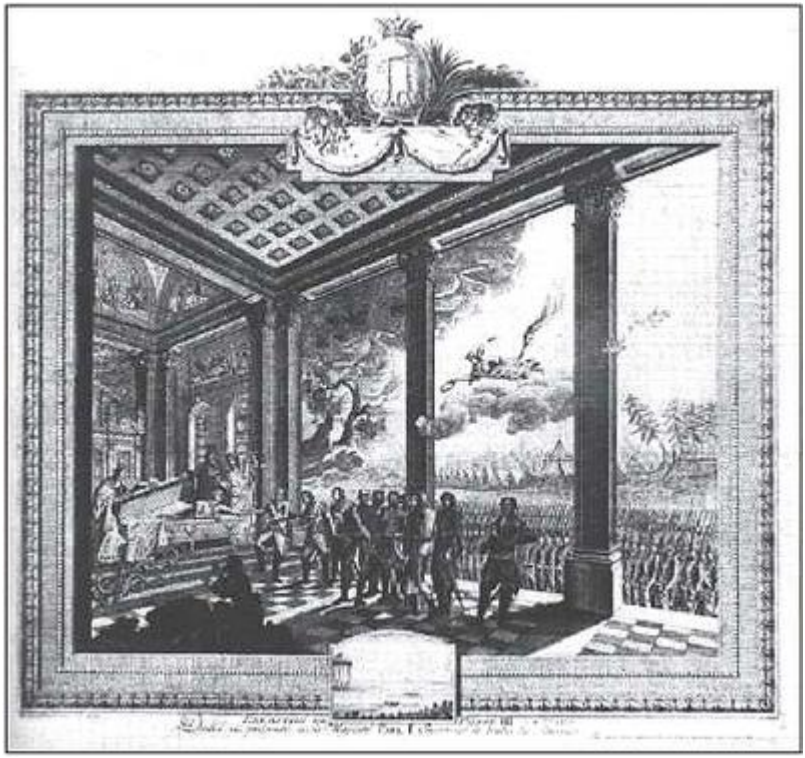
субъективным данным. Так, по римским и австрийским императорам и императрицам срок траура устанавливался в среднем от 2 до 6 месяцев, а по бразильской императрице – 3 недели. В среднем по королям и королевам, герцогам, герцогиням, принцам, принцессам максимально указанный срок траура – 6 месяцев, минимальный – 4 дня.

Мемориальные издания

К мемориальным мероприятиям можно отнести выпуск изданий. Торжественные церемониальные альбомы, посвященные похоронам императоров, подобные коронационным, как уже упоминалось, не стали традиционными. Одно из первых изданий подобного рода – уже названное выше описание погребения императора Петра I, созданное Я. В. Брюсом,[633] с которым можно соотнести изображение процессии, хранящееся отдельно свитком в отделе рукописей РНБ.[634] Также на свитке, согласно традиции, изображена и траурная процессия 2 декабря 1796 г. – перенос праха Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец.[635]

Кроме этих двух изданий следует назвать альбом, напечатанный в типографии Плюшара в 1826 г., посвященный похоронам Александра I «Cortège funèbre de feu S.M. (Sa Majesté) L'Empéreur Alexandre I-er, de glorieuse mémoire» Saint-Petersbourg, de la typographie de A. Pluchart, 13 Mars, 1826. Permis d'imprimer par Charles de Poll, Censeur;[636]«Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный город Москву тела Государя Императора Александра I».[637] Наиболее важным из подобного рода изданий является «Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых европейских государей» в двух томах,[638] где рассматриваются некоторые российские и иностранные церемониалы подобного рода. К этому изданию прилагается отдельным томом подробное изображение Печальной процессии императора Николая I. Наряду с торжественными изданиями во второй половине XIX в. широкое распространение получили брошюры, рассказывающие о печальном событии.

Традиционными продолжали оставаться и памятные сувениры: медали, кольца, браслеты, посмертные портреты, иная продукция мемориального характера.



Н. Анселен. Вторичные похороны Петра III. 1796 г.

М. Зичи. Император Александр III на смертном одре, окруженный ангелами. 1894 г.

Неизв. литограф первой половины XIX в. Аллегория на смерть императрицы Елизаветы Алексеевны

Николаевская эпоха привнесла новые элементы в похоронный ритуал российских монархов. Захоронение стало происходить в более короткий промежуток времени после смерти. В день похорон гроб с телом стал закладываться в склеп, а не стоял еще некоторое время без реального погребения. Николай I не хотел

привлекать такого огромного внимания к собственным похоронам и желал, чтобы церемонии были более скромными, чем у его предшественников. Изменение эстетических пристрастий в культурной среде обусловило и уменьшения пафоса всего ритуала. Пышность былого убранства уходила в прошлое. Более не использовались дорогостоящие, специально сделанные лучшими ювелирами траурные короны. Несмотря на то что по-прежнему в траурных мероприятиях были задействованы большое количество участников и традиционные элементы ритуала, как то: латники, лошади, государственные символы и т. д., но акцент перемещен на демонстрацию личных качеств и достижений правителя.

Похороны Александра III подводили итог развитию траурного императорского ритуала в Российской империи. На последних торжественных царских похоронах в Петропавловском соборе, прошедших до революции, присутствовали представители всех родственных правящих династий Европы, с которыми удалось породниться членам династии Романовых. Учитывая, что в похоронах Александра III соблюдались все элементы государственного церемониала, используемые и ранее, было нечто, выделявшее на эмоциональном уровне это погребение из ряда подобных. По свидетельствам очевидцев, никогда еще столица не облекалась в такой глубокий траур: черные и белые флаги, темные материи покрывали стены и колонны зданий, во многих местах воздвигли арки. В книжных магазинах были выставлены портреты покойного императора в траурных рамках, пользовавшиеся большим спросом.[639]

Медали на смерть императора Александра I. 1826 г.

Траурные браслет и кольца на смерть Александра I

Медаль в память погребения Петра III и Екатерины II. 1796 г.

Погребение Александра III завершило эру торжественных похорон российских императоров. В 1908 г. была освящена Великокняжеская усыпальница, пристроенная к Петропавловскому собору для захоронения великих князей. К 1917 г. в ней оказалось 13 захоронений. Часть их была перенесена из Петропавловского собора, некоторые члены династии умерли и были похоронены в период с 1908 по 1915 г. (последнее по времени предреволюционное захоронение – великий князь Константин Константинович (К. Р.), погребен 8 июня 1915 г.).

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ СОБОР [640]

В 1703 г., вскоре после начала строительства деревоземляной крепости Санкт-Петербург (Петропавловской), на ее территории были возведены две деревянные церкви. Православная в честь апостолов Петра и Павла была заложена самим Петром I. Вторая – лютеранская – в честь святой Анны. Обе эти постройки не сохранились до наших дней.

Каменный собор строился в самом центре крепости 21 год с 1712 г. по проекту архитектора Д. Трезини, освящен в присутствии императрицы Анны Иоанновны в день первоверховных апостолов Петра и Павла 29 июня 1733 г. и стал первым кафедральным собором новой столицы государства – Санкт-Петербурга.

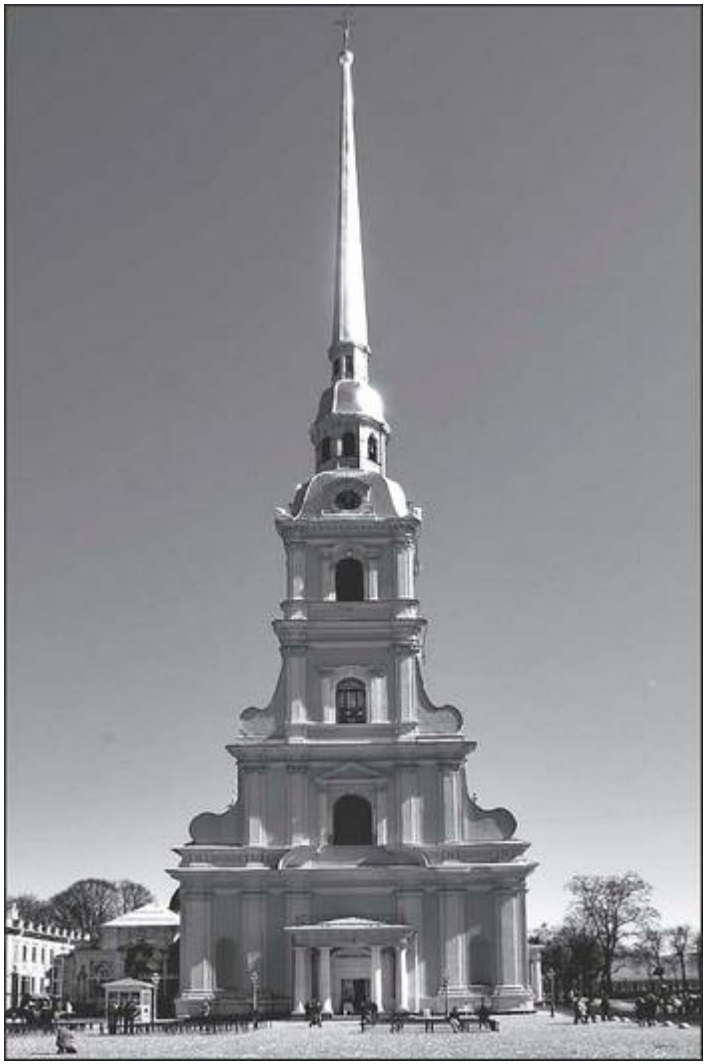
Реформаторская деятельность Петра I была связана с ориентацией на западные образцы, он хотел видеть свою столицу новым европейским городом, а такой город нуждался в новом архитектурном стиле, получившем название петровского, или раннего петербургского барокко. Возведение собора началось с колокольни. По замыслу Петра, шпиль на высокой колокольне символизировал утверждение России на невских берегах. Колокольня была построена к 1724 г. Петр мог подниматься на колокольню вместе с гостями и осматривать с высоты строящийся город. Деревянные конструкции шпиля были покрыты медными, позолоченными через огонь листами. Строительство собора завершилось уже после смерти великого реформатора.

В ночь на 30 апреля 1756 г. во время сильной бури молния ударила в шпиль, не имевший громоотвода. Начался пожар, практически уничтоживший колокольню со шпилем, повредивший крышу, нанесший большой вред всему зданию. В огне погибли и часы-куранты, специально для собора выписанные Петром из Голландии. 20 лет потребовалось на реставрацию собора и замену шпиля. После долгих обсуждений проектов восстановления Екатерина II в 1766 г. распорядилась строить колокольню «точно так, какова прежняя была». Однако внешний вид собора после ремонта несколько изменился. Для восстановленной колокольни новые часы-куранты изготовил и привез в Россию известный голландский мастер Оорт Красс. Они исполняли четвертной перезвон, который компенсировал отсутствие минутной стрелки, появившейся только в середине XIX в. В часах использовался принцип музыкальной шкатулки.

В середине XIX в. в соборе проводились крупные ремонтные работы. В 1857–1858 гг. обветшавшие деревянные конструкции

шпиля были заменены металлическими, созданными по проекту инженера Д. И. Журавского на Воткинском заводе. В связи с тем что новый шпиль был больше предыдущего, с его установкой высота всей колокольни собора увеличилась до 122,5 м. До настоящего времени она является самым высоким зданием в городе.

Реставрация коснулась и часов, в 1858 г. они были реконструированы и настроены на мелодию гимнов: церковного «Коль славен наш Господь в Сионе» и государственного «Боже, царя храни». Мелодия «Коль славен наш Господь в Сионе» имела особое значение для крепости, так как сопровождала Печальные кортежи с телами представителей дома Романовых, которых хоронили в Петропавловском соборе. С 1952 г. часы исполняли «Гимн Советского Союза». С мая 2002 г. часам возвращены старые мелодии. Каждые 6 часов (в 6, 12, 18 и 24 часа) можно услышать «Боже, царя храни». В 2001 г. на колокольне собора появился новый карильон – музыкальный инструмент с клавиатурой и системой колоколов, настроенных на определенные ноты. Этот подарок Фландрии (Бельгия) нашему городу состоит из 51 колокола. В настоящее время проводятся концерты как фламандского карильона, так и русской колокольной музыки.



Петропавловский собор

Ангел на шпиле собора, парящий на недосягаемой высоте, является хранителем и одним из символов Петербурга. Фигура решена достаточно объемно и выразительно. Нынешнему, четвертому по счету, Ангелу уже более 150 лет, он был установлен при замене шпиля в 1857–1858 гг. Конструкция снабжена поворотным устройством для того, чтобы ослабить нагрузку при сильном ветре. Высота фигуры Ангела – 3,2 м, размах крыльев – 3,8 м. Первый Ангел, выполненный по рисунку Д. Трезини, был уничтожен пожаром 1756 г. Второй Ангел был разбит бурей через два года после установки. Третий Ангел

(проект А. Ринальди) тоже был поврежден бурей в 1829 г. Чтобы не строить леса, кровельный мастер Петр Телушкин совершил подвиг, поднявшись на вершину шпиля с помощью веревочной петли, укрепил веревочную лестницу и один починил его. Нынешнего Ангела ремонтировали в 1957, 1991–1995, 2002–2003 гг.

Интерьер собора, выполненный в традициях барокко, имеет в высшей степени торжественный вид. В плане здание представляет собой прямоугольник, вытянутый с востока на запад на 60 м. Мощные столбы-пилоны делят пространство храма на три части, три нефа, равные по высоте и почти равные по ширине. Такой тип зданий в архитектуре называется зальным. Пилоны расписаны красками под искусственный мрамор и увенчаны капителями коринфского ордера. Общая цветовая гамма внутренней отделки собора праздничная, светлая. Праздничность подчеркивают великолепные хрустальные люстры, отделанные бронзой и цветным стеклом. Над огромными окнами – позолоченные изображения четырехкрылых херувимов и вазы с пламенем, символизирующие чистоту веры. Еще выше под сводами расположены восемнадцать картин на евангельские сюжеты. Семь из них относятся к началу XVIII в. и созданы русскими живописцами В. Игнатьевым, А. Матвеевым и голландским мастером Г. Гзеллем. Картины написаны маслом на холстах в соответствии с законами живописи, а не по иконописным канонам, они не участвуют в богослужении, а служат украшением храма.

Интерьер Петропавловского собора

Своды собора покрыты орнаментальными многоцветными росписями, выполненными клеевыми красками по штукатурке.

Девять плафонов-вставок выполнены в технике масляной живописи. В сводах центрального нефа помещены плафоны с изображением херувимов и ангелов, несущих орудия пыток, которым подвергали Христа перед казнью. Ангелы, изображенные в боковых нефах, держат предметы, употребляемые при архиерейском богослужении, что связано с особым статусом собора как кафедрального. Тонкие кирпичные своды собора зимой промерзали, это сказывалось на сохранности росписей. Их многократно переписывали. В 1870-е гг. художники И. Ксенофонтов и Ж. Больдини переписали живописные вставки по загрунтованной металлической сетке очень плотного плетения, натянутой на рамы.

В парусах под барабаном над иконостасом помещены лепные изображения ангелов и херувимов, поддерживающих спускающиеся завесы. В куполе над иконостасом находится изображение голубя – Бога Духа Святого.

Наличие кафедры – возвышения для чтения проповедей в православном храме – обусловлено западным влиянием. Она выполнена в барочных формах в 1732 г. Николасом Краскопом.

На нее ведут канонические 12 ступеней. Символика композиции данной кафедры достаточно прозрачна. «Сначала было Слово» – картины, украшающие лестницу, ведущую на возвышение, рассказывают об этом. Особенно выделяется картина на сюжет «Притчи о сеятеле»: слово падает в душу, как зерно – в землю, но в зависимости от состояния той почвы, на которую оно упадет, дает разные всходы. Следующий ярус – покровители собора апостолы Петр и Павел как бы поддерживают сень с изображением четырех евангелистов – людей, написавших Тетраевангелие. Каждый изображен со своим знаком: Матвей – с ангелом, Марк – со львом, Лука – с быком, Иоанн – с орлом. Книга в их руках означает Евангелие. Венчает композицию распростерший крылья Голубь – Бог Дух Святой. «От слова – к духу» – основная идея убранства данной кафедры.

Петропавловский собор является своеобразным музеем славы русского оружия. С начала XVIII в. в соборе хранились ключи от городов и крепостей, занимаемых русской армией, трофейное оружие и знамена. В настоящее время собор украшают копии трофейных шведских и турецких знамен, захваченных в Северную и Русско-турецкие войны. Подлинники, находившиеся здесь ранее, переданы в Эрмитаж в начале XX в.

Петропавловский собор до революции был богато украшен. На пилонах, стенах, царских надгробиях находились иконы, иногда очень ценные. Так как собор являлся усыпальницей императорской семьи, то практически все захоронения кроме икон имели лампады, золотые, серебряные, бронзовые медали, прочие подношения. На двух царских захоронениях были возложены так называемые «мерные» иконы: апостола Петра, представлявшая меру роста Петра I при рождении – 11 вершков (49 см), и с изображением апостола Павла в рост Павла I при рождении – 11,5 вершков (51 см). Две иконы в золотых окладах с жемчугами и драгоценными камнями находились на могиле Анны Иоанновны. Особенно много было венков. К 1917 году их собралось более тысячи, многие были сделаны из золота, серебра, фарфора.

Осенью 1917 г. по распоряжению Временного правительства наиболее ценные вещи были собраны и отправлены в Москву. Судьба их продолжает оставаться неизвестной. В 1919 г. Собор и Великокняжеская усыпальница были закрыты и опечатаны. Разграбление собора в дальнейшем продолжилось. С 1990-х гг. в соборе стали появляться новые подношения – иконы и венки.

Иконостас

Душой храма является алтарь. В православных церквях он отделяется иконостасом, в переводе с греческого языка – стеной с иконами. Это граница и в то же время образ единения мира земного и небесного. Выполненный в барочных формах иконостас Петропавловского собора каноничен и уникален одновременно. Его своеобразие состоит в том, что он представляет собой не глухую стену с иконами, установленными в строгой соподчиненности. Центральная часть его напоминает триумфальную арку. Время петровских реформ вызвало к жизни новую символику, связанную с победами и преобразованиями государства. Создавался иконостас после триумфального завершения Северной войны, что, безусловно, повлияло на его композиционное решение. На двадцатиметровую высоту вознеслось его центральное звено, увенчанное не традиционным для русского иконостаса распятием, а скульптурной группой «Христос во славе», что еще больше усиливает ощущение торжественности.

Иконостас Петропавловского собора

Около пятидесяти мастеров пять лет, с 1722 по 1727 г., трудились над изготовлением этого уникального деревянного резного золоченого иконостаса в Москве под руководством московского архитектора Ивана Зарудного. Автором проекта, очевидно, можно считать Д. Трезини. По частям иконостас был перевезен в Санкт-Петербург и собран в соборе в 1729 г. Во время пожара 1756 г. иконостас срочно разобрали и вынесли из храма. При повторной сборке многие пострадавшие детали восстановили и с внутренней стороны стянули иконостас металлическими тягами. В 1829 г. обнаружилась существенная осадка здания. В 1830-х гг. под иконостас был подведен цоколь из тивдийского розового мрамора, чтобы предохранить дерево от загнивания. За прошедшие годы он неоднократно подвергался повторному золочению.

В соответствии с принципами барокко пространство в храме должно быть организовано так, чтобы увлекать вошедшего к алтарю и иконостасу, центром композиции которого служат Царские врата. В данной алтарной преграде они решены новаторски, так как в нарушение традиции раскрывают вход в алтарь. На Царских вратах нет традиционных икон с изображением благовествующего архангела Гавриила, Девы Марии и четырех евангелистов. Но основная идея Нового Завета решена другими средствами. Скульптурные изображения евангелистов вынесены за пределы алтаря на сень над кафедрой. В иконостасе слева от царских врат помещена скульптура архангела Гавриила с цветком, приносящего благую весть о том, что Деве Марии суждено стать Матерью Спасителя мира. Дева Мария изображена в главной иконе левого киота, в ее сторону Гавриил повернул лицо, и в скульптуре в овале на царских вратах, к ней с небес слетает голубь. На Царских вратах Петропавловского собора помещено скульптурное изображение Христа, причащающего апостолов, это сцена Евхаристии. Общая композиция роднит их с триумфальными арками петровского времени при сохранении их символического значения врат Христовых и самого Христа. Венчают Царские врата два сложенных крестообразно ключа, символизирующих как ключи от рая, хранившиеся у апостола Петра, так и ключи от Балтийского моря, отвоеванные царем Петром. Врата воспринимались и как светский образ Петербурга как морских врат страны. Справа от Царских врат – скульптурная группа: архангел Михаил со щитом с монограммой Христа и огненным мечом, попирающий дьявола, – символ торжества сил добра над злом, воинских побед Петра. Царские врата петровского времени не сохранились до наших дней. Обветшавшие деревянные были заменены в 1865–1866 гг. новыми, сделанными из меди на железном каркасе, позолоченными, представляющими точную копию первоначальных.

В центре алтаря над престолом стоит прекрасно вписывающийся в арку царских врат резной деревянный балдахин на четырех витых колоннах – напрестольная сень. Сень является органичной частью композиции интерьера собора. Вензель Петра I с короной, изображенной на сени, напоминает о ее дарителе.

Богоматерь на престоле. Икона из иконостаса Петропавловского собора. 1727 г.

На иконостасе Петропавловского собора размещены 43 иконы и большое количество скульптур. Обилие круглой скульптуры необычно для православной церкви, но характерно для стиля барокко. В западных церквях можно найти аналоги подобных композиций. В данном случае нет прямого следования православной традиции, но канон соблюдается посредством соподчиненности икон и скульптур. Композиционную основу иконостаса составляют пять больших киотов – четыре нижних и один верхний, в промежутках между ними находятся врата: Царские (центральный неф), северные (левый неф), южные (правый неф). Венчает иконостас скульптурная группа «Христос во славе», в которой представлен Спаситель в момент чуда Преображения. По сторонам от Христа – пророки Моисей и Илия, что соответствует первому верхнему ряду традиционного иконостаса, где изображались праотцы от Адама до Моисея. Над

головой Иисуса – голубь, символизирующий Духа Святого, и треугольник с надписью «Бог Отец Сын Дух Святой» – символ божественного триединства, что было особенно важно для Петербурга, основанного в день Святой Троицы. Под скульптурной группой помещена икона «Спас нерукотворный»; ниже – «Воскресение Христово», по сторонам от нее – скульптурные изображения царей Соломона и Давида, что соотносится со вторым (сверху) рядом православного иконостаса, где изображались пророки. Над царскими вратами по центральной оси находится икона «Видение Святого Иоанна Богослова» – Господь восседает на троне, принимая поклонения старцев.

Центральную часть иконостаса условно можно разделить на правую «мужескую» и левую «женскую» половины. Главная икона правого киота – «Иисус Христос на престоле». Христос, одетый как московский царь XVII в., восседает на престоле. На голове у Него – царская шапка с крестом, напоминающая митру. На груди Христа панагия – знак архиерейского достоинства. В руках Он держит скипетр и державу, атрибуты царской власти. В нижней части иконы помещены слова из притчей царя Соломона: «Мною Цари царствуют и сильные пишут правду». Четверо ветхозаветных царей, изображенных вокруг иконы Христа, являются Его предками. Всех святых, помещенных на иконах этого звена, сравнивали в панегириках с Петром I, и весь киот посвящен ему как донатору собора. «Рождество Христово» и «Богоявление» – иконы праздничного цикла иконостаса.

Главная икона левой «женской» половины иконостаса – «Богоматерь на престоле». Богородица, облаченная в одеяние русской царицы XVII в., в венце, напоминающем Императорскую корону XVIII в., также восседает на престоле. Считается, что чертам лица Богоматери придано портретное сходство с императрицей Екатериной I, в период правления которой писалась данная икона. Жест правой руки Младенца Христа – благословляющий, в левой руке он держит державу. «Богоматерь» окружают ветхозаветные святые «жены», с которыми сравнивали Екатерину I в начале XVIII в., а также икона Великомученицы Екатерины – покровительницы первой русской императрицы.

Иисус Христос на престоле. Икона из иконостаса Петропавловского собора. 1727 г.

Автором идейной концепции иконостаса является, скорее всего, ближайший сподвижник Петра Феофан Прокопович. Естественно, выбор святых не был произвольным. В иконостасе представлены святые, соименные членам семьи Петра I: Екатерина, Наталья, Анна, Елизавета, Параскева. Канонизированные цари и царицы, что должно было говорить о божественном происхождении царской власти. Выбирались святые, факты биографий которых перекликались с жизнью ближайших родственников первого русского императора, а также особо почитаемые русские святые из династии Рюриковичей, правившей на Руси с 862 по 1598 г., что доказывало преемственность верховной власти. Местные иконы располагаются в боковых киотах: в южном – «Апостол Петр», в северном – «Апостол Павел».

Образа для иконостаса писали в Петербурге московские

иконописцы Андрей Меркурьев (Поспелов) «со товарищи» с 1726 по 1729 г. Четыре иконы, находящиеся в основании киотов («Богоявление», «Страдания Святого Апостола Петра», «Введение во храм Пресвятой Богородицы» и «Страдания Святого Апостола Павла»), представляют собой копии, выполненные академиком живописи Д. И. Антонелли в ходе реставрации 1832–1834 гг. Тогда же в верхнем киоте им была написана икона «Спас Нерукотворный».

Первые захоронения в соборе

Первые захоронения членов царской семьи появились еще в начале строительства собора. Несколько склепов находятся у западной стены. Здесь похоронены родственники Петра I: вдова старшего брата царя Федора Алексеевича царица Марфа Матвеевна; сын – царевич Алексей, один из первых политических узников крепости; супруга Алексея – крон-принцесса Шарлотта-Христина-София; единокровная сестра Петра царевна Мария Алексеевна. В середине XIX в. на стене над могилами появились бронзовые доски, в начале XX в. под лестницей, ведущей на колокольню, были установлены беломраморные надгробные плиты.

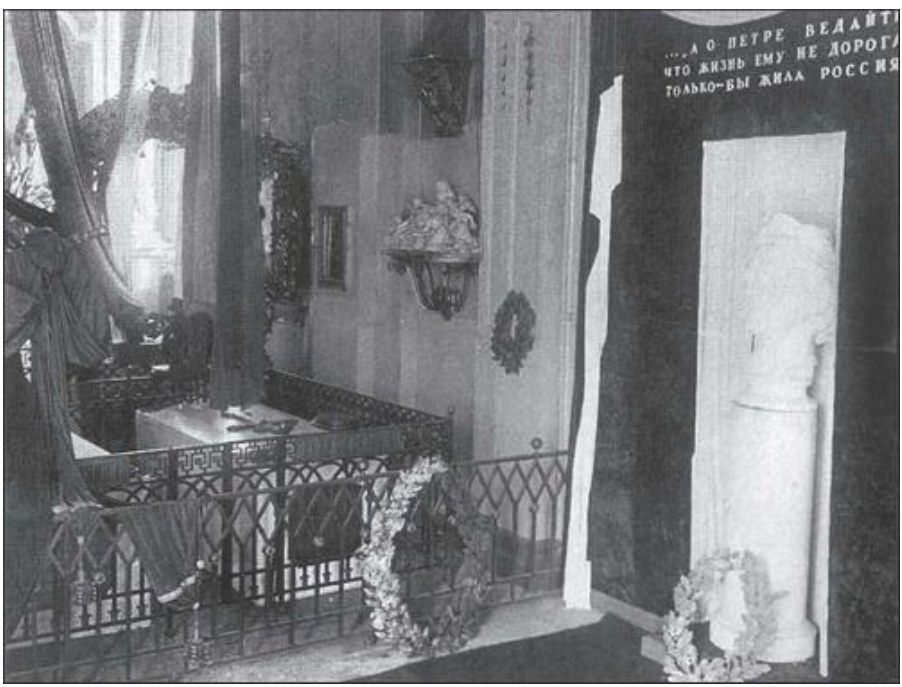
До основания Санкт-Петербурга мужчин – представителей правящей семьи – хоронили в Архангельском соборе Московского Кремля, женщин – в Вознесенском монастыре. С переводом столицы в Петербург Петропавловский собор становится усыпальницей русских императоров. Здесь похоронены почти все императоры, начиная с Петра I и заканчивая, согласно официальной версии, Николаем II. Исключение составляют Петр II и Иоанн Антонович.

Оформление могилы Петра Великого

Петр I скончался 28 января 1725 г. на 53-м году жизни после непродолжительной болезни. Об обстоятельствах похорон императора было сказано выше. К моменту восшествия на престол императрицы Анны Иоанновны в центре собора во временной деревянной церкви собралось четыре гроба, причем останки Петра I и Натальи Петровны оставались непогребенными в течение шести лет. Строительство каменного собора приближалось к окончанию. В 1731 г. путиловской плитой выстилали пол.[641] В это время шли к завершению отделочные работы, и указом императрицы Анны Иоанновны тела Петра I и его жены императрицы Екатерины I были преданы земле в 11 часов утра 29 мая 1731 г. Оба гроба (Петра I и Екатерины I) поместили в единый склеп перед иконостасом в южном нефе, перед киотом с изображением апостола Петра, святого покровителя императора. Сверху установили надгробия из «алебастрового белого каменя на воспоминания в предние роды».[642]

Во времена правления императрицы Елизаветы Петровны

было решено превратить Петропавловский собор в своеобразный мавзолей Петра Великого. «Дщерь Петрову» занимала мысль об увековечивании памяти ее великого отца. С инициативой выступил М. В. Ломоносов,[643] предложивший в 1758 г. надгробный памятник и украшение собора мозаичными картинами, что вызвало неоднозначную реакцию коллег. Современник Ломоносова Якоб Штелин писал, что художники будут смеяться над выдумкой и жалеть церковь, если ее выложат «стеклом». Я. Штелин также принимал участие в конкурсе. Его проект, сильно отличавшийся от ломоносовского, с «чрезвычайно блистающим светом», фигурами «Вечности», державшей «распещренный звездами венец» и «Славы», трубившей в обвитую лавровыми ветвями трубу, предполагал пышную барочную композицию.



Могила Петра I. Фото 1942 г.

Ломоносов предлагал на мозаичном пьедестале «наподобие камня порфира, оправленном серебром» создать фигуру Петра I в окружении восьми мозаичных колонн «наподобие камня лазуря» и четырех пар серебряных статуй: Премудрости и Мужества, Трудолюбия и Постоянства, Правосудия и Милосердия, Любви и Верности.[644] Очевидно, в чем-то композиция должна была

напоминать Castrum Doloris, память о котором была еще жива. Сооружение планировалось большого размера – 8,5 м ширины и почти 15 м высоты. Автор хотел «Все сие сооружить из меди литой, а где потребуется и кованой… возвышение, кроме статуи и украшения, сделать из черного Российского мрамора, а медь везде жарко вызолотить в огне».[645] Композицию Ломоносов собирался украсить двенадцатью мозаичными панно, изображающими наиболее существенные эпизоды деятельности Петра и аллегорические сцены. Великий русский ученый стремился рассказать о государственной деятельности Петра, о подавлении стрелецкого бунта в Москве, о «Великом посольстве» за границу. Отдельные мозаики посвящались созданию русского флота, взятию Азова, Полтавской и Гангутской битвам. Наконец, автор собирался запечатлеть основание Петербурга, Кронштадта и Петергофа, учреждение нового органа государственного управления – Сената и т. д. Цикл должна была завершать сцена погребения Петра. Ломоносов писал о ней: «Сия картина будет чрезвычайна. По Неве реке, льдом покрытой, церемония в черных платьях, факелы, балдахин, блистание от пальбы пушек, все сие видно сквозь падающий густой снег…» Из грандиозного проекта удалось осуществить в мозаике две большие картины: «Полтавскую баталию» и «Взятие Азова» (вторая из них не была окончена и погибла).[646] Был объявлен конкурс, но энергичный Ломоносов уже приступил к работе над мозаикой «Полтавская баталия» для этого проекта, который предусматривал, кроме прочего, капитальные переделки собора. После смерти Елизаветы Петровны проект был заморожен, М. В. Ломоносов скончался 4 апреля 1765 г., его замысел остался невоплощенным.[647]

Убранство могил в Петропавловском соборе менялось со временем. Первоначальные надгробия впоследствии были заменены. В описании собора, составленном в XIX в. П. Свиньиным, сказано: «Саркофаги сии сделаны из гранита, без всяких украшений, в виде продолговатых четвероугольных брусьев и покрыты богатыми парчовыми одеяниями. На каждом из них в передней части прикреплена бронзовая доска, на коей изображено имя покоящейся высокой особы, год ее рождения, преставления и время царствования».[648] Достаточно точно рассмотреть надгробия для посетителей собора было невозможно из-за того, что они были покрыты «богатым парчовым одеянием».

В действительности саркофаги были высечены не из гранита, а из серого рускеальского мрамора, что стало известно из документов, относящихся ко времени замены их беломраморными памятниками, существующими и сегодня. Когда возникли в соборе эти надгробия, сказать точно трудно, но,

скорее всего, во время правления Екатерины II, если соотнести время появления рускеальского мрамора в Петербурге и первые упоминания о новом материале саркофагов.[649]

В 1840-х гг. в Петропавловском соборе начали появляться надгробия, выполненные из белого итальянского мрамора, очевидно, первое из них украсило захоронение дочери Николая I великой княгини Александры Николаевны, скончавшейся в 1844 г.

Во времена правления Александра II выяснилось, что состояние надгробных памятников не соответствует статусу людей, погребенных под ними. Многие доски были разбиты, плохо отшлифованы, имели заплаты. В 1866–1867 гг. над могилами представителей династии Романовых появились новые беломраморные надгробные памятники, выполненные по единому образцу из белого каррарского мрамора. Проект нового надгробия составлял архитектор А. А. Пуаро, исполнением заказа занимался купец II гильдии Г. А. Балушкин. На верхней крышке всех саркофагов, сделанных в виде четырехугольной призмы, укреплены бронзовые позолоченные червонным золотом восьмиконечные кресты, по углам императорских надгробий помещены бронзовые позолоченные двуглавые орлы – гербы Российской империи. Орлы и кресты сделаны на фабрике Ф. Шопена. Великокняжеские захоронения двуглавыми орлами декорированы не были. На боковой стенке надгробий в головах располагаются бронзовые доски с обозначением имени погребенного, титула, даты, места рождения и смерти, даты погребения. Тексты на бронзовых досках составлял известный историк Н. Г. Устрялов.[650]

В это же время подобные беломраморные памятники появились и над склепом с останками Петра I и Екатерины I. При установке этих надгробий получилось смещение их против могил. Надгробие Екатерины I стоит почти над гробом Петра I, а надгробие Петра I стоит практически над пустым местом. На решетке, отделяющей императорские захоронения в южном нефе собора перед иконостасом, напротив могилы Петра I помещена табличка с надписью «Петръ I Великш». Титул «Отца Отечества, Великого и императора Всероссийского» был присвоен ему Сенатом и Синодом после победоносного завершения Северной войны в октябре 1721 г. Текст на доске в головах могилы гласил: «Петръ Великш Отецъ Отечества Императоръ и Самодержецъ Всероссийски и пр., и пр., и пр. Родился в Москве 1672 года, мая 30 дня. Вступилъ на престолъ 1682 г., апреля 27 дня. Скончался въ С.-Петербурге 1725 года, января 28 дня. Погребенъ в Петропавловском соборе 1725 года, марта 10 дня».

Доска на северной стене, посвященная малолетним детям Петра I и Екатерины I, захороненным в Петропавловском соборе

Двуглавый орел на императорском надгробии

Петропавловский собор был открыт для посещений не только царской семье. Поклониться праху правителей приходили горожане и гости столицы Российской империи. Постепенно складывался своеобразный мемориальный музей из подношений на многих могилах. К Петру Великому внимание посетителей было особым. Практически каждый преемник царя-реформатора на российском престоле старался внести свою лепту в формирование убранства его захоронения.

26 июня 1770 г. русский флот под командованием графа А. Г. Орлова одержал победу над турецким в Чесменской бухте. Таким образом, во времена Екатерины II была воплощена в жизнь давняя мечта Петра I о выходе России к Черному морю, через которое открывался выход в море Средиземное.

29 августа 1770 г., в день Поминовения всех убиенных на поле брани, Екатерина II повелела в ее присутствии провести в Петропавловском соборе службу в память всех павших в сражении против турок с особым «изъявлением признательности бессмертному основателю наших морских сил». По окончании поминальной службы Екатерина II, как политическая наследница Петра Великого, приняв у генерал-фельдцейхмейстера графа З. Г. Чернышева знамя капитан-паши, взятое русскими при «разбитии Турецких сил», преклонив колени, положила его к подножию могилы Петра I со словами: «Твоя от твоих Тебе приношу».[651] Этот момент был увековечен немецким художником Андреасом Каспаром Гюне, приглашенным императрицей для создания исторических полотен, в картине «Екатерина Великая возлагает Чесменские трофеи на гробницу Петра I».

В 1803 г. праздновалось 100-летие Санкт-Петербурга. Естественно, могила основателя города не была обойдена вниманием. 16 мая 1803 г., в дни празднования первого значительного юбилея города, министр юстиции Г. Р. Державин и старейший из сенаторов граф А. С. Строганов, представляя депутацию от города Александру I в Зимнем дворце, преподнесли ему золотую медаль, созданную немецким художником К. Леберехтом. На одной стороне медали был изображен профиль Петра с венком и надпись «От благодарного потомства», а на другой стороне – Геркулес с палицей, щитом и планом крепости. 17 мая император повелел Сенату возложить эту медаль с «подобающей честью и приличными обрядами на гроб Отца Отечества, в незабвенное свидетельство перед грядущими веками, колико память его России священна». В это время к могиле было

принесено большое количество медалей, венков, как золотых и серебряных, так и простых, от разных депутаций Санкт-Петербурга, других городов и стран.[652]

В правление Николая I по его приказанию для украшения могилы Петра из придворной ризницы была взята мерная икона с ликом апостола Петра, писанная Симоном Ушаковым и Федором Козловым и доставленная в собор в 1827 г. Икона эта славилась тем, что представляла меру роста Петра при рождении – 11 вершков (49 см).[653]

В 1872 г. праздновалось 200-летие Петра I. В особую церемонию вылилось возложение императором Александром II на могилу Петра золотой медали, выбитой в честь юбилея. При ней находились офицеры от Семеновского и Преображенского полков. «Вокруг гробницы, разукрашенной зеленью. лежали красноречивые свидетели славной эпохи: орденские знаки Святого Андрея Первозванного, простой Преображенский зеленый мундир, нагрудный знак, ветхая простреляннная треугольная шляпа и шпага – все эти вещи были на императоре в день Полтавского боя».[654]

Во время празднования 200-летия основания Санкт-Петербурга на могилу Петра была возложена медаль с профилями императоров Петра I и Николая II, выбитая в честь этого события. В 1904 г. на могиле добавилась медаль, созданная в память 200-летия взятия города Нарвы. В 1909 г. отмечался славный юбилей Полтавской победы, по сложившейся традиции «на гробницу державного победителя шведов под Полтавой» были возложены медали, выбитые по этому случаю, – золотая и серебряная. На гравюре, представленной в альбоме, посвященном 200-летию Петра, отчетливо видны две медали, лежащие на надгробии, над могилой – Пьета на кронштейне, над нею – некая реликвия в футляре, рассмотреть которую не представляется возможным, слева от Пьеты – в раме мерная икона с изображением апостола Петра.

Из «Краткого описания Придворного Петропавловского собора», составленного М. С. Веревкиным,[655] мы узнаем, что к 1913 г. на гробнице и около захоронения Петра находилось: четыре лампады, в частности, от «первых лейб-гвардейцев» и чинов гарнизона Кронштадской крепости, серебряные венки, среди которых выделялся венок от жителей Охты с изображением охтинской верфи, первого селения охтинских плотников, лодки «Архимед», последнего их сооружения, и первой церкви на Охте.

На гробнице лежали медали: 1. Золотая «От благодарного потомства в воспоминание столетия основания С.-Петербурга». 2. Золотая «В воспоминание двухсотлетия рождения императора

Петра Великого». 3. «В память двухсотлетия С.-Петербургского Городского Общества». 4. Золотая медаль с изображением Петра Великого в честь двухсотлетия Полтавской победы. 5. Бронзовая медаль в память того же события. 6. Серебряная медаль, посвященная 200-летию взятия г. Нарвы. На этой медали были помещены изображения Петра Великого и царствовавшего в то время императора Николая II.

Образ апостола Петра был установлен в золотой ризе и деревянном вызолоченном киоте. Кроме того, на стене висела на серебряной доске модель-барельеф памятника Петру Великому в Таганроге, установленного в 1898 г. в честь основания им этого города в 1698 году. Могилу украшал и флаг капитан-паши, взятый при Чесме и возложенный Екатериной II.

В соборе сохранялись подношения самого Петра I. Так, в начале XX в. в нем хранились восемь резных икон из слоновой кости, выполнение которых приписывается обычно самодержцу, хотя только одна из них была подписной. Четыре иконы были вывешены в алтаре перед жертвенником, и на одной из них была надпись: «1716 года генваря в 4 день Царское Величество пожаловал Государыне от трудов своих», другие четыре иконы были помещены в особом киоте, имевшем форму яслей Спасителя и стоящем перед иконостасом.[656]

Перед местной иконой апостола Петра рядом с могилой основателя Санкт-Петербурга в особом стеклянном футляре находилось паникадило из слоновой кости работы императора. В 1724 г. оно было пожертвовано царем в церковь святых Петра и Павла, находящуюся на Олонецких минеральных водах, в паникадиле в средине была положена Государем следующая собственноручная записка: «Сие приносится в знак благодарения Господу Богу за целебные воды. Сделано при оных марта 14-го дня 1724 года». Паникадило было передано в Петропавловский собор ко дню его освящения в 1733 г. На центральный стержень длиною в 72 см нанизаны различные геометрические фигуры, отделенные друг от друга четырьмя дисками черного дерева, от большего отходят семь рожков с профитками и розетками. Петр верил в чудодейственную силу минеральных вод и неоднократно прибегал к лечению оными как заграницей, так и на Родине. Во время своих приездов в Карелию он жил и работал в свободное время в специально оборудованной токарной комнате, даже на отдыхе не переставая заниматься любимым токарным делом. А. К. Нартов постоянно сопровождал царя и «точил» вместе с государем. Когда готовились к освящению Петропавловского собора, Нартов сообщил о паникадиле императрице Анне Иоанновне, которая повелела доставить его в Петербург и, как

гласит предание, «раскрыла яблоко, с умилением читала хартию (записку Петра I) и показывала окружающим».[657] К началу XX в. текст записки императора был вырезан на серебряном обруче, окружавшем стеклянный футляр паникадила.

Еще одно паникадило, о котором упоминал в 1818 г. П. Свиньин, привлекало особое внимание. Это было большое костяное паникадило, составленное из разнообразных по форме точеных фигур, разделенных дисками черного дерева с расположенными в четыре яруса 26 рожками с подпорками, находившееся против Царских врат. Очевидно, Свиньин несколько преувеличил размеры произведения, но, тем не менее, величина его необыкновенна: длина центрального стержня – 2,25 м, наибольший диаметр пояса с рожками – 1,2 м. В среднем яблоке паникадила были вделаны с четырех сторон медали, приписываемые Свиньиным самому царю: «…на одной из них представлен образ самого художника, на другой – Полтавская баталия, на третьей – первое морское сражение со шведами, при котором был пленен неприятельский, т. е. шведский, адмирал, на четвертом красовалась подпись».[658] Точных сведений о том, когда, кем и для какой цели делалось это удивительное произведение, не имеется, но можно предположить, что оно сразу предназначалось для Петропавловского собора. Вероятно, работой занимались все токари мастерской Нартова, в ней принял участие и сам Петр I, оставивший свой автограф на одной из резных фигур, но закончено паникадило при жизни императора не было. После смерти Петра I в 1725–1726 гг., скорее всего по предложению Нартова, решившего придать этой люстре мемориальный характер, резчиком И. Захаровым было выточено четыре медальона, вмонтированные в паникадило. Два медальона посвящено победам Петра на суше и на море – Полтавской битве и сражению при Гангуте. Третий медальон воспроизводит лицевую сторону медали, выпущенной на смерть Петра I. У Свиньина она обозначена как медаль, представляющая образ художника. На четвертом – надпись на русском и латинском языках: «Дело многотрудных рук Петра Великого императора и самодержца всероссийского 1723». В связи с этой надписью и возникла путаница с годом авторством и годом создания произведения, продолжающаяся и сегодня. Невозможно, чтобы посмертная памятная медаль была увековечена в кости в 1723 г., если Петр скончался в 1725 г., тем более сложно представить, чтобы он сам принимал участие в ее изготовлении. Скорее всего, удивительное паникадило было результатом совместного творчества токарей мастерской А. К. Нартова и, естественно, самого Петра I. Ясно, что вопрос с атрибуцией и

датировкой произведения не вполне проработан. С конца 20-х гг. XVIII в. паникадило висело в центральном нефе Петропавловского собора, занимая в нем почетное место. В 30-х гг. XIX в. по повелению императора Николая I эта люстра была передана в Кунсткамеру, откуда перешла в Государственный Эрмитаж, где хранится и в настоящее время.

Павел Свиньин говорил и о животворящем кресте из слоновой кости работы самого Петра, находившемся в алтаре за престолом. Паникадило и крест изображены и на фотографиях, сделанных ктитором Петропавловского собора плац-майором крепости полковником В. П. Сабанеевым в 1890-е гг.[659] На фотографии К. Буллы начала XX в. отчетливо видны лампады, венки, иконы, барельеф памятника Петру I, установленный в Таганроге, на южной стене собора над могилой на специальном кронштейне – Пьета, украшающая эту могилу и сегодня.[660]

К сожалению, многое из драгоценного убранства собора исчезло после 1917 г. В мае 1919 г. по распоряжению коменданта Петропавловской крепости Петропавловский собор и великокняжеская усыпальница были закрыты и опечатаны, начало исчезать богатое убранство храма. В апреле 1922 г. было произведено изъятие остатков церковных ценностей для помощи голодающим, как гласила официальная версия. Однако изъято было не все, некоторые предметы оставались на своих исторических местах. В 1926 г. собор перешел в ведение Музея революции,[661] в 1954 г. – Государственного музея истории Ленинграда (ныне – Санкт-Петербурга).

Во время Великой Отечественной войны наши воины, отправляясь на фронт, посещали могилы великих русских полководцев: А. В. Суворова в Александро-Невской лавре, М. И. Кутузова в Казанском соборе, Петра I в Петропавловском соборе. В годы войны могила Петра Великого получила строгое декоративное оформление по проекту архитектора Я. О. Рубинчика.[662] Было сохранено оставшееся от дореволюционного убранства захоронения и добавлены новые элементы. На фотографиях, сделанных А. А. Григорьевым в 1944 г. и хранящихся в КГИОП Санкт-Петербурга, видно, что многое из своеобразного музея подношений на могилу основателя города сохранялось с дореволюционных времен. Перед решеткой, отделяющей могилы императоров XVIII в., проложена ковровая дорожка, между могилами стоят пальмы в кадках, сверху спускаются драпировки. У надгробия Петра I отчетливо видно четыре венка, два киота с иконами, над могилой на кронштейне – Пьета работы Дж. Дзордзони, над ней помещено знамя, рядом с Пьетой – рама с иконой (очевидно, «мерная

икона»), как на фотографии начала XX в., сделанной К. Буллой. Новым было решение композиции, появившейся на южных (закрытых) вратах собора. Они были задрапированы, в нише врат на высокой подставке была помещена голова Петра, выполненная Мари Анн Колло для памятника Петру I – для Медного всадника. Выше помещена надпись со словами царя, сказанными им перед Полтавским боем: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, только бы жила Россия», над ней даты: «1672–1725» – годы жизни императора.

М.-А. Колло. Голова Петра I

Приказ Петра Великого перед Полтавским боем: «Ведало бо российское воинство, что оной час пришел, который всего отечества состояние положил на руках их: или пропасть весма, или в лучший вид отродитися России. И не помышляли бы вооруженных и поставленных себя быти за Петра, но за

государство, Петру врученное, за род свой, за народ всероссийский, который доселе их же оружием стоял, а ныне крайняго уже фортуны определения от оных же ожидает. Ниже бы их смущала слава неприятеля, яко непобедимаго, которую ложну быти неоднократно сами ж они показали уже. Едино бы сие имели в оной акции пред очима, что Сам Бог и правда воюет с нами, о чем уже на многих военных действиях засвидетелствовал им помощию Своею сильный в бранех Господь, на того единаго смотрели бы. *А о Петре ведали бы известно, что ему житие свое недорого, только бы жила Россия и российское благочестие, слава и благосостояние».*[663] Конечно, поместить такую длинную надпись, даже в переводе на современный язык, особенно сохраняя слова о православной вере, Боге и церкви, в то время было невозможно; «благочестие, слава и благосостояние» также были неактуальными. В разгар Великой Отечественной войны надо было просто выжить, и это настроение нашло свое отражение в сокращенной цитате.

О том, как выглядела могила Петра I в 1951–1967 гг., можно судить по фотографиям, сделанным А. А. Григорьевым. В 1957 г. венков не было, но сохранялись киоты с иконами, а в 1967 г. нет уже и икон, на крышке надгробия различимы отверстия, оставшиеся от украшавших некогда могилу медалей, от прежнего убранства осталась только Пьета на стене, установленная на своем историческом кронштейне.

Скульптор Ю. Тюкалов с бюстом Петра I. Фото автора, 2009 г.

К 300-летию со дня рождения императора оформление могилы изменилось. Готовясь к празднованию юбилея Петра I, отмечавшемуся 30 мая 1972 г., научные сотрудники Государственного музея истории Ленинграда обсуждали различные варианты.[664] Предлагалось, в частности, украсить могилу императора скульптурным портретом, выполненным Мари Анн Колло для Медного всадника, по-видимому, рассматривался проект повторения убранства могилы на период Великой Отечественной войны. В конце концов методический совет остановился на копии бюста императора, выполненного с работы К. Альбачини,[665] которую итальянский скульптор второй половины XVIII в. создал, очевидно, под влиянием прижизненного изображения Петра Великого, сделанного К.-Б. Растрелли в 1719 г. По документам, хранящимся в Государственном музее истории Санкт-Петербурга, «копия с оригинала» поступила в коллекцию в 1972 г., хотя на самом деле был взят не мраморный бюст, а хранимая и сегодня в собрании Академии художеств копия XIX в. с работы К. Альбачини. Какое-то очень короткое время гипсовый бюст, тонированный под бронзу, стоял рядом с могилой Петра, но вскоре он был заменен на скульптурный портрет работы Ю. С. Тюкалова,[666] выполненный в технике гальванопластики с размерами: высотой 58 см, 38 см в диаметре. По воспоминаниям мастера, к 1972 г. тонированный под бронзу гипсовый бюст, установленный у могилы Петра I, протирали от пыли и, вероятно, уронили, вследствие чего он был деформирован.

По поводу этого бюста, а главное, образца, использованного современным мастером в качестве модели, по сегодняшний день существует много мифов, однако вопрос остается малоизученным.[667]

В 1972 г. к 300-летнему юбилею императора его могилу украсили знамена: Андреевский морской флаг – основателю Российского флота и ротное гвардейское знамя петровского времени – реформатору и организатору Российской армии. Флаги исчезли в 1990-х гг.

В настоящее время могилу украшают 7 медалей, являющихся копиями исторических и посвященных 100-летию и 200-летию Санкт-Петербурга, 200-летию со дня рождения Петра I, 200-летию взятия Нарвы, 200-летию Полтавской баталии, а также два жетона к 200-летию Полтавской битвы (копии серебряных). В 2003 г. в коллекцию прибавилась медаль к 300-летию Санкт-Петербурга.

В 1980-е гг. к надгробию Петра I вернулась Пьета работы венецианского скульптора Джованни Дзордзони, украшавшая могилу с XVIII в. Это многофигурная композиция, в ее центре изображена лежащая полуобнаженная фигура Христа, прикрытая покрывалом. Вокруг него расположено пять фигур. Голова Христа лежит на левой руке девы Марии, сидящей в скорбной позе, правую, отведенную в сторону руку, целует ангел. В ногах Иисуса Христа склонилась на коленях Мария Магдалина, поддерживающая его стопы. Левую руку умершего целует юноша, справа от которого помещена фигура ангела. Внизу мрамор обработан в виде скального рельефа с высеченными на нем цветами. Эту скульптурную группу можно идентифицировать с Пьетой, приобретенной С. Рагузинским[668] в Венеции и привезенной в Россию в 1717 г. В описи скульптуры Летнего сада 1728 г. упомянуто «Снятие Христа с креста», находившееся в Гроте, однако уже в описи 1736 г. произведение не значится.[669] Впоследствии группа была перенесена в Петропавловский собор, где около 1756 г. о ней писал Якоб Штелин. Скорее всего, Пьета находилась в Петропавловском соборе со времен императрицы Анны Иоанновны, с того момента, когда тело Петра I было, наконец, предано земле по ее приказанию и началось формирование особого убранства этой могилы. Как уже было сказано выше, Пьета сохранялась над захоронением императора до конца 1960-х гг. После недолгого отсутствия в 1970–1980-х гг. она была возвращена к могиле Петра. В начале XXI в. на южной стене собора восстановлен кронштейн под Пьету, исчезнувший в 1970-е гг. по непонятным причинам.

У могилы основателя Санкт-Петербурга можно постоянно видеть живые цветы, их приносят посетители музея.

Петропавловский собор – усыпальница представителей династии Романовых

Императорские захоронения XVIII в. находятся в южном нефе собора перед иконостасом, где помещена в киоте икона апостола Петра. Они расположены в два ряда. В первом ряду кроме Петра I и его второй супруги императрицы Екатерины I, упокоилась их дочь императрица Елизавета Петровна. Во втором ряду погребены императрица Анна Иоанновна, император Петр III и императрица Екатерина II. Таким образом, Петр I Великий и его внук Петр III захоронены перед иконой своего святого покровителя апостола Петра.

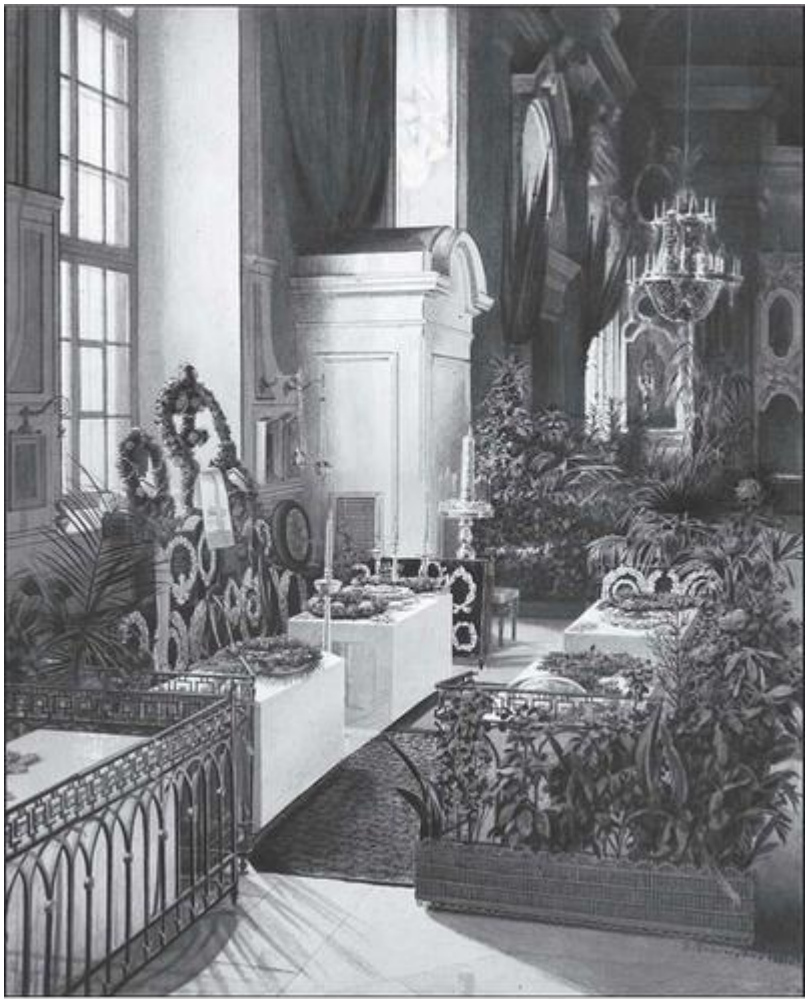
Императорские захоронения в северном нефе Петропавловского собора

В северном нефе в иконостасе представлена икона с изображением апостола Павла, перед ней похоронены император Павел I, его жена императрица Мария Федоровна, их старший сын император Александр I и его жена императрица Елизавета Федоровна. В первом ряду располагаются три могилы:

императора Николая I, его жены императрицы Александры Федоровны и старшей дочери Петра I цесаревны Анны Петровны, герцогини Шлезвиг-Голштейн-Готторпской – матери Петра III. В северном нефе в одном ряду с императором Александром II и его женой императрицей Марией Александровной покоится их сын император Александр III. 28 сентября 2006 г. в Петропавловском соборе было произведено перезахоронение императрицы Марии Федоровны (урожд. Марии-Софии-Фредерики-Дагмар Шлезвиг-Голштейн-Зондербург-Глюксбурской, 14.11.1867–13.10.1928) рядом с ее супругом императором Александром III. Мария Федоровна скончалась в Дании и была погребена в Роскильском соборе под Копенгагеном.

Все надгробия в Петропавловском соборы сделаны из белого каррарского мрамора, кроме двух, созданных из камней-самоцветов. Захоронение Александра II оформлено надгробием из алтайской яшмы зеленого цвета, вес его около 5,5 т. Над могилой его супруги императрицы Марии Александровны установлено надгробие из родонита, весом около 6,5 т. Эти великолепные монолитные надгробия выполнены по проекту А. Л. Гуна на Петергофской гранильной фабрике под Петербургом и установлены в 1906 г., когда отмечалось 25-летие со дня смерти царя-освободителя, отменившего крепостное право, и царя-мученика, погибшего от бомбы народовольцев после многократных покушений.

Кроме императоров и императриц в соборе хоронили и членов семей: в начале XVIII в. здесь были похоронены родственники Петра I, с 1831 г. стали появляться могилы великих князей.



В. Рейнгардт. Петропавловский собор. Северный неф. Так выглядели могилы императора Александра II и императрицы Марии Александровны до замены их в 1906 г.

В 1939 г. по просьбе греческого правительства в присутствии представителей музея, обоих правительств и духовенства была вскрыта могила урожденной греческой принцессы Александры Георгиевны, супруги сына Александра II великого князя Павла Александровича. Ее останки были отправлены для перезахоронения на родину. В 1994 г. было эксгумировано тело цесаревича Георгия Александровича для идентификации останков его брата Николая II. После необходимых исследований Георгий Александрович был захоронен в том же гробу и склепе в присутствии священнослужителей, была отслужена панихида.

В ходе восстановительных работ в соборе после пожара 1756 г. была сооружена стена, отделившая от главного зала храма три помещения, находящиеся под колокольней: притвор, через который прихожане входят в храм, ризницу и придел, освященный во имя святой великомученицы Екатерины. После этого основное помещение собора часто именовали «Главным храмом», а Екатерининский придел – «Малым храмом». Здесь проводили отдельные богослужения.

17 июля 1998 г. в Екатерининском приделе Петропавловского собора были преданы земле останки членов семьи императора Николая II, слуги и доктора, расстрелянных в Екатеринбурге 17 июля 1918 г. Надгробная плита выполнена из трех сортов итальянского мрамора, надгробие – из каррарского белого мрамора. Под ним – двухъярусный склеп, на нижнем ярусе которого похоронены: доктор Е. С. Боткин, горничная А. С. Демидова, лакей А. Е. Трупп, повар И. М. Харитонов.

На верхнем ярусе склепа находятся гробы с останками императора Николая II, его жены императрицы Александры Федоровны и трех дочерей: Ольги, Татьяны и Анастасии. Мемориальные доски на стенах Малого храма содержат информацию обо всех членах семьи, но для великой княжны Марии и цесаревича Алексея Николаевичей, чьи останки найдены не были, нет указания на место погребения. В похоронах участвовали: президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин, представители иностранных государств, большое количество приглашенных. Делегацию семьи Романовых, состоявшую из 52 человек, возглавлял праправнук Николая I Николай Романович Романов. Более 1000 корреспондентов освещали в средствах массовой информации это событие. Заупокойная панихида была отслужена клириками Санкт-Петербургской епархии во главе с настоятелем собора протоиереем Борисом Глебовым. При захоронении произведено 19 выстрелов.

Священный синод Русской православной церкви считает, что «…Решение, об идентификации останков, как принадлежащих семье Императора Николая II, вызвало серьезные сомнения и даже противостояния в Церкви и обществе. В связи с этим Священный Синод высказывается в пользу безотлагательного погребения этих останков в символической могиле-памятнике».

В августе 2000 г. Русская православная церковь канонизировала членов семьи Николая II, но отношение к захоронению в Екатерининском приделе не изменила.

С момента освящения каменного Петропавловского собора церковно-служебная жизнь в значительной мере определялась использованием его в качестве императорской усыпальницы. С

течением времени заупокойные службы по особам царствующего дома стали главными в деятельности причта. Здесь никогда не отправлялись таинства крещения и венчания.

В мае 1919 г. по распоряжению коменданта крепости собор был закрыт. С начала 1990-х гг. здесь возобновлены богослужения.

Накануне революции большая романовская семья насчитывала более 60 человек. 18 из них погибли в годы революционного террора (четверо были расстреляны в январе 1919 г. в Петропавловской крепости). Остальным удалось покинуть Родину. По-разному складывалась их жизнь в эмиграции. Сейчас Романовы живут во многих странах мира, имеют разные профессии. Во время своих визитов в нашу страну и Санкт-Петербург потомки императоров посещают могилы предков в Петропавловском соборе, чтобы поклониться их памяти.

Великокняжеская усыпальница

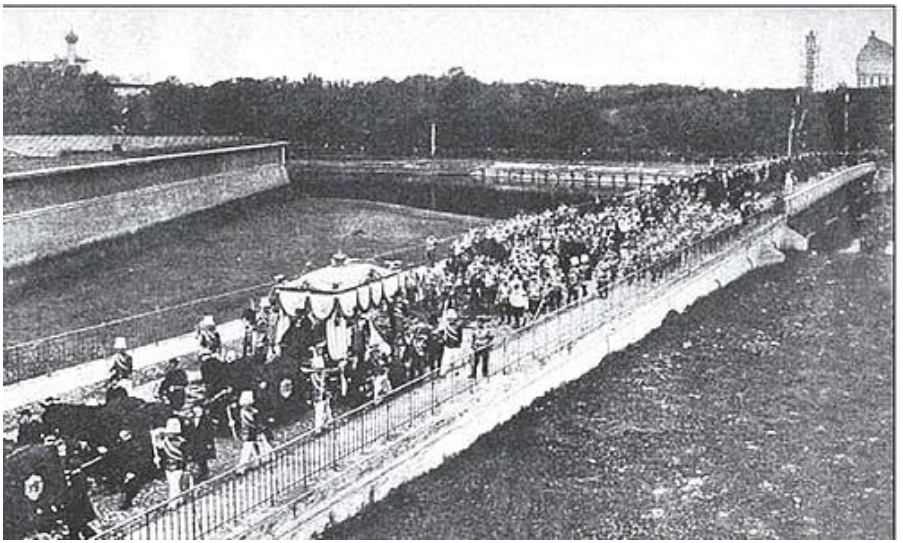
К концу XIX в. в соборе практически уже не оставалось места для новых захоронений, поэтому рядом с ним было возведено здание Великокняжеской усыпальницы по проекту архитектора Д. И. Гримма, при участии А. О. Томишко и Л. Н. Бенуа.

Сочетающее черты различных стилей здание хорошо вписалось в архитектурный ансамбль Петропавловской крепости и составляет единый ансамбль с Петропавловским собором, являясь его приделом, освященным в 1908 г. во имя святого благоверного князя Александра Невского, одного из покровителей Петербурга.

Усыпальница соединена со зданием Петропавловского собора галереей, где были предусмотрены помещения – Царские комнаты, предназначенные для отдыха членов правящей семьи при посещении могил близких.

Великокняжеская усыпальница. Фото нач. XX в.

В отличие от собора в Великокняжеской усыпальнице было сразу приготовлено шестьдесят бетонных склепов глубиной 2,2 м, располагающихся рядами с востока на запад. Могила закрывалась вровень с полом беломраморной плитой, на которой были выбиты титул, имя, места рождения и смерти, дата погребения усопшего. Когда хоронили в этом здании, то отпевание происходило в соборе. К 1916 г. здесь было тринадцать захоронений, восемь из которых перенесены из Петропавловского собора. После революции усыпальницу, как и собор, закрыли и опечатали. Бронзовые украшения и решетки алтарной части отправили в переплавку. Впоследствии здание использовалось под склад, в то время надгробные плиты были разбиты. В 1954 г. усыпальницу передали Государственному музею истории города.



Траурная процессия великой княгини Александры Иосифовны в Петропавловской крепости. Фото 1911 г.

Похороны Владимира Кирилловича Романова. Фото 1992 г.

Похороны Леониды Георгиевны. Прощание с телом в Петропавловском соборе. Фото 2010 г.

В настоящее время здесь находится семнадцать захоронений. Захоронение в 1992 г. правнука императора Александра II Владимира Кирилловича Романова (30.08.1917–21.04.1992), которого сторонники считали претендентом на российский престол, послужило прецедентом для последующих захоронений. В 1995 г. в Великокняжеской усыпальнице были перезахоронены из Кобурга (Германия) останки родителей Владимира Кирилловича – великого князя Кирилла Владимировича (30.09.1876–12.10.1938) и великой княгини Виктории Федоровны (13.11.1876–2.03.1936). 3 июня 2010 г. рядом с Владимиром Кирилловичем в Великокняжеской усыпальнице была захоронена его супруга Леонида Георгиевна (урожд. княжна Багратион-Мухранская, 23.09.1914–23.05.2010, Мадрид).

Церковно-приходская жизнь Петропавловского собора

Первый деревянный храм в Петропавловской крепости был освящен 1 апреля 1704 г. во имя апостолов Петра и Павла, о службах в этом храме сведений сохранилось мало, но известно, что там проводились торжественные богослужения в честь побед русского оружия, хранились трофеи, добытые в Северной войне. В 1712 г., когда Санкт-Петербург стал столицей государства, вокруг

деревянной церкви началось возведение нового каменного храма, продолжавшееся 21 год. В период строительства причт сохранялся и богослужения проводились. Уже в первой деревянной церкви была похоронена дочь Петра I Екатерина, захоронения родственников царя продолжались и во время строительства каменного храма. Когда в 1731 г. в соборе были преданы земле останки Петра I и Екатерины I, храм стал императорской усыпальницей. Указания на то, что собор сделан кафедральным указом Анны Иоанновны в июне 1731 г., находятся в летописи Петропавловской крепости[670] и у Богданова-Рубана, [671] однако в Полном собрании законов Российской империи такого указа не обнаружено.

29 июня 1733 г. произошло освящение этой единственной по тому времени и огромной, «пресловуто построенной церкви» в присутствии императрицы Анны Иоанновны.[672] Повторное освящение собора было совершено 23 июня 1757 г. после пожара, уничтожившего колокольню годом раньше.[673]

6 июля 1737 г. Анна Иоанновна наложила резолюцию на доклад Синода о штате священно– и церковнослужителей Санкт-Петербургского Петропавловского собора. Синод обратил внимание государыни на малое количество священников и их несоответствие высокому статусу храма: они «люди неученые», тогда как для такой «знатной церкви» полагаются в служители «люди достойные, ученые, искусные и доброжелательные» и «нескудного числа».[674] Штат был значительно расширен, и с этого времени в соборе начинались регулярные архиерейские служения, оправлявшиеся по очереди высшими иерархами русской церкви.

До учреждения в 1742 г. Санкт-Петербургской епархии собор считался синодальным и подчинялся Святейшему синоду. В Петропавловском соборе, как кафедральном, производили священнослужителей в архиерейский сан и рукополагали Санкт-Петербургских митрополитов, здесь же новый митрополит должен был провести свою первую службу.

Уже с первых лет своего существования Петропавловский собор не являлся единственным местом для архиерейских служений. Добраться до Петропавловской крепости было достаточно сложно, особенно весной и осенью из-за «опасности Невы», поэтому все чаще такие богослужения стали проводиться в других храмах, и Петропавловский собор стал утрачивать значение главного. Кроме территориального неудобства имело значение то, что в соборе хоронили членов императорской семьи, он стал местом мемориальным, в котором заупокойные богослужения стали играть ведущую роль.

В 1858 г. Исаакиевский собор стал кафедральным храмом Санкт-Петербургской митрополии, что подтверждает «Высочайше утвержденный Церемониал освящения Санкт-Петербургского кафедрального собора во имя святого Исаакия Далматского 30 мая 1858 г.».

В 1859 г. Петропавловский собор из ведения епархии передан в придворную строительную контору МИДв,[675] а в 1883 г. его вместе с причтом причислили к Придворному духовному ведомству МИДв, собор получил статус придворного, что вполне соответствовало исторически сложившейся ситуации, и сохранял его до 1917 г. В 2007 г. митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир (Котляров) назвал Петропавловский собор первым кафедральным собором Санкт-Петербурга.

В связи с тем, что собор – это усыпальница Дома Романовых, сложилась особая церковно-служебная жизнь храма: здесь отпевали и поминали усопших членов императорской семьи, а такие обычные требы, как крещение и венчание, не проводились. Соборяне принимали участие во всех церемониалах похорон монархов и поминальных службах. Иногда в соборе отпевали комендантов крепости, которых хоронили на Комендантском кладбище. К концу XIX в. установлен «Перечень церковно-служебной деятельности Петропавловских соборян» с обозначением регулярного проведения богослужений. В связи с расположением собора в центре Петропавловской крепости в обязанности причта входило отправление культовых обрядов для тех, кто составлял приход церкви: солдат крепостного гарнизона, арестантов, содержавшихся в крепости, работников Монетного двора. Накануне праздничных, воскресных и высокоторжественных дней служились всенощные, после каждой литургии поминались все особы, похороненные в Петропавловском соборе, начиная с Петра I.

Еще одна сторона деятельности причта собора – приведение к присяге работников Монетного двора и молодых солдат. Священнослужители собора преподавали закон Божий молодым солдатам крепостного бастиона и наблюдали за соблюдением епитимьи (наказания), наложенной на арестантов, солдат и офицеров крепостного гарнизона.

Храмовыми праздниками Петропавловского собора были: 29 июня – день покровителей собора первоверховных апостолов Петра и Павла; 24 ноября – святой великомученицы Екатерины в память святой покровительницы малого храма – Екатерининского придела; 30 августа (перенесение мощей в Петербург) и 23 ноября (погребение) – дни благоверного князя Александра Невского, которые стали отмечаться после освящения в честь этого святого

Великокняжеской усыпальницы в 1908 г. Праздники посвящались и храмовым святыням, проводились крестные ходы.

После 1917 г. службы некоторое время продолжались, но прекратились, очевидно, в 1919 г., когда храм был закрыт по распоряжению коменданта крепости А. И. Поппеля, однако штат и получение доходов сохранялись до 1922 г., после чего штат распался.[676]

В 1922 г. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница были приписаны как музейные объекты к Главнауке,[677] созданной при Наркомпросе. В 1924 г. Тюрьма Трубецкого бастиона, а в 1926 г. собор и усыпальница переданы Музею революции.[678] Новая страница истории открылась для Петропавловского собора в 1954 г., когда он поступил в ведение Гос. музея истории Ленинграда (с 1991 г. – Санкт-Петербурга).

Одним из первых и базовых юридических документов, инициирующих передачу верующим культовых ценностей в постсоветское время, стало Распоряжение Президента РФ от 23 апреля 1993 г., в котором на Правительство РФ возлагалось осуществление поэтапной передачи имущества религиозного назначения, находящегося в федеральной собственности, в собственность или пользование религиозным организациям. В 1997 г. министр культуры Е. Ю. Сидоров определил формы договорных отношений с церковью по поводу памятников: 1. Форма собственности (применяется редко); 2. Безвозмездное использование (применяется часто); 3. Совместное использование (применяется редко). К третьему виду пользования относятся такие памятники, как Московский Кремль, Петропавловский собор и др.

Патриаршая служба 12 июля 2009 г. в Петропавловском соборе

В начале 1990-х гг. было зарегистрировано два прихода: один – на Петропавловский собор, другой – на Великокняжескую усыпальницу с настоятелем протоиереем Борисом Глебовым. В 2001 г. зарегистрирован ныне действующий приход, председателем приходского совета (старостой) которого является Б. А. Алмазов, казначеем – Н. Н. Валуйский. Настоятель собора – игумен Александр (Федоров). Нового освящения Петропавловского собора в постсоветское время не было, после регистрации прихода перед празднованием храмового праздника 12 июля 2002 г. от митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира (Котлярова) выдан новый антиминс.

1992 г. можно считать началом возобновления служб, в основном поминального характера, это стало возможным после захоронения в Великокняжеской усыпальнице Владимира Кирилловича Романова. В 1997 г. в соборе прошла первая после революции всенощная литургия, годом позже, 17 июля 1998 г., отец Борис Глебов провел богослужение по невинноубиенным, приуроченное к годовщине расстрела семьи последнего российского императора и захоронению в Екатерининском приделе екатеринбургских останков. 12 июля 1999 г. в день апостолов Петра и Павла в Петропавловском соборе прошла первая всенощная и митрополичья литургия, которую проводил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир. С

этого времени службы становятся регулярными.

В 2007 г. Санкт-Петербургское епархиальное управление РПЦ обратилось к председателю Совета Федерации С. М. Миронову с просьбой возглавить Попечительский Совет Императорского Петропавловского собора, результатом стало подписание между епархией и музеем договора о совместном использовании собора и организации регулярных богослужений с начала 2008 г.

В ночь на 27 апреля 2008 г., впервые в постсоветский период, настоятель собора игумен Александр Федоров провел пасхальное богослужение, а 12 июля 2009 г. патриарх Кирилл совершил Божественную литургию в соборе, отметив, таким образом, именины города. Это было первое патриаршее богослужение за всю историю храма. Ранее, если патриархи и посещали собор, но богослужений не вели, о Российской империи в этом контексте говорить не приходится по причине отсутствия в ней института патриаршества. Патриарх преподнес в дар собору список с Казанской иконы Божьей Матери, который хранится ныне в центральном нефе на солее слева от Царских врат. Викарный епископ Амвросий от лица епархии преподнес в дар владыке икону апостолов Петра и Павла. Патриаршие богослужения стали новой традицией. 12 июля 2010 г. Предстоятель Русской православной церкви также отметил день апостолов Петра и Павла.

30 сентября 2009 г. между митрополией и музеем достигнуто историческое соглашение по службам, в соответствии с ним во время служб экскурсионная работа не ведется. Богослужения проходят по субботам – Всенощное бдение и по воскресеньям – литургия. Службами отмечены все главные двунадесятые праздники и Пасха, проводятся панихиды по усопшим императорам, некоторым императрицам и членам императорской семьи, традиционно отмечаются храмовые праздники: дни апостолов Петра и Павла, великомученицы Екатерины и святого благоверного князя Александра Невского.

В общем списке храмов Санкт-Петербургской митрополии собор значится как «Императорский мемориальный собор во имя святых апостолов Петра и Павла» под № 126.[679]

В ноябре 2010 г. президент Д. Медведев подписал Федеральный закон Российской Федерации о передаче церковным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности. Как этот закон коснется судьбы Петропавловского собора, покажет будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Российской империи организаторы государственного похоронного церемониала руководствовались главным принципом «масштабности и торжественности». Необходимым элементом подготовки ритуала была разбивка его на несколько этапов, заключительным была организация Печального шествия с гробом монарха к месту захоронения, которым в XVIII–XIX вв., за редким исключением, являлся Петропавловский собор Санкт-Петербурга.

В связи с перенесением акцентов в организации Печального действа с религиозного на светское начало появилась необходимость в разработке идеи монарха-воителя. В траурных мероприятиях особенно важным было использование военного караула, который должен был служить демонстрацией главной функции правителя – защитника своей страны. Представители армии являлись обязательными участниками церемониалов. Развивали идеи воинской доблести рыцарские мотивы, нашедшие отражение в присутствии двух рыцарей траурной процессии – одного в черных (печального), другого (радостного) – в золоченых латах. Лошади их императорских величеств участвовали в церемонии как боевые товарищи. В похоронах императриц лошадей заменяли кареты.

Интеграция страны в мировое пространство, проводимая в данном случае через государственные мероприятия, к коим относились погребения монархов, выражалась в том, что подготовка и проведение траурной церемонии, а также составление публикаций, посвященных данной теме, в первой половине XVIII в. поручалась иностранным специалистам. В построении процессии главенствовал принцип толерантности: один русский – один иностранец. При составлении церемониала использовался западноевропейский опыт королевских похорон, в связи с чем российским дипломатам вменялось в обязанность сообщать о подробных мероприятиях, проводившихся в других странах. За образец при проведении торжеств высокого уровня брался пример западноевропейских дворов, примером для которых служил, в первую очередь, Версальский двор.

При похоронах светского правителя первым лицом в церемонии в допетровское время выступал глава церкви, при погребении церковного лидера ситуация менялась, и траурным действом руководил светский правитель. В связи с отменой патриаршества подобная расстановка сил в похоронных мероприятиях уже не могла существовать, однако духовенство,

особенно высшее, продолжало играть большую роль в траурном ритуале и сопровождало умирающих и усопших членов правящей семьи во всех церемониях.

Присутствие различных социальных, политических, этнических и прочих групп в Печальной процессии, не отменяя важности присутствия духовенства вообще и высшего духовенства в частности, перевело всю церемонию из сферы практически сугубо религиозного мероприятия в плоскость события общегосударственного масштаба.

Процессия строилась по принципу старшинства участников: «младшие впереди» до главного героя действа – покойника в гробу, за которым следовало ближайшее окружение по нисходящей линии – от более значимых лиц – к менее важным. Такая традиция построения процессии, ассоциировавшаяся с пирамидой, заложенная в средние века, сохранилась и в дальнейшем.

Новым и необычным для похорон усопшего монарха стала театральность траурной церемонии, в ней принимали участие войска, духовенство, рыцари, лошади, герольдмейстеры в специальном средневековом облачении, представители дипломатического корпуса, все сословия Российской империи, иностранные представители, обеспечивавшие широкое освещение события всему миру. С начала XVIII в. в траурное шествие было вовлечено огромное число участников, не менее 10 000 человек. Эта масса разбивалась на тематические группы, каждую из которых выводил маршал. Каждая группа символизировала один из аспектов прошедшего правления, представляя все социальные, национальные, этнические и прочие составляющие государства. В похоронной процессии был использован весь арсенал звукового и визуального сопровождения: колокольный звон, пушечная пальба, траурное убранство города, специальное облачение участников.

В траурных декорациях, в убранстве дворцов и соборов, в первую очередь Петропавловского, а также Печального шествия были задействованы все элементы символики – государственной и личной монарха, являвшейся отражением прошедшего правления. Через зримые образы были представлены территориальные завоевания, административные преобразования, создание новых учреждений и пр. Происходило соотнесение гербов и эмблем, используемых в процессии с изменением официального титула монарха, эта традиция сохранялась во все время существования Российской империи. К понятию инсигний следует отнести и все новые регалии, входившие в государственный обиход с начала XVIII в. Изменение титулатуры российского правителя, связанное с принятием Петром в 1721 г.

титула императора, повлекло за собой изменение государственной символики и государственных регалий в различных церемониалах, в том числе траурных торжествах, выразившееся в переориентации с Византии на более древние образцы Римской империи.

Новая Императорская корона, задействованная впервые в государственном ритуале при коронации Екатерины I, менее чем через год явилась украшением траурных мероприятий при погребении Петра I и с этого времени стала обязательным атрибутом императорских похорон на протяжении всего XVIII в. Если держава и скипетр использовались и до императора Петра Алексеевича, то при его правлении бармы в качестве государственной регалии уже отошли в небытие. В государственной культуре символы и церемониалы всегда играют важную роль. За деталями этикета встают вопросы политики государства, его идеологии и престижа верховной власти. Военная тема, представленная через такие зримые образы, как шпоры, перчатки, шпаги, ордена, военную атрибутику в траурном выражении, знамена, барабаны, лошадей, акцентировала внимание на личных завоеваниях монарха и особенностях его занятий при жизни.

Инсигнии – порфира, скипетр, держава, гербы, короны, а также особые чины – маршалы-распорядители, герольды-глашатаи составляли единый набор знаков государственной символики, который был задействован при всех государственных мероприятиях высокого ранга, будь то коронация, венчание или похороны правителей. К примеру, скипетр и держава всегда использовались при коронациях и погребении правителей. Таким образом, императорские похороны входили в ряд главных торжеств Российской империи.

В допетровской России царские похороны были тем мероприятием, на которое допускались особо значимые, приближенные люди. С начала XVIII в. в траурной императорской процессии принимали участие представители практически всех слоев общества, всех конфессий, всех сословий. Для демонстрации сплоченности подданных монарха огромной страны и толерантности власти подобная демонстрация была необходима. Для траурного шествия приглашались желающие отдать последнюю честь усопшему и показать лояльность новому правителю. Участие в церемониалах не было специфической принадлежностью только дворянского сословия, сам факт принадлежности к которому поддерживал социальный статус личности.

Главным героем действа, естественно, был усопший монарх,

его сопровождали в мир иной самые значимые государственные и личные регалии, подчеркивавшие его государственное и личное значение в истории не только Российской империи, но и всего мира. Так, со времен Петра I на специальных подставках-табуретах стали выставлять «кавалерии» – ордена покойного, как российские, начиная с главного отечественного ордена святого Андрея Первозванного, так и иностранные награды, которых монарх удостаивался при жизни. Эти же ордена были задействованы и в траурной процессии.

Для всех последующих похорон за образец брались предыдущие, учитывались воля ушедшего правителя и основные ориентиры в области внешней и внутренней политики, представления о культуре и эстетике его преемника на российском престоле.

Поминовение усопших членов правящей семьи до начала XVIII в. поручалось малочисленному Панафидному приказу, на смену ему со времен Петра I пришла Печальная комиссия, создаваемая после смерти монарха, ведавшая всеми организационными, финансовыми и церемониальными вопросами подготовки и проведения траурных мероприятий, подчинявшаяся непосредственно новому правителю и отчитывавшаяся ему о своей деятельности. При дворе была создана Экспедиция церемониальных дел, в задачи которой входило рассмотрение всех вопросов подготовки и проведения государственных церемониалов. Конкретные случаи, такие как перезахоронение императора Петра III, перевоз тел императора Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны, изучались и использовались в качестве прецедентов для последующих мероприятий подобного плана.

Время петровских преобразований способствовало расширению родственных связей российского Императорского дома с другими монаршими домами Европы. Русская императорская фамилия, ощущая себя частью международной правящей семьи, устанавливала траур не только по своим усопшим родственникам, но и по скончавшимся представителям всех мировых христианских правящих династий. Этот траур фиксировался в специальных журналах Экспедиции церемониальных дел, срок его определялся высотой происхождения, степенью родства усопшего и субъективными пристрастиями русского самодержца. Целый ряд государственных указов XVIII–XIX вв. регламентировал форму траурной одежды, что говорит о большом значении, придаваемом костюму как внешнему способу выражения скорби по ушедшему правителю в обществе. Траур в одежде как демонстрация выражения печали

передавался через ограничения использования материалов и цвета одежды, через отказ от жизнерадостных тонов в пользу темных и черных. Традиционно используемые в России цвета траура не отличались принципиально от таковых же, задействованных в других христианских странах. Однако в связи с западноевропейским влиянием большее распространение получили оттенки красного – пурпурный, малиновый, фиолетовый, к тому же они ассоциировались с цветом власти. Цвет власти – золотой – дополнялся серебром для яркости, но использовался в нарушение «царского чина».

Государственные похоронные церемониалы являлись неотъемлемой частью культурной жизни общества. Звуковым сопровождением траурной процессии в России были колокольный звон и духовное пение. Традиция сохранилась и в дальнейшем, но к этому добавились пушечная пальба, военные оркестры и авторские произведения композиторов, такие, как, например, сочинение Д. С. Бортнянского «Коль славен наш Господь в Сионе».

Начиная со времен Петра I, освещение и создание особой атмосферы при похоронах создавали факельщики, выстраиваемые по бокам траурного шествия.

Принятым выражением скорби на Руси были ритуальные рыдания и вопли, обязательно сопровождавшие действо. Петр I, находясь под влиянием протестантской сдержанности многих людей из своего окружения и вводя новые нормы поведения членов своей семьи и подданных на похоронах, ввел запрет на «столь же искреннее, сколь и притворное» выражение горя, как ритуальный плач и приглашение профессиональных плакальщиц. Однако надо заметить, что при похоронах самого императора и его преемников этот указ неоднократно нарушался. Профессиональные плакальщицы ушли из ритуала императорских похорон, но скорбь в виде плача, пусть и менее театрализованного, сохранилась и впоследствии.

Петр I ввел писание посмертных портретов и снятие маски с лица усопших в традицию, которая была продолжена на протяжении всего времени существования Российской империи.

Участники подготовки и проведения церемонии получали материальные награды в виде чинов, денег, аттестатов и пр. Создание и раздача памятных медалей разного достоинства стали абсолютно новыми элементами траурного действа, введенными во времена первого российского императора. Традиция особых печальных сувениров: медалей, браслетов, колец и т. д. – поддерживалась в дальнейшем в Российской империи.

По поводу смерти государей в средние века создавалось литературное произведение – Плач, в нем обозначалась тема

преемственности власти. В петровское время появилась и закрепилась традиция создания и публикации описания кончины и погребения монарха, снабженного иллюстрациями. Так как подобные произведения создавались с презентационной целью, в них наблюдалось искажение фактов – приукрашивание действительности за счет описания более дорогих материалов, чем те, что были реально использованы. Для освещения мероприятия на мировом уровне траурные церемониалы издавались на русском и на являвшемся международным французском языке. Описания публиковались как в виде торжественных церемониальных альбомов, так и недорогих брошюр.

К траурным мероприятиям относится ритуальная еда – поминальный стол, включающий в себя определенные блюда и напитки, символически обусловленные. Поминальный стол, ритуальная еда продолжали и продолжают играть важную роль, от которой человечество не отказалось и в дальнейшем.

Некоторые традиции отошли со временем в небытие. Так, например, традиционным в средние века было использование в траурных мероприятиях специальных выносных саней: супруги или женщины-родственницы усопших не шествовали за гробом, их несли на специальных санях. Эта традиция исчезла в конце XVII в. Изменение уклада жизни представительницы высшего общества как теремной затворницы, произошедшее в начале XVIII в., привело к тому, что женщины начали играть особую роль в жизни государства, принимая активное участие в государственных церемониалах, в частности в погребении своих близких, иногда даже следуя пешком наряду с мужчинами в траурной процессии. Это своеобразная революция в отношении к женщине как к равноправному члену общества привела к отмене ограничений на место погребения, которое до начала XVIII в. определялось для представителей правящей семьи и по половому признаку. В это время и впоследствии определение места погребения было аргументировано только положением в социальной иерархии и личными пристрастиями самодержца.

Смерть и похороны правителя сопровождались раздачей милостыни и амнистией. Погребение представителей элиты общества существенно отличалось от похорон простолюдинов. После неудачных и слишком утомительных и длинных проповедей появилось запрещение императрицей Анной Иоанновной длинных надгробных проповедей.

Во второй четверти XIX в. император Николай I предпринял попытку реформирования траурного церемониала для упрощения и удешевления государственного мероприятия: было приказано

заменить тяжелые доспехи для латников имитацией из замши, в соответствии с веяниями моды менялись фасоны траурной одежды. Николай I приказал производить более скорое захоронение. Предпринята была попытка упростить оформление Траурной залы. В связи с увеличением численности императорской семьи несение гроба переходило от окружения усопшего императора – адъютантов к членам семьи – великим князьям. В мероприятиях наряду с армией стали использоваться военно-морской флот и подшефные представительницам императорской семьи воинские подразделения.

Смена форм правления всегда влечет за собой введение новых церемоний и наполнение новым идеологическим содержанием общепринятых старых форм. Так было в начале XVIII в., когда происходил процесс европеизации общества и консолидации дворянского сословия. Нововведения, вошедшие в траурный императорский церемониал при Петре I, закрепленные во время его собственных похорон, сохранялись в основном в траурных церемониях членов династии Романовых. Несмотря на некоторую вариативность деталей, общая тенденция оставалась в Российской империи неизменной.

Большей части российского общества была присуща устойчивая государственно-консервативная система взглядов: традиционная неизменность похоронного императорского церемониала должна была подчеркнуть сакраментальную идею о незыблемости монархической власти.

Глоссарий

Аксамит м. (греч., «из шести нитей») – старинная плотная ворсистая ткань ручной работы из шелка и пряденой золотой или серебряной нити, напоминающая бархат. Известен на Руси с далекой древности, его ввозили из Византии.

Аналав м. (греч., «воспринимать») – принадлежность облачения монаха великой схимы, то же, что параман монаха малой схимы.

Аналой м. – высокая подставка с покатым верхом, на которую кладутся богослужебные книги или иконы.

Ангажанты (ангалажанты, гажан), мн. (фр.,*engageants)* – женский убор, шарф, ленты, завязываемые бантом на шее.

Архиерей м. (греч.,*archihieros, archi* – старший*, hieros* – священный) – в православной церкви общее название должностей высшего черного духовенства (епископ, архиепископ, митрополит, патриарх).

Архимандрит м. (греч.,*archimandrites)* – в православной церкви высшее звание священника-монаха; почетный титул настоятелей мужских монастырей, ректоров духовных учебных заведений.

Берёйтор, берёйтер м. (нем.,*bereiter)* – специалист по обучению лошадей и верховой езде; учитель, обучающий верховой езде, «объездчик» верховых лошадей.

Благовест м. – один из наиболее древних звонов православной церкви, несет благую, радостную весть о начале богослужения. Благовест осуществляется мерными ударами в один из самых больших колоколов.

Валовые колокола – то же, что «очапные» или «очепные», качающиеся колокола, также «колокола с очапом», или «с очепом», по специальному шесту «очепу» («оцепу», «очапу»), который приделывался к вращающемуся валу с насаженным на нем колоколом. Качающиеся колокола выполняли основную фигуру церковного звона – благовест. Они входили в состав каждого древнерусского собрания колоколов, так называемого «звона», были самыми большими на колокольне и звучали в максимально низких регистрах. В церковных описях назывались «благовестниками» или «большими». Задействованы в «печальных звонах», звучавших при смерти и похоронах правителей.

Галант м. – лента.

Гарус м. (польск.,*harus,* от нем. *haar* – волос, шерсть) –

пряденная шерсть для вышивания.

Гас (газ) ж. (фр.,*gaze)* – легкая прозрачная ткань из шелка или льна; свое название получила от сирийского города Gaza, где впервые была изготовлена.

Герольд м. (лат.,*heraldus)* – глашатай, вестник, церемониймейстер при королевских (царских) дворах; распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах.

Глазет м. (фр.,*glace* – глянцевый) – шелковая ткань с золотым и серебряным утком, гладкая или с крупным рисунком.

Гоф-(нем., двор, придворный) – первая часть сложных слов, ставится перед званиями и должностями для указания принадлежности их двору, прямо или почетно.

Гофмейстер м. (нем.,*hofmeister)* – в России придворный чин и должность 3-го класса, управляющий дворцовым хозяйством и штатом придворных, ведающий придворным церемониалом.

Гофмейстерина ж. (нем.,*hofmeisterine)* – старшая над придворными фрейлинами, также жена гофмейстера.

Далматик м.*(далматика)* (лат.,*dalmatique* – мантия) – узкая длинная одежда с широкими рукавами из плотной ткани, надеваемая поверх туники.

Драбант м. (нем.,*drabant* – *trabant* – телохранитель) – в XVII–XVIn вв. телохранитель военачальника или правителя государства в ряде европейских стран. В России драбантами называлась конная рота, созданная Петром I в качестве почетной стражи на время коронации Екатерины I (май 1724). В последующее время (до 1880-х) – офицерская прислуга из нижних чинов в казачьих и милицейских частях. Вообще – человек высокого роста и крепкого телосложения, участник церемониального действа.

Драпри нескл., ср. (фр.,*draperie)* – занавеска, драпировка.

Дьяк м. (греч.,*diakonos* – служитель) – 1. в православной церкви низший служитель, псаломщик, то же, что дьячок. 2. (ист.) на Руси в XIV–XVII вв. должностное лицо (напр. думный дьяк).

Дьякон (диакон) м. (греч.,*diakonos* – служитель) – в православной церкви низший духовный сан, помощник священника при богослужении и отправлении обрядов.

Епанча ж. (тур.,*yapanca)* – длинный и широкий плащ без рукавов с широким отложным воротником.

Иерей м. (греч.,*kiereus,* от*hieros* – священный) – священник.

Иеродиакон м. (греч.,*hierodiakonos)* – в православной церкви: монах в сане дьякона.

Иеромонах м. (греч.,*hieros* – священный и*monachos* – монах) –

монах в сане священника.

Иммортáль, иммортéли, чаще мн., ж. (фр.,*immortelle,* букв. – бессмертная) – растение, у которого цветы сохраняют при высыхании натуральный цвет и вид; то же, что бессмертник или сухоцвет.

Инсигния ж. (лат.,*insignia)* – знак высшей власти, вещественный символ.

Иподиакон м. (греч., по – «оод», «внизу» и SiaKovo; – стужитель) – помощник диакона, высшая степень церковнослужителя. Иподиакон – низший клирик наиболее высокой степени.

Историософия ж. (греч.) – философская теория исторического знания и исторического прогресса.

Камер-(нем.,*kammer* – комната) – первая часть сложных слов, означающих: состоящий непосредственно при дворе монарха (например, камер-фрейлина, камер-юнкер, камер-паж, камергер, камер-лакей и пр.).

Камергер м. (нем.,*kammerherr)* – придворное звание старшего ранга (выше камер-юнкера), первоначально 6-го класса, в Российской империи (с XVIII в.) и некоторых других монархических государствах. Отличительный знак – ключ на голубой ленте.

Камердинер м. (нем.,*kammer* – палата и*diener* – слуга) – комнатный слуга.

Камер-медхен ж. (лат.,*camera,* нем.,*madchen* – девушка) – девица, прислуживающая при одевании владетельных особ.

Камер-паж м. (фр.,*page)* – в средние века: мальчик-дворянин, прислуживавший знатной или коронованной особе (преим. женщине). Младшая придворная должность.

Камер-юнгфера ж. (нем., от лат. *camera* и нем. *jungfer* – девушка) – то же, что камер-медхен, только степенью выше её.

Камер-юнкер м. (нем.,*kammerjunker* – дословно: комнатный молодой дворянин) – первоначально: дворянин, обслуживающий особу императора, короля или курфюрста в его комнатах. В царской России в соответствии с Табелью о рангах камер-юнкер – младшее придворное звание (ниже камергера). Первоначально относилось к 9-му классу, с 1737 г. – к 6-му классу, с 1742 г. – 5-му классу. После 1809 г. – младшее придворное звание; с 1836 г. – для лиц, имевших чин 4–9-х классов, а с 1850 г. – 5–8-х классов. На начало 1915 г. в России насчитывалось 394 камер-юнкера.

Каппа ж. (лат.,*cappa)* – покрывало; одеяние в виде плаща с капюшоном.

Кирасирский – от кирасы.

Кирасир, кирасиры м. – тяжелая кавалерия, носящая кирасы. В России учреждены при Анне Иоанновне, впоследствии только гвардейские полки.

Кираса ж. (фр.,*cuirasse,* итал.,*corazza,* исп.,*coraza,* от фр. *cuir* – кожа) – доспехи, состоящие из нагрудника и наспинника, соединенные металлическими наплечниками и связанные на боках ремнями. Реже кираса имела только грудную пластину. В конце XIX – нач. XX вв. являлась парадным защитным вооружением.

Коленкор м. – ткань полотняного переплетения, сильно накрахмаленная в процессе отделки. В XIX – нач. XX вв. использовалась для подкладки, также для церковных нужд.

Краген м. (нем.,*kragen* – воротник) – большой отложной или стоячий воротник из полотна, кружев или сукна. Обязательная деталь в церемониальном одеянии кавалеров высшего русского ордена Андрея Первозванного (до 1917 г.). Воротник императорской мантии.

Куколь м. (лат.,*cucullus* – капюшон) – 1. Верхнее облачение монаха великой схимы в виде остроконечного капюшона с двумя длинными, закрывающими спину и грудь полосами материи; черного цвета, с изображением на нем крестов, серафимов и текста Трисвятого. Одевается поверх мантии. 2. Куколь – повседневный головной убор патриарха, в котором он совершает и некоторые богослужения.

Лейб-(нем.,*leib* – тело) – первая часть сложных слов, означающих: состоящий непосредственно при главе государства, главным образом при монархе (например, лейб-гвардия).

Маршал м. (нем.,*marschall,* от др. – нем.,*marah* – конь и*scalc* – слуга) – первоначально, начальник королевских конюшен и конницы; потом, в первые времена французской монархии, высшее военное звание, отличительным знаком которого служил жезл. Главный распорядитель какой-либо придворной церемонии. Гофмаршал – придворный сан; фельдмаршал – главнокомандующий.

Обер-(нем.,*ober)* – приставка к названиям должностных лиц; по значению своему соответствует русскому «главный».

Обер-шенк м. (нем.,*oberschenk,* букв. старший виночерпий) – в Российской империи высший придворный чин 2-го класса.

Объярь ж. – старинная волнистая шелковая ткань; муар.

Однорядка ж. – старинный русский мужской и женский

распашной кафтан из домотканого (часто цветного) сукна, с длинными рукавами, однобортный, с прямым запахом, без ворота, с застежкой на пуговицах.

Охабень м. – старинный русский широкий кафтан с четырехугольным отложным воротником и длинными прямыми, часто откидными рукавами.

Панафида ж. – (устар.) панихида.

Параман м. – небольшой четырехугольный плат с изображением креста. Носится на теле под одеждой на четырех шнурах, пришитых по углам. В чинопоследовании пострига параман называется образом и знамением Креста Господня.

Парсуна ж. (искажение слова «персона», лат. Persona – личность, лицо) – произведение русской портретной живописи XVII в.

Петинет м. – тонкая кружевная ткань из шелка, хлопка или льна.

Платно ср. – старинная верхняя мужская одежда из дорогих тканей, служившая в XV–XVII вв. облачением монархов Руси при торжественных приемах, придворных церемониях и т. п.

Плерез (плюрез) мн., ед. нет (фр.,*pleureuses* – плачущие) – траурные нашивки на платье.

Плюмаж м. (фр.,*plumage* – перья) – украшение из птичьих перьев или пучка перьев.

Позумент м. (нем.,*posament,* фр.,*passement,* вероятно от*passer* – протягивать) – серебряная или золотая тесьма.

Порфира ж. (греч.,*porphyra)* – 1. Длинная, обычно пурпурного цвета мантия, надеваемая монархами в торжественных случаях; один из символов власти монарха. 2. Род морских водорослей, из которых добывали краску красновато-фиолетового оттенка.

Посошник м. – в православной церкви причетник, держащий архиерейский посох.

Почивальная ж. (комната) – спальня.

Поэндишпан – поендиспан м. – дорогое кружево.

Престол м. – (пре и стол) – священное место как представительство высшей силы. 1. В церкви стол в алтаре напротив Царских врат, на коем совершается таинство Евхаристии. 2. Трон как символ царской власти, собственно царствование.

Причетник м. – в православной церкви младший член церковного причта (псаломщик, дьячок).

Протазан м. (нем.,*partisane)* – копье с плоским и длинным металлическим наконечником. В России – почетное оружие офицеров в нач. XVIII в.

Прото-(греч.) – первый, старший.

Протопресвитер м. (греч.,*protos* – первый и*presbyteros* – священник) – высшее звание русского белого духовенства, жалуемое высочайшею властью, занимает после архиереев, первое место при богослужении. В Российской империи было всего четыре: протопресвитер Большого придворного собора в Санкт-Петербурге, также числившийся протопресвитером Московского Благовещенского собора, заведовал придворным духовенством и состоял духовником их императорских величеств; протопресвитер военного и морского духовенства; титул протопресвитера носили также настоятели Успенского и Архангельского соборов в Москве.

Пферд м. (нем.,*pferd)* – лошадь. Лейб-пферд – личная лошадь монарха.

Пьета (от итал.,*pieta* – милосердие) – изображение Иисуса Христа, снятого с креста и оплакиваемого Богоматерью.

Распущенная шляпа – шляпа с незакрепленными, свободно опущенными полями.

Регалия ж. (лат.,*regalis* – принадлежащий царю) – знак и привилегия высшей государственной власти.

Секуляризация мн. нет, ж. (лат.,*secularis* – светский) – изъятие чего-либо из церковного и передача в светское, гражданское ведение.

Синклит м. (греч.,*synkˆtos* – созванный) – собрание, заседание избранных или высокопоставленных лиц, духовенства (первонач. собрание высших сановников в Древней Греции).

Снип м. (англ.,*snip* – лоскут) – повязка на голову.

Срачица — сорочка, нижняя рубашка.

Стольник м. – дворцовый чин, затем придворный чин в Русском государстве в XIII–XVn вв., по росписи чинов XVII в. стольники занимали пятое место после бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков.

Супервест м. (фр.) – безрукавный кафтанчик.

Тарч м. (нем.,*tartsche)* – малый, круглый щит, в средине которого продевалась рука, с кольчужной рукавицей и оружием.

Тафта ж. – плотная шёлковая или хлопчатобумажная глянцевитая ткань с поперечными мелкими рубчиками.

Травчатый атлас – атлас с нанесёнными на него узорами.

Траур м. (нем.,*trauer)* – скорбь, печаль.

Трон м. (греч.,*thronos)* – богато отделанное кресло на специальном возвышении, место монарха во время официальных приемов и торжественных церемоний.

Ферд м. (нем.,*pferd*) – лошадь.

Флер м. (нем.) – прозрачная, реденькая ткань. Флеровое покрывало, фата.

Фрейден-ферд м. (нем.,*freuden* – радостный) – «радостная лошадь».

Фрейлина ж. (нем.,*fraulein)* – придворная служащая, девушка-дворянка, состоящая при особе царствующего дома (царице, королеве, принцессе и т. п.).

Фризе ср. – ткань с плюшевой поверхностью, напоминающая махровую.

Церковнослужители – в православной церкви лица низших степеней клира: иподьякон, чтец, певец и свеченосец; вспомогательные лица, участвующие в богослужении.

Червчатый (о цвете) – красно-фиолетовый, пурпурный, багряный, то же, что червлёный.

Шемизетка ж. (фр.,*chemisette,* от*chemise* – сорочка) – женская кофта, блузка, вставка на груди женских блузок, платьев, манишка.

Шкарлат – красное сукно, багрец, пурпурная ткань. Восходит к лат. «Scarlatum» – красный, от названия улитки, из панциря которой добывали краситель красно-фиолетового цвета – порфир, пурпур. Первое упоминание в русских источниках встречается в 1286 г., когда князь Владимир Васильевич купил село Березовичи за «пять локот» скарлата. Иван Данилович Калита, великий князь Владимирский, оставил сыну «скарлатное портище», а Иван Иванович (сын Калиты) завещал «опашень скарлатен». В то время сукно на Руси было редкостью. Одежды из скарлата передавались по наследству и заносились в духовные книги.

Шлафрок м. (нем.,*schlafrock)* – длинный просторный домашний халат, подпоясанный обычно витым шнуром с кистями.

Шнип м. (нижненем.,*snip* – букв. кончик) – нижний, заостренный край лифа женского платья, спускающийся на юбку, иногда довольно низко, мысок или выступ «языком» у женского пояса, лифа.

Шталмейстер м. (нем.,*stallmeister* – буквально «начальник конюшни») – главный конюший, придворный конюшенный в чине 6-го класса для лиц, состоящих при придворной конюшне.

Эспонтон м. (фр.,*espoto* – меч) – колющее древковое холодное

оружие, состоящее из фигурного пера, тульи, крестовины, находящейся между ними, помочей и длинного древка. Чаще использовался как парадное оружие. Общая длина – 2150 мм, длина наконечника – 370 мм, ширина – 80 мм, диаметр древка – 30 мм, вес – 1200 г. Эспонтон является разновидностью протазана.

Castrum Doloris (лат. «Замок скорби») – Каструм Долорис – сооружение и убранство помещения, в котором выставлен гроб с телом усопшего, для обозначения его высокого социального статуса. Может иметь форму балдахина изысканной формы, украшенного свечами, цветами, символами власти – гербами, эпитафиями и аллегорическими фигурами. В Европе получил широкое распространение с XVII–XVIII вв., в России подобные сооружения стали возводиться со времен Петра I.

Для справки

Меры длины:

1 верста = 1,067 километра;
1 сажень = 2,134 метра;
1 аршин = 0,7112 метра = 71,12 сантиметра;
1 вершок = 4,445 сантиметра;
1 фут = 0,3048 метра = 30,48 сантиметра;
1 дюйм = 2,54 сантиметра = 25,40 миллиметра.

Условные сокращения

БАН – Библиотека Академии наук
ВХПУ – Высшее художественно-промышленное училище
ГММК – Государственные музеи Московского Кремля
ГЭ – Государственый Эрмиаж
КГИОП – Комитет по государственному контролю, использованию
и охране памятников
МИДв – Министерство императорского двора
ОЛДП – Общество любителей древней письменности
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГИА – Российский государственный исторический архив
РНБ – Российская Национальная библиотека

Список источников и литературы

Архивные документы и материалы

1. Материалы фондов Российского Государственного исторического архива.

Фонд 468. Кабинет Министерства Императорского двора.

Фонд 470. Гоф-интендантская контора Министерства Императорского двора.

Фонд 472. Канцелярия Министерства Императорского двора.

Фонд 473. Церемониальная часть Министерства Императорского двора.

Фонд 516. Камер-фурьерские журналы.

Фонд 1280. Управление коменданта Петропавловской крепости департамента государственной полиции МВД.

2. Государственный архив Российской Федерации.

Фонд 677. Александр III, император. 1845–1894.

Фонд 678. Александр II, император. 1818–1881.

3. Архив СПб. ИИ РАН.

Коллекция 238. Коллекция Рукописей Н. П. Лихачева.

Опубликованные источники

Нормативные и правовые акты

Высочайше утвержденный церемониал перенесения тела в Бозе почившего благочестивейшего государя императора Александра III. Сайт: http://www.funeralportal.ru (дата обращения – 18.05.2009).

Инструкции и артикулы военные притом же и краткие примечания: напечатано повелением Царского Величества в Санкт-Петербурхе лета Господня 1714, декабря в 22 день / Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Сайт: http:// www.hist.msu.ru (дата обращения – 19.08.2009).

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: 1649–1825: в 45 т. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 2: 1676–1688. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 974 с. прил.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 3: 1689–1699. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 690 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 7: 1723–1727. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 922 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 8: 1728–1732. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 1014 с.

Полное собрание законов Российской империи. Т. 11: 1740–1743. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И В. Канц., 1830. 988 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 12: 1744–1748. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 960 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 15: 1758 – 28 июня 1762. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 1050 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 16: 28 июня 1762–1764. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 1018 с. прил.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 24: 6 ноября 1796–1798. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 870 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 25: 1798–1799. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 933

с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 26: 1800–1801. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 876 с. прил.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 г. Т. 40: 1825 по 19 ноября. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 632 с. прил.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе: 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881: в 55 т. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц.

Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленное. Собрание второе. Т. 1: 12 декабря 1825–1826. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 1380 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 3: 1827. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1830. 1380 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 30, ч. 2: 1855. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1856. 778 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 35, ч. 2: 1860. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канц., 1862. 634 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 55, ч. 1: 19 февраля 1880 – 28 февраля 1881. СПб., 1884. 996 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье: 1 марта 1881–1913: в 33 т. СПб.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 1: 1 марта – 31 декабря 1881. СПб., 1885. СПб., 1898. 379 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 14: 1894. СПб., 1898. 714 с.

Свод правил для парадов, торжественных встреч и нарядов войск на погребение. Исправлен по 1 января 1887 года. СПб.: Воен. тип. (в здании Гл. Штаба), 1891. 88 с.

Церемониальные альбомы, описания погребения, мемориальные издания

Блудов Д. Н. Завещание и последние дни жизни императора Николая Первого / col1_2: Тип. Т. Т. Волкова и К°, 1856. 54 с.

Высочайше утвержденный церемониал перенесения тела в

Бозе почивающего благочестивейшего государя императора Александра III.

Кончина и погребение в Бозе почившего наследника цесаревича и великого князя Георгия Александровича. СПб.: Тип. М. Д. Рудометова, 1899. 72 с.

Кончина и погребение в Бозе почившей государыни Императрицы Марии Александровны – великой матери русской земли. М.: В. В. Пономарев, 1880. 32 с.

О мученической кончине царя Освободителя и последние минуты жизни его. Перенесение тела в Бозе почившего государя императора Александра Николаевича из Зимнего дворца в Петропавловский собор и погребение его. СПб.: И. А. Морозов, 1881. 16 с.

Описание коронации ее величества императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 майя 1724 году. СПб., 1724. 25 с.

Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых европейских государей. СПб., 1856. 140 с.

Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостойнейшея памяти Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и блаженныя памяти Ея Императорского Высочества Государыни Цесаревны Натальи Петровны. СПб., 1725. 25 с.

Писание о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, по прозвищу Скопина // Древнерусская литература: антология. Сайт: http://old-rus.narod.ru (дата обращения – 22.06.2009).

Последние дни жизни и погребение в Бозе почившего государя наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича. СПб.: Тип. канц. обер-полициймейстера, 1865. 16 с.

Праведная кончина Царя миротворца и погребение его. СПб.: Тип. Сойкина, 1894. 20 с.

Ритуал Печального кортежа: Ритуал похорон Российских императоров. СПб.: Специальная Литература. РГИА. 1998. 106 с.

Сказание о венчании Русских царей и императоров / Сост. П. П. Пятницкий. М.: Типолит. О. И. Лашкевич и К°, 1896. 108 с.

Траурный кортеж блаженной памяти его величества императора Александра I. Санктпетербург. 13 марта 1826 года. СПб: В типографии Плюшара, 1826. (Cortege funebre de feu S. M. L'Empereur Alexandre Ier, de glorieuse memoire. Saint-Petersbourg,

13 mars 1826. De la Typographie de Pluchart. 1826). 26 л.

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, сочиненная Феофаном Прокоповичем, Архиепископом Новгородским и Св. Синода Первенствовавшим Членом. С присовокуплением описания порядка, держанного при погребении блаженной высокославной и вечнодостойнейшей памяти Всепресветлейшего, Державнейшего Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и блаженной памяти Ее Императорского Высочества, Государыни Цесаревны Натальи Петровны / Ф. Прокопович. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1831. 120 с.

Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный город Москву тела Государя Императора Александра I-го. С дозволения правительства. М.: В тип. П. Кузнецова, Генваря 30 дня 1826 года. 20 с.

Сборники документов и материалов, многотомные издания, а также документы и материалы, опубликованные по отдельности

Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 5. / И. И. Голиков. М.: В Унив. тип., 1791. 616 с.

Голиков И И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: в 12 ч. Ч. 9. / И. И. Голиков. М.: В Унив. тип. у Н. Новикова, 1789. 499 с.

Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. Современное сочинение Григория Котошихина. СПб.: Археограф. комис., 1859. 131 с. Сайт: http://www.hist.msu.ru (дата обращения 22.06.2009).

Летопись Александро-Невской лавры. 1796 г. Сайт: http://historydoc.edu.ru (дата обращения – 23.08.2009).

Павлов А. М. Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры с хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских / А. М. Павлов. СПб.: Тип. А. Бородина и К°, 1842. 152 с.

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований в 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М.: Гос. Историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», 2009. 368 с.

Памятники литературы Древней Руси: в 12 кн. Конец XVI – начало XVII вв. М., 1987. 646 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. 304 с.

Романовы, царствующий дом Российской империи / сост. Г. И. Студенкин // Русская старина. 1878. Т. 21. № 1–4. Приложение. С. 1–32.

Сказание о венчании русских царей и императоров / сост. П. П. Пятницкий. М.: Типолитография О. И. Лашкевич, 1896. 108 с.

Шереметев Н. П. Дежурства при императрице Екатерине II. Ноябрь и декабрь 1796 / Н. П. Шереметев. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1896. 48 с.

Источники личного происхождения

Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. М., 1866 // Библиотека букиниста: репринты старинных книг. Сайт: http://bibliotekar.ru (дата обращения – 26.05.2009).

Бергман В. История Петра Великого / пер. с нем. Е. Аладьин. СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1833. 329 с.

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца, 1721–1725: в 4 ч. / Ф.-В. Берхгольц. М.: Унив. тип., 1902–1903. 698 с.

Болотов А. Т. Памятник претекших времян, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах: записки очевидца: воспоминания, дневники, письма / А. Т. Болотов. М., 1990. 276 с.

Буссов К. Московская хроника: 1584–1613 / К. Буссов. М, Л., 1961. 400 с.

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. Вып. 1–6 (т. 1). 1216 с.; Выпуски 7–12 (т. 2). 1384 с.

Вильбуа Ф. Рассказы о российском дворе / Ф. Вильбуа; пер. Г. В. Зверева // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 192–206; 1992. № 1. С. 139–155; № 4–5. С. 137–148.

Вульф А. Н. Дневники: любовный быт пушкинской поры / А. Н. Вульф. М., 1929. 448 с.

Головина В. Н. Мемуары / В. Н. Головина. М., 2005. 248 с.

Гордт де. Записки: извлечения / пер., прим. и излож. Л. Майкова // Русский архив, 1877. Кн. 2. Вып. 7. С. 294–326. Под загл.: Плен графа Гордта в России. (1759–1762) // История

дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Сайт: http://mikv1.narod.ru (дата обращения – 12.08.2009).

Горсей Д. Записки о России: XVI – начало XVII в. / Д. Горсей; пер. и сост. А. А. Севастьяновой; под ред. В. Л. Янина. М., 1990. 288 с.

Греч Н. И. Записки о моей жизни / Н. И. Греч // Российский мемуарий. Сайт: http://fershal. narod.ru.(дата обращения – 11.04.2010).

Диауриш пути из Вильно в Петербург и пребывания в нем его светлейшей милости господина Сапеги, старосты Бобруйского, а теперь фельдмаршала российских войск / пер. с польс. // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 192–210.

Дневники императора Николая II / Общ. ред. и предисл. К. Ф. Шацилло. М., 1991. 736 с.

Кампредон Ж. де. Дипломатическая переписка французского полномочного министра при Русском дворе Кампредона с 1723 г. по март 1725 г. // Сб. РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 413–443.

Кашин Н. И. Поступки и забавы императора Петра Великаго (Запись современника) СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895 / Н. И. Кашин // Памятники древней письменности. Т. 110. 22 с.

КорбИ.-Г. Дневник путешествия в Московию. 1698–1699. СПб., 1906. Сайт: http://www. vostlit.info (дата обращения – 30.03.2010).

Корберон М.-Д. Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II / М.-Д. Корберон. СПб., 1907. 274 с.

Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году / пер. с польс. // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 139–161.

Креки де. Кронпринцесса Шарлотта, супруга Алексея Петровича: Французская легенда // Русская старина. 1874. Т. 11. № 10 // Memoirs – Библиотека. Сайт: http://memoirs.ru. (дата обращения – 19.04.2009).

Куракин Б. И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях: 1682–1695 // Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. Сайт: http:// memoirs.ru (дата обращения – 27.01.2010).

Мардефельд Г. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон-Мардефельда и ответы ему короля Фридриха Вильгельма (годы с 1721 по 1730) (из дел Саксонского Государственного Архива в Дрездене) // Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1875. С. 175–414.

Мотрэ О. де ла. Из «Путешествия» / пер. с англ. // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.,

1991. С. 211–251.

Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. 360 с.

Палеолог М. Александр Второй и Княгиня Юрьевская. М., 2007. 192 с.

Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив, 2000. С. 607–638. // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII– XX вв. Т. 10. Сайты: http://74.125.77.132; www.runivers.ru (дата обращения – 02.03.2010).

СегюрЛ.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II / Л. Ф. Сегюр. // Восточная литература: средневековые исторические источники востока и запада. Сайт: http://www.vostlit.info (дата обращения – 27.01.2010).

Сочинения Екатерины II / Сост., вступ. ст. О. Н. Михайлова. М., 1990. 384 с.

Точное известие о новопостроенной его царским величеством Петром Алексеевичем на большой реке Неве и Восточном море крепости и города Санкт-Петербург… / пер. с нем. // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 47–90, 211–251.

Трубецкой П. Н. Заметки в календаре в 1762 году // Русская старина. 1892. Т. 73. Вып. 2. Сайт: http://mikv1.narod.ru (дата обращения – 21.09.2009).

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: воспоминания, дневник. М., 2000. 416 с.

Штелин Я. Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Яковом Штелиным. Ч. 2 / Я. Я. Штелин. М.: Решетников, 1830. 179 с.

Юль Ю. Дневник датского посланника при Петре Великом 1709–1711. М., 1900. 599 с.

Альбомы, каталоги

Александр I. Сфинкс, не разгаданный до гроба: каталог выставки. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005. 352 с.

Краткое описание придворного Петропавловского собора в С.-Петербургской крепости. II-е изд. / сост. М. С. Веревкин. СПб.: Тип. ред. период. изданий М-ва Финансов, 1913 // Петропавловская крепость: страницы истории. СПб., 2001. С. 139–166.

Образы Петербурга: из собрания Государственного музея

истории Санкт-Петербурга. СПб., 2002. 272 с.

Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница: альбом. СПб.: ГМИ СПб, 2007. 169 с.

Петропавловская крепость: альбом / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 2003. 199 с.

Петр I и Голландия. Peter the Great and Holland. Русско-голландские художественные и научные связи. СПб., 1996. 184 с.

Цареубийство 11 марта 1801 года: альманах. Вып. 2 / Русский музей. СПб., 2001. 160 с.

Периодическая печать

Санкт-Петербургские ведомости. 1723. № 8. 30 октября.
Санкт-Петербургские ведомости. 1723. № 10. 2 ноября.
Санкт-Петербургские ведомости. 1723. № 11. 4 ноября.
Санкт-Петербургские ведомости. 1723. № 13. 2 ноября.
Санкт-Петербургские ведомости. 1724. 6 ноября.
Санкт-Петербургские ведомости. 1725. № 8.
Санкт-Петербургские ведомости. 1725. № 9.
Санкт-Петербургские ведомости. 1726. № 11.
Санкт-Петербургские ведомости. 1761. № 104. 28 декабря.
Санкт-Петербургские ведомости. 1776. № 35. 29 апреля.
Северная пчела. СПб. 1825. № 143. 28 ноября.
Северная пчела. СПб. 1826. № 21. 18 февраля.
Северная пчела. СПб. 1826. № 32. 16 марта.
Северная пчела. СПб. 1826. № 54. 6 мая.
Северная пчела. СПб. 1826. № 55. 11 мая.
Северная пчела. СПб. 1826. № 66. 3 июня.
Северная пчела. СПб. 1826. № 69. 10 июня.
Северная пчела. СПб. 1826. № 71. 15 июня.
Северная пчела. СПб. 1826. № 72. 17 июня.
Северная пчела. СПб. 1826. № 74. 22 июня.
Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 221. 12 октября.
Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 222. 13 октября.
Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 223. 14 октября.
Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 224. 15 октября.
Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 225. 16 октября.
Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 226. 18

октября.

Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 227. 19 октября.

Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 228. 20 октября.

Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 230. 22 октября.

Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 231. 25 октября.

Санкт-Петербургские ведомости. СПб. 1860. № 232. 26 октября.

Русский инвалид. СПб. 1860. № 232. 27 октября.

Древняя российская вивлиофика

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая Вольного Российского собрания членом Николаем Новиковым: в 10 ч. СПб., 1773–1782.

Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев; издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 1. СПб., 1773. С. 478.

Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев; издаваемая Николаем Новиковым, членом Вольного Российского собрания при Императорском Московском Университете. Ч. 1. Изд. 2-е. М.: В унив. тип. у Н. Новикова, 1782. 324 с.

Древняя российская вивлиофика, или собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев; издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 2. СПб., 1773. 480 с.

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 3. СПб., 1774. 462 с.

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 4. СПб., 1774. С. 386.

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 5. СПб., 1774. С. 420.

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 6. СПб., 1774. С. 470.

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая Вольного Российского собрания членом Николаем Новиковым. Ч. 7. СПб., 1775. С. 444.

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая Вольного Российского собрания членом Николаем Новиковым. Ч. 8. СПб., 1775. С. 478.

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая Вольного Российского собрания членом Николаем Новиковым. Ч. 9. СПб., 1775. С. 522.

Древняя российская вивлиофика, или собрание древностей Российских до российской истории, географии и генеалогии касающихся; издаваемая Вольного Российского собрания членом Николаем Новиковым. Ч. 10. СПб., 1775. С. 423.

Справочные издания

Большая биографическая энциклопедия. Сайт: http://dic.academic.ru (дата обращения – 23.08.2009).

Половцев А. А. Русский биографический словарь: в 25 т. М.: тип. И. Н. Скороходова. 1896–1913.

Подробный словарь русских граверов: XVI–XIX вв. Т. 1 / сост. Д. А. Ровинский. СПб.: Тип. Ак. наук, 1895. 448 ст.

Подробный словарь русских граверов: XVI–XIX вв. Т. 2 / сост. Д.А Ровинский. СПб.: Тип. Ак. наук, 1895. 449-1248 ст.

Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / Сост. В. А. Западов. М.: Просвещение, 1979. 447 с.

Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989. 624 с. Указатель имен // Повседневные записки делам

князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. М.: Рос. фонд культуры; Студия «ТРИТЭ»; Рос. архив, 2000. С. 607–638. // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Т. X. Сайт: http: www.runivers.ru/doc (дата обращения 02.03.2010).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стереотип. М., 1987. 864 с.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1890–1907. Сайт: http://www.vehi.net/brokgauz (дата обращения – 25.08.2010).

Литература, диссертационные исследования, научные статьи

Литература

Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете…» / Град святого Петра. СПб., 1999. 344 с.

Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008. 385 с.

Анисимов Е. В. Императорская. СПб., 2008. 640 с.

Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. 496 с.

Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда: археолого-этнографический. М., 1890. 146 с.

Архимандрит Августин (Никитин). Православный Петербург в записках иностранцев. СПб., 1995. 224 с.

Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. 280 с.

Вилинбахов Г. В. История Российского герба и флага. СПб.: Филологич. фак. СПбГУ, 2004. 128 с.

Возгрин В. Е. Год 1725: роковые годы России: документальная хроника. СПб., 2007. 264 с. Воронихина Л. Н. Государственный Эрмитаж. СПб., 2002. 400 с.

Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб.: Изд-во С. – Петербургского ун-та, 2001. 644 с.

Гендриков В. Б. Петропавловский собор усыпальница императорского дома Романовых. СПб., 1998. 160 с.

Гендриков В. Б., ПиратинскаяД.Л. Праздники и церемонии в Петропавловской крепости // Петропавловская крепость: страницы истории. СПб., 2001. С. 389–396.

Гендриков В. Б. Траурные церемонии в Петропавловском соборе // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 2. / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 1994. С. 306–315.

Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII веках. М., 1869. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII веках. М., 1869. 857 с.

Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003. 329 с.

Искюль С. Н. Год 1762: роковые годы России: документальная хроника. СПб., 2001. 283 с. История картинной галереи Эрмитажа

(1764–1917). Л., 1986. 428 с. История России и Дома Романовых в мемуарах современников XVII–XX вв. / сост. А. А. Либерман. М., 1997. 571 с.

Карнович Е. П. Любовь и корона. Сайт: http://az.lib.ru (дата обращения 19.05.2009). Ключевский В. О. Исторические портреты: деятели исторической мысли. М., 1990. 624 с.

Кобак А. В., Пирютко Ю. М. Исторические кладбища Петербурга. СПб., 1993. 640 с.

Коварская С. Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой пол. XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: вторая междунар. науч. конф., 24–26 июня 2009 г.: тезисы докладов. М., 2009 г. С. 79–81.

Косолапов Б. А. О проектах монумента Петру I в Петропавловском соборе и работе над мозаичной картиной «Полтавская баталия» // Советское искусствознание' 83: сборник. Вып. 1 (18). М., 1984. С. 266–282.

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях и старинные Земские соборы: ист. монография. СПб., 1887. 432 с.

Кошлякова Т. Н. Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного // Советская археология. 1976. № 2. С. 195–196.

Крашенниников А. Ф. О проекте памятника Петру Великому // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 2 / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 1994. С. 174–177.

Кубе А. Н. Мраморный бюст Петра Великого, работы Карло Альбагини: сборник. Вып. 1 // Государственный Эрмитаж – Пг., 1920. С. 63–71.

Кудрина Ю. В. Императрица Мария Федоровна: 1847–1928 гг. М., 2005. 320 с.

Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры: век восемнадцатый, бриллиантовый. М., 2009. 542 с.

Кургатников А. В. Год 1740: роковые годы России: документальная хроника. СПб., 1998. 176 с.

Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях. М., 2003. 274 с.

Логунова М. О. Петропавловская крепость. СПб., 2003. 44 с.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX века). СПб., 1994. 399 с.

Мавродин В. В. Рождение новой России. Л., 1988. 536 с.

Мадариага И. де. Екатерина Великая и ее эпоха: Йельский университет: опыт объективного исследования / пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2006. 448 с.

Манько А. В. Российская монархия: символика и атрибуты. Страницы истории государственности. М., 2005. 352 с.

Михайлов К. П. Уничтоженный Кремль. М., 2007. 320 с.

Молин Ю. А. Романовы: путь на Голгофу: взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002. 568 с.

Мыльников А. С. Искушение чудом: «русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991. 268 с.

Мыльников А С. «Он не похож был на государя…»: Петр III. СПб., 2001. 670 с.

Нарышкина Н. А. Жизнь моя – музеи. СПб., 2005. 350 с.

Огаркова Н. А. Церемония погребения польского короля Станислава-Августа Понятовского и «Missa defunctorum» О. А. Козловского // Петербургский музыкальный архив: сборник. Вып. 2. СПб., 1998. С. 55–63.

Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1999. 496 с.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. 592 с.

Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. 397 с.

Панова Т. Д. Царство смерти: погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М., 2004. 195 с.

Петров Н. П. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях 1703–1782. СПб., 2004. 782 с.

Пилявский В И. Петропавловская крепость. Л., 1967. 224 с.

Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: в 2 т. Т. 2. СПб., 1994. 639 с.

Пчелов Е В. Романовы: история династии: архив. М., 2002. 494 с.

Романова Н. М. Долг живых: похоронно-погребальная обрядность славян: традиции и современность. СПб., 1998. 72 с.

Сарычева М. А. Смерть императора: образ скорби в русском медальерном искусстве: создание памятных медалей на смерть российских императоров // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: вторая междунар. науч. конф., 24–26 июня 2009 г.: тезисы докладов / Гос. Историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; РАН: отд-ние ист. – филологич. наук; Ин-т всеобщ. истории. М., 2009. С. 176–178.

Семевский М. И. Тайный сыск Петра I. Смоленск, 2000. 633 с.

Семевский М. И. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс: 1692–1724: очерк из русской истории XVIII в. Л., 1990. 368 с.

Семевский М. И. Царица Прасковья: 1664–1723: очерк из русской истории XVIII века. Репринт. СПб., 1991. 272 с.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: сочинения в 18 кн. Т. 1–2. М., 1993. 768 с.

Тарасова Н. И. Зимний дворец Петра I. СПб., 2006. 48 с.

Труворов А. Н. О кончине царевича Симеона Алексеевича и о санях, употреблявшихся при погребении царствовавших на Руси особ // Русская старина. 1889. Вып. 5. С. 454–455.

Труворов А. Н. О санях, употреблявшихся при погребении русских великих князей, царей и цариц // Русская старина. 1887. Т. 5. С. 836–841.

Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1 / пер. с англ. С. В. Житомирской. М., 2004. 605 с.

Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 2 / пер. с англ. И. А. Пильщикова. М., 2004. 796 с.

Устрялов Н Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. 399 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. 652 с.

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2. 612 с.

Флоринский Д. И. Историко-статистическое описание Санкт-Петербургского Петропавловского кафедрального собора. СПб., 1857. 80 с.

Хьюз Л. Петр Первый. У истоков великой империи: Йельский университет: опыт объективного исследования / пер. с англ. М. Колесникова (главы I–X); М. Юсима (главы XI–XIII). М., 2008. 528 с.

Шапиро Ю. Г. По Эрмитажу без экскурсовода. Л., 1970. 200 с.

Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена. Л., 1991. 222 с.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Культура памяти: сборник научных статей. М., 2003. С. 141–187.

Эйдельман Н. Я. Грань. М., 1982. 384 с.

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 2 / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 1994. С. 160–168.

Диссертационные исследования и авторефераты диссертаций

Огаркова Н. А. Музыка как феномен церемониальной и повседневной жизни русского двора: XVIII – начало XIX века:

дис… д-ра искусствоведения: 17.00.02. СПб., 2004. 369 с.

Осипов Д. О. Кожаная обувь XII–XVIII вв. из раскопок в Москве: дис… канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2003. 194 с.

Панов Т. Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города: дис… д-ра ист. наук: 07.00.06. М., 2003. 278 с.

Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV – начала XX вв. как социокультурное явление (источниковедческий аспект): дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук: 07.00.09. М., 2000. 292 с.

Интернет-сайты

Региональная коллекция Ярославской области: http:// collection.edu.yar.ru (дата обращения – 09.04.2010).

Скурлов В. В. Фаберже и его продолжатели: http:// skurlov.blogspot.com (дата обращения – 20.08.2009).

Управление делами президента Российской Федерации. Официальное Интернет-представительство: http://www.udprf.ru (дата обращения – 13.03.2010).

Шаханов А. Адмирал Федор Головин: http://www.navy.ru/ history (дата обращения – 29.03.2009).

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Россия в красках: http://ricolor.org (дата обращения – 27.06.2009).

Сборники научных статей

Государственный Эрмитаж: сборник. Вып. I / Гос. Эрмитаж. Пг.: Петербург, 1920. 76 с.

Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 2 / Гос. музей истории С.Петербурга. СПб., 1994. 368 с.

Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 6. / Гос. музей истории С.Петербурга. СПб., 1998. 336 с.

Московский некрополь: Материалы научно-практической конференции: История; археология; искусство; охрана / В. Ф. Козлов [и др.]; предисл. Э. А. Шулеповой. М., 1991. 200 с.

Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: вторая междунар. науч. конф.,

24–26 июня 2009 г.: тезисы докладов / Гос. Историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»; РАН: отд-ние ист. – филологич. наук; ин-т всеобщ. истории. М., 2009. 236 с.

Вестник Челябинского университета. 1998. № 1. 108 с.

Петербургские чтения 98–99. Ассоциация исследователей Санкт-Петербурга. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб, 1999. 840 с.

Петербургский музыкальный архив. Сборник. Вып. 2. СПб., 1998. 236 с.

Петропавловская крепость: страницы истории. СПб., 2001. 424 с.

Феномен Петербурга: труды Второй междунар. конф., сост. 27–30 ноября 2000 г. во Всерос. музее А. С. Пушкина. СПб., 2001. 544 с.

Изобразительные источники

Маковский К. Е. Портрет императора Александра II на смертном одре. 1881. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея.

Неизвестный гравер. Изображение катафалка императора Петра III и императрицы Екатерины II в соборе Петра и Павла 5 декабря 1796 г. ГРМ, ГР-35555.

Неизвестный гравер. Павел I на смертном одре. 1801. Гравюра резцом и офортом. ГРМ, Гр-14679.

Неизвестный итальянский (?) художник-декоратор к. XVIII в. Траурная процессия 2 декабря 1796 г. – перенос праха Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец. 1796. Бумага, наклеенная на ткань, акварель, гуашь. Белила, тушь пером, свернута в рулон. 7 х 1580. ГЭ, инв. № ЭРР-1027.

Неизвестный художник. Катафалк с телами Екатерины II и Петра III в Зимнем дворце. 1796–1797. ГЭ, инв. № ЭРГ-16719.

Никитин И. Н. Петр I на смертном ложе. 1725. Холст, масло. Государственный Русский музей. СПб. Инв. № Ж-4907.

Посмертная маска Александра I. По оригиналу 1825. Гипс. ГИМ, инв. № ИЗО-94559/ MV-1622 // Александр I. Сфинкс, не разгаданный до гроба: каталог выставки. С. 169, 257.

Таннауер И.-Г. Портрет Петра I на смертном ложе. 1725. Холст, масло. Государственный Эрмитаж. СПб. Инв. № ЭРЖ-1819 // Портретная живопись в России XVIII века: из собрания Эрмитажа: каталог выставки. Л., 1987. 142 с.

notes

Примечания

1

Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 18 кн. М., 1993.

2

Платонов С. Ф. Сочинения по русской истории: в 2 т. СПб., 1993–1994.

3

Ключевский В. О. Исторические портреты: деятели исторической мысли. М., 1990.

4

Семевский М. И. Царица Прасковья. 1664–1723. Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. СПб., 1991; Его же. Царица Екатерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс. 1692–1724. Очерк из русской истории XVIII века. Репринт. Л., 1990.

5

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях (издание третье) и старинные Земские соборы: ист. монография. СПб., 1887.

Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича: современное сочинение Григория Котошихина. СПб.: Археогр. комис., 1859. [Электронный ресурс] URL: http://www.hist.msu.ru (дата обращения 22.06.2009).

Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда: археолого-этнографический этюд. М., 1890.

8

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 262–270.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.

Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства: XVIII – нач. XIX вв. СПб., 1994.

Эйдельман Н. Я. Грань веков. М., 1982.

Мыльников А. С. Искушение чудом: «русский принц», его прототипы и двойники-самозванцы. Л., 1991.

Пилявский В. И. Петропавловская крепость. Л., 1967.

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 2 / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 1994. С. 160–168.

15

Гендриков В. Б. Траурные церемонии в Петропавловском соборе // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 2 / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 1994. С. 306–315; Гендриков В. Б., Пиратинская Д. Л. Праздники и церемонии в Петропавловской крепости // Петропавловская крепость: страницы истории. СПб., 2001. С. 389–396.

Нарышкина Н. А. Жизнь моя – музеи. СПб., 2005.

Панова Т. Д. Царство смерти: погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М., 2004.

18

См., напр.: Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор – усыпальница императорского дома Романовых. СПб., 1998; Тарасова Н. И. Зимний дворец Петра I. СПб., 2006; Миролюбова Г. А. Последний путь // Александр I: сфинкс, не разгаданный до гроба…: каталог выставки. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2005; Сарычева М. А. Смерть императора: образ скорби в русском медальерном искусстве: создание памятных медалей на смерть российских императоров // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой пол. XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: Вт. междунар. науч. конф.: Тезисы докладов. М., 2009. С. 176–178; Коварская С. Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Там же. С. 79–81.

Шокарев С. Ю. Московский некрополь XV – начала XX вв. как социокультурное явление: источниковедческий аспект: дис… канд. ист. наук. М., 2000.

20

Панова Т. Д. Историческая и социальная топография Московского Кремля в середине XII – первой трети XVI в. (опыт комплексного исследования). К проблеме формирования территории древнерусского города: дис… д-ра ист. наук. М., 2003.

21

Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994; Императорская Россия. СПб., 2008.

Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001.

Пчелов Е. В. Романовы: история династии. М., 2002.

Молин Ю. А. Романовы: путь на Голгофу: взгляд судебно-медицинского эксперта. СПб., 2002.

Возгрин В. Е. Год 1725. СПб., 2007; Кургатников А. В. Год 1740. СПб., 1998; Искюль С. Н. Год 1762. СПб., 2001.

Захарова О. Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX вв. М., 2003.

27

Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал Дома Романовых в начале XVIII в. // Феномен Петербурга: Труды Вт. междунар. конф., сост. 27–30 ноября 2000 г. во Всерос. музее А. С. Пушкина. СПб., 2001; Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008.

Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I / пер. с англ. С. В. Житомирской. М., 2004; Т. 2. От Александра II до отречения Николая II / пер. с англ. И. А. Пильщикова. М., 2004.

29

Хьюз Л. Петр Первый: у истоков великой империи / пер. с англ. М. Колесникова, М., 2008; Мадариага И. де. Екатерина Великая и ее эпоха / пер. с англ. Н. Лужецкой. М., 2006.

ПСЗ. Первое собрание (1649–1825). СПб., 1830. Т. 2 (1676–1688); Т. 3 (1689–1699); Т. 7 (1723–1727); Т. 8 (1728–1732); Т. 11 (1740–1743); Т. 12 (1744–1748); Т. 15 (1758–26 июня 1762); Т. 16 (28 июня 1762–1764); Т. 24 (6 ноября 1796–1797); Т. 26 (1800–1801); Т. 40 (1825); ПСЗ. Второе собрание (12 декабря 1825–28 февраля 1881). СПб., 1825–1881. Т. 1 (12 декабря 1825–1826); Т. 3 (1828); Т. 30, ч. 2 (1855); Т. 35, ч. 2 (1860); Т. 55, ч. 1 (19 февраля 1880–28 февраля 1881); ПСЗ. Третье собрание (1 марта 1881–1913). Т. 1 (1 марта-31 декабря 1881). СПб., 1885; Т. 14 (1894). СПб., 1898.

31

Шереметев Н. П. Дежурства при императрице Екатерине II: ноябрь и декабрь 1796. СПб., 1896.

Инструкции и артикулы военные притом же и краткие примечания: напечатано повелением Царского Величества в Санкт-Петербурхе лета Господня 1714, декабря в 22 день // Электрон. б-ка ист. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: http://www.hist.msu.ru (дата обращения 20.07.2009).

33

См., напр.: Свод правил для парадов, торжественных встреч и нарядов войск на погребение. Исправлен по 1 января 1887 года. СПб., 1891.

34

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора и самодержца Всероссийского, сочиненная Феофаном Прокоповичем, Архиепископом Новгородским и Св. Синода Первенствовавшим Членом. С присовокуплением описания порядка, держанного при погребении. Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и. Государыни Цесаревны Натальи Петровны. СПб., 1831.

Куракин Б. И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях: 1682–1695 гг. // Русская старина. 1890. Т. 68. № 10. Сайт: http:// memoirs.ru (дата обращения – 27.01.2010).

Нартов А. К. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891.

Вильбуа Н. П. Рассказы о русском дворе / пер. Г. В. Зверева // Вопросы истории. 1991. № 12. С. 192–206; 1992. № 1. С. 139–155; № 4–5. С. 137–148.

Трубецкой П. Н. Заметки в календаре в 1762 году // Русская старина. 1892. Т. 73. Вып. 2. С. 443–448. Сайт: http://mikv1.narod.ru/text/Trubeckoi1892.htm (дата обращения 21.09.2009).

Головина В. Н. Мемуары. М., 2005.

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров: воспоминания: дневник. М., 2000.

Юль Ю. Дневник датского посланника при Петре Великом: 1709–1711. М., 1900.

42

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. М., 1872. Т. 1 (вып. 1–6). С. 1057–1168; Т. 2 (вып. 7–12). М., 1872. С. 1334–1461, 1613–1704.

43

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца: 1721–1725: в 4 ч. М., 1902–1903.

Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича, служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. М., 1866.

45

Мардефельд Г. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе барона Густава фон-Мардефельда и ответы ему короля Фридриха Вильгельма (годы с 1721 по 1730) (из дел Саксонского Государственного Архива в Дрездене) // Сборник РИО. Т. 15. СПб., 1875. С. 175–414.

Кампредон Ж. де. Дипломатическая переписка французского полномочного министра при Русском дворе Кампредона с 1723 г. по март 1725 г. // Сб. РИО. Т. 52. СПб., 1886. С. 413–443.

Корберон де М.-Д. Интимный дневник шевалье де Корберона, французского дипломата при дворе Екатерины II. СПб., 1907.

Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II. Сайт: http://www.vostlit. info (дата обращения – 27.01.2010).

Палеолог М. Александр Второй и Княгиня Юрьевская. М., 2007.

50

Траурный кортеж блаженной памяти его величества императора Александра I, Санкт-Петербург 13 марта 1826 / Cortege funebre de feu S.M. (Sa Majeste) L'Empereur Alexandre I-er, de glorieuse memoire. Saint-Petersbourg, de la typographie de A. Pluchart, 13 Mars, 1826. Permis d'imprimer par Charles de Poll, Censeur. СПб.: в тип. Плюшара, 1826; Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный город Москву тела Государя Императора Александра I-го. М.: в тип. П. Кузнецова, Генваря 30 дня 1826; Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых европейских государей. СПб., 1856.

51

Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостойнейшея памяти Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и блаженныя памяти Ея Императорского Высочества Государыни Цесаревны Натальи Петровны. СПб., 1725.

52

Напр.: Таннауер И.-Г. Портрет Петра I на смертном ложе. 1725. Холст, масло. Гос. Эрмитаж. СПб. Инв. № ЭРЖ-1819; Никитин И. Н. Петр I на смертном ложе. 1725. Холст, масло. Гос. Рус. музей. СПб. Инв. № Ж-4907; посмертная маска Александра I. По оригиналу 1825. Гипс. ГИМ, инв. № ИЗО-94559/ИГУ-1622; Маковский К. Е. Портрет императора Александра II на смертном одре. 1881. Холст, масло. Государственная Третьяковская галерея; ГА РФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1101. Л. 2. Император Александр II в гробу. 1881. Фотограф С. Л. Левицкий; ГА РФ. Ф. 677. Оп.1. Д. 1304. Л. 1.; Император Александр III на смертном одре. Ливадия. 20 октября 1894. Фотограф Орлов.

53

См., напр.: Санкт-Петербургские ведомости. 1725. № 8; 1725. № 9; 1726. № 11; 1761. № 104. 28 Декабря; 1776. № 35. 29 апреля; Северная пчела. СПб. 1825. № 143. 28 ноября; 1826. № 21. 18 февраля; № 32. 16 марта; № 54. 6 мая; № 55. 11 мая; № 66. 3 июня; № 69. 10 июня; № 71. 15 июня; № 72. 17 июня; № 74. 22 июня.

54

О мученической кончине Царя-Освободителя и последние минуты жизни его. Перенесение тела в Бозе почившего государя императора Александра Николаевича из Зимнего дворца в Петропавловский собор и погребение его. СПб., 1881; Кончина и погребение в Бозе почившей государыни Императрицы Марии Александровны великой матери русской земли. М., 1880; Последние дни жизни и погребение в Бозе почившего государя наследника цесаревича и великого князя Николая Александровича. СПб., 1865; Праведная кончина Царя-миротворца и погребение его. СПб., 1894; Кончина и погребение в Бозе почившего наследника цесаревича и великого князя Георгия Александровича. СПб., 1899.

55

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 828.

Министерство императорского двора.

57

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 805.

58

См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 181, 182, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 200, 201, 202, 203, 205, 206, 207, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221. Оп. 3. Д. 231, 349.

59

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 20.

60

См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 31, 112, 155, 231, 277, 349, 423, 434, 819, 835, 854, 857.

61

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Записка о Печальном государственном обряде в России.

62

См.: РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1, 25, 31, 41, 68, 69, 78, 86, 157, 220, 216, 245, 266, 325, 429, 670, 769.

63

См.: Словарь иностранных слов. 18-е изд., стереотип. М., 1989. С. 446; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд. М., 1987.

Если не оговорено особо, все даты до 1917 г. даются по принятому в России Юлианскому календарю, после революции – по Григорианскому (современному). – *М. Л.*

Так, в книге В. Б. Гендрикова и С. Е. Сенько говорится: «В допетровской Руси царь перед смертью, как правило, принимал монашеский постриг (схиму)» // Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор – усыпальница императорского дома Романовых. СПб., 1998. С. 92.

Селий Б. А. Зерцало историческое Государей Российских // Древняя российская вивлиофика, или Собрание разных древних сочинений, яко то: Российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описания свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей, и многие сочинения древних Российских стихотворцев; издаваемая помесячно Николаем Новиковым. Ч. 1. СПб., 1773. С. 202–235.

Древняя российская вивлиофика… Ч. 1. С. 214.

Там же. С. 355.

Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 23.

Кошлякова Т. Н. Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного // Советская археология. 1976. № 2. С. 195–196.

71

Даты смерти и захоронения см.: Романовы, царствующий дом Российской империи / сост. Г. И. Студенкин // Русская старина. 1878. Т. 21. № 1–4. Приложение. С. 1–32.

Студенкин Г. И. Романовы. С. 9–10.

73

Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. СПб., 1774. С. 1–16.

Древняя российская вивлиофика. Ч. 8. СПб., 1775. С. 214–220.

Там же. С. 226–249.

Там же. С. 259–277.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) // Россия в красках. Сайт: http://ricolor.org (дата обращения 27.06.2009).

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. С. 253–261.

Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 455. // Восточная литература. Средневековые исторические источники востока и запада. [Электронный ресурс] URL: http://www.vostlit.info (дата обращения 16.08.2009).

80

Горсей Д. Записки о России. XVI – нач. XVII вв. / пер. и сост. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 94.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь.

82

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. С. 253–261.

83

Там же. С. 254.

Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 455.

85

Там же.

ПСРЛ. Т. 34. С. 23–24.

Там же. С. 22–24.

Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987. С. 65.

89

См., напр.: «Современный толковый словарь русского языка» Т. Ф. Ефремовой; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля // Сборник электронных словарей. Сайт: http:// slovorus.ru/ (дата обращения – 20.05.2009).

90

Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 454–455.

Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони. С. 23–24.

92

Труворов А. Н. О кончине царевича Симеона Алексеевича и о санях, употреблявшихся при погребении царствовавших на Руси особ // Русская старина. 1889. Вып. 5. С. 454–455.

Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 24–25.

Буссов К. Московская хроника: 1584–1613. М.; Л., 1961. С. 35.

Петрей П. История о великом княжестве Московском. С. 454.

Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу в Лондоне // Электронная библиотека. Сайт: http://www.gumer.info (дата обращения – 13.08.2009).

Осипов Д. О. Кожаная обувь XII–XVIII вв. из раскопок в Москве: дис… канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2003.

Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 23

99

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. С. 253–261.

Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони. С. 23–24.

101

ПСРЛ. Т. 34. С. 22–24.

102

Кошлякова Т. Н. Реконструкция схимы из погребения Ивана Грозного. С. 195–196.

Анучин Д. Н. Указ. соч. С. 27–28.

Берташ А. Е. Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница: некрополь Российского Императорского Дома. СПб., 2008. С. 8.

105

Студенкин Г. И. Романовы. С. 7–8.

Там же. С. 8–9.

107

Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа. С. 269–270.

108

Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. С. 16–18.

109

Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых европейских государей. СПб., 1856.

Там же. С. 1.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь.

112

Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. С. 16.

113

ПСЗ. Собрание первое. Т. 2 (1676–1688). № 619. С. 1–7.

114

ПСЗ. Собрание первое. Т. 2 (1676–1688). № 977. С. 392–394.

115

Церемониал во время преставления Блаженныя памяти благовернаго Государя, царевича и Великого князя Алексея Алексеевича, всея Великой и малой и белой России, 1670 г. // Древняя российская вивлиофика. Ч. 6. СПб., 1774. С. 23–67.

116

См., напр.: Об освобождении от наказания задержанным людям по причине драки или пьянства до окончания сорокадневного поминовения царя Алексея Михайловича и о взыскании с них приводных денег вдвое // ПСЗ. Собрание первое. Т. 2 (1676–1688). № 623. С. 6.

117

Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. С. 17–18.

118

Там же.

119

Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII веках. М., 1869. Т. 2. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII веках. С. 178.

120

Там же.

121

Описание погребения. императора Николая I. С. 2.

122

Там же.

123

Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони. С. 23–31.

Там же. С. 24–25.

125

Там же. С. 26.

Древняя российская вивлиофика. Ч. 2. СПб., 1773. С. 337–361.

127

Там же. С. 345.

Там же. С. 361.

129

Анучин Д. Н. Сани, ладья и кони. С. 25–29.

130

Объявление о кончине государя царя и великого князя Иоанна Алексеевича и церемониал погребения его // ПСЗ. Собрание первое. Т. 3 (1689–1699). № 1536. 29 января 1696. С. 220.

131

Там же.

Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 33.

133

Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. С. 96.

Древняя российская вивлиофика. Ч. 2. С. 163–194.

135

Точное известие о новопостроенной его царским величеством Петром Алексеевичем на большой реке Неве и Восточном море крепости и города Санкт-Петербург. / пер. с нем. А. Ф. Бычкова // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 47–90.

136

Точное известие о новопостроенной. на большой реке Неве. крепости. С. 62.

137

Вебер Х.-Ф. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1353–1354.

138

Там же. С. 1358.

139

Цит. по: Архимандрит Августин (Никитин). Православный Петербург в записках иностранцев. СПб., 1995. С. 17.

140

Там же.

141

Юль Ю. Дневник датского посланника при Петре Великом. 1709–1711. М., 1900. С. 234.

ПСРЛ. М., 1949. Т. 25. С. 171.

143

Ненарокомова И. С. Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1987. С. 193.

Там же. С. 194.

145

См. Сизов Е.С. «Воображены подобия князей.». Л., 1969.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь: обряды, представления, повседневность (на материалах Москвы XIV–XVII вв.) / Культура памяти. Сб. научных статей. М., 2003. С. 141–187.

147

Студенкин Г. И. Романовы. С. 14.

148

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь. С. 141–187 со ссылкой на Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. V. Записки Маскевича. СПб., 1834. С. 70.

149

Сизов Е. С. Еще раз о трех «неизвестных» гробницах Архангельского собора // ГММК МИ. Т. I. М., 1973. С. 91–92.

150

ПСРЛ. Т. 34. С. 24.

151

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1365–1366.

152

Там же.

153

По материалам сайта: http://wikimediafoundation.org (дата обращения – 12.02.2009).

Михайлов К. П. Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 137.

155

Там же.

Львовская летопись // Серия «Русские летописи». Рязань, 1999. Т. 4. С. 288.

157

Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований в 4 т. Т. 1. История усыпальницы и методика исследования захоронений. М., 2009. С. 12–13.

Студенкин Г. И. Романовы. С. 6.

Михайлов К. П. Уничтоженный Кремль. М., 2007. С. 148–149.

Студенкин Г. И. Романовы. С. 12–13.

161

Панова Т. Д. Опыт изучения некрополя Московского Кремля // Московский некрополь: Материалы научно-практической конференции: история; археология; искусство; охрана. М., 1991. С. 102–104.

162

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1366–1367.

См.: Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

См.: Панова Т. Д. Та самая царская невеста // Наука и жизнь. 2006. № 3. Сайт: http://www.nkj.ru (дата обращения – 20.05.2009).

165

См.: Панова Т. Д. Благоверная и любезная царица Ирина // Наука и жизнь. 2004. № 8; Панова Т. Д. Дети Средневековья. Мария – дочь князя Владимира Старицкого // Наука и жизнь. 2006. № 6; Панова Т. Д. Средневековая Русь: яды как средство сведения счетов // Наука и жизнь. 2006. № 8; Панова Т. Д., Синицына Н. П. Вознесенский некрополь Кремля // Наука и жизнь. 2007. № 11. Сайт: http://www.nkj.ru (дата обращения – 20.05.2009).

166

Панова Т. Д. Благоверная и любезная царица Ирина.

167

Там же.

168

Панова Т. Д. Средневековая Русь: яды как средство сведения счетов.

169

Панова Т. Д. Дети Средневековья. Мария – дочь князя Владимира Старицкого.

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах. С. 160.

171

Пчелов Е. В. Романовы: история династии. С. 36.

По материалам официального сайта Новоспасского монастыря: www.spasnanovom.ru (дата обращения – 02.06.2009).

173

Студенкин Г. И. Романовы. С. 5.

174

См.: Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 5. М., 1791. С. 293–306; Бергман В. История Петра Великого / пер. с нем. Е. Аладьина. СПб., 1833. С. 308–311; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 3. СПб., 1858. С. 262–270.

175

Бергман В. История Петра Великого. С. 310.

Корб И.-Г. Дневник путешествия в Московию. 1698–1699. СПб., 1906. Сайт: http://www.vostlit (дата обращения – 30.03.2010).

Шаханов А. Адмирал Федор Головин. Сайт: http://www.navy.ru (дата обращения – 29.03.2009).

178

Там же.

179

Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. / пер. с польск. С. Л. Пташицкого // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 139–161.

Castrum Doloris – лат. Замок скорби.

181

См.: Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал. С. 491–505.

182

Архимандрит Августин. Православный Петербург в записках иностранцев. С. 284.

183

Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 г. С. 153–154.

184

Там же.

185

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1641–1642.

Там же.

187

Там же. С. 1644–1645.

Там же. С. 1652.

189

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. С. 204.

190

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 1. С. 1149.

191

Древняя российская вивлиофика. Ч. 4. С. 352–367.

192

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 1. С. 1158–1159.

193

Студенкин Г. И. Романовы. С. 16.

194

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1336.

195

Там же.

Гендриков В. Б. Траурные церемонии в Петропавловском соборе. С. 307; Берташ А. Е. Петропавловский собор. С. 6.

Нарышкина Н. А. Жизнь моя – музеи. С. 79.

198

Гендриков В. Б. Траурные церемонии в Петропавловском соборе. С. 313.

199

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 103. 1732. Л. 103, 103 об.

200

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах. С. 162–163.

201

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1342–1343.

Молин Ю. А. Романовы: путь на Голгофу. С. 59.

203

РГИА. Ф. 470. Оп. 5. Д. 103. 1732. Л. 103, 103 об.

Павлова Н. Ю. История строительства придела во имя Святой Великомученицы Екатерины // Краеведческие записки: Исследования и материалы. Вып. 6 / Гос. музей истории С.-Петербурга. СПб., 1998. С. 292–294.

205

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1408.

206

Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал. С. 496.

207

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1456–1457.

Павленко Н. И. Петр Великий. С. 406.

209

Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. С. 287–289.

210

Троицкая церковь была построена около 1710 г. рядом с Петропавловской крепостью на Петербургской (ныне – Петроградской) стороне. В перестроенном виде сохранялась до 1933 г., когда ее окончательно снесли.

211

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1. Л. 50.

212

См.: Хьюз Л. Петр Первый: у истоков великой империи. С. 264–265.

213

См.: Павленко Н. И. Петр Великий. С. 350–352.

214

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1656–1660.

215

Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича. С. 405.

216

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Фридриха-Вильгельма Берхгольца. С. 9–324.

217

Семевский М. И. Царица Прасковья. С. 272

218

Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал. С. 497.

219

См.: Павлов А. М. Описание Свято-Троицкой Александро-Невской лавры с хронологическими списками особ, погребенных в церквах и на кладбищах лаврских. СПб., 1842. С. 65. Царица Прасковья оказалась похоронена в общем склепе с дочерью Екатериной Иоанновной герцогиней Мекленбургской (умерла 24.06.1733 г.) и внучкой правительницей Анной Леопольдовной (умерла 07.03.1746 г.). В той же церкви находится могила сестры царицы княгини Настасьи Ромодановской (умерла 02.09.1736 г.).

220

Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал. С. 499.

Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича. С. 325–436.

Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал. С. 491–505.

223

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1354–1355.

Архимандрит Августин. Православный Петербург в записках иностранцев. С. 17.

Мардефельд Г. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе. С. 175–414.

Кампредон Ж. де. Дипломатическая переписка французского полномочного министра. С. 413–443.

Бассевич Г.-Ф. Записки графа Бассевича.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Ч. 9.

Молин Ю. А. Романовы: путь на Голгофу. С. 110–112.

230

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 3–4.

231

ПСЗ. Собрание первое. Т. 7 (1723–1727). № 4641, 4642. С. 409–410.

Возгрин В. Е. Год 1725. С. 89.

233

Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Ч. 9. С. 211.

Инструкции и артикулы военные. С. 355.

Молин Ю. А. Романовы: путь на Голгофу. С. 110–112.

Там же. С. 110–112.

Там же. С. 68.

Мардефельд Г. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе. С. 261.

239

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. С. 266–272.

240

Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал. С. 503.

241

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 20.

242

См. напр.: Из Флоренции: о смертельной болезни Дьюка Тосканского // Санкт-Петербургские ведомости. 1723. № 8. 30 октября; Из Парижа: о смерти Дьюка Тосканского // Санкт-Петербургские ведомости. 1723. № 10. 2 ноября; Из Парижа: о смерти старшего сына князя Туринского и предполагаемых похоронах // Санкт-Петербургские ведомости. 1723. № 11. 4 ноября; Из Версаля: о трауре королевы на неделю по смерти принца Туринского // Санкт-Петербургские ведомости. 1723. № 13. 2 ноября; Из Мадрида: о смерти и похоронах испанского короля // Санкт-Петербургские ведомости. 1724. 6 ноября.

243

Труворов А. Н. О санях, употреблявшихся при погребении. С. 836–841.

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 40.

245

Пилявский В. И. Петропавловская крепость. С. 108.

246

Архив СПБИИ РАН. Коллекция 238. Оп. 2. № 253/12.

247

Цит. по: Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал. С. 502.

248

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 41.

249

Вид «Печальной залы» с гробом Петра I. А. И. Ростовцев по рисунку М. Г. Земцова по инвенции Н. Пино. Гравюра резцом. Продольная стена «Печальной залы» С. М. Коровин по рисунку М. Г. Земцова по инвенции Н. Пино. Гравюра резцом, офорт, 1725.

250

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 53–54.

Там же. С. 54–55.

Там же. С. 55–56.

253

Изображение Самсона помещено на южных вратах иконостаса Петропавловского собора – усыпальницы российских императоров. Фонтан «Самсон, разрывающий пасть Немейскому льву» стал главным украшением летней императорской резиденции Петергофа и т. д.

254

Один из сыновей Ноя, от которого, по легенде, произошли и славянские племена. Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 56–57.

255

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 57–58.

Пилявский В. И. Петропавловская крепость. С. 108.

257

Мотрэ О. де ла. Из Путешествия // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 211–212.

Мардефельд Г. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе. С. 255.

259

Вильбуа Н. П. Рассказы о русском дворе. № 1. С. 151.

Мардефельд Г. Донесения прусского королевского посланника при русском дворе. С. 255.

261

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. С. 270.

Там же. С. 270.

263

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 24–25.

Там же. С. 25.

265

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. С. 272.

Петров Н. П. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях 1703–1782. СПб., 2004. С. 225.

267

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 28.

268

Описание порядка, держанного при погребении. Петра Великого. и. Цесаревны Натальи Петровны. С. 1–25.

269

Описание погребения. императора Николая I. С. 33.

Вилинбахов Г. В. История Российского герба и флага. СПб., 2004. С. 40–44.

271

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 30.

Описание погребения. императора Николая I. С. 44.

Указатель имен // Повседневные записки делам князя А. Д. Меншикова 1716–1720, 1726–1727 гг. / публ. С.Р. Долговой и Т. А. Лаптевой. М., 2000. С. 607–638 // Рос. архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII – XX вв. Т. 10. Сайт: http://www.runivers.ru (дата обращения 02.03.2010).

Половцев А. А. Русский биографический словарь. Т. 21. С. 20

275

Вебер Ф.-Х. Записки Вебера о Петре Великом. Т. 2. С. 1342–1343.

Котошихин Г. К. О России, в царствование Алексея Михайловича. С. 16.

Шокарев С. Ю. Русский средневековый некрополь.

Берхгольц Ф.-В. Дневник камер-юнкера Ф.-В. Берхгольца. С. 163–171.

279

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 98.

Возгрин В. Е. Год 1725. С. 92.

281

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 106–108.

Голиков И. И. Деяния Петра Великого. Ч. 9. С. 238.

283

Цит. по: Русская литература XVIII века. 1700–1775: хрестоматия / сост. В. А. Западов. М., 1979. С. 53–55.

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 113.

285

Мотрэ О. де ла. Из «Путешествия.» // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 212–213.

Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор. С. 39.

287

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 182

Кашин Н. И. Поступки и забавы императора Петра Великаго. С. 21.

289

Студенкин Г. И. Романовы, царствующий дом Российской империи.

290

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 258. Л. 94.

291

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах. С. 161.

См.: Косолапов Б. А. О проектах монумента Петру I в Петропавловском соборе и работе над мозаичной картиной «Полтавская баталия» // Советское искусствознание'83. Вып. 1(18). М., 1984. С. 266–282; Крашенниников А. Ф. О проекте памятника Петру Великому // Краеведческие записки. Вып. 2. 1994. С. 174–177; Логунова М. О. Могила Петра Великого // Мир человека. Т. 11, № 3. 2009. С. 88–104. Для этого проекта в 1762–1764 гг. была создана мозаичная картина «Полтавская баталия» (автор эскиза и подготовительной картины маслом К.-Л. Христинек), в настоящее время находится в АН РФ, СПб.

293

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах. С. 160–168.

294

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1. Л. 1.

295

Диариуш пути из Вильно в Петербург и пребывания в нем его светлейшей милости господина Сапеги, старосты Бобруйского, а теперь фельдмаршала Российских войск. // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 192–210.

296

ОР РНБ. Ф. 712. Собрание рисунков. № 1480. Неизвестный художник. 1725 г. Бумага, тушь, акварель.

297

Архив Санкт-Петербургского ИИ РАН. Коллекция 238. Русская секция. Коллекция Н. П. Лихачева. Оп. 2. Картон 253. Д. 12.

Там же. Л. 1.

Там же. Л. 2.

300

Никитин И. Н. Петр I на смертном ложе. 1725. Холст, масло. Гос. Рус. музей. СПб. Инв. № Ж-4907.

301

Таннауер И.-Г. Портрет Петра I на смертном ложе. 1725. Холст, масло. Гос. Эрмитаж. СПб. Инв. № ЭРЖ-1819.

302

Подробный словарь русских граверов Т. I / сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1895. Ст. 321–322.

303

Семевский М. И. Тайный сыск Петра I. Смоленск, 2000. С. 234–236.

304

Мыши кота погребают. Конец XVII – начало XVIII в. Оттиск 1760-х гг. Раскрашенная гравюра на дереве. РНБ. ОЭ. Собрание М. П. Погодина.

305

«Мыши кота погребают». См.: Подробный словарь русских граверов. Т. I / сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1895. Ст. 233–234.

306

24 февраля 1725. О сделании золотых и серебряных медалях для раздачи в память императора Петра I по рисункам Я. В. Брюса // ПСЗ. Собрание первое. Т. 7 (1723–1727). № 4665. С. 426.

307

Там же.

308

Описание порядка, держанного при погребении. Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и. Государыни Цесаревны Натальи Петровны. С. 25.

309

Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал. С. 502–503.

310

«Восковая персона» Петра I. Скульптор Б.-К. Растрелли. 1725. Дерево, воск, металл, эмаль. ГЭ, СПб.

311

Воронихина Л. Н. Государственный Эрмитаж. СПб, 2002. С. 349–350; Маска Петра I. Скульптор Б. К. Растрелли. 1719. Воск. ГЭ, СПб.

Цит. по: Региональная коллекция Ярославской области. Сайт: http://collection.edu.yar.ru (дата обращения – 09.04.2010).

313

Несмеянова И. И. Управление императорским двором в XIX веке // Вестник Челябинского университета. 1998. № 1. С. 59–66.

314

РГИА. Ф. 469. Придворная контора Министерства императорского двора; Ф. 470. Гоф-интендантская контора Министерства императорского двора; Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора; Ф. 473. Церемониальная часть Министерства императорского двора; Ф. 516. Камерфурьерские журналы.

315

ПСЗ. Второе собрание. Т. 1 (12.12.1825–1826). № 541. С. 896–897.

Управление делами президента Российской Федерации. Официальное Интернет-представительство. Сайт: http:// www.udprf.ru (дата обращения – 13.03.2010).

317

См.: РГИА. Ф. 473.

318

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205.

319

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 828. 1825–1894.

320

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 260. Л. 14–15.

321

ПСЗ. Первое собрание. Т. 7 (1723–1727). № 4643. С. 410.

Там же. № 4644. С. 410–411.

323

Там же. № 4646. С. 412.

Там же. № 4647. С. 412–413.

325

Там же. № 5007. С. 788–791.

ПСЗ. Первое собрание. Т. 6 (1720–1722). № 3893. С. 496–497.

327

ПСЗ. Первое собрание. Т. 7 (1723–1727). № 5071. С. 791.

328

2 8 января 1730. Указ из Верховного Тайного Совета об учреждении входа Ея величества государыни царевны Анны Иоанновны в Москву // ПСЗ. Первое собрание. Т. 8 (1727–1732). № 5497. С. 246; 28 января 1730. Указ из Верховного Тайного Совета. О поставлении подвод для шествия Ея Величества от Лифляндской границы к Москве // Там же. № 5498. С. 246.

329

ПСЗ. Первое собрание. Т. 8 (1727–1732). № 5499. С. 246–247.

Там же. № 5500. С. 247.

Там же. № 5501. С. 247.

332

ПСЗ. Первое собрание. Т. 15 (1758 – 28 июня 1762). № 11390. С. 875.

333

ПСЗ. Первое собрание. Т. 24 (6 ноября 1796–1797). № 17570. С. 1.

ПСЗ. Первое собрание. Т. 26 (1800–1801). № 19779. С. 583–584.

335

ПСЗ. Первое собрание. Т. 40 (1825). № 30592. С. 616–617.

336

ПСЗ. Второе собрание. Т. 30, ч. 2 (1855). № 29043. С. 161–162.

337

ПСЗ. Третье собрание. Т. 1 (1 марта – 31 декабря 1881). № 1. С. 1.

338

ПСЗ. Третье собрание. Т. 14 (1894). № 11014. С. 625–626.

339

ПСЗ. Первое собрание. Т. 15 (1758 – 28 июня 1762). № 11391. С. 875–876.

Там же. № 11394. С. 880.

341

ПСЗ. Третье собрание. Т. 1 (1 марта – 31 декабря 1881). № 2. С. 1.

342

ПСЗ. Первое собрание. Т. 26 (1800–1801). 1830. № 19779. С. 583–584.

343

ПСЗ. Второе собрание. Т. 30. Ч. 2 (1855). № 29043. С. 161–162.

344

О мученической кончине царя Освободителя и последние минуты жизни его. Перенесение тела в Бозе почившего государя императора Александра Николаевича из Зимнего дворца в Петропавловский собор и погребение его. СПб., 1881. С. 15.

345

ПСЗ. Второе собрание. Т. 1 (12 декабря 1825–1826). № 457. С. 457.

ПСЗ. Второе собрание. Т. 3 (1828). № 2370. С. 931–932.

347

ПСЗ. Второе собрание. Т. 35, ч. 2 (1860). № 36228. С. 174–175.

348

ПСЗ. Второе собрание. Т. 55, ч. 1 (19 февраля 1880 – 28 февраля 1881). № 60965. С. 279–280.

349

ПСЗ. Первое собрание. Т. 7 (1723–1727). № 4637. С. 408.

Там же. № 4638. С. 408.

351

Там же. № 4641. С. 409.

Там же. № 4642. С. 409–410.

353

Там же. № 4645. С. 411–412.

ПСЗ. Первое собрание. Т. 11 (1740–1743). 1830. № 8263. С. 277–280.

Там же. № 8264. С. 280.

Там же. № 8265. С. 280–281.

357

Там же. № 8266. С. 281.

Там же. № 8292. С. 305–306.

359

См. РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Д. 1–94. Печальные комиссии по погребению Александра I, Николая I и других членов императорской семьи.

360

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 8 об.

361

Указ императора Петра III от 25 декабря 1761 г. Об учреждении комиссии для погребения Елизаветы Петровны и о содействии комиссии в ее работе.

362

ПСЗ. Первое собрание. Т. 24 (6 ноября 1796–1797). № 17537. С. 2.

Там же. № 17537. С. 2.

ПСЗ. Первое собрание. Т. 26 (1800–1801). № 19780. С. 584.

ПСЗ. Второе собрание. Т. 3 (1828). № 2371. С. 932.

366

ПСЗ. Второе собрание. Т. 30, ч. 2 (1855). № 29045. С. 162.

367

ПСЗ. Первое собрание. Т. 40 (1825). № 30597. С. 623–624.

368

Указ императора Петра III от 25 января 1762 г.

369

ПСЗ. Первое собрание. Т. 24 (6 ноября 1796–1797). № 17537. С. 2.

370

ПСЗ. Первое собрание. Т. 26 (1800–1801). № 19.780. С. 584.

371

ПСЗ. Первое собрание. Т. 40 (1825). № 30597. С. 623–624.

ПСЗ. Второе собрание. Т. 3 (1828). № 2371. С. 932.

ПСЗ. Второе собрание. Т. 30, ч. 2 (1855). № 29045. С. 162.

ПСЗ. Первое собрание. Т. 24 (6 ноября 1796–1797). № 17537. С. 2.

375

ПСЗ. Первое собрание. Т. 26 (1800–1801). № 19780. С. 584.

Половцев А. А. Русский биографический словарь. Т. (Щапов-Юшневский). С. 353.

377

ПСЗ. Первое собрание. Т. 24 (6 ноября 1796–1797). № 17537. С. 2.

378

ПСЗ. Первое собрание. Т. 26 (1800–1801). № 19780. С. 584.

ПСЗ. Второе собрание. Т. 3 (1828). № 2371. С. 932.

380

ПСЗ. Первое собрание. Т. 26 (1800–1801). № 19780. С. 584.

381

ПСЗ. Первое собрание. Т. 40 (1825). № 30597. С. 623–624.

ПСЗ. Второе собрание. Т. 3 (1828). № 2371. С. 932.

383

ПСЗ. Второе собрание. Т. 30, ч. 2 (1855). № 29045. С. 162.

384

Дата смерти и захоронения дается по эпитафии на могиле в Петропавловском соборе. См.: Веревкин М. С. Краткое описание придворного Петропавловского собора в С.-Петербургской крепости. СПб., 1913 // Петропавловская крепость: страницы истории. СПб., 2001. С. 141–163.

385

Описание погребения. императора Николая I. С. 23–24.

386

ПСЗ. Первое собрание. Т. 11 (1740–1743). № 8262. С. 276.

387

Тютчева А. Ф. При дворе двух императоров. С. 133–134.

Там же. С. 133–134.

389

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 258. 1848. Л. 94.

390

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 189.

391

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 5, 18, 18 об.

392

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 2, 3.

393

ПСЗ. Первое собрание. Т. 15 (1758 – 26 июня 1762). № 11398. С. 882.

394

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 4.

395

См., например, РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 25. 1761. Правила ношения траура по членам императорской фамилии; Д. 68. 1831. Правила о наложении траура; Д. 220. 1846. О наложении траура.

396

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 187. Л. 41, 41 об.

397

Там же.

398

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 197. Л. 7.

399

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 197. Л. 9.

Там же. Л. 8.

401

ПСЗ. Первое собрание. Т. 12 (1744–1748). № 9286. С. 546.

402

О запрещении носить траурную ливрею после дня погребения / Указ Елизаветы Петровны от 1 сент. 1746 г. М., 10 сент. 1746.

403

ПСЗ. Первое собрание. Т. 15 (1758 – 26 июня 1762). № 11398. С. 882.

404

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 200.

405

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 200. Л. 6.

Там же. Л. 6 об.

407

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 200. Л. 7.

Там же. Л. 7 об.

409

ПСЗ. Второе собрание. Т. 30, ч. 2 (1855). № 29048. С. 164.

Там же. № 29077. С. 181–182.

411

ПСЗ. Второе собрание. Т. 35, ч. 2 (1860). № 36233. С. 176.

412

Санкт-Петербургские ведомости. 1860. № 231. 25 октября.

413

Кончина и погребение в Бозе почившей государыни Императрицы Марии Александровны великой матери русской земли. М., 1880. С. 15.

ПСЗ. Первое собрание. Т. 11 (1740–1743). № 8277. С. 292.

415

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 5.

416

См.: Шереметев Н. П. Дежурства при императрице Екатерине II. Ноябрь и декабрь 1796. СПб., 1896; РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 24, 24 об.

417

Древняя российская вивлиофика. Ч. IV. СПб. 1774. С. 352–367.

Там же. С. 365.

419

Нарышкина М. О. (1741–1800) (урожд. Закревская) – жена обер-шталмейстера Л. А. Нарышкина, дочь малороссийского генерального обозного Осипа Лукьяновича Закревского и жены его Анны Григорьевны, урожденной Разумовской. С 1755 г. – фрейлина, с 5 апреля 1797 г. – статс-дама. Пользовалась все время расположением императрицы Екатерины II и императора Павла I.

420

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. 1796. Л. 38–47 об.

421

Там же. Л. 78 об.

422

Копосов Степан (1769-182?) – петербургский купец первой гильдии, коммерции советник и откупщик, жертвователь при сооружении Казанского собора, в котором он был старостой.

423

РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 16. Дела Печальной комиссии по императору Александру I. Об орденах, данных купчинам Сергееву, Куприянову и Вахрушеву.

424

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л.

425

Путеводитель по С.-Петербургу. Образовательные экскурсии. СПб.: Издание С.-Петербургского городского общественного управления. 1903. Репринтное издание. Л.: СП Икар, 1991. С. 13.

426

Посмертная маска Александра I. По оригиналу 1825. Гипс. ГИМ, инв. № ИЗО-94559/ИIV-1622 // Александр I. Сфинкс, не разгаданный до гроба: каталог выставки. С. 169, 257.

427

Скульптор П. Клодт фон Юргенсбург.

428

Подлинник хранится в музее Российской Академии художеств СПб. Маска снята М. Чижовым.

Палеолог М. Александр Второй и Княгиня Юрьевская. М., 2007.

430

ГАРФ. Ф. 678. Оп. 1. Д. 1101. Л. 2. Император Александр II в гробу. 1881. Фотограф С. Л. Левицкий.

431

ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1304. Л. 1 Император Александр III на смертном одре. Ливадия. 20 октября 1894. Фотограф Орлов.

Александр I. Сфинкс, не разгаданный до гроба. С. 167–168.

433

Руска Франц Иванович (Руско) – архитектор ведомства Кабинета Его Величества (род. в 1785), возможно, брат известного Луиджи Руска.

Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор. С. 126.

435

Сказание о венчании русских царей и императоров / сост. П. П. Пятницкий. М.: Типо-литография О. И. Лашкевич, 1896. С. 81–82.

436

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 258. 1848. Л. 39.

437

«Лихачев и сыновья». Фирма в Петербурге основана в 1794 г. Павлом Лихачевым и с тех пор поставляла двору церковное облачение. В 1859 г. Иван Лихачев получил звание «фабрикант Двора Е.И.В. золототканых и золотошвейных изделий Лихачев и сыновья». С 1868 г. дело продолжал в том же звании Михаил Иванович Лихачев: в 1883 г. – потомственный почетный гражданин, купец 1-й гильдии.

ПСЗ. Первое собрание. Т. 11 (1740–1743). № 30597. С. 623–624.

439

ПСЗ. Второе собрание. Т. 1 (12 декабря 1825–1826). № 1. С. 1.

Описание погребения. императора Николая I. С. 109.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1890–1907. Сайт: http://www. vehi.net (дата обращения – 25.08.2010).

442

Карл V Габсбург (1500–1558) – король Германии (римский король) с 1519 по 1520 г., император Священной Римской империи с 1520 (коронован 24 февраля 1530 г. в Болонье папой римским Климентом VII), король Испании (Кастилии и Арагона) с 1516 г. (под именем Карла I).

443

Описание погребения. императора Николая I. С. 8.

444

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 865. Л. 56.

445

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 162.

Манько А. В. Российская монархия: символика и атрибуты. Страницы истории и государственности. М.: Вече, 2005. С. 26–27.

447

См. Ленотр Ж. Повседневная жизнь Версаля при королях. М., 2003.

448

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 231. Л. 34.

449

Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 80–81.

450

Манько А. В. Российская монархия: символика и атрибуты. С. 27.

451

Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 81.

452

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 231. Л. 34 об.

453

Сказание о венчании русских царей и императоров. С. 80.

454

Феофан Прокопович. Краткая повесть о смерти Петра Великого. С. 92–93.

455

Описание погребения. императора Николая I. С. 110–111.

Описание погребения. императора Николая I. С. 111.

457

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 258. Л. 41.

458

Описание погребения. императора Николая I. С. 110.

459

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186.

460

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 189. Л. 8 об.

461

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 14 об.

462

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 200. Л. 13, 13 об.

463

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 20, 20 об.

Описание погребения. императора Николая I. С. 109.

465

ПСЗ. Первое собрание. Т. 25. № 18790. С. 486.

Описание погребения. императора Николая I. С. 67–68.

467

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 258. Л. 42 об.

Там же.

469

Там же. Л. 42.

470

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 865. Л. 56 об.

471

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 162, 162 об.

472

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 258. Л. 43.

473

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 162, 162 (об.).

РГИА. Ф. 516. Оп. 1/28/1618. Д. 130.

475

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835.

Русский инвалид. СПб., 1860. № 232. 27 октября.

477

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 349. Л. 28.

478

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 182. Л. 9 об.

479

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 3.

БолотовА.Т. Памятник претекших времен, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах: записки очевидца: воспоминания, дневники, письма. М., 1990. С. 240–243.

481

РГИА. Ф. 473. Ф. 3. Д. 205. Л. 7, 8.

482

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 3, 3 об.

483

Шереметев Н. П. Дежурства при императрице Екатерине II. С. 40.

484

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 8.

485

Трубецкой П. Н. Заметки в календаре в 1762 году. С. 444.

486

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 19 об., 20.

487

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–3 об.

Рюльер К. К. История и анекдоты революции в России в 1762 г. // Мыльников А. С. «Он не похож был на государя.» С. 657.

489

Палеолог М. Александр Второй и Княгиня Юрьевская. М., 2007. С. 149.

490

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 231. Л. 2, 2 об.

491

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 4.

492

Церемониал Высочайше конфирмованный Его императорским Величеством // Шереметев Н. П. Дежурства при императрице Екатерине II. С. 37–42.

493

Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 72.

РГИА. Ф. 516. Оп. 1/28/1680. Д. 130. Л. 44.

495

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 24.

496

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 6.

Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры: век восемнадцатый, бриллиантовый. М., 2009. С. 139–140.

498

РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3912. Л. 78, 79.

499

Церемониал, Высочайше конфирмованный Его императорским Величеством; Повестка // Шереметев Н. П. Дежурства при Екатерине II. С. 40.

500

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202.

501

РГИА. Ф. 516, Оп. 1/28/1618. Д. 82. Л. 8, 8 об., 9.

502

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 17 об.

503

Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры. С. 383–385 со ссылкой на РГИА. Ф. 468. Оп. 2. Д. 1426. Л. 33.

504

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 206. Л. 1.

505

Кузнецова Л. К. Петербургские ювелиры. С. 383–385.

506

РГИА. Ф. 516. Оп. 1/28/1618. Д. 130. Л. 45–46.

Там же. Л. 79.

508

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 24, 24 об.

Скурлов В. В. Фаберже и его продолжатели // Сайт: /http:// skurlov.blogspot.com (дата обращения 20.08.2009).

Палеолог М. Александр Второй и Княгиня Юрьевская. С. 149.

511

Коварская С. Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском императорском дворе первой половины XIX в. // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой пол. XIX в.: Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: вторая междунар. науч. конф., 24–26 июня 2009 г.: тезисы докладов. М., 2009 г. С. 79–81.

512

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 1–3 об.

513

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 189.

514

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 2, 2 об.

515

Там же. Л. 72 об.

516

Церемониал, Высочайше конфирмованный Его императорским Величеством; Повестка // Шереметев Н. П. Дежурства при Екатерине II. С. 37–42.

517

Болотов А. Т. Памятник претекших времен. С. 240–243.

518

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 206. Л. 2.

Греч Н. И. Записки о моей жизни // Российский мемуарий. Сайт: http://fershal.narod.ru (дата обращения – 11.04.2010).

520

Официально: лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества полк. Полк вел свою историю от сформированного в 1704 г. боярином Т. Н. Стрешневым Драгунского Портеса полка. До 1733 г. переменил несколько наименований, с 1733 г. – лейб-кирасирский полк. В 1796 г. шефом полка стала императрица Мария Федоровна, полк стал именоваться лейб-кирасирским Ея Величества. В 1831–1855 гг. – наследника цесаревича, с 1855 г. шефом полка стала императрица Мария Александровна, с 1856 г. – лейб-гвардии Кирасирский Ея Величества полк, с 1894 г. – Ея Величества государыни императрицы Марии Федоровны. В военном обиходе полк именовался «Синими кирасирами», так как воротники, обшлага, погоны, выпушки, канты, околыш фуражек в униформе и конские чепраки были синего цвета, в отличие от красного – у Кавалергардского и лейб-гвардии Конного полков, и желтого – у лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, который назвали в обиходе «Желтыми кирасирами». Полк был расквартирован в Гатчине, откуда произошло еще одно обиходное название «Гатчинские кирасиры», в отличие от «Царскосельских кирасир», расквартированных в Царском Селе.

521

Кабинет «Фонарик» – зал во дворце в Павловске.

522

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 24, 24 об.

523

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 3 об.

524

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 189. Л. 8.

525

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 14, 14 об.

526

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 200. Л. 12 об., 13.

527

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 206. Л. 16 об., 17, 17 об.

528

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 214. Л. 18.

529

Там же.

Описание погребения. императора Николая I. С. 103–109.

531

РГИА. Ф. 473. оп. 3. Д. 865. Л. 55, 55 об., 56.

Праведная кончина Царя миротворца и погребение его. СПб., 1894. С. 16.

533

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 161, 161 об., 162.

Описание погребения. императора Николая I. С. 74.

535

РГИА. Ф. 516. Оп. 1/28/1618. Д. 130. Л. 44.

536

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 30.

537

Русский инвалид. СПб. № 232. 27 октября 1860 г.

538

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 349. Л. 28.

539

РГИА. Ф. 473. оп. 3. Д. 865. Л. 20.

540

Ритуал Печального кортежа. С. 50.

541

См., напр.: Екатерина II у тела императрицы Елизаветы Петровны. Нем. гравюра XVIII в.; Проект катафалка в Белом зале Зимнего дворца для похорон императора Александра I. Арх. О. Монферран. 1826 г.; катафалк для похорон императора Петра III и императрицы Екатерины II. Арх. В. Бренна. Гравюра. 1796 г.; Проект катафалка и балдахина для похорон императора Павла I. Арх. Дж. Кваренги. 1801 г.; Проект катафалка и балдахина в Петропавловском соборе для похорон императора Александра I. Арх. К. Росси. 1826 // Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор. С. 98–117; Неизв. литограф по рис. И. И. Шарлеманя. Парадный одр императора Николая I во время панихиды в Петропавловском соборе в присутствии августейшего семейства и двора. 1855 г. Литография с тоном; Боссе Г. Проект катафалка и балдахина для похорон императрицы Александры Федоровны. 1860; РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 221. 1828. Планы, следующие к церемониалу погребения императрицы Марии Федоровны. Л. 1–4.

Карнович Е. П. Любовь и корона // Сайт: http://az.lib.ru (дата обращения – 19.05.2009).

543

Ритуал Печального кортежа. С. 53–54.

Миролюбова Г. А. Последний путь… С. 165.

545

РГИА. Ф. 516. Оп. 1/28/1618. Д. 8. Л. 41–42.

546

РГИА. Ф. 516. Оп. 1/28/1680. Д. 130. Л. 42, 43.

547

Руска Франц Иванович (Руско) – архитектор ведомства Кабинета Его Величества (род. в 1785), возможно, брат известного Луиджи Руска. Приехав в Россию «каменных дел мастером», Руска и остался таковым: хотя он и именовался архитектором, но на это звание он не получал права от Академии художеств // Большая биографическая энциклопедия. Сайт: http://dic.academic.ru (дата обращения 23.08.2009).

Вульф А. Н. Дневник: любовный быт пушкинской поры. М., 1929. С. 424.

549

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 12, 13.

550

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 24 (об.).

551

Там же. Л. 25 об.

552

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 8–12.

553

Миролюбова Г. А. Последний путь. С. 172.

554

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 182. Л. 10.

Там же. Л. 10.

556

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 49, 50.

557

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 11.

558

Праведная кончина Царя миротворца и погребение его. С. 16.

559

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Высочайше утвержденный церемониал перенесения тела в Бозе почившего благочестивейшего государя императора Александра III.

560

РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 8. Л. 91.

561

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 16 об.

Последний император России // Сайт: http:// imperator.spbnews.ru (дата обращения – 02.12.2010)

563

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 15.

См., напр.: Высочайше утвержденные церемониалы для встречи и погребения тела Александра Павловича // Северная пчела. СПб., 1826. № 21. 18 февраля; Высочайше утвержденные церемониалы для встречи и погребения тела императрицы Елизаветы Алексеевны // Северная пчела. СПб., 1826. № 69. 10 июня; Высочайше утвержденный церемониал перенесения из Чесмы в Петропавловский собор тела в Бозе почившей государыни императрицы Александры Федоровны // Русский инвалид. СПб., 1860. № 232. 27 октября.

565

РГАДА. Ф. 931. Оп. 2. Д. 38. 1740. Дело о прокладке дороги по берегу реки Невы от почтовой пристани до Невских ворот в связи с предстоящими похоронами императрицы Анны Иоанновны. Л. 1–3.

566

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 6.

567

Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 91 об.

568

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 26.

569

См.: Русский художественный листок. 1855. № 12; Кончина и погребение. Императрицы Марии Александровны. М., 1880; О мученической кончине царя освободителя. Перенесение тела. государя императора Александра Николаевича из Зимнего дворца в Петропавловский собор и погребение его. СПб., 1881.

570

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 349. Л. 18.

571

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 214. Л. 2.

Там же. Л. 5–6.

Северная пчела. 1826. № 21. 18 февраля.

Северная пчела. 1826. № 69. 10 июня.

Русский инвалид. 1860 г. № 233. 28 октября.

Праведная кончина Царя миротворца и погребение его. С. 16.

577

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 19.

578

РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 8. Л. 238.

579

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 20.

Описание погребения. императора Николая I. С. 64.

581

Гордт де. Записки. С. 294–326.

582

См.: Описание погребения. императора Николая I; РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 828. Брошюры о погребении: 1825–1894.

583

См.: Описание погребения. императора Николая I.

584

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875.

585

Описание погребения. императора Николая I. С. 94.

См.: Басов А. Н. История военно-морских флагов. С. 56.

587

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 202. Л. 57.

Описание погребения. императора Николая I. С. 109.

589

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 160–162 об.

590

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 20 об.

591

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 134.

592

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 865. Л. 20 об.

593

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 83.

594

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 61.

Там же. Л. 74.

596

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 82 об.

597

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 835. Л. 33.

598

См. Описание погребения. императора Николая I. С. 113, РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 865. Л. 20 (об.), л. 56.

599

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 162 об.

600

Праведная кончина Царя миротворца и погребение его. СПб., 1894. С. 16.

601

Описание погребения. императора Николая I. С. 113.

602

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 186. Л. 8.

603

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 15 об., 16.

604

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 202. Л. 83, 83 об.

605

Описание погребения. императора Николая I. С. 116–117.

606

Праведная кончина Царя миротворца и погребение его. С. 16.

607

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 23.

608

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 865. Л. 164 об.

609

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 23.

610

Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор. С. 40.

611

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 193. Л. 18.

612

РГИА. Ф. 473. Оп. 1. Д. 200. Л. 16.

613

Описание погребения. императора Николая I. С. 119–122.

614

См. Кончина и погребение в Бозе почившей государыни Императрицы Марии Александровны великой матери русской земли. М., 1880.

615

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 865. Л. 48–59.

616

Описание погребения. императора Николая I. С. 120–121.

617

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 29–31.

618

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 23.

619

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 875. Л. 31.

620

Гендриков В. Б. Траурные церемонии в Петропавловском соборе. С. 314.

621

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах. С. 160–168.

622

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 205. Л. 23–25.

623

Музеи Московского Кремля. Инв. № МР-9164.

624

Музеи Московского Кремля. Инв. № МР-9165.

625

Музеи Московского Кремля. Инв. № МР-9166.

626

Коварская С. Я. Погребальные церемониал и регалии при Российском Императорском дворе первой половины XIX века // Верховная власть, элита и общество. С. 79–81.

627

РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 29. Л. 262 об.

628

РГИА. Ф. 472. Оп. 8. Д. 1. Л. 51–52.

629

РГИА. Ф. 516. Оп. 1/28/1618. Д. 130.

630

См.: Сарычева М. А. Смерть императора. Образ скорби в русском медальерном искусстве: создание памятных медалей на смерть российских императоров // Верховная власть, элита и общество. С. 176–178.

631

РГИА. Ф. 472. Оп. 2. Дела Печальных комиссии по погребению Александра I, Николая I и других членов императорской семьи.

632

РГИА. Ф. 473. Оп. 3. Д. 1. 1719–1836. Сведения о траурах, бывших при дворе.

633

Описание порядка, держанного при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостойнейшея памяти Всепресветлейшаго, Державнейшаго Петра Великого, Императора и Самодержца Всероссийского и блаженныя памяти Ея Императорского Высочества Государыни Цесаревны Натальи Петровны. СПб., 1725.

634

Неизвестный художник. Похороны Петра I. ОР РНБ. Ф. 712. Собрание рисунков. № 1480.

635

Неизвестный художник. Траурная процессия 2 декабря 1796 г. – перенос праха Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец. 1796. Бумага, наклеенная на ткань, акварель, гуашь, белила, тушь пером, свернута в рулон. 7 х 1580. ГЭ. Инв. № ЭРР-1027.

636

Траурный кортеж блаженной памяти его величества императора Александра I, Санкт-Петербург 13 марта 1826. СПб.: в тип. Плюшара, 1826.

637

Церемониал печальной процессии во время прибытия в столичный город Москву тела Государя Императора Александра I-го. М.: в тип. П. Кузнецова, Генваря 30 дня 1826.

638

Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых европейских государей. СПб., 1856.

639

См. Праведная кончина Царя миротворца и погребение его.

Логунова М. О. Петропавловская крепость. СПб.: Альфа-Колор, 2003.

641

Элькин Е. Н. Строительство Петропавловского собора // Краеведческие записки. Вып. второй. С. 76.

642

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах // Краеведческие записки. Вып. второй. С. 160.

643

См.: Косолапов Б. А. О проектах монумента Петру I в Петропавловском соборе и работе над мозаичной картиной «Полтавская баталия» // Сов. искусствознание' 83. выпуск 1 (18). М.: Советский художник, 1984. С. 266–282.

Пилявский В. И. Петропавловская крепость. Л.: Лениздат, 1967. С. 117.

645

Нарышкина Н. А. Жизнь моя – музеи. С. 79.

646

«Полтавская баталия» [автор эскиза и подготовительной картины маслом К.-Л. Христинек, 1732/33 – между 1792 и 1794], созданная в 1762–1764 гг. сейчас находится в Академии наук РФ, СПб.

Крашенниников А. Ф. О проекте памятника Петру Великому // Краеведческие записки. С. 174–177.

Свиньин П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. СПб.: В типографии В. Плавильщикова, 1818. С. 18.

649

Первые упоминания о деревне Рускеала встречаются в налоговых книгах 1500 г. Промышленная добыча Рускеальского мрамора началась после подписания Екатериной II указа Сената от 19 января 1768 г. Мрамор с реки Русколки в Сердобольском уезде Карелии шел на украшение третьего Исаакиевского собора. В настоящее время блочный карьер Рускеальского завода закрыт и Рускеала рассматривается как памятник индустриальной культуры (горного дела) конца XVIII – начала XX вв.

Элькин Е. Н. Надгробия на царских могилах // Краеведческие записки. Вып. второй. С. 161–166.

651

Гендриков В. Б., Пиратинская Д. Л. Праздники и церемонии в Петропавловской крепости // Петропавловская крепость. Страницы истории. СПб., 2001. С. 389.

652

Образы Петербурга. Из собрания Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 64–65.

653

Путеводитель по С.-Петербургу. Образовательные экскурсии. СПб.: Издание С.-Петербургского Городского Общественного Управления. 1903. Репринт. Л.: СП Икар, 1991. С. 13.

654

Альбом: 200-летнего юбилея императора Петра Великого. 1672–1872. СПб.: изд. Германа Гоппе, 1872. С. 280–285.

655

Веревкин М. С. Краткое описание Придворного Петропавловского собора. СПб.: тип. Редакции период. изданий Министерства финансов, 1913. С. 15–16.

Путеводитель по С.-Петербургу. 1903. С. 13–15.

657

См.: ГизеМ.Э. Художественная резная кость в интерьере Петропавловского собора // Краеведческие записки. С. 171–173.

658

Свиньин П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. С. 16.

659

Сборник: Петропавловская крепость. Страницы истории. С. 349.

Гендриков В. Б., Сенько С. Е. Петропавловский собор. С. 144.

661

Андрианова Л. В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы // сб.: Краеведческие записки. С. 317.

Пилявский В. И. Петропавловская крепость. С. 128–129.

Борисов В. Е. Полтавская битва, 1709–1909. СПб., 1909. С. 3.

Нарышкина Н. А. Жизнь моя – музеи. С. 92.

665

Альбачини Карло (Albacini Carlo) [1735 (Рим) – 1813 (Рим)] – итальянский скульптор, реставратор. Ученик известного реставратора и дилера Б. Кавачеппи. Занимался реставрацией античных памятников для известных коллекционеров, в том числе Фридриха II Кассельского, Екатерины II, кардинала Х.-Н. де Асара. Поставлял через агента Екатерины II И. Ф. Рейффенштейна скульптуру в Россию.

666

Юрий Сергеевич Тюкалов родился 4 июля 1930 г. в Ленинграде. Коренной петербуржец, награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд» и орденом Трудового Красного Знамени. Почетный гражданин Санкт-Петербурга. Выдающийся спортсмен, один из сильнейших гребцов мира, двукратный Олимпийский чемпион, шестикратный чемпион Европы, многократный чемпион Советского Союза, заслуженный тренер РФ. В 1957 г. окончил факультет художественной обработки металла ВХПУ им. В. И. Мухиной. 35 лет Ю. С. Тюкалов работал в Худ. фонде России. Выполненные скульптором работы входят в экспозиции ряда музеев страны и мира.

См.: Логунова М. О. Могила Петра Великого // Мир человека. 2009. Т. 11. № 3. С. 88–104; Логунова М. О. Бюст Петра Великого в Петропавловском соборе: к истории создания // История Петербурга. 2009. № 3 (49). С. 35–40.

668

Савва Лукич Рагузинский-Владиславич, граф Рагузинский или Иллирийский (1668–1738) – выдающийся российский дипломат. По национальности серб, потомок герцеговинских князей Владиславичей. С 1720 г. – посланник российского императора в Ватикане. Поддерживал обучающихся в Италии русских художников и финансистов, покупал гондолы, научное оборудование, скульптуры для Летнего сада.

669

Андросов С. О. Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 76–78.

670

Летопись Петропавловской крепости. Т. 1. Текст. СПб.: ГМИ СПб., 2008. С. 50.

671

Рубан В. Г. Описание Санкт-Петербурга, кратчайшее синоптическое описание, от части же топографическое изображение, показующие о построении преименитаго, новаго в свете, царствующаго града Санкт-Петербурга новосочинившееся краткое сие описание трудами Андрея Богданова, императорской Академии наук при библиотеке помощника в Санкт-Петербурге. СПб., 1751. С. 318.

672

Санкт-Петербургские ведомости. 1733, 2 июля. № 53.

673

Летопись Петропавловской крепости. С. 61.

ПСЗ. Собрание первое. Т. 10. СПб., 1830. № 7314. С. 206.

Министерство Императорского двора.

Барабанова А. И. Причт Петропавловского собора / Краеведческие записки. Вып. 2. СПб.: Акрополь, 1994. С. 297.

677

Главное управление научными и научно-художественными учреждениями.

678

Андрианова Л. В. Петропавловская крепость – музей / Петропавловская крепость. Страницы истории. СПб.: Арт-Палас. 2001. С. 407.

Санкт-Петербургская митрополия. Сайт: www.mitropolia-spb.ru (дата обращения – 20.10.2010).